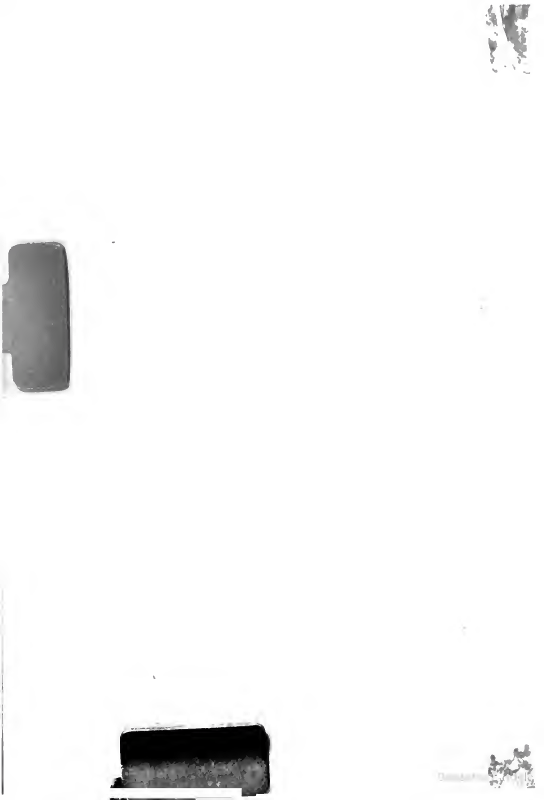
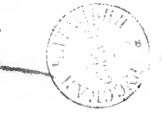

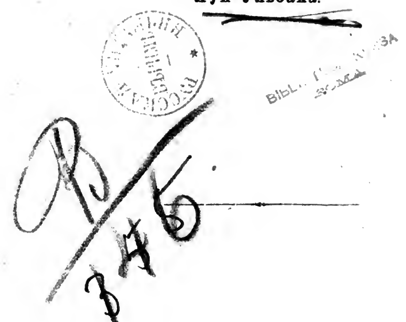
ПОЛИНА ФУКО̀

РОМАНЪ

Луи Ульбаха.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. И. Глазунова и комп.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 20 іюня 1861 года.

Исправляющій должность цензора С. Загибенинъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Баронесса де-Вилльморанъ жила въ 1841 году, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, въ нижнихъ покояхъ очаровательнаго маленькаго отеля въ улицѣ Курсель. Настоящій садъ съ настоящей тѣнью поддерживалъ вокругъ дома ту печальную свѣжесть, которая составляетъ одну изъ пріятностей Парижа. Госпожѣ де-Вилльморанъ было болѣе семидесяти лѣтъ и сыну ея было уже за тридцать. Стало-быть, жизнь ихъ была не шумная; но она также не была и грустна.

Мать была одна изъ добрыхъ маленькихъ старушекъ, забытыхъ восемнадцатымъ вѣкомъ и сохранившихъ на морщинистыхъ и сжатыхъ губахъ неизмѣнную улыбку эпохи граціи и волокитства. Не имѣя недуговъ, кромѣ свойственныхъ ея возрасту, который она заставляла забыть другихъ и о которомъ зато помнила сама, всегда одѣтая кокетливо, съ той опрятностью, которая ставится въ заслугу старикамъ, какъ и дѣтямъ, любезная ко всѣмъ, остроумная и живая, не обладая однако большимъ природнымъ умомъ, она нравилась какъ полустертая пастель, первоначальная гармонія которой чувствуется однако; она имѣла очарованіе тѣхъ старыхъ арій, которыхъ знаешь только отрывки и любишь иногда напѣвать ихъ; она располагала гораздо болѣе къ дружбѣ и улыбкѣ, нежели къ уваженію. Къ ней склонялись съ умиленіемъ, какое внушаетъ букетъ, когда-то яркій и сухіе листья котораго сохраняютъ еще остатокъ ихъ прежняго благоуханія.

Госпожа де-Вилльморанъ была въ молодости очень-хорошенькой: нѣсколько портретовъ ея, различнаго размѣра, единогласно доказывали это. Она признавалась, что была нѣжно любима, и, никогда не поддаваясь искушенію признаній, которыя, можетъ-статься, могли бы испугать жеманство—я хочу сказать, современное лицемѣрство—она вздыхала очень значительно, если ее разспрашивали, когда были написаны эти портреты. Одинъ изъ этихъ портретовъ, нѣжная и цѣломудренная пастель, несмотря на нагія плеча и розу, привлекавшую взоръ къ корсажу, былъ ея подарокъ господину де-Вилльморану. Двѣ горлицы, ворковавшія съ полураспростертыми крыльями въ лентахъ рамки, свидѣтельствовали, такъ же какъ и перевитыя буквы, совершенную законность этого сувенира. Другой миніатюрный портретъ, написанный во время эмиграціи кистью, болѣе любезной нежели опытной, какого-то виконта, очень-красиваго офицера въ арміи Конде, начиналъ рядъ незаконныхъ сувенировъ. Отъ пудры и мушекъ до китайской прически временъ возстановленія Бурбоновъ, включая сюда и греческія бандо и діадемы Директоріи и Имперіи, госпожа де-Вилльморанъ окружила всѣми модами свои воспоминанія, и видно было, что она позволяла любить себя со всѣми иперболами.

Какую роль игралъ де-Вилльморанъ посреди всѣхъ этихъ пастушескихъ исторій? Имѣлъ ли онъ право приходить отъ нихъ въ ярость? Или онъ ничего не зналъ о нихъ? или онъ испрашивалъ у философіи дѣйствительныхъ утѣшеній? Это было темнымъ пунктомъ. Вдова говорила о немъ безъ горечи, но также и безъ чрезмѣрнаго умиленія. Онъ имѣлъ свое мѣсто въ годовщинахъ, которыя добрѣйшая старушка праздновала въ извѣстные праздники; можетъ-быть, мѣсто не первое—между виконтомъ К***, кавалеромъ ***—и госпожа де-Велльморанъ посвящала ему, какъ и каждому изъ своихъ умершихъ друзей, особенный день въ году. Въ эти дни поминовенія бѣдная женщина, вся взволнованная, брала изъ ящика, посвященнаго этимъ нѣжнымъ сувенирамъ, перстень, браслетъ, табатерку, лорнетъ, ящичекъ для мушекъ, что-нибудь особенно-напоминавшее ей покойника, память котораго праздновалась въ тотъ день, и до вечера носила

или смотрѣла на трогательную эмблему. Эти воспоминательныя торжества возобновлялись не такъ часто, чтобы можно было заключить изъ этого о разсѣянной жизни баронессы; но ихъ было достаточно, чтобы составить довольно-богатое прошлое.

Мы сказали, что баронесса де-Виллъморанъ мало или вовсе не разсказывала объ этихъ мадригальныхъ годахъ; не то чтобы она стыдилась ихъ: она слишкомъ принадлежала къ восемнадцатому вѣку, чтобы раскаяваться въ томъ, что она была хороша и любима; но она имѣла тактъ своего возраста, не имѣя уже возраста красоты, а это замѣняетъ умъ. Притомъ она презирала немножко современные нравы, не прощала мужчинамъ грубыхъ сапоговъ, въ которыхъ они входили въ гостиную, и думала, что нашъ вѣкъ не заслуживаетъ быть посвященнымъ въ секреты ея вѣка.

У ней было много дѣтей, но остался только одинъ, послѣдній, родившійся нѣсколько поздно; онъ наслѣдовалъ всю праздную нѣжность изящной и состарѣвшейся женщины и послѣ смерти барона де-Виллъморана, умершаго вскорѣ послѣ рожденія этого сына, мать осталась вѣрна памяти супруга, или, скорѣе, она была вѣрна своему сыну. Замѣтили даже, что по странности, которую мы будемъ имѣть случай объяснить, она воспитала Гектора де-Виллъморана въ совершенной воздержности, и до тридцатилѣтняго возраста, который онъ уже перешелъ, она поставила себѣ за правило отстранять отъ него всякое искушеніе, опасаясь за взрослаго человѣка любви и ея послѣдствій съ такою же заботливостью, съ какою опасалась коклюша и прорѣзыванія зубовъ у ребенка.

Баронеса де-Виллъморанъ однако не сдѣлалась набожной. По выходѣ изъ монастыря, накапунѣ своей свадьбы, она очутилась, по своему рожденію и богатству, въ мірѣ порядочно-языческомъ; она принимала у себя за столомъ философовъ, но не очень ихъ слушала, находя ихъ вообще неопрятными и нелюбезными. Ея религіозное равнодушіе не было однако слѣдствіемъ сомнѣнія или размышленія; но она видѣла въ садахъ столько горлицъ на мраморныхъ алтаряхъ, она такъ часто слышала хвалы Венерѣ и Купидону, что готова была смѣшивать Олимпъ

съ религiей. Однако, съ нѣкоторыхъ поръ, хотя она не боялась смерти, мысли ея имѣли болѣе христiанскую наклонность. Миѳологiя линяла на атласѣ ея креселъ; она начинала вспоминать старыхъ настоятельницъ своего монастыря и, находясь въ ихъ лѣтахъ, думала о ихъ чёткахъ. Викарiй церкви святаго Филиппа былъ ей представленъ, и такъ-какъ онъ прекрасно игралъ въ вистъ, то она собиралась попросить у него разрѣшенiя своихъ грѣховъ.

Такова была баронесса де-Вилльморанъ—тѣнь, вырвавшаяся изъ Трiанона, прiятное и нѣсколько-суетное воспоминанiе; превосходная мать, преданный другъ, она никогда не плакала много сама и никогда не заставляла другихъ проливать слезы. Недостатки ея принадлежали ея вѣку, добродѣтели происходили отъ ея сердца. Молодые люди любили ее за ея снисходительность и за воспоминанiя, дышавшiя въ ней какъ душистый пепелъ внутри курильницы. Старики прощали ей отсутствiе набожности за ея великую благотворительность, а викарiй не отчаявался скоро заставить ее поставить вмѣсто портрета Вольтера, смѣющагося въ ея комнатѣ, прекрасное распятiе изъ слоновой кости на бархатѣ, которое онъ видѣлъ въ комнатѣ ея сына.

Гекторъ де-Вилльморанъ, эта послѣдняя любовь своей матери, былъ храбрый и добрый дворянинъ, образованный, разсудительный, здравомыслящiй, который, будучи не въ-состоянiи ѣхать въ Крестовые Походы и не желая вступить на дипломатическую карьеру, съ неистовствомъ предался изученiю бабочекъ. Преданный, доброжелательный, но не имѣя случая выказывать свою доброту и преданность, никогда не разстававшiйся съ матерью, никогда не служившiй, никогда не любившiй никого, кромѣ матери, онъ имѣлъ въ тридцать лѣтъ робость и стыдливость юноши; онъ былъ почти смѣшонъ въ глазахъ толпы, несмотря на свои серьёзныя и основательныя качества, которыя могли сдѣлать его предметомъ уваженiя и восторга. Тѣнь его старой матери мѣшала ему расцвѣсть на свободѣ. Онъ понялъ въ тѣ лѣта, когда покидаютъ материнскiй домъ, что если онъ уѣдетъ, онъ оставитъ позади себя почти смертельное одиночество. Ввести другую женщину въ эти ласковыя отношенiя глазъ-на-глазъ, которыя на-

чались отъ его рожденія—это значило разстроить необходимыя привычки, это значило вызвать бурю, а можетъ-быть также ревность и недовѣрчивость въ этомъ домѣ съ безмолвной улыбкой. Поэтому онъ поставилъ себѣ за долгъ уважать эгоизмъ баронессы, и страхъ, съ какимъ она всегда держала его въ отдаленіи отъ искушеній, показывалъ его мужественному разсудку обязанность, которую онъ долженъ былъ выполнять безропотно.

Скажемъ притомъ, что до того времени, когда начинается нашъ разсказъ, безропотная покорность была легка для Гектора. Не отъискивая любви, онъ не находилъ ее. Наука была его любовницей. Онъ раздѣлялъ свое время между книгами, курсами естественной исторіи и обожаніемъ своей матери. Это былъ человѣкъ общежительный, терпѣливый, улыбающійся, неутомимый, съ прямымъ умомъ, съ честною душою, съ пріятнымъ и основательнымъ сужденіемъ. Онъ вкусилъ плоды вѣка, котораго баронесса срывала только цвѣты. По природѣ серьёзный и глубокомысленный, онъ умѣлъ поддаваться всѣмъ ребячествамъ и, чувствуя въ себѣ мужественный умъ и зрѣлый разсудокъ, онъ не приходилъ въ нетерпѣніе оттого, что баронесса де-Вилльморанъ обращается съ нимъ какъ съ пятнадцатилѣтнимъ школьникомъ. Лицо у него было чистосердечное, открытое; голубые глаза, которые чистота его совѣсти наполняла свѣтомъ, привлекали ему сочувствіе другихъ. Губы были немножко-толстыя, но твердыя и крѣпкія. Онъ брился до-чиста для удовлетворенія предубѣжденій матери, которая не могла помириться съ большими современными бородами. Еслибы потребовали, чтобы онъ пудрилъ свои волосы, которые были у него довольно-длинны, онъ бы сдѣлалъ это. Его простая наружность мало его озабочивала. Онъ былъ символомъ спокойной и ясной силы; подъ вліяніемъ глубокой страсти, этотъ спокойный человѣкъ, съ матовымъ цвѣтомъ лица, съ солидными пріемами, могъ дойти до героизма. Онъ не былъ созданъ для лихорадочныхъ и эфемерныхъ привязанностей, но его нельзя было бы насильно столкнуть съ вершины, на которую онъ взобрался бы, хоть и медленно. Въ человѣческихъ борьбахъ такъ созданныя натуры не доби-

ваются перваго ряда, но никогда не остаются въ послѣднемъ; ихъ находятъ на прочной и плотной почвѣ неизмѣнной честности и безпрерывной преданности. Въ добротѣ этихъ людей есть всегда упрямство, и если они приняли на себя какую-нибудь роль, они продолжаютъ ее, несмотря ни на что, часто противъ воли тѣхъ, которыхъ сначала опасались.

Гекторъ не ронталъ никогда противъ того обѣта, который онъ самъ себѣ далъ. У него не было никакого святотатственнаго намѣренія. Это происходило однако не изъ презрѣнія къ его собственной молодости. Натура его была бы не полна, еслибы этотъ долгъ совершился безъ тайной жертвы. Иногда тѣнь неопредѣленной и побѣждаемой скуки скользила на его челѣ; иногда также быстрое пламя пробѣгало по его лицу; его подавленная юность вопіяла иногда внутри его и удивляла его добродѣтель. Но это было мимолетное возмущеніе его прекрасныхъ умирающихъ годовъ. Чаще всего онъ бывалъ твердъ и безстрастенъ; мать его, пользовавшаяся этой преданностью, не выставлявшейся на-показъ, съ лѣнивымъ эгоизмомъ существа изнѣженнаго и созданнаго для нѣжныхъ обожаній, мать его, любившая его для себя и неимѣвшая времени любить его для него, сравнивала его съ тѣми дворянами, которыхъ она когда-то украшала лентами, и говорила себѣ потихоньку, что кровь ея выродилась, что Гекторъ былъ очень послушенъ своему воздержному воспитанію и что странно имѣть такое побѣдоносное имя, быть сыномъ богини, столько разъ рисованной и воспѣтой, и такъ кротко обречь себя на изученіе чешуекрылыхъ. Добрая старушка сожалѣла объ этомъ благоразуміи, котораго она такъ сильно желала для его спокойствія; ей хотѣлось, чтобы барашекъ нѣсколько стряхнулъ веревку, на которой вели его, и, привыкнувъ къ этой покорности, она пугалась ее иногда какъ болѣзни.

Мать и сынъ жили въ большомъ уединеніи. Почти акклиматизированная англичанка, уже нѣсколько лѣтъ не думавшая оставлять Францію, занимала первый этажъ отеля. Каждый вечеръ лэди Фиц-Питерсъ, въ сопровожденіи молодой компаньйонки-француженки, приходила въ маленькую гостиную баронессы де-

Вилльморанъ; а когда появлялся старый другъ баронессы—мумія Купидона, странствующее изображеніе чувства, записаннаго въ надушенныхъ воспоминаніяхъ доброй старушки—когда являлся графъ де-Сен-Пааръ, жившій близехонько въ улицѣ Монсо, тогда ставили столъ для виста, требовавшаго содѣйствія терпѣливаго Гектора, если только викарій не приходилъ отъигрываться. Вистъ былъ важнымъ дѣломъ. Онъ возбуждалъ общій свирѣпый гнѣвъ. Графъ де-Сен-Пааръ былъ вѣтренникъ, котораго баронесса де-Вилльморанъ и лэди Фиц-Питерсъ навязывали одна другой въ партнеры. Онъ былъ непростительно-разсѣянъ, и напрасно несчастный пріискивалъ въ извиненіе какую-нибудь любезность: баронесса смѣялась надъ его комплиментами, а лэди Фиц-Питерсъ, бывшая въ такихъ лѣтахъ, что не могла совсѣмъ имъ не вѣрить, краснѣла отъ досады и дѣлалась несговорчивѣе оттого, что ее хотѣли сдѣлать сообщницей.

Лэди Фиц-Питерсъ была вдова адмирала; высокая и сложенная какъ «Музы» Рубенса, она обладала здоровьемъ смѣшно-крѣпкимъ; плотную наружность свою она прикрывала сентиментальнымъ видомъ самаго жеманнаго свойства. Слишкомъ огромная, чтобы быть хорошенькой, она была надѣлена полнотой, которую, къ сожалѣнію ея, она никакъ не могла уменьшить. Будучи такихъ пожилыхъ лѣтъ, что при ней не осмѣливались говорить легкомысленно о пятидесятилѣтнихъ женщинахъ, она имѣла особенную дѣтскую манеру пугаться, которая доводила ея ротъ до микроскопическихъ размѣровъ и придавала ея голосу невыразимую томность. Руки ея были очень-хороши; поэтому она часто закрывала ими лицо и находила удовольствіе перебирать толстые перстни на своихъ пальцахъ; бандо спускались до голубыхъ глазъ ея, которые отъ томнаго трепета безпрестанно поднимались и опускались отъ неба къ землѣ. Кожа, довольно-бѣлая, обязана была тайнамъ англійскаго туалета той блестящей гладкостью, которая напоминаетъ фаянсъ. Она всегда была надушена до чрезмѣрности и отъ нея несло запахомъ розоваго масла, который заставлялъ мечтать не о феяхъ, а о парикмахерской лавкѣ.

Лэди Фиц-Питерсъ пріѣхала во Францію, чтобы имѣть болѣе

возможности слѣдовать модамъ. Послѣ смерти адмирала, отсутствія котораго были приготовленіемъ къ ея вдовству, Антонія, приличнымъ образомъ исполнивъ обязаность Артемизы и положивъ въ весьма комфортэбельномъ мавзолеѣ тѣло своего супруга, безъ всякихъ угрызеній совѣсти рѣшилась перенести свои вздохи въ другую страну. Горничная, попугай, привезенный покойникомъ и пѣвшій «God save the king» такъ, что настоящая лэди могла сойти съ ума отъ зависти, компаньйонка для себя и для попугая—вотъ какова была свита лэди Питерсъ. До горничной намъ нѣтъ никакого дѣла; попугай есть принадлежность, дополненіе вдовы англійскаго адмирала; что же касается до компаньйонки, то мы будемъ имѣть столько случаевъ описывать ее во всѣхъ видахъ, во всѣхъ позахъ, что можемъ отложить до другой главы ея офиціальное представленіе.

Лэди Фиц-Питерсъ, казалось, очень нравилось сосѣдство баронессы де-Вилльморанъ. Каждый вечеръ, кромѣ воскресенья, которое англичане посвящаютъ національной скукѣ, ровно въ восемь часовъ величественная вдова и ея неизбѣжная компаньйонка звонили у дверей нижнихъ покоевъ. Въ ожиданіи четвертаго патнера для виста, Антонія заботливо освѣдомлялась о занятіяхъ мосьё Гектора и говорила о бабочкахъ съ скромнымъ знаніемъ женщины, слышавшей ихъ въ метафорѣ.

Старая баронесса улыбалась этой символической учености и имѣла твердо-установившееся мнѣніе объ акуратной привязанности, которую питала къ ней лэди Фиц-Питерсъ; она приписывала эту заслугу своему сыну, довольно красивому, довольно богатому, довольно знатному, чтобы развлечь торжественныя сожалѣнія вдовы. Но Гекторъ не подозрѣвалъ материнскихъ предположеній. Онъ видѣлъ въ сентиментальной Антоніи только достопочтенный монументъ превосходства англійской пищи и, будучи ей благодаренъ за ея акуратныя посѣщенія, которыя были необходимымъ развлеченіемъ для баронессы, онъ былъ съ ней дружески-простъ и безъ всякаго другаго намѣренія, кромѣ почтительной дружбы, пожималъ ей руку каждый вечеръ.

Въ гостиной баронессы де-Вилльморанъ не бывало другихъ гостей, кромѣ де-Сен-Паара, лэди Фиц-Питерсъ и викарія аб-

бата Легро, очаровательнаго человѣка, довольно снисходительнаго, чтобы нравиться, довольно строгаго, чтобы заставить уважать себя.

Но съ нѣкотораго времени, въ ту эпоху, когда начинается нашъ разсказъ, гость, довольно странный для тѣхъ, кто зналъ исключительное воспитаніе Гектора, поселился въ отелѣ. Это была молодая дѣвушка, внучка баронессы де-Виллъморанъ, дочь ея племянницы, пріѣхавшая нарочно изъ провинціи по приглашенію баронессы, чтобы получить въ Парижѣ тотъ малый отблескъ, который могъ доходить до улицы Курсель.

Марія де-Сулень, бѣлокурая, хорошенькая, скрывавшая твердый умъ подъ терпѣливой добротой, подъ робостью пансіонерки живое, быстрое воображеніе, была какъ бы предназначена въ подруги Гектору де-Виллъморану. Но кто полюбитъ свою кузину, если не привыкъ обожать ее? Это одна изъ задачъ, которую мы постараемся объяснить въ нашемъ этюдѣ.

Какова бы ни была развязка этой исторіи, но если старая баронесса не была намѣрена установить между Гекторомъ и Мари начало семейнаго союза, она поступила неблагоразумно, впустивъ въ свой мракъ этотъ ясный и чистый лучъ невинности и граціи. Для того ли, чтобы видѣть себя опять прелестной и улыбающейся въ этомъ ребенкѣ, какъ въ магическомъ зеркалѣ, призвала она свою внучку? Всѣ предположенія были возможны. Пока мы не разъяснили ихъ, скажемъ, что около мѣсяца Мари читала для бабушки, помогала кузену собирать его коллекцію, оканчивала гигантскую вышивку, какую имѣютъ мужество предпринимать только провинціальныя феи, и никогда не просила ни познакомиться болѣе съ Парижемъ, ни выдти изъ этого уютнаго дома, который походилъ на маленькій полуязыческій монастырь гдѣ обожали спокойствіе въ двойномъ видѣ—мечтательности и виста.

Высокая, гибкая, съ нѣсколько-узкимъ лбомъ, съ правильными губами, съ голубыми глазами, Мари, въ своемъ платьѣ цѣломудренно-длинномъ и съ заплетенными бандо, походила на средневѣковую владѣтельницу замка по романтическому уставу. Такъ изобразилъ ее поэтъ подпрефектуры *** въ сонетѣ, на-

дѣлавшемъ шума послѣ бала для бѣдныхъ, который она освѣтила своимъ присутствіемъ. Довольно образованная, чтобы понимать своего кузена, когда онъ удостоивалъ разсуждать съ ней о своихъ занятіяхъ, на столько женщина, чтобы не скучать отъ легкомысленной болтовни бабушки, она никогда не была безполезна. Когда аббатъ Легро или Гекторъ не могли участвовать въ вистѣ, она улыбаясь складывала свое вышиванье, закрывала свой рабочій ящичекъ и подбирала карты, которыя, какъ голубой или розовый вѣеръ, раскладывались въ ея прелестныхъ тонкихъ ручкахъ. Баронесса де-Виллъморанъ и графъ де-Сен-Пааръ находили даже, что кроткая Мари обладала достаточной дипломаціей, чтобы разъигрывать эту трудную игру, не заслуживая упрековъ. Но она не тщеславилась этимъ и исполняла обязанность партнера съ кротостью, которая отличала всѣ дѣйствія ея свѣтской жизни.

Лэди Фиц-Питерсъ, несмотря на свою вѣжливость, одна никогда не радовалась случаю имѣть Мари союзницей въ благородной игрѣ въ вистъ. Однако она не любила, чтобы та отходила отъ стола, когда Гекторъ не сидѣлъ за нимъ и находился въ гостиной. Антонія была ревнива; конечно, Мари производила тотъ граціозный и гармоническій эффектъ, который приводилъ въ отчаяніе сентиментальную англичанку; Мари была меланхоліей, поэзіей, мечтою, которыя бѣдная адмиральша старалась олицетворить въ себѣ и которыхъ она становилась развѣ каррикатурой по сравненію съ Мари. Притомъ, наконецъ, Мари была кузиной Гектора, онъ говорилъ ей «ты», хотя эта фамильярность ужасала лэди Антонію: она находила опасное соперничество въ этой поэтической героинѣ съ такой тонкой и стройной таліей. Она отдала бы много лѣтъ своей жизни, особенно протекшихъ, чтобы имѣть эту гибкую походку; она понимала, увы! что величіе только иронія красоты, и ея компаньйонка, наблюдательный умъ которой мы будемъ имѣть случай увидѣть впослѣдствіи, сдѣлала значительное замѣчаніе, что черезъ недѣлю послѣ пріѣзда Мари де-Суленъ лэди Антонія убавила два блюда отъ своего завтрака и начала пить чай только два раза въ день, подъ предлогомъ, что отъ чая полнѣютъ.

Мы знаемъ теперь хозяевъ и гостей отеля въ улицѣ Курсель; мы можемъ теперь посмотрѣть, какъ они будутъ дѣйствовать.

II.

Настали первые весенніе дни. Маленькій садикъ отеля имѣлъ красивый коричневый цвѣтъ только-что воздѣланной земли. На сиреняхъ уже показывались листья и хотя не расцвѣлъ ни одинъ цвѣтокъ, но уже слышалась тысяча разныхъ благоуханій. На баронессу де-Виллъморанъ находили маленькіе припадки меланхоліи съ каждой весной. Рождающаяся природа заставляла ее думать о природѣ умирающей, и она чувствовала себя очень-старой, когда замѣчала первыя почки цвѣтовъ.

Въ тотъ вечеръ, когда начинается этотъ разсказъ, она не была такъ весела, какъ обыкновенно. Сидя на углу камина, въ креслѣ съ пуховой подушкой, которыя назывались *бержерками* въ пастушескую эпоху, она протянула свои маленькія ноги на его рѣшетку и время-отъ-времени, натягивая черныя митенки на свои худые, посинѣвшіе пальцы, которые когда-то были круглыми и розовыми, она мечтала, разговаривая съ графомъ де-Сен-Пааръ. Небольшой огонь, повременамъ вспыхивавшій въ каминѣ, бросалъ на лица двухъ почтенныхъ друзей внезапные мѣдные отблески, которыми они пользовались, чтобы взглядывать другъ на друга и улыбаться. Лампа, покрытая зеленымъ шелковымъ абажуромъ, стояла позади ихъ, посреди гостиной, на столѣ, за которымъ сидѣли Гекторъ, Мари, лэди Антонія и компаньйонка. Вистъ, по исключенію, былъ оставленъ. Аббатъ Легро не пришелъ и баронесса объявила, что въ этотъ вечеръ они будутъ отдыхать.

Гекторъ, усѣвшись съ своими книгами, прикалывалъ къ пробкамъ, въ нарочно приготовленномъ для этого картонѣ, по всѣмъ правиламъ ученой гармоніи, великолѣпную коллекцію чешуекрылыхъ. Мари, очень-внимательная къ этой работѣ, позволяла себѣ давать ему совѣты. Сидя возлѣ Гектора, она подавала ему длинныя иглы, необходимыя для операціи. Лэди Фиц-

Питерсъ также старалась быть полезной и каждую минуту обращалась съ дѣтскими вопросами, на которые Гекторъ отвѣчалъ снисходительно.

Прямо противъ этого тріо, на другомъ концѣ стола, компаньйонка, Полина Фуко, казалась погруженною въ разсчеты вышиванья. Она позволяла себѣ только поспѣвать на помощь къ лэди Фиц-Питерсъ, подсказывая ей нужное слово, когда сентиментальная Антонія запутывалась въ туманахъ своего оссіановскаго языка. Если Гекторъ заговаривалъ съ нею, Полина, повидимому, смущенная такой великой честью, робко поднимала глаза и тотчасъ опускала ихъ, боясь, чтобы ихъ не увидали.

Тонкая, нѣсколько-худощавая, въ черномъ шелковомъ платьѣ съ суконнымъ корсажемъ, въ широкихъ взбитыхъ бандо, мадмоазель Фуко не была ни хороша, ни изящна, но не была также ни смѣшна, ни пошла; на тонкихъ и нѣсколько-блѣдныхъ губахъ виднѣлись умъ и иронія, въ маленькихъ и проницательныхъ глазахъ зоркость и наблюдательность. Въ строгомъ костюмѣ, никогда не измѣнявшемся даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ, она казалась изображеніемъ лихорадочной и тревожной экономіи, разсчитанной безропотности. Она носила широкіе кисейные воротнички собственной вышивки, доходившіе, какъ жабо, до половина лифа. Не нося никакихъ вещицъ, кромѣ золотой брошки посредственнаго вкуса, отъ которой висѣли на цѣпочкѣ маленькіе часы, подарокъ лэди Фиц-Питерсъ, она имѣла на правой рукѣ маленькій перстень изъ стекла—сувениръ пансіонской подруги—блиставшій на ея пальцѣ какъ эпиграмма ея бѣдности. Всегда одѣтая въ черномъ, эта молодая дѣвушка привлекала вниманіе, котораго, казалось, избѣгала. При видѣ ея, хотѣлось спросить себя, сколько мечтаній и страстей могли волноваться въ этой слабой оболочкѣ, оживляемой душою доброй или злой, но навѣрно очень-дѣятельной. Она внушала участіе, любопытство, но что-то печальное, разочарованное не допускало пошлаго сочувствія.

Женщины не любили ее, однако искали ее какъ союзницу, имѣющую въ резервѣ для общей защиты рѣшимость и умъ, въ которыхъ у нихъ могъ быть недостатокъ. Мужчины избѣгали ее

но находили большое очарованіе въ ея наружности, напоминавшей канониссъ. Она выказывала безстрастіе, пренебрегавшее искушеніемъ. При красотѣ, эта молодая дѣвушка произвела бы страшное очарованіе; худощавая и тщедушная, съ пронзительнымъ голосомъ, она останавливала ваше вниманіе, какъ загадка, но не пугала васъ.

Лэди Фиц-Питерсъ ненавидѣла ее и вмѣстѣ обожала. Она считала ее способной ко всякому вѣроломству и разсказывала ей съ умиленіемъ всѣ секреты своей души. Полина Фукò, притомъ скромная и кроткая, исполняла какъ сестра милосердія всѣ свои обязанности относительно вдовы. Но бережливая на свою доброжелательность, какъ на свои платья и на свои деньги, она акуратно давала только должное и скрывала свои чувства въ глубинѣ своего сердца.

Госпожа де-Вилльморанъ одна имѣла довольно-сильное увлеченіе къ компаньйонкѣ лэди Фиц-Питерсъ. Она находила ее скромной, осторожной, не опасной для мужчинъ и услужливой, чѣмъ она умѣла пользоваться. До пріѣзда Мари де-Сулень, она всегда прибѣгала къ Полинѣ съ маленькими порученіями, и говорили, что она подружилась съ лэди Антоніей только для того, чтобы пользоваться обществомъ ея компаньйонки. Угадывала ли баронесса тайныя мученія этой бѣдной дѣвушки, задыхавшейся въ своемъ черномъ шелковомъ платьѣ, какъ въ веригахъ, предписывавшихъ ей безропотную покорность? Я этого не думаю. Но она цѣнила ея гордость и уважала ее за то, что она худо отзывалась о настоящемъ вѣкѣ.

Полина, работая и не поднимая головы, но по какому-то чуду энергіи, проводившему зрительные лучи сквозь рѣсницы потупленныхъ глазъ, смотрѣла на сидящую передъ ней группу. Лэди Фиц-Питерсъ, съ своей меланхолической торжественностью, желая соревновать прелестной Мари и протягивая также одну за одной длинныя булавки, которыя она вынимала изъ себя какъ изъ гигантской подушки, мучила Полину своимъ сдержаннымъ смѣхомъ. Это смѣшное кокетство возбуждало въ Полинѣ мстительныя насмѣшки на глупость женщинъ и ослѣпленіе мужчинъ.

Но неумолимая насмѣшница не имѣла охоты насмѣхаться, когда видѣла съ другой стороны нѣжную серьёзность Мари, которая, наклонившись къ Гектору, помогала ему съ ненавязчивой фамильярностью, съ граціей безъ претензій и безъ ложнаго жеманства. Баронъ же де-Виллыморанъ, казалось, былъ поглощенъ заботами естествоиспытателя, опасаясь раздавить или лишить свѣжести своихъ чешуекрылыхъ насѣкомыхъ. Лампа обливала своимъ свѣтомъ эту безмолвную группу, каждое лицо которой имѣло, можетъ-быть, на себѣ маску и притворно улыбалось, чтобы не обнаружить своей горести. Свѣтъ, сосредоточенный абажуромъ на этихъ четырехъ головахъ, освѣщалъ картину труда, спокойной короткости, трогательной для глазъ. Богъ одинъ зналъ, какая буря скрывалась въ груди этихъ четырехъ особъ, начиная отъ волнъ, поднимавшихъ сердце лэди Антоніи, до горькихъ потоковъ, безмолвно протекавшихъ въ глубинѣ мысли ея компаньйонки.

Эти четыре особы казались чужды другъ другу, а между-тѣмъ таинственная нить связывала ихъ всѣхъ четверыхъ. Время-отъ-времени кто-нибудь дѣлалъ вопросъ о бабочкахъ, о какой-нибудь бездѣлицѣ; иногда слышался тихій смѣхъ, разносившійся въ тишинѣ, какъ искра ночью; а еслибы эти четыре особы были искренни, слова ихъ перешли бы въ крики, а смѣхъ въ рыданія. Но кто могъ угадать эти героически скрываемыя горести? Ужь, конечно, не де-Сен-Пааръ, ни баронесса де-Виллыморанъ. Аббатъ Легро былъ бы стѣснителенъ. Аббаты, даже самые простодушные, имѣютъ привычку разгадывать совѣсть другихъ; у нихъ только одинъ ключъ, но онъ отворяетъ всѣ замки. Къ-счастью, викарій исповѣдывалъ въ этотъ вечеръ въ церкви и думалъ, что пропустилъ только вистъ.

Баронесса время-отъ-времени взглядывала на группу и вздыхала. Она сдѣлала знакъ де-Сен-Паару, чтобы онъ придвинулся къ ней, и сказала ему тихо:

— Мой бѣдный другъ, я боюсь, что буду огорчена нынѣшнимъ лѣтомъ.

— Вы, баронесса? Кажется, здоровье у васъ такое прекрасное.

— Не о моемъ здоровьѣ идетъ дѣло. Да, я совсѣмъ здорова,

то-есть могу еще ходить, сплю еще немножко, ѣмъ безъ большаго затрудненія—словомъ, еще не умерла.

— Какимъ тономъ говорите вы это, баронесса! возразилъ де-Сен-Пааръ, задрожавъ.

Смерть была пугаломъ для всѣхъ этихъ легкомысленныхъ дѣтей восемнадцатаго вѣка, и баронесса де-Виллъморанъ первый разъ намекала на эту грубую развязку.

— Боже мой! любезный Сен-Пааръ, не-уже-ли вы думаете, что я живу для того, чтобы жить, и что очень горжусь тѣмъ, что заставляю молодыхъ людей любоваться каррикатурою бывшей красавицы? Когда я говорю вамъ, что я опасаюсь имѣть огорченія, я разумѣю не параличъ и не подагру. Развѣ я женщина нечувствительная и ничего не люблю на свѣтѣ?

— Вы любите кого-нибудь? пролепеталъ съ глупымъ удивленіемъ и самъ не примѣчая, что онъ говоритъ вслухъ, простодушный де-Сен-Пааръ.

— Не вздумайте ревновать, возразила баронесса, смѣясь.— Да, прелестный Адонисъ, я люблю человѣка, который приводитъ меня въ отчаяніе, который дѣлаетъ меня несчастною и, можетъ-быть, заставитъ меня пролить мои первыя слезы. Это тотъ высокій молодецъ, который проводитъ время въ прокалываніи бабочекъ и не замѣчаетъ, что по правую его руку сидитъ ангелъ граціи и красоты.

— Какъ! вашъ сынъ?...

— Да, мой сынъ, который недостоинъ своей матери и не хочетъ, чтобы у меня была невѣстка, дочь, которую я могла бы обнять прежде, чѣмъ умру.

— Но мнѣ кажется, баронесса, возразилъ де-Сен-Пааръ: — что вы сами позаботились воспитать Гектора по-своему, и если онъ нечувствителенъ, благодаря этому воспитанію, то зачѣмъ вы упрекаете его за то теперь?

— Да, славное дѣло сдѣлала я! Какъ онъ былъ глупъ, что повиновался мнѣ! Это правда, я не хотѣла, чтобы мой сынъ — простите мнѣ эту откровенность—былъ такъ смѣшонъ, какъ вы, мой бѣдный де-Сен-Пааръ, вы и столько другихъ, которые заду-

шили насъ своимъ ѳиміамомъ. Я хотѣла сохранить для себя одной этого послѣдняго друга, это правда; и онъ былъ покоренъ моимъ внушеніямъ. Но, кажется, я была эгоистка. Добрый аббатъ Легро доказалъ мнѣ это. Я любила моего сына для себя; я не довольно любила его для него самого; я раскаяваюсь въ этомъ. На свѣтѣ не одна его старуха-мать; я была бы рада знать, что онъ любитъ кого-нибудь прекрасной, великойлюбовью. Я узнала бы такимъ-образомъ, какъ понимаются эти вопросы въ нынѣшнее время. Притомъ хотите, чтобы я вамъ все сказала? У меня странные вкусы. Мнѣ воображается, что я буду очень счастлива, когда маленькіе ребятишки будутъ играть на моемъ коврѣ, прежде чѣмъ я умру. Мнѣ кажется, что у меня не будетъ доставать чего-то главнаго, если я не буду бабушкой.

— Вы приводите меня въ смущеніе, баронесса, прошепталъ де-Сен-Пааръ, рѣшительно находившій, что его пріятельница немножко не въ здравомъ умѣ.

— Что же дѣлать? Я старѣю, продолжала баронесса де-Вилльморанъ: — прихоть видѣть Гектора женатымъ овладѣла мною какъ страсть. Всегда все было по-моему. Вотъ первый разъ мои желанія не исполняются.

— Я увѣренъ, что еслибы Гекторъ подозрѣвалъ такое сильное ваше желаніе, онъ поспѣшилъ бы исполнить его.

— Можетъ ли онъ не знать его? Если я вызвала сюда его кузину, развѣ это для вашихъ прекрасныхъ глазъ, хотя ваши глаза, другъ мой, были очень-хороши, только давно. Просить же его жениться я не хочу: бѣдный мальчикъ способенъ изъ повиновенія жениться на комъ ни попало, на лэди Фиц-Питерсъ напримѣръ, а это совсѣмъ было бы не по моему вкусу. Онъ дѣйствовалъ бы такъ не изъ любви, а у меня не было бы...

Баронесса засмѣялась, чтобы скрыть свое волненіе, и взглянула на коверъ, какъ бы отъискивая тамъ ребятишекъ, о которыхъ она мечтала. Де-Сен-Пааръ, все болѣе-и-болѣе удивляясь и обижаясь этимъ внезапнымъ припадкомъ меланхоліи и чадолюбія, хотѣлъ перемѣнить разговоръ.

— Знаете ли, сказалъ онъ, наклонившись къ уху своей пріятельницы: — лэди Фиц-Питерсъ еще очень-хороша.

Баронесса ударила де-Сен-Паара по рукѣ, чтобы заставить его замолчать.

— Другъ мой, вы уже въ такихъ лѣтахъ, что не можете знать въ этомъ толкъ, сказала она, улыбаясь:— и если вы будете продолжать вмѣшиваться въ дѣла, которыя до васъ не касаются, я скажу Гектору, чтобы онъ проткнулъ васъ своей большой булавкой и пришпилилъ въ свой картонъ между мертвыми бабочками. Негодный! перестаньте такъ думать о толстой адмиральшѣ. Посмотрите-ка лучше, какъ хороша Мари; какая изъ нея выйдетъ очаровательная новобрачная! Мнѣ кажется, будто я вижу самое себя въ восемнадцать лѣтъ; но я была не такъ хороша.

— Вы были во сто разъ лучше, у васъ не было такой физіономіи, какъ у статуи, возразилъ любезникъ съ сѣдыми волосами, поднося табатерку баронессѣ.

— Еще разъ, Сен-Пааръ, я говорю вамъ, что я не стоила моей племянницы, а этотъ дуракъ Гекторъ только и примѣчаетъ своихъ гадкихъ сухихъ насѣкомыхъ!

— Но увѣрены ли вы въ этомъ, баронесса?...

— Судите сами, другъ мой.

И, обернувшись съ живостью, баронесса де-Вилльморанъ попросила Мари сѣсть за фортепьяно и спѣть что-нибудь. Это слово было бы какъ сигналомъ, произносимымъ судьями въ турнирѣ. Три амазонки выпрямились. Мари покраснѣла и опустила глаза, Полина поблѣднѣла и приподняла глаза, а лэди Антонія была ужасно разсѣянна: она воткнула себѣ въ грудь булавку, назначенную для бабочекъ.

— Мадмоазель Полина, будьте такъ добры, аккомпанируйте моей племянницѣ, сказала баронесса.

Полина, вмѣсто отвѣта, встала, положила свою работу и зажгла свѣчи у фортепьяно.

— Я не хочу утруждать васъ, прошептала Мари, которая не смѣла ослушаться тётки, но однако, казалось, не очень была рада этой помощи.

— Это будетъ для меня большимъ удовольствіемъ, отвѣчала

Полина, поклонившись и бросивъ на мадмоазель де-Сулень взглядъ вызова.

— Потомъ, продолжала баронесса, не подозрѣвая возбуждаемаго ею поединка:—Мари въ свою очередь будетъ аккомпанировать мадмоазель Полинѣ, которая также споетъ намъ что-нибудь.

Лэди Антонія было какъ-будто неловко; она, кажется, хотѣла уйти; Полина примѣтила это движеніе и, подойдя къ вдовѣ, спросила съ смиреніемъ, скрывавшимъ глубокую иронію:

— Не угодно ли вамъ, милэди, чтобы я принесла вамъ вашу гитару?

— Нѣтъ, благодарю, сухо отвѣчала сентиментальная лэди Фиц-Питерсъ, опять опускаясь въ свое кресло.

— Что же, милэди, вы перестали мнѣ помогать? сказалъ Гекторъ, остававшійся до-тѣхъ-поръ равнодушнымъ къ маленькимъ колкостямъ этихъ дамъ.

Восхищенная этой требовательностью, лэди Антонія не хотѣла болѣе обращать вниманія на происходившее и чрезвычайно дѣятельно принялась помогать стоическому естествоиспытателю.

Мари пѣла съ волненіемъ, которое могло быть отнесено къ ея робости, мелодію Шуберта. Его произведенія—великій сентиментальный репертуаръ.

Музыка играетъ большую роль въ новѣйшихъ романахъ. Ей поручается служить истолковательницей нерѣшительныхъ страстей. Извѣстно, что діэзы и бемоли придаютъ таинственный смыслъ объясненіямъ и. Моцартъ, Бетховенъ, Россини слывутъ поэтическими переводчиками всѣхъ влюбленныхъ. Любезность къ гармоніи простирается даже до того, что ей приписывается власть назначать часъ, мѣсто, день свиданій. Сколько комментарій можно сдѣлать на этотъ счетъ!

Мы думаемъ, что въ этомъ нѣсколько преувеличиваютъ и, совсѣмъ не повинуясь этимъ требованіямъ, сдѣлавшимся деспотическими, какъ всѣ модныя фантазіи, мы ввели въ началѣ этой исторіи сцену за фортепьяно и пѣніе. Музыка—искусство серьёзное, но только при условіи держаться неопредѣленной области чувствъ она передаетъ радость или печаль; ей такъ же невоз-

можно опредѣлять намѣренія, какъ и изображать физическія дѣйствія. Придавать симфоніи, отрывку изъ оперы такое множество истолкованій, какими злоупотребляли новѣйшіе романисты для любовныхъ тайнъ, значитъ дѣлать перемѣщеніе, подобное перемѣщенію ощущеній, заставлять чревовѣщателя разгадывать лунатика, принуждать пѣть картину.

Мари пѣла простодушно, не испрашивая у мелодій Шуберта услугъ, которыхъ онѣ не могли ей оказать. Она не думала дать понять въ мажорномъ или минорномъ тонѣ равнодушному Гектору все, что она чувствовала къ нему и противъ него. Но она старалась сдѣлать свой голосъ еще нѣжнѣе, отнять у своего произношенія остатокъ провинціальной медленности, придать душу своему пѣнію—словомъ, сдѣлаться любезною и быть любимою. И все это производилось безъ усилій и безъ кокетства, съ нѣсколько-неловкой граціей, которая была какъ бы прозрачной оболочкой, какъ бы стыдливымъ покрываломъ этой прелестной молодой дѣвушки.

Полина Фуко аккомпанировала съ рѣдкимъ умѣньемъ. Ея сухіе и нервные пальцы сообщали фортепьяно какую-то лихорадку, которая составляла контрастъ съ нѣжностью словъ. Она играла угрозу, а Мари пѣла мольбу. Когда пѣніе кончилось, Гекторъ, слушавшій разсѣянно, всталъ и началъ аплодировать.

— Прекрасно! очаровательно! вскричалъ онъ и пожалъ руку своей кузинѣ, едва похваливъ компаньйонку, подвиги которой въ аккомпаниментѣ заслуживали бо̀льшихъ похвалъ.

— Ну, баронесса, сказалъ де-Сен-Пааръ, наклонившись къ уху госпожи де-Вилльморанъ:—вы не правы. Замѣтили ли вы, какъ Гекторъ бросился къ кузинѣ?

— Да, да! видѣла, отвѣчала баронесса задумчиво: — но я еще не убѣдилась. Мадмоазель Полина, теперь ваша очередь, обратилась она къ компаньйонкѣ, кивнувъ ей головой, что было любезностью для бѣдной дѣвушки.—Мари, садись за фортепьяно.

Полина Фуко была удивительная музыкантша, но у ней не было гармоническаго и ровнаго тэмбра мадмоазель де-Сулень. Ея звучный голосъ имѣлъ мѣдные звуки и къ нему лучше всего шли трагическія пьесы. По разсчету или случайно она поло-

жила на фортепьяно ноты, сложный аккомпаниментъ которыхъ долженъ былъ показаться почти непреодолимымъ препятствіемъ для Мари. Но не время было колебаться. Мари мужественно принялась за дѣло, и героизмъ ея былъ вознагражденъ успѣхомъ.

Полина, чувствуя, что ей аккомпанируетъ непобѣдимая соперница, и удивляясь, что не встрѣчаетъ фальшивыхъ нотъ, которыхъ она ожидала, превзошла себя и захотѣла отмстить блистательностью своего пѣнія. Выйдя изъ своей холодности, она пламенно, неистово истолковала музыку. На нѣсколько минутъ она стала въ-уровень съ величайшими артистками. Голосъ ея, нѣсколько-пронзительный, сдѣлался страшно энергиченъ, и всѣ слушатели, охваченные головокруженіемъ, оставались неподвижны и слушали ее не только ушами, но и глазами, въ остолбенѣніи отъ такой силы и могущества, которыя они приписывали только искусству. При послѣднихъ нотахъ, истощенный голосъ Полины ослабѣлъ, и она, шатаясь, воротилась на свое мѣсто къ столу.

Никто не думалъ аплодировать: до того эффектъ былъ новъ, страненъ, почти ужасенъ. Одинъ Гекторъ, съ никогда неизмѣнявшимся присутствіемъ духа, подошелъ къ фортепьяно; но онъ опять наговорилъ комплиментовъ своей кузинѣ. Онъ расхваливалъ скороговоркой, что было причиною нѣкоторой запутанности въ его словахъ, смѣлость и вѣрность ея игры. Полинѣ онъ сказалъ одно только слово и ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ ей серьёзный и холодный поклонъ.

Лэди Антонію, у которой обѣ руки какъ-будто были наполнены раскаленными угольями, подстрекнули обѣ ея молодыя соперницы. Она согласилась бы безъ усильныхъ просьбъ пропѣть *Озеро* Ламартина, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, но никто не думалъ просить у ней этого удовольствія. Ей захотѣлось даже самой предложить это. Но она подумала очень-кстати, что этимъ значило бы измѣнить законамъ англійскихъ приличій, и вздыхая покорилась молчанію.

Баронесса де-Вилльморанъ была въ восхищеніи. Комплименты Гектора кузинѣ имѣли въ глазахъ ея самое очевидное значеніе. Де-Сен-Паръ, съ которымъ она посовѣтовалась, заключилъ также изъ этого усилія любезности, что искра попала въ серд-

це, до-сихъ-поръ столь равнодушное, друга бабочекъ. Но любовь только еще загоралась и время еще не наступило для обоюднаго пожара.

Гекторъ храбро принялся опять за свою коллекцію; однако никто не чувствовалъ въ себѣ силу подавать ему булавки, и онъ работалъ одинъ. Вечеръ окончился безмолвно. У каждаго была своя тайна. Когда баронесса де-Виллльморанъ отодвинула свою бержерку, какъ бы подавая сигналъ расходиться, и встала, чтобы поклониться де-Сен-Паару, всѣ вздохнули и скоро простились.

Только одна баронесса улыбалась: если испытаніе не имѣло блистательнаго результата, то все-таки было довольно-утѣшительно.

— Мари, дитя мое, сказала она съ ласкою въ голосѣ:—дай мнѣ твою руку и возьми свѣчу; сегодня ты будешь моею камеристкой.

Проходя мимо Гектора, который убиралъ картоны, она сказала ему задорливо:

— Посмотри, сынъ мой: мнѣ, какъ старымъ волшебницамъ въ сказкахъ, служатъ нимфы прекраснѣе дня. Но, къ-несчастью, я похожа на волшебницу только лѣтами и крючковатымъ подбородкомъ. Мнѣ нужна еще палочка для того, чтобы ударить по одному лбу, который жостче камня.

— Вы думаете, матушка? отвѣчалъ улыбаясь и съ уваженіемъ Гекторъ де-Виллльморанъ, который всталъ, чтобы поцаловать руку матери и поклониться кузинѣ.

Де-Сен-Пааръ ушелъ тотчасъ послѣ своей старой пріятельницы, а лэди Антонія, которой однако хотѣлось бы остаться одной съ Гекторомъ хоть на одну минуту, но которую компаньйонка не оставляла ни на шагъ, меланхолически удалилась. Полина шла за ней. На порогѣ она обернулась; ея взглядъ, пристальный, пылкій, исполненный нѣжности, гордости, ярости и покорности, устремился на Гектора, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ. Между ними произошла быстрая размѣна мыслей. Потомъ Гекторъ приложилъ палецъ къ губамъ, какъ бы для угрозы, совѣта или поцалуя. Полина поняла и улыбнулась.

III.

Баронесса де-Виллыморанъ велѣла племянницѣ проводить себя въ свою комнату и непремѣнно хотѣла, чтобы Мари раздѣвала ее въ эту ночь.

— Еслибъ ты знала, милочка, говорила она ей, давая ей снимать съ себя митенки: — о чемъ я мечтаю! Я воображаю, будто ты моя молодость и пришла убаюкать меня и усыпить, или, лучше, что ты волшебница и явилась возвратить мнѣ молодость, твоими хорошенькими пальчиками снять съ меня мою старую морщинистую кожу. Ахъ, когда-то многіе присутствовали при моемъ ночномъ туалетѣ! Я причесывалась на ночь и разувалась передъ этими господами; они уходили, когда я начинала зѣвать слишкомъ-часто. Тогда были другіе нравы, нежели теперь... лучше ли были они?... я не знаю.

Говоря съ живостью, какой не выказывала уже давно, баронесса де-Виллыморанъ глядѣлась въ зеркало. Послѣ небольшаго ужина, она сѣла въ кресло передъ каминомъ и, указавъ племянницѣ на табуретъ, сказала съ ласкою въ голосѣ:

— Дитя мое, я пригласила тебя сюда для того, чтобы показать тебѣ Парижъ, а ты до-сихъ-поръ видѣла только меня; прошу у тебя прощенія, я обманула тебя. Но я такъ счастлива молодостью, весеннимъ дуновеніемъ, которое ты принесла сюда, что, право, не надо на меня сердиться за это. Мнѣ уже не долго остается быть эгоисткой, и ты представляешься мнѣ дочерью, о которой я всегда мечтала и которой у меня не было.

— Добрая тётушка, отвѣчала Мари:—я счастлива съ вами. Я вовсе не желаю видѣть Парижъ. Я не знаю здѣсь никого, кромѣ васъ, и никто не любитъ меня здѣсь, кромѣ васъ.

— Итакъ, ты не находишь домъ мой слишкомъ скучнымъ?

— Напротивъ. Я привыкла къ тишинѣ и спокойствію; здѣсь же всѣ такъ ко мнѣ ласковы; я была бы очень неблагодарна, еслибы жаловалась.

— Итакъ, ты миришься съ нашими вечерами, съ лэди Фиц-

Питерсъ, съ добрымъ аббатомъ Легро, съ моимъ старымъ Сен-Пааромъ и съ моимъ милымъ Гекторомъ?

— Конечно, тётушка, отвѣчала Мари, потупивъ голову и сильно покраснѣвъ.

Баронесса размышляла нѣсколько секундъ, что было много для нея, потомъ, взявъ Мари за обѣ руки и привлекая ее къ себѣ, сказала съ волненіемъ въ голосѣ:

— Поговоримъ откровенно, дитя мое. Ты не угадываешь, зачѣмъ я пригласила тебя сюда и для чего хотѣла бы всегда оставить тебя при мнѣ?

Мари не могла удержаться отъ слезъ, которыя потекли по ея щекамъ. Вмѣсто отвѣта, она горячо поцаловала руку баронессы.

— Я разсчитала вѣрно, продолжала съ нѣсколько-нервной радостью баронесса де-Виллльморанъ.—Ты соглашаешься быть моей дочерью, не-правда-ли, племянница?

— Развѣ вы думаете, что онъ меня любитъ? прошептала молодая дѣвушка.

— Думаю ли я!... но ты сама, маленькая кокетка, не-уже-ли не знаешь этого? Я увѣрена, что сынокъ мой не до такой степени занятъ бабочками, какъ показываетъ это.

— О, клянусь вамъ, тётушка, что Гекторъ не говорилъ мнѣ ни одного слова!

— Дитя, или, лучше сказать, плутовка! Ты хорошо знаешь, что слова безполезны, и любовь, чувствующая потребность объясниться—любовь ложная, хвастливая или дурно-понятая. Я видѣла, съ какимъ восторгомъ Гекторъ слушалъ сегодня твое пѣніе и твою игру. Онъ аплодировалъ тебѣ такъ, какъ я отъ него никогда прежде не слыхала. Ну, рѣшайся же; ты уже не уѣдешь въ провинцію; надо рѣшиться заставить чахнуть отъ ревности лэди Фиц-Питерсъ.

— Послушайте, тётушка, возразила Мари, преодолѣвъ свое волненіе:—я буду говорить съ вами какъ съ матерью. Я люблю моего кузена. Но въ его характерѣ, такомъ откровенномъ, такомъ благородномъ, такомъ великодушномъ, есть темная сторона, которая меня тревожитъ и пугаетъ; я, безъ-сомнѣнія, вѣ-

рю его дружбѣ, но мое сердце говоритъ мнѣ, что еслибы онъ видѣлъ во мнѣ нѣчто болѣе, нежели сестру, онъ не обращался бы со мною съ простотою брата.

— Видите ли, какая кокетка! весело вскричала баронесса, всплеснувъ руками:—какъ это, сударыня, вы въ провинціи такъ опытны въ теоріи?

— Тётушка, можетъ-быть, я кокетка, возразила Мари съ невыразимой скромностью: — но я знаю, что я прежде всего искренна. Я не могу подать вамъ надежды, которыя могутъ разрушить событія. Ахъ, я навсегда останусь вашей дочерью, клянусь вамъ въ этомъ! Но кузенъ мой Гекторъ хочетъ ли, чтобы я сдѣлалась вашей дочерью иначе, чѣмъ по признательности— этого я не знаю.

— Какъ! милочка, ты сомнѣваешся въ хорошемъ вкусѣ и умѣ моего сына?

— Я сомнѣваюсь въ себѣ, тётушка; можетъ-быть, у меня нѣтъ тѣхъ качествъ, какія кузенъ хочетъ найти въ своей женѣ.

— Ужь не ревнуешь ли ты къ лэди·Фиц-Питерсъ, потому-что въ нашемъ кругу только она одна...

— Я не ревную, перебила Мари съ замѣшательствомъ, почти походившимъ на угрызеніе лжи: — но я чувствую, что меня не любятъ такъ, какъ я желала бы быть любимой, какъ люблю я...

— Полно, полно! ты съ ума сошла! сказала баронесса, цалуя ее въ лобъ.—Еслибы я тебя послушала, я бы сама испугалась. То, что тебѣ кажется странно, происходитъ отъ воспитанія Гектора. Онъ былъ воспитанъ какъ въ монастырѣ; бѣдный мальчикъ! Я ревновала къ моему сыну до такой степени, что еслибы могла сдѣлать всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ безобразными и старыми, какъ я, я изсушила бы ихъ моимъ взглядомъ. Но съ нѣкотораго времени я устыдилась моего эгоизма. Я хочу женить Гектора. Ты самая прелестная, самая кроткая невѣста, о какой только я могу мечтать. Я хочу умереть на твоихъ рукахъ, дочь моя. Это моя послѣдняя прихоть. Ты скроешь для меня смерть, которую я никогда не видала и не хочу видѣть. Я поговорю съ моимъ сыномъ. Я увѣрена, что онъ ждетъ мо-

его позволенія для того, чтобы полюбить тебя; глупенькій! Но я твердо увѣрена, что онъ тебя полюбитъ. Ахъ, какъ мы будемъ счастливы всѣ трое! Только бы мнѣ прожить еще два или три года, потому-что у меня есть еще одно желаніе кромѣ того, чтобы ты была моей дочерью... Но мы послѣ поговоримъ объ этомъ. Теперь будемъ пока побѣждать Гектора. Еслибы ты знала, какъ ты выводишь меня изъ терпѣнія, когда называешь тётушкой! Точно будто только одно это слово и есть на свѣтѣ! Ты бросаешь мнѣ его безпрестанно, какъ упрекъ. Мнѣ бы такъ хотѣлось слышать отъ тебя: «матушка»!

— Повторяю вамъ его, что̀ ни случилось бы, вскричала Мари, цалуя баронессу:—вы будете моею матерью!

Разговоръ продолжался еще нѣсколько времени въ такомъ же тонѣ. Баронесса де-Вилльморанъ съ увѣренностью и съ восторгомъ устроивала уже свадьбу, наряды новобрачной и горѣла нетерпѣніемъ поговорить о внукахъ, которыхъ она ждала, хотя не смѣла еще приступить къ этому предмету.

Мари де-Сулень, сначала съ недовѣріемъ и нерѣшимостью, наконецъ поддалась-таки кроткому упоенію этой болтовни. Она уложила баронессу въ постель и просидѣла у ней довольно-долго. Точно будто онѣ имѣли пересказать другъ другу сто новыхъ вещей, а между-тѣмъ повторяли вещи уже сказанныя, но съ какимъ разнообразіемъ! Наконецъ баронессѣ де-Вилльморанъ стало стыдно своего ребячества, и она отпустила Мари. Еслибы эта любезная язычница осмѣлилась, она благословила бы свою пріемную дочь; но она боялась всего торжественнаго. Она только пожелала тихо небеснаго покровительства своимъ дѣтямъ. Когда Мари растворила дверь спальной, баронесса опять позвала ее.

— Посмотри, моя очаровательница, сказала она, посылая ей поцалуй рукою:—прогоритъ ли мой ночникъ цѣлую ночь; я слишкомъ счастлива и не буду въ состояніи заснуть; я хочу мечтать, и все о тебѣ.

Мари повиновалась улыбаясь. Баронесса любовалась ею, когда она приподнимала абажуръ и поправляла огонь. Это свѣжее, чистое видѣніе казалось ей новой жизнью, новой весною, которыя помѣшаютъ ей старѣться и умереть. Слишкомъ взволно-

ванная, чтобы прибавить еще что-нибудь, она опустила голову на подушки и съ восторгомъ слѣдила за волшебнымъ видѣніемъ до дверей, которыя скрыли его отъ нея.

Спальная баронессы де-Вилльморанъ была подлѣ гостиной, выходившей въ переднею. Чтобы возвратиться въ свою комнату, Мари принуждена была сдѣлать большой обходъ по корридорамъ и пройти по площадкѣ, раздѣлявшей домъ на двѣ части.

Мы сказали, что въ отели были только двѣ квартиры. Онъ былъ выстроенъ для одного семейства и раздѣленъ по волѣ баронессы, которая не могла занимать всего дома и которая была рада имѣть сосѣдей. Столовая и нѣсколько другихъ комнатъ, окна которыхъ выходили въ садъ, шли съ другой стороны площадки позади лѣстницы. Скорѣе по своимъ занятіямъ, нежели изъ потребности независимости, Гекторъ взялъ для себя небольшую квартиру съ бельведеромъ во второмъ этажѣ отеля. Стало-быть, надо было жить съ жильцами перваго этажа почти вмѣстѣ и закрывать только парадную дверь.

Мари де-Сулень прошла гостиную въ сладостной задумчивости. Она была убѣждена ласками баронессы, несмотря на сопротивленія своего разсудка. Она шла медленно, тихо, какъ свѣтлый призракъ. Свѣча, трепетавшая въ ея рукѣ, освѣщала ея спокойное прекрасное лицо. Она растворила дверь передней и хотѣла перейти площадку, чтобы войти въ столовую, когда услыхала легкій крикъ и шелестъ шелковаго платья. Она быстро обернулась и спачала не увидала ничего, но когда прикрыла рукою свѣчу, примѣтила на первыхъ ступеняхъ лѣстницы компаньйонку лэди Фиц-Питерсъ, стоявшую съ неподвижностью трупа или статуи.

Обѣ молодыя дѣвушки молча взглянули другъ на друга, но пока Мари не рѣшалась разспросить компаньйонку, она услыхала въ верхнемъ этажѣ легкій скрипъ обуви, обнаруживавшій осторожные шаги человѣка, поднимавшагося наверхъ. Это было для нея открытіемъ. Притомъ, четыре слѣда принесеннаго изъ сада песку виднѣлись на черныхъ плитахъ площадки.

Мари де-Сулень была поражена въ самое сердце. Этотъ бѣглецъ былъ Гекторъ, а зловѣщая, задорливая Полина стояла

тутъ, чтобы встрѣтиться съ нею. Въ одну секунду мечта ея исчезла, облако закрыло глаза, она чуть-было не лишилась чувствъ; но пристальный и проницательный взглядъ, пронзавшій ее какъ остріемъ шпаги, гальванизировалъ ея мужество; она поняла, что она должна бороться своимъ достоинствомъ и что она имѣетъ надъ обоими виновными превосходство, которое слезы или досада заставятъ ее потерять.

Быть застигнутымъ на мѣстѣ хоть самаго ничтожнаго проступка всегда смѣшно; ничего не можетъ быть трогательнѣе Ромео, прощающагося на балконѣ съ Джульеттой; но представьте сентиментальнаго кавалера, застигнутаго въ ту минуту, какъ онъ перелѣзаетъ черезъ балюстраду, и вся чистота его любви не помѣшаетъ ему имѣть пристыженный видъ, какъ у лисицы, попавшейся въ капканъ. Мари смутно сознавала это положеніе. Она не хотѣла перемѣнить его для своей невыгоды, выказавъ слабость или гнѣвъ, но, надменная и презрительная, она бросила на бѣдную компаньйонку тотъ унизительно-сострадательный взоръ, который жжетъ какъ одежда Деяниры, и хотѣла пройти мимо. Полина имѣла не такой характеръ, чтобы перенести терпѣливо такой взглядъ. Она сошла съ лѣстницы и, сухо и нервно сжавъ руку своей соперницы, сказала ей тихимъ голосомъ, сожигая ее своими глазами:

— Вы можете меня ненавидѣть, но я запрещаю вамъ презирать меня!

— Зачѣмъ мнѣ ненавидѣть васъ? спросила Мари просто.

— А! вы это хорошо знаете! съ ироніей возразила Полина. — Но если ужъ случай свелъ насъ наединѣ, будемъ говорить откровенно, и, можетъ-быть, если вы такъ же добры, какъ хороши собою, вы не будете ни ненавидѣть, не презирать меня.

Эти послѣднія слова, запечатлѣнныя грустью, тронули мадмоазель де-Сулень. Она увидала столько печальной гордости на лицѣ Полины Фуко, что раскаялась въ своемъ презрѣніи. Душа обыкновенная не могла выражаться съ такою откровенностью; притомъ болѣзненное и жгучее любопытство побуждало Мари проникнуть какъ можно скорѣе въ тайну этой живой загадки.

Она чувствовала, что ея счастье рушится въ этомъ разговорѣ; она предвидѣла раны; но въ нѣкоторыхъ существахъ любовь— приготовленіе къ мученичеству. Мари де-Сулень рѣшилась страдать, потому-что она любила.

— Я готова васъ выслушать, отвѣчала она Полинѣ. — Но мнѣ кажется, что это мѣсто не совсѣмъ прилично для признаній. Не помѣшаетъ ли намъ кто-нибудь? прибавила кроткая жертва, поднимая глаза на лѣстницу, какъ бы желая показать, что она слышала тамъ шаги.

— Пойдемте въ садъ, сказала Полина Фуко.

— Не находите ли вы, что тамъ сыро? возразила Мари, краснѣя. — Посмотрите, какъ пристаетъ песокъ!

И она указала на обвинительные слѣды. Пришла очередь Полины покраснѣть.

— Пойдемте въ мою комнату, продолжала съ сострадательной улыбкой бѣдная Мари.—Никто туда не придетъ, тамъ намъ будетъ безопаснѣе, нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ.

Была ли маленькая эпиграмма въ этомъ приглашеніи—этого Полина не могла узнать, но она поклонилась и пошла за своей соперницей.

Въ комнатѣ мадмоазель де-Сулень Полина не сѣла, а встала, прислонившись къ бархату камина; она какъ-будто боялась, если сядетъ, выказать свое волненіе или нерѣшимость. Мари сѣла передъ нею.

— Я обязана дать вамъ объясненіе, сказала компаньйонка твердымъ голосомъ. — Я дамъ вамъ его искренно и добросовѣстно, какъ врагу или какъ другу. Мы любимъ одного и того же человѣка.

— По какому праву говорите вы такъ со мною? спросила Мари съ достоинствомъ.

— По праву моей чести, которую вы подозрѣваете и которою я дорожу такъ же, какъ и вы дорожите своею. Мы обѣ любимъ Гектора де-Вилльморана. Я должна была бы, неправда-ли? удалиться, не портить мечты вашего дѣтства, можетъ-быть разсчетовъ вашего семейства; но у меня и есть только

одна эта надежда въ свѣтѣ, и я дорожу ею. Притомъ я любима, а вы нѣтъ.

Мари поблѣднѣла. Слеза, которую она хотѣла бы удержать, скатилась изъ-подъ ея длинныхъ рѣсницъ на щеку. Взглядъ Полины пожиралъ ее.

— Я любима, продолжала безжалостно молодая дѣвушка: — любовью столь же чистой, столь же невинной, какъ та, которую могли бы внушить вы сами; и послѣ сегодняшняго разговора, слѣды котораго вы застали, я имѣю право поднять голову. Я невѣста Гектора, а не любовница его!

— Его невѣста! прошептала Мари.

— Это васъ удивляетъ? Такія дѣвушки, какъ я, не имѣютъ права быть столь честолюбивыми. Рука барона можетъ, не унижая себя, соединиться только съ такой аристократической рукой, какъ ваша. Вотъ что̀ вы думаете, что̀ думаетъ свѣтъ. Но мое сердце говоритъ мнѣ, что свѣтъ ошибается. Богъ за меня!

— Какое мнѣ дѣло до вашихъ притязаній? сказала Мари съ живостью и приподнимаясь.

— О, не старайтесь прерывать этотъ разговоръ, котораго я искала такъ давно, не смѣя надѣяться на него, продолжала Полина, голосъ которой смягчился. — Если я говорю вамъ все это, если я разбиваю ваше сердце, то это не изъ жестокости, не изъ гнѣва, не изъ досады, а потому, что я уважаю васъ какъ самую прелестную, самую чистую молодую дѣвушку; прежде чѣмъ получу себѣ мужа отъ препятствующихъ мнѣ предразсудковъ, я хочу получить его отъ васъ.

— Отъ меня?... Гекторъ свободенъ...

— Онъ свободенъ, но вы его кузина; вы лучше меня собою; васъ призвали сюда для того, чтобы прельстить его, и я боюсь, я ревную.

Эти послѣднія слова были сказаны съ странной энергіей. Мари взглянула въ лицо этой мужественной соперницы, и была поражена непреодолимой страстью, рѣшимостью, какія прочла въ ея блестящихъ глазахъ подъ сжатыми бровями, въ повелительныхъ складкахъ ея лба. Она поняла, что борьба должна

быть безпощадна. Но инстинктъ ея невинности совѣтовалъ ей лучше признать себя побѣжденной, нежели затѣять ужасный поединокъ. Не удерживая болѣе своихъ рыданій, она прислонилась головою къ спинкѣ кресла, закрыла лицо обѣими руками и залилась слезами.

Полина была слишкомъ великодушна, чтобы торжествовать безъ состраданія къ соперницѣ. Эта слабость обезоруживала ее, и, по перевороту, къ которому способны однѣ только пылкія натуры, ею овладѣло горячее сочувствіе; упавъ на колѣна передъ Мари де-Сулень, она просила у ней прощенія, покрывала ея руки страстными поцалуями.

Мари не знала, какъ освободиться отъ этого преувеличеннаго смиренія, въ глубинѣ котораго чувствовалась еще гордость побѣды; она легонько отталкивала Полину, огорченная и растроганная, не смѣя проклинать соперницу, которая сожалѣла о ней и такъ ее обожала.

Мало-по-малу разговоръ возобновился. Сохраняя свою покорную позу, Полина сѣла у ногъ Мари, держала обѣ ея руки и разсказывала съ нѣжностью, боясь оскорбить эту соперницу, малѣйшую горесть которой она подстерегала прежде съ радостью, исторію своей любви, своего честолюбія, своей мечты.

— Я знаю, сказала она, оканчивая:—что у меня нѣтъ ни состоянія, ни титула, ничего, что льститъ тщеславію; но я достойна барона де-Вилльморана, клянусь вамъ въ этомъ вашей любовью! Дѣтство мое было печально, моя первая молодость очень тяжела. Дочь офицера, которому правительство дало насущный хлѣбъ, я получила изъ благотворительности образованіе, внушающее честолюбіе. Мать моя не была честной женщиной. Я приняла намѣреніе искупить ея жизнь чистотою моей жизни; я имѣю право на счастье и уваженіе. Я могла войти съ оглаской въ этотъ свѣтъ, который презираетъ меня; я предпочла ждать, хоть и долго, какъ нищая въ передней, забавляя попугая и настроивая гитару лэди Фиц-Питерсъ. Любовь Гектора, которую я не привлекала, которой не завладѣла врасплохъ, но которая благородно явилась мнѣ, какъ обѣщаніе торжества, доставитъ мнѣ титулы. Я ихъ сохраню и воспользуюсь ими. Еслибы Гекторъ полюбилъ

васъ, мнѣ понадобились бы всѣ мои силы, чтобы не погубить себя какимъ-нибудь смѣлымъ поступкомъ. Но я въ немъ увѣрена, и мнѣ не нужно связывать его со мною другими узами, кромѣ честной клятвы. Однако, я прошу васъ, не оспаривайте его у меня. Напротивъ, я прошу вашей помощи. Будьте одной изъ тѣхъ волшебницъ, которыя соединяютъ постушекъ съ принцами. Клянусь вамъ крестомъ моего отца, что я достойна уваженія, что я не заставлю краснѣть семейство, которое приметъ меня какъ дочь.

— Но согласится ли тётушка на этотъ бракъ? спросила Мари безъ гнѣва и безъ досады.

— Можетъ-быть, возразила Полина:—баронесса любитъ меня немножко. Я хорошо исполняю ея порученія. Правда, что она всегда глядѣла на меня какъ на горничную...

Горечь опять наполнила сердце Полины, на губахъ ея опять появилась злая улыбка, а голосъ сдѣлался ироническимъ.

— Молчите, другъ мой! сказала невыразимымъ тономъ Мари де-Сулень, приложивъ руку къ губамъ молодой дѣвушки: — молчите! Тётушка добрѣйшая женщина; у нея были другіе планы. Но если кузенъ мой васъ любитъ, не надо болѣе думать о нихъ. Благодарю васъ за вашу откровенность. Вы правы: я не могу васъ презирать и не хочу васъ ненавидѣть. Я обѣщаю хлопотать за васъ. Я буду достойна вашего довѣрія и, такъ-какъ я обѣщала тётушкѣ быть ея дочерью, я буду заботиться какъ сестра о счастьѣ Гектора и вашемъ. Чувство, которое я имѣла къ моему кузену, навѣрно, было не любовь, а что-то менѣе или болѣе любви... желаніе доказать ему мое самоотверженіе. Сохраните мою тайну; я не хочу внушать вамъ состраданія. Клянусь вамъ съ своей стороны, что всякое соперничество было бы для меня постыдно. Но вы клянетесь также сдѣлать его счастливымъ?

— Клянусь! вскричала Полина, выпрямившись и съ глазами, блиставшими побѣдой.

— Принимаю вашу клятву; если вы измѣните ей, я возьму назадъ свое слово; я вылечу его отъ любви къ вамъ моей любовью.

— О, я не опасаюсь этой угрозы! возразила Полина, упавъ въ объятія, которыя раскрыла ей Мари.

Обѣ молодыя дѣвушки долго обнимались. Дружба, вспыхнувшая между ними, какъ-будто хотѣла искупить всю ихъ недовѣрчивость и всѣ прошлыя борьбы; онѣ разстались съ огорченіемъ, повторивъ обѣщанія, и между-тѣмъ какъ Полина возвращалась къ себѣ съ радостью, какъ съ найденнымъ кладомъ, Мари, печальная, но улыбаясь освящавшей ее горести, стала на колѣна и молилась Богу за Гектора, за Полину, за тётушку, принося въ жертву свое сердце, очищая мысленно свое самопожертвованіе послѣдними лучами земной любви.

Полина не могла заснуть. Но мечтательность была недостаточнымъ элементомъ для дѣятельности ея во время безсонницы: ей надо было читать, говорить или писать. Когда ея лихорадочный взоръ блуждалъ по комнатѣ, она увидала на каминѣ полученное утромъ письмо, которое она забыла распечатать. Часто, въ самые торжественные часы нашей жизни, въ кризисахъ, рѣшающихъ судьбу, мы занимаемся болѣе предметами, чуждыми нашимъ разсчетамъ, нашимъ планамъ. Наша душа точно будто удвоивается, и для того, чтобы спокойнѣе наслаждаться внутренними ощущеніями, она старается искать развлеченій, мѣшая этимъ ощущеніямъ заходить слишкомъ-далеко.

IV.

Полина съ какой-то жадностью схватила письмо, которое не имѣла желанія распечатать съ утра, и пробѣжала его быстро, какъ-будто желая найти тамъ приговоръ или освященіе своей любви.

Нужно ли намъ предупреждать читателя, что это безнравственное письмо напечатано только для того, чтобы серьёзно показать нравственную болѣзнь, и что мы раздѣляемъ искреннее негодованіе, какое оно внушило Полинѣ?

Полезно иногда застигать порокъ въ часы его откровенности и смѣлости и отнимать у него очарованіе лицемѣрія. Съ другой

стороны, новѣйшій романистъ долженъ принимать предосторожности относительно извѣстной публики и извѣстныхъ критиковъ, которые гораздо-болѣе пугаются формы, нежели сущности, и возлагаютъ на автора отвѣтственность въ горестныхъ безславіяхъ, которыя изучать предписываетъ ему совѣсть.

Разъ навсегда мы протестуемъ противъ требованій этого ложнаго стыда. Но вводя въ эту исторію презрѣнное существо, мы предпочитаемъ испортить драматическій эффектъ, переступить за правила искусства, просунуть голову изъ-за декорацій, предупредить, что мы презираемъ это главное дѣйствующее лицо, нежели позволить оклеветать трудъ, усиливающійся посредствомъ контрастовъ выставить дѣятельность и честность.»

Вотъ что̀ прочла Полина на розовой бумажкѣ, чрезмѣрное благовоніе которой заставило ее улыбнуться:

«Моя черная горлица,

«Я бы должна была за твое молчаніе предоставить тебя всѣмъ ужасамъ твоего положенія, еслибы у меня не было сострадательной души и еслибы я не чувствовала сильную охоту набросать на бумагѣ что̀ бы то ни было. Я все еще въ за̀мкѣ, который мой герой украсилъ своимъ присутствіемъ. Я нахожу, что за̀мокъ могъ бы обойтись безъ этого украшенія.

«Ты хочешь, можетъ-быть, узнать, все ли я довольна моею участью. Кажется, что такъ. Я скучаю-таки о Парижѣ. Молоко, зелень, природа немножко разстроиваютъ мнѣ желудокъ и нервы. Но скучать, въ-особенности въ началѣ связи, показываетъ хорошій тонъ, и я рѣшилась вооружиться терпѣніемъ еще на этотъ сезонъ. Когда листья начнутъ падать, я погрожу владѣльцу за̀мка, что наживу себѣ чахотку, если онъ не поспѣшитъ увезти меня въ Парижъ. Ахъ, Парижъ! только тамъ, моя милая, мы живемъ, мы царствуемъ; только тамъ мужчины глупы, оттого-что слишкомъ-умны; только тамъ становимся мы остроумными, оттого-что слишкомъ-глупы.

«Въ этомъ за̀мкѣ я похожа на пансіонерку, опять отданную въ монастырь. Я не смѣю смѣяться, не смѣю пѣть, не при-

думаю ни одного смѣшнаго словца. Я сентиментальничаю совершенно такъ, какъ вышивала бы по канвѣ. Но въ Парижѣ, ахъ! какъ я буду отлично жить!

«А ты что̀ дѣлаешь? Все еще грызешь корки съ масломъ у твоей старой англичанки? Я отсюда вижу, какъ ты чинишь свое платье, чтобы не сдѣлать слишкомъ замѣтнымъ пятно въ гостиной, куда тебя пускаютъ. Ты могла бы такъ наряжаться, такую внушать зависть, обожаніе, ненависть (это одно и то же) въ этомъ свѣтѣ, въ которомъ я владычествую и который презираетъ меня менѣе, нежели я его! Но ты захотѣла пойти по длиннѣйшему пути. Да пойдетъ тебѣ добродѣтель впрокъ! Пришли мнѣ сказать, когда ты отправишься въ богадѣльню; я пришлю тебѣ мою карету. Бѣдный другъ! я смѣюсь надъ тобою и сожалѣю о тебѣ. Я чувствую, какъ ты должна страдать. Ты обманываешь самое себя. Ты создана для роскоши, для любви, для упоенія чувствъ. Помнишь наши длинные разговоры въ институтѣ? Ты какъ-будто должна была воспламенить всѣхъ мужчинъ при первомъ взглядѣ твоемъ на жизнь. Ты даже въ дружбѣ выказывала порывы, которые, кажется, направлены были ошибочно. А профессору нашему, этому грязному Аполлону, ты приготовляла стаканъ воды съ такимъ усердіемъ, съ такимъ вниманіемъ, что точно-будто глаза твои вливали туда любовный напитокъ. Мы дали клятву. Помнишь ли ты? Мы поклялись быть любимыми и богатыми!... мы, бѣдныя дѣвушки безъ приданаго, у которыхъ не было ничего, кромѣ ума и красоты! Я сдержала свое слово: у меня есть годовой доходъ и любовь. Правда, что и то и другое не слишкомъ надежно, но все-таки я живу въ прекрасномъ замкѣ, у меня есть кашмировыя шали, я могу по своей прихоти раззорить человѣка, который меня любитъ; лицомъ я еще лучше прежняго; меня находятъ умной, чего не находили, когда я была бѣдна. Чего мнѣ недостаетъ? Уваженія, чести?... Если уваженіе — кредитъ, я ничего не должна моимъ поставщикамъ. Что̀ же касается до чести, то это слово не всѣ понимаютъ одинаково. Болѣе или менѣе чести у знатныхъ дамъ, имѣющихъ любовниковъ, нежели у меня? Я воображаю, что это удобное и неопредѣленное слово представляетъ общественное условіе, пред-

разсудокъ, что-то въ родѣ титулованной частички и имени. Въ тотъ день, когда, наскучивъ свободной жизнью, я соглашусь выдти за мужъ, въ этотъ день дуракъ, съ которымъ я раздѣлю опасность этого искушенія, возвратитъ мнѣ, только бы у него былъ какой-нибудь титулъ, весь блескъ невинности. Притомъ я хочу акуратно вести мою жизнь, компрометироваться всегда, но никогда не унижаться. Женщина, которая часто была любима, сохраняетъ для мужчинъ очарованіе, а женщинамъ внушаетъ вѣчную ревность, только бы она не имѣла неосторожности позволить себя застать въ такіе часы, когда ея будоаръ напоминаетъ лавку. Я всегда буду царицею и, клянусь тебѣ, никогда не получу публичнаго оскорбленія. Болѣе мнѣ ничего не нужно; да и въ свѣтѣ также болѣе не нужно ничего. Повѣрь мнѣ, Полина, ты была бы самой восхитительной, самой сумасбродной чародѣйкой. Твои маленькія губки пили бы шампанское съ очаровательнымъ неистовствомъ. Ты была бы зла, восхитительна и царапала, какъ кошка, всѣхъ, кого не обольщала бы какъ ангелъ.

«Чтò хочешь ты дѣлать? Твоя гордость упорно держится бѣдности. Не-уже-ли пріятно не имѣть ни свободы, ни любви, ни сочувствія, всегда внушать состраданіе и никогда не возбуждать зависти? Наша доля — бѣдныхъ дѣвушекъ безъ приданаго, въ которыхъ развиваютъ страсть къ роскоши, которымъ даютъ воспитаніе, приличное только для богатыхъ — искать стихіи, соотвѣтствующей этимъ инстинктамъ, этимъ деликатнымъ потребностямъ. Чего намъ недостаетъ для того, чтобы быть знатными дамами? Шелковаго платья и кашмировой шали. Ну, надо найти платье, оно принесетъ потомъ за собою кашмировую шаль. Въ этомъ вся задача! Стоитъ ли, право, обладать умомъ, образованіемъ, красотою, имѣть отцами героевъ великой арміи, которые цѣплялись шпорами за платья герцогинь, если всѣ эти воспоминанія, вся эта слава служатъ только къ тому, чтобы сдѣлаться штопальницами, школьными учительницами или горничными! Нѣтъ: хорошенькая дѣвушка дѣлаетъ большую ошибку, оставаясь бѣдна. Когда мнѣ докажутъ, что свѣтъ уважаетъ смиреніе и что добродѣтель въ модѣ, я наряжусь въ ситцевое

платье и стану заниматься хозяйствомъ. Но пока романы, театры, поэзія, живопись, всѣ искусства будутъ за прелестныхъ или любимыхъ женщинъ, пока мужья будутъ бросать безукоризненныхъ женъ, нагоняющихъ на нихъ зѣвоту, для такихъ тварей, какъ мы, которыя смѣшатъ ихъ и помогаютъ имъ жить, я предоставляю подобнымъ тебѣ упрямицамъ ломать зубы о сухія корки и колоть пальцы иголками.

«Я говорю тебѣ съ откровенностью, съ цинизмомъ, можетъ-быть—пусть такъ! Но я не имѣю лицемѣрнаго мужества завидовать тебѣ и поощрять тебя. Я чувствую себя въ атмосферѣ не совсѣмъ, можетъ-быть, счастливой, но имѣющей очень-привлекательное относительное счастье. Пріѣзжай ко мнѣ, или, покрайней-мѣрѣ, не сохраняй такого презрительнаго или жеманнаго молчанія. Ты знаешь, что я не такъ глупа, чтобы сердиться на твои честные предразсудки, если они еще остались у тебя. Пиши же мнѣ храбро, и если ты меня презираешь, хотя обожала меня въ институтѣ, брось мнѣ это презрѣніе по почтѣ; пусть я знаю, по-крайней-мѣрѣ, сколько есть спеси и тщеславія въ шелковомъ передникѣ бѣдной компаньйонки, между-тѣмъ какъ я каждый день ряжусь съ глупой надменностью какихъ-нибудь сосѣднихъ павъ, которымъ, по-крайней-мѣрѣ, служатъ предлогомъ для ихъ чопорности ихъ безобразіе и богатство.

«Но, нѣтъ! ты меня не презираешь, ты любишь меня попрежнему; не-правда-ли, мой маленькій Люциферъ? Разскажи мнѣ твои непріятности и, если не хочешь пріѣхать ко мнѣ, объясни мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, по какому волшебству ты, самая самовластная, самая запальчивая, самая страстная изъ всего нашего поколѣнія, одна покоряешься своей участи? Тутъ кроется какой-нибудь разсчетъ или какая-нибудь глупость, то-есть интересъ или чувство. Я очень опытна въ денежныхъ дѣлахъ и мнѣ любопытно было бы поучиться чувствамъ. Ты видишь, что надо ко мнѣ писать. Прощай, моя милочка! цалую тысячу разъ твою шейку, такую тонкую, такую худенькую шейку, что мнѣ бы хотѣлось задавить ее брильянтами.

«Другъ твой

«Адель де-Сент-Овидъ.»

Полина прочла это письмо съ надменной улыбкой отвращенія. Когда она кончила чтеніе, она скомкала письмо и хотѣла бросить, но одумалась, подошла къ столику и начала отвѣтъ на этотъ вызовъ, который, можетъ-быть, считала для себя искушеніемъ. Вотъ этотъ отвѣтъ, написанный съ увлеченіемъ негодующей души:

«Мой бѣдный другъ, мнѣ бы слѣдовало если не ненавидѣть тебя, то, по-крайней-мѣрѣ, вытѣснить изъ моего воспоминанія, такъ чтобы у тебя не осталось предлоговъ сообщать мнѣ извѣстія о себѣ. Но я сожалѣю о тебѣ и помню, что я тебя любила; мнѣ кажется даже, что я и теперь люблю тебя еще, несмотря на бездну, раздѣляющую насъ и болѣе-и-болѣе расширяющуюся между нами.

«Итакъ, ты рѣшительно поступила въ разрядъ женщинъ, гоняющихся единственно за удовольствіями, которыя лишаются права быть печальными и плакать!

«Ахъ, не это клялись мы пріобрѣсти! Я одна осталась вѣрна моей клятвѣ. Да, мы мечтали о богатствѣ, о любви, и я добьюсь того и другаго съ честью, не унизивъ своего характера, не осквернивъ своей души. Да, я все та же пылкая молодая дѣвушка, которую ты знала; но если я раскалила мое сердце въ одиночествѣ, то не затѣмъ, чтобы сжечь его до тла сумасбродной любовью и выпить его пепелъ въ бокалѣ шампанскаго. Ты смѣешься надъ корками лэди Фиц-Питерсъ и надъ моими бѣдными платьями. Но я, несмотря на то, что нищая, не перемѣню своего рубища на твои кашмировыя шали, мое потертое шелковое платье на твой бархатъ. Я свободна, а ты продана; я чиста, я имѣю право быть твердой; пренебрегающій мною свѣтъ не имѣетъ права презирать меня.

«Въ какую минуту получила я твое письмо! Еслибы ты знала какой свѣтъ, какая неизъяснимая сладость наполняли мою комнату! Ты вызываешь меня, когда я вооружилась непобѣдимой броней. Знай же, бѣдная, изгнанная изъ эдема дѣвушка, я любима! я люблю! О, это не пастораль и не романъ! Это любовь положительная и чистая, которая имѣетъ право показы-

ваться передъ всѣми, которая убьетъ меня невинною или поведетъ къ алтарю.

«Позволь мнѣ разсказать тебѣ то счастье, которое спасло бы меня, еслибы когда-нибудь я была подвержена опасности. Когда мы разстались по выходѣ изъ института, я строго допрашивала себя. Жизнь открыла мнѣ двѣ дороги: твою и ту, которую избрала я. Я слишкомъ-часто видѣла, какъ отецъ мой оплакивалъ проступки своей жены, которая обезславила его для того, чтобы не имѣть инстинктивнаго ужаса къ пороку. Притомъ страсть и гордость моего сердца не помирились бы съ двусмысленнымъ существованіемъ. Еслибы я пала, я не прицѣплялась бы къ вѣтвямъ, я упала бы на самое дно. Но я не расположена колебаться, я имѣю мужество, предвижу торжество. Мысль принять трудъ, нищету, зависимость компаньйонки прельстила меня какъ героическій подвигъ.

«Я покорно склонила голову, говоря себѣ, что когда-нибудь честный человѣкъ поможетъ мнѣ приподнять эту наклоненную голову и пойметъ горести моей жизни. Да, я очень страдала; да, я страдаю еще теперь. Но еслибы ты знала, какъ, одна въ своей комнатѣ, я мщу за униженія, которымъ я подвергалась, какъ я смѣюсь надъ всѣмъ этимъ обществомъ, которое не обратило на меня вниманіе и которое когда-нибудь приметъ меня въ число своихъ членовъ! Я была бы очень зла, еслибы меня не мучила потребность любить. Но не богохульство ли ненавидѣть, когда ищешь любви? Я прощаю этимъ невиннымъ палачамъ и, право, извиняю ихъ. Если они презираютъ насъ, то это не потому ли, что они угадываютъ нашу зависть и нашу алчность? И, можетъ-быть, не отдавая себѣ отчета въ впечатлѣніяхъ, тѣ, которые отдаляются отъ меня, подозрѣваютъ твою дружбу ко мнѣ.

«Лэди Фиц-Питерсъ не злѣе и не смѣшнѣе всякой другой. Я немножко пугаю ее—вотъ почему она не совершенно-несносна. Я могла бы найти мѣсто гораздо-хуже. Она мнѣ нравится по сравненію; притомъ теперь кто бы имѣлъ власть оскорбить меня?

«Ты знаешь, что мы живемъ въ первомъ этажѣ отеля, въ нижнемъ жильѣ котораго помѣщается семейство Вилльморанъ. Это

семейство состоитъ изъ старой и доброй женщины, очень-милой, очень-ничтожной, большой эгоистки, и ея сына. Гекторъ—мраморъ. Никогда безстрастность не была болѣе очевидна. Я была поражена съ перваго раза этой холодностью, исполненной добродушія, и, не находя ни презрѣнія, ни самохвальства, ни глупости въ этомъ человѣкѣ, я принуждена была понять, что Гекторъ игралъ роль, исполнялъ долгъ. Разговоры лэди Фиц-Питерсъ окончательно объяснили мнѣ все. Бѣдная лэди имѣетъ виды на этотъ каменный столбъ; признаваясь мнѣ въ своихъ надеждахъ и въ своихъ планахъ, она разсказывала мнѣ намѣренія баронессы де-Вилльморанъ и дала мнѣ возможность узнать истину. Гекторъ лишилъ себя радости любить и быть любимымъ для того, чтобы не огорчить материнскую любовь, доходившую до самаго ребяческаго эгоизма.

«Это мученіе, это самоподчиненіе могучей натуры благоговѣйной мысли воспламенили меня восторгомъ. Я угадала подъ наружнымъ спокойствіемъ глубокую скуку; я ловила слезы въ этихъ глазахъ, которые, казалось, не плакали никогда. Поодаль, въ гостиной, когда всѣ думали, что я занимаюсь какимъ-нибудь нелѣпымъ вышиваньемъ, я смотрѣла, я примѣчала, я испытывала Гектора; вотъ какимъ образомъ въ одно утро я проснулась невѣстой этого человѣка, всю тоску, всѣ жертвы котораго я разгадала и поняла.

«Клянусь тебѣ, что я не употребляла кокетства; но, по какому-то чудесному инстинкту, Гекторъ, въ свою очередь, угадалъ мои горести; можетъ-быть, онъ также изучалъ меня подъ своею маской, и когда я думала, что наблюдаю за нимъ, я сама была предметомъ глубокихъ изъисканій. Какъ бы то ни было, случай свелъ насъ однихъ въ гостиной. Мы не размѣнялись ни однимъ празднымъ словомъ. Гекторъ всталъ блѣдный и трепещущій, онъ позвалъ меня и протянулъ мнѣ руку. Намъ не о чемъ было говорить другъ другу, не въ чемъ признаваться. Я подала ему руку и заплакала единственными сладостными слезами въ своей жизни. Это было цѣломудренное обрученіе нашихъ душъ. Смѣйся, нечестивица! смѣйся надъ этой любовью, которой ты не

можешь даже завидовать! Я же нашла въ ней освященіе моей тягостной жизни!

«Гекторъ богатъ и знатенъ. Стало-быть, мое замужство откроетъ мнѣ доступъ въ свѣтъ. Я не разсчитывала на это, полюбивъ его; но я упоминаю объ этомъ для того, чтобы доказать тебѣ, что въ жизни есть еще небольшая логика и что прямая линія не всегда самая длинная. Я буду женою Гектора, это неоспоримо, однако это такъ невѣроятно, что иногда мною овладѣваетъ безумный страхъ, который дѣлаетъ меня несправедливой и деспотической. Согласится ли на этотъ бракъ баронесса?... Съ нѣкотораго времени молодая дѣвушка, родственница, прелестная какъ ангелъ и такая же добрая, поселилась у баронессы. Я почувствовала, что это соперница. Я очень ревновала, несмотря на увѣренія Гектора; много ночей я молилась и плакала, богохульствовала; но еслибы ты знала, какая у меня кроткая и милая соперница! Сегодня вечеромъ я видѣлась съ нею. Она узнала мою тайну, я хотѣла узнать тайну ея. Недовѣрчивость моя удвоилась. Мнѣ показалось, будто Гекторъ былъ взволнованъ гораздо-болѣе обыкновеннаго, услышавъ пѣніе своей кузины. Какъ я была безумна! Онъ думалъ обо мнѣ, слушая ее. Несмотря ни на что, я ушла, недовольная и встревоженная, когда очутилась лицомъ-къ-лицу съ этой молодой прелестной дѣвушкой, блескъ и чистота которой заставили меня трепетать. Я сдѣлалась безобразна отъ сдерживаемаго волненія, я чувствую, что сожигающій меня огонь истребляетъ мое тѣло; поэтому я ревную къ свѣжести и красотѣ.

«Не буду разсказывать тебѣ, что̀ происходило между Мари де-Сулень и мною; но знай, что я опять побѣдила. Когда мнѣ хотятъ преградить путь, я открываю мою любовь, и этотъ блестящій щитъ опрокидываетъ и громитъ тѣхъ, кто хочетъ мнѣ препятствовать. Я сжалилась надъ моею жертвой и, клянусь передъ Богомъ, хочу утѣшить ее преданной дружбой за слезы, которыя я имѣла жестокость заставить ее пролить. Ахъ, я очень довольна! и въ эту минуту, когда радость обливаетъ меня, въ эту самую минуту распечатала я твое письмо; и ты хочешь прельстить меня своими фальшивыми брильянтами, своею

фальшивой радостью, своей фальшивой веселостью! Но если ты хочешь растрогать меня, плачь и скажи мнѣ, что ты страдаешь. Я могу только презирать тебя и ненавидѣть, если ты сравниваешь твою развратную и постыдную жизнь съ моею жизнью, если упорно хочешь убѣдить меня, что твой путь стòитъ моего. Какъ! мои горести, моя лихорадка, мои безсонныя ночи, моя сдержанная любовь — все это не значатъ ничего! Твои гримасы, твой жадный разсчетъ, твоя веселость не уже-ли одинаковыя со мною права? Нѣтъ, молчи! Если ты хочешь, чтобы я продолжала любить тебя, позволь мнѣ сожалѣть о тебѣ.

«То, чтò ты говоришь о добродѣтели и уваженіи, старая эпиграмма низкихъ сердецъ, которыя не умѣютъ заслуживать уваженія. Если свѣтъ и терпитъ мошенниковъ обоихъ половъ, зато онъ умѣетъ все-таки дѣлать разницу между терпѣливой добродѣтелью, не ожидающей ничего отъ своихъ усилій, и порокомъ, спекулирующимъ на публичное безславіе. Мужчины же, предпочитающіе васъ честнымъ женщинамъ, мстятъ презрѣніемъ, которымъ они осыпаютъ васъ и которое ты отвергаешь. Нѣтъ, еще разъ, ты меня не прельстишь. Можетъ-быть, я слишкомъ горда, но я скорѣе убью себя, нежели покорюсь ужасной жизни, которую ты мнѣ указываешь.

«Прощай, моя бѣдная Адель. Все-таки пиши ко мнѣ. Оставь для себя свою карету. Если я отправлюсь въ богадѣльню, я пойду пѣшкомъ съ моей маленькой поклажей въ рукахъ. Но я очень боюсь, что мнѣ придется отправиться туда только затѣмъ, чтобы навѣстить тебя. Во всякомъ случаѣ, если мы когда-нибудь встрѣтимся, ты увидишь, какъ я переношу бѣдность, и я обѣщаю утѣшить тебя.

«Я начала это письмо съ гнѣвомъ. Я хотѣла проклинать тебя, но у меня не хватаетъ болѣе на это силъ. Состраданіе одерживаетъ верхъ. Я слишкомъ счастлива, чтобы не имѣть милосердія. Прими милостыню моего прощенія, или, скорѣе, моего состраданія; а если когда-нибудь ты захочешь бросить этотъ острогъ удовольствій, цѣлей котораго ты еще не чувствуешь,

обратись ко мнѣ безбоязненно. Я научу тебя, какъ надѣются и какъ очищаются страданіемъ.

«Прощай и дай Богъ, чтобы мы никогда не увидѣлись!

«Полина Фукò».

Написавъ это письмо, Полина могла наконецъ заснуть нѣсколько часовъ, и видѣла во снѣ баронессу де-Вилльморанъ, которая благословляла ее, называя своею дочерью. При первыхъ лучахъ разсвѣта, она встала, успокоенная, почти съ красотою на лицѣ.

Гекторъ, уходя изъ сада въ свою комнату, услышалъ шопотъ на площадкѣ между Мари и Полиной; не предвидя, не подозрѣвая рѣшительную важность происходившаго разговора, онъ почувствовалъ какое-то таинственное предчувствіе. Проснувшись на другой день, онъ допрашивалъ съ безпокойствомъ человѣка серьёзнаго, который не рискуетъ своей тайной въ двусмысленномъ поступкѣ, и спрашивалъ себя, что предписываютъ ему честность, долгъ, уваженіе къ матери и любовь къ Полинѣ?

Опасность была, можетъ-быть, велика. Принудить простодушный эгоизмъ баронессы назвать дочерью смиренную компаньйонку не значило ли лишиться всѣхъ заслугъ жизни, исполненной самоотверженія? Съ другой стороны, наложить на жгучее и пламенное сердце, вполнѣ отдавшееся ему, годы искуса безъ опредѣленнаго срока—значило употребить во зло любовь, которую лучше было бы не возбуждать и не поощрять. Въ своемъ недоумѣніи, Гекторъ ясно видѣлъ въ смерти матери грубое разрѣшеніе своего безпокойства; но благочестіе его пугалось этой страшной возможности и онъ считалъ себя матереубійцей, когда думалъ о своей любви.

Онъ имѣлъ привычку долго не выходить по утрамъ изъ своей комнаты. Баронесса вставала въ полдень; до-тѣхъ-поръ Гекторъ могъ заниматься своими трудами, чтеніемъ, размышленіями. Собственно онъ принадлежалъ себѣ только эту часть дня. Раздѣляемый между желаніемъ узнать, что было, разспросить Полину и Мари, если будетъ нужно, и боязнью показаться похожимъ на рома-

ническаго влюбленнаго, онъ подошелъ къ окну, отворилъ его и просилъ совѣта у перваго весенняго вѣтерка.

Полина и Мари гуляли въ саду. Первый разъ что-то похожее на короткость установилось между молодыми дѣвушками. Гекторъ очень удивился этому, потомъ старался угадать предметъ разговора; онъ подстерегалъ походку, жесты, взгляды, малѣйшія движенія, не понимая смысла этого разговора, который казался очень-серьёзенъ. Вдругъ онъ рѣшился.

— Лучшее средство узнать, о чемъ они говорятъ, вскричалъ онъ съ юношескимъ пыломъ, на-скоро одѣваясь:—это спросить!

Черезъ пять минутъ послѣ этой энергической рѣшимости, Гекторъ сошелъ съ лѣстницы съ быстротою школьника. Когда онъ дошелъ до нижняго жилья, духъ его привычной роли овладѣлъ имъ, и нашъ влюбленный показался на порогѣ дома съ суровостью мраморной статуи. Полина и Мари возвращались домой и вмѣстѣ подпимались на нѣсколько ступенекъ, возвышавшихъ отель надъ кухней. Гекторъ покраснѣлъ, но онѣ обѣ улыбнулись ему съ какой-то серьёзностью, стали одна по правую, другая по лѣвую его сторону, пожали ему руку и, безмолвныя какъ статуи, вошли въ домъ, оставивъ его смущеннымъ, удивленнымъ, встревоженнымъ и пристыженнымъ.

«Дѣло запутывается» думалъ любитель бабочекъ, не слишкомъ опытный въ женской дипломаціи.

Онъ спустился съ ступеней, на которыя онѣ поднялись, и вошелъ въ оставленную ими аллею.

V.

Въ современныхъ романахъ злоупотребляютъ природой. Влюбленные, признавшіеся въ своей любви по бемолю или по діэзу, спѣшатъ разсказывать объ этомъ розамъ и сиренямъ, облакамъ птицамъ, и невозможно сдѣлаться историкомъ малѣйшаго чувства, не призвавъ внѣшній міръ въ повѣренные или агенты.

Гекторъ де-Виллъморанъ—не слишкомъ совершенный герой для того, чтобы измѣнить въ такомъ критическомъ обстоятель-

ствѣ закону, которому подчинены всѣ ему подобные. Хотя онъ мало имѣлъ слабости къ сентиментальности, хотя его разсудокъ былъ твердъ и не легко колебался отъ кружащаго голову сердца, однако онъ поддался ласкамъ утра. Прогуливаясь по саду, онъ старался узнать отъ усыпанныхъ почками вѣтвей тайны, которыя могли оставить на нихъ молодыя дѣвушки. Онъ усиливался, вдыхая весенній воздухъ, просить у него совѣта, въ которомъ онъ такъ нуждался. Мужественный и рѣшительный, пока онъ могъ убѣгать отъ любви, онъ чувствовалъ себя слабымъ и нерѣшительнымъ теперь, когда его долгъ могъ компрометировать счастье благороднаго существа, довѣрившагося его благородству.

Проходя въ двадцатый разъ передъ окнами матери, онъ услышалъ свое имя. Баронесса, развеселившаяся отъ такого прекраснаго утра, звала его насмѣшливымъ голосомъ и удивлялась, что онъ не слышитъ ее.

— Ну, мой прекрасный Линдоръ, сказала любезная старушка: — развѣ ты оглохъ?

— Простите, матушка, отвѣчалъ Гекторъ съ покорностью ребенка: — я изучалъ...

— Рано же ты трудишься; но какъ я также хочу учиться, то приду къ тебѣ; подожди меня.

Баронесса отошла отъ окна. Гекторъ побѣжалъ къ ней на встрѣчу и встрѣтилъ ее у дверей спальни. Поцаловавъ у ней руку, онъ повелъ ее подъ-руку; но потребность необыкновенной дѣятельности придавала баронессѣ энергію, отъ которой силы ея удвоились. Точно будто станъ ея выпрямился и, какъ волшебницы, сбрасывающія свои морщины и свою столѣтнюю одежду въ минуту развязки, она явилась теперь молодой, свѣжей, румяной, какъ въ шестнадцать лѣтъ. Гекторъ улыбнулся при видѣ этой моложавости.

— Мнѣ кажется, что вы также встали сегодня рано, матушка?

— Я хотѣла-было совсѣмъ не ложиться, отвѣчала баронесса: — до того я нахожу, что жить хорошо, до того я боюсь умереть во снѣ!

— Какъ я радъ, что вы такъ веселы! сказалъ Гекторъ съ чувствомъ.

— Говоришь ли ты правду, и не желалъ ли ты иногда обожать меня по воспоминанію?

— О, можете ли вы думать это?...

— Боже мой! я знаю, что ты добръ и терпѣливъ. Ты не сынъ мой, ты моя дочь. Но я отдаю себѣ справедливость, Гекторъ: я требовательна, я эгоистка, печальное общество составляетъ такая старуха, какъ я, для такого молодаго и великодушнаго человѣка, какъ ты. Ну, дитя мое, если ты не хочешь, чтобы я спѣшила умереть, избавь меня отъ угрызеній совѣсти.

— Отъ угрызеній совѣсти!... повторилъ Гекторъ, остановившись и почувствовавъ, что сердце его забилось въ груди.

— Да! Я часто упрекала себя, что завладѣла твоею молодостью. Въ твои лѣта любятъ не однихъ только бабочекъ и предковъ.

— Что̀ вы хотите сказать? пролепеталъ Гекторъ.

— Я хочу сказать, продолжала баронесса, смѣясь и легонько ударивъ сына по рукѣ: — что ты негодный лжецъ, что ты любишь не одну меня и что я хочу, чтобы ты былъ со мною откровененъ.

— Клянусь вамъ...

— Фи! ты отрекаешься отъ любви, да еще при мнѣ! вскричала баронесса де-Вилльморанъ съ восхитительной насмѣшливостью. — Ну, если ужь надо помочь твоей скромности, узнай, что мнѣ извѣстна твоя тайна, господинъ влюбленный!

— Моя тайна?...

— Да, негодный, твоя тайна уже не тайна ни для кого, кромѣ развѣ бѣдной лэди Фиц-Питерсъ, которая умретъ отъ огорченія.

— Зачѣмъ говорите вы о лэди Фиц-Питерсъ, матушка? спросилъ Гекторъ, пораженный этой предупредительностью и не смѣя вѣрить своимъ ушамъ.

— Да вѣдь понадобится же ея согласіе!

— Но кто же сказалъ вамъ, что я влюбленъ, и какъ зовутъ ту, которую я люблю? спросилъ Гекторъ съ безпокойствомъ.

— О упрямецъ, неимѣющій довѣрія! Но повторяю тебѣ, что я знаю все, что я все угадала, притомъ она сама во всемъ мнѣ призналась!

Гекторъ ничего не отвѣчалъ. Онъ чувствовалъ себя ослѣпленнымъ. Мать его, которую онъ боялся оскорбить признаніемъ въ своей любви, не только знала о ней, но еще улыбалась этой мечтѣ, такъ долго лелѣянной безмолвно. Было отъ чего помутиться разсудку. Не-уже-ли онъ ошибся? не-уже-ли эта безмолвная мука его юныхъ лѣтъ, это добровольное самопожертвованіе сердца были безполезнымъ героизмомъ? не-уже-ли и онъ могъ, такъ же какъ и другіе, любить и быть любимымъ? не-уже-ли мать его не имѣла уже къ нему той ревнивой привязанности, которую онъ такъ старательно щадилъ? не-уже-ли, наконецъ, баронесса де-Виллъморанъ выслушала признаніе компаньйонки лэди Антоніи и, вдругъ забывъ свои предразсудки, свои привычки, свое рожденіе, фамилію, воспитаніе, могла признать, и даже съ удовольствіемъ, Полину Фуко своею дочерью? Это была, безъ-сомнѣнія, обманчивая мечта, заблужденіе, засада, сумасбродный миражъ, этому нельзя было повѣрить.

Вотъ что говорилъ себѣ Гекторъ потихоньку; но онъ еще надѣялся; это помѣшало ему поддаться искушенію и признаться въ своихъ чувствахъ; однако баронесса смотрѣла на него съ такою преданной нѣжностью, что вся его душа шевелилась на губахъ, и этотъ холодный человѣкъ сгаралъ желаніемъ предаться сумасбродной и шумной откровенности. Когда онъ раскрывалъ ротъ, чтобы возобновить вопросы и удостовѣриться послѣднимъ испытаніемъ, что въ благосклонности матери не было тайной мысли, Мари де-Сулень показалась на крыльцѣ.

— Приди же! вскричала баронесса. — Приди ко мнѣ на помощь противъ этого упрямца!

Мари, глаза которой имѣли тотъ странный блескъ, который оставляется слезами, прибѣжала однако съ улыбкой и взяла другую руку тётки. Она съ ужасомъ наблюдала нѣсколько минутъ за разговоромъ матери и сына и спѣшила, мужественная и пе-

чальная, не допустить, чтобы выдали ея тайну, и помочь кузену сохранить свою тайну или признаться въ ней.

— Ну, теперь будешь ли ты еще колебаться, нѣмой? сказала баронесса де-Вилльморанъ: — будешь ли ты еще увѣрять, что ты не любишь и не любимъ?

— Вы не правы, кузенъ, поспѣшила прибавить Мари кроткимъ и твердымъ голосомъ, въ тонѣ котораго скрывались тайные совѣты: — вы не правы, что не отвѣчаете откровенно на такую нѣжную просьбу. Чувства, внушаемыя и ощущаемыя вами, не должны бояться признанія, и вы оскорбляете вашу мать и еще другую особу вашимъ молчаніемъ.

Гекторъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на свою кузину; загадка запутывалась. Не-уже-ли Мари спѣшила къ нему на помощь? Не было ли и тутъ также болѣе жестокой, болѣе мучительной ошибки? Но, прочтя внимательнѣе на лицѣ спокойной и рѣшительной молодой дѣвушки, онъ смутно угадалъ героизмъ этой кротости, и это мужество пристыдило его.

— Вы правы, матушка; я сдаюсь. Я оскорбилъ бы глубокое чувство, одушевляющее меня, и поступилъ бы съ нимъ какъ съ школьнической любовью, еслибы не былъ готовъ признаться въ немъ всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ. Да, матушка, я люблю и любимъ, и такъ-какъ вы говорите, что ваше счастье связано теперь съ надеждами союза, о которомъ я никогда не осмѣлился бы говорить съ вами, будьте счастливы—у васъ будетъ дочь!

Говоря это съ волненіемъ, Гекторъ наклонился, чтобы поцаловать руку матери; вдругъ онъ почувствовалъ, что эта рука съ ужасомъ сжалась подъ его губами. Мари зашаталась и готова была лишиться чувствъ.

— Я ничего не понимаю! вскричала старая баронесса, поддерживая племянницу и положивъ ея голову къ себѣ на плечо:— въ мое время не такъ жеманились, однако любили столько же. У тебя надо вырвать, Гекторъ, слова, которыя обыкновенно выходятъ сами изъ сердца; а Мари, ободрявшая тебя, сердившаяся на твое молчаніе, готова лишиться чувствъ, когда

ты заговорилъ. Ахъ, дѣти мои! любите проще и мужественнѣе. Полно, полно! дочь моя, это ничего. Притомъ, развѣ это не комедія между нами троими? Не знала ли я заранѣе, въ чемъ дѣло, и не сказала ли ты мнѣ сама...

— Молчите, молчите! умоляющимъ голосомъ вскричала Мари.

— Опять! возразила, смѣясь, баронесса де-Вилльморанъ. — Рѣшительно глаза мои слишкомъ ослабѣли для того, чтобы читать ваши романы, мои милые друзья, или у васъ замѣшалась какая-то тарабарщина. Я понимаю скромность молодыхъ дѣвушекъ, но уже не до такой степени; скромность же мужчинъ была мнѣ неизвѣстна. Ну, не-уже-ли вы не скажете мнѣ ничего болѣе? Не-уже-ли эта ужасная тайна, которую мы знали всѣ и которую намъ не нужно было сообщать другъ другу, окаменила васъ?

Гекторъ, въ-самомъ-дѣлѣ, казался уничтоженнымъ. Онъ понялъ волненіе своей кузины, и не смѣлъ окончить признанія, такъ гордо поощряемаго этой благородной дѣвушкой. Ей измѣнило сердце, но она преодолѣвала себя и старалась улыбаться, чтобы удержаться отъ слезъ.

Съ минуту продолжалось молчаніе. Баронесса, которую это странное положеніе удивляло и забавляло, причину котораго она вовсе не подозрѣвала, смотрѣла на своихъ дѣтей съ ласковымъ коварствомъ и находила удовольствіе продолжать ихъ замѣшательство.

— Я теперь лишняя между вами обоими, друзья мои, сказала она наконецъ.—Я знаю, что̀ хотѣла знать. Моя роль разъиграна; я возвращаюсь въ свою спальню, гдѣ меня ожидаетъ мой каминъ. Вы причините мнѣ насморкъ на свѣжемъ воздухѣ. Я хотѣла бы, чтобы на этихъ розовыхъ кустахъ были розы: я осыпала бы васъ ими; я хотѣла бы, чтобы птицы пѣли на вѣтвяхъ: я взяла бы ихъ въ свидѣтели; но такъ-какъ птицы еще не оперились, а цвѣты не распустились, будемъ довольствоваться, мои влюбленные, этимъ старымъ плющемъ, который вьется по стѣнѣ и проживетъ долѣе меня. Я призываю въ свидѣтели эту зелень, которая улыбается вашей молодости и которая смѣется надъ моею старостью; я призываю въ свидѣтели это

прекрасное небо, и передъ этой декорацiей я соединяю васъ и благословляю, милые мои лукавцы. Дай мнѣ твою руку, Мари, дай мнѣ твою руку, Гекторъ. Сегодня вечеромъ я объявлю объ этомъ бракѣ моимъ друзьямъ, скажу имъ мою маленькую сельскую рѣчь. До свиданiя, дѣти мои! Я оставляю васъ однихъ. Не-правда-ли, что я хорошо разъиграла мою роль?

И баронесса, смѣясь и забавляясь, какъ ребячествомъ, этимъ союзомъ, который она рѣшила по обычаю осьмнадцатаго столѣтiя, пошла домой, оборачиваясь, чтобы смотрѣть на двухъ помолвленныхъ, неподвижныхъ и какъ-будто превратившихся въ статуи.

Гекторъ, улыбаясь съ горечью, слѣдилъ издали за матерью взглядомъ, запечатлѣннымъ какимъ-то родительскимъ состраданiемъ. Наступаютъ лѣта, когда покорность служитъ почтительнымъ покровительствомъ. Гекторъ взялъ за руку кузину и почувствовалъ ея холодную руку въ своей рукѣ Онъ не зналъ, какъ извиниться въ этой роковой ошибкѣ Мари, преодолѣвъ свое волненiе, ждала, чтобы Гекторъ заговорилъ; но какъ онъ упорствовалъ въ своемъ молчанiи, она сказала ему, удостовѣрившись, что баронесса вошла въ домъ и не могла застать ихъ врасплохъ:

— Кузенъ, мы обручены, вы видите. Но если вы связаны собственно за себя, я отдала свою руку отъ имени другой; у меня была на то довѣренность.

— Какъ! Мари, вы знаете?

— Да, я знаю все, кузенъ. Напрасно вы не имѣли довѣрiя къ моей дружбѣ. Мой прiѣздъ въ Парижъ былъ дѣломъ вашей матери и моихъ родныхъ. Я, бѣдная провинцiалка, могла охотно принять роль, назначаемую мнѣ, и еслибы я имѣла неловкость помнить, что въ нашемъ дѣтствѣ насъ обручали каждый день, я могла бы теперь, признайтесь, находиться въ положенiи немножко-смѣшномъ.

Мари была спокойна и улыбалась, говоря это. Эта гордая душа не имѣла слабости въ часъ опасности и исполняла спокойно принятую на себя обязанность. Гекторъ, растроганный этимъ величiемъ, скрытныя усилiя котораго онъ чувствовалъ, взволно-

ванный этой дружелюбной преданностью, сжалъ трепеща бѣлую и холодную руку своей кузины.

— Еслибы я осмѣлился, Мари, сказалъ онъ ей:—я упалъ бы къ вашимъ ногамъ, какъ передъ праведницей!

— Напрасно, возразила молодая дѣвушка, стараясь высвободить свою руку.—Песокъ сыръ, прибавила она тономъ, который хотѣла сдѣлать насмѣшливымъ:—и вы запачкаете ваше колѣно. Въ этомъ саду легко компрометировать себя.

— Итакъ, кузина, вы знаете мою тайну?

— Кузенъ, я знаю тайну другой особы, которая показала мнѣ уваженіе какъ сестрѣ и которая хочетъ, чтобы вы были моимъ братомъ. Гекторъ, вы добры, благородны, и имѣете въ привязанности гордой и чистой души должную вамъ награду. Но позвольте мнѣ, другъ мой, сказать вамъ, что у васъ недостаетъ рѣшимости. Я знаю все вниманіе, всѣ предосторожности, какія должна требовать ваша сыновняя любовь; но развѣ вы не можете имѣть свою волю и не пріобрѣли ли вы право заставить уважать безъ насилія честную любовь, оживляющую васъ? Я не имѣю, продолжала молодая дѣвушка съ восхитительной улыбкой:—большой опытности въ этихъ вещахъ, но мнѣ кажется, что добрая и простая откровенность лучшее и самое краткое средство. Вы видите, чего стòитъ колебаться: смѣшная ошибка и еще болѣе смѣшная помолвка, на чтò я имѣла бы право разсердиться.

— Мари, сестра моя, я благословляю васъ! Всю нѣжность, всю признательность, какія оставила мнѣ всепоглощающая и ревнивая любовь, отдаю я вамъ. Вы не знаете, чтò такое влюбленный, сдерживаемый такъ долго холоднымъ разсудкомъ, долгомъ. Я боюсь быть молодымъ, потому-что боюсь быть смѣшнымъ. Я достигаю цѣли, о которой мечталъ въ двадцать лѣтъ, и еслибы предался наполняющей меня радости, я провозгласилъ бы громко эту любовь, которую скрываю какъ проступокъ. Но вы знаете, кузина, что долженъ щадить нѣсколько ревнивую нѣжность. Матушка...

— Тётушка предупреждаетъ ваши желанія.

— Да; она желаетъ моей женитьбы, которая ни въ чемъ не

измѣнила бы ея привычекъ, которая не ввела бы чужую въ ея семейство, которая не оскорбила бы никакихъ предразсудковъ; но что скажетъ она, узнавъ истину?

— Выслушайте меня серьёзно, кузенъ, потому-что мнѣ кажется, что мои слова будутъ оракуломъ. Вы знаете, что дѣти, молодыя дѣвушки, сумасшедшіе вдохновляются часто духомъ, не зависящимъ отъ нихъ, который заставляетъ ихъ говорить посвоему. Ну! я чувствую, что одинъ изъ этихъ добрыхъ духовъ, спустившись прямо съ неба, вошелъ мнѣ въ сердце и вдохновляетъ меня. У васъ двойной долгъ: сына и жениха; ваши помочи кажутся вамъ очень-короткими, потому-что вы выросли. Будьте мужчиной и кротко объявите вашу волю. Тётушка васъ любитъ болѣе всего на свѣтѣ. Она боится прогнѣвить васъ; воспользуйтесь этой благосклонностью. Вы заставите надуться мосьё де-Сен-Паара, вы заставите бѣжать лэди Фиц-Питерсъ— большая бѣда! но вы восторжествуете надъ сопротивленіемъ, которое будетъ ничто иное, какъ маленькое материнское кокетство. Берегитесь, кузенъ! Ваше положеніе игра опасная для тѣхъ женщинъ, которыя не знаютъ вашей тайны; ваша слабость будетъ другою опасностью и еще болѣе важною для той особы, которую вы любите. Умъ и сердце Полины не совсѣмъ обыкновенны; она умретъ отъ вашей нерѣшимости, она убьетъ себя, если вы окажете ей пренебреженіе. Смѣлая противъ всѣхъ, она будетъ безсильна противъ ранъ, которыя вы нанесете ей. Берегитесь! Вы не имѣете права ни убивать, ни мучить эту молодую дѣвушку, которая слѣпо вѣритъ вамъ. Не всѣ имѣютъ безплодную силу безропотно покоряться, а Полина менѣе всего.

— Я вижу, что вамъ сдѣлали много признаній, кузина, серьёзно возразилъ Гекторъ.—Вы говорите мнѣ съ подавляющимъ меня разсудкомъ. Но узнайте меня всего и посмотрите, какой человѣкъ волнуется и дрожитъ за этой безстрастной маской, которую я надѣлъ на себя; обращаюсь къ вашей добротѣ, къ вашей героической кротости; я люблю глубоко, люблю любовью неограниченной, съ уваженіемъ, съ благоговѣніемъ эту бѣдную мужественную дѣвушку, которая осталась великой, гордой, чистой въ своей нищетѣ. Я люблю ее, и, позвольте мнѣ сказать

вамъ. въ этомъ все мое извиненіе, что я не полюбилъ васъ. Но объясните мнѣ, почему во мнѣ поднимается сопротивленіе, когда моя тайна хочетъ вырваться у меня; почему я боюсь признанія, которое связало бы меня передъ свѣтомъ? Это, безъсомнѣнія, низко и смѣшно. Я отдалъ бы мою кровь, мою жизнь, и не рѣшаюсь дать ей мое имя!... Мысль о женитьбѣ кажется мнѣ какой-то смутной опасностью. Для нея одной—я въ этомъ увѣренъ—боюсь я этой опасности. Но какова же эта опасность? Зачѣмъ меня мучитъ безпокойство и мѣшаетъ мнѣ рѣшительно идти до конца?

— Это потому, что вы ошиблись, кузенъ, и что вы не любите Полину.

— Можетъ-быть, наоборотъ, Мари; я слишкомъ ее люблю, потому-что моя нѣжность пріобрѣтаетъ провидѣніе ясновидящихъ душъ. По мѣрѣ того, какъ я изучаю ее и чувствую, что увеличивается моя преданность, я чувствую также различіе двухъ сердецъ, привлекаемыхъ другъ къ другу какимъ-то роковымъ закономъ противорѣчія. Чѣмъ болѣе мы будемъ любить другъ друга, тѣмъ менѣе будемъ въ состояніи слиться и имѣть одни и тѣ же ощущенія, однѣ и тѣ же деликатности. Ахъ, я не рѣшаюсь, не для себя, но для нея! Я предвижу страшное столкновеніе и думаю, еслибы я не любилъ ее до такой степени, я ненавидѣлъ бы ее горячо.

— Молчите, возразила Мари, стараясь улыбнуться, но ужасаясь этого признанія:—молчите! Это напрасное извиненіе вашей робости. Притомъ, кузенъ, теперь уже слишкомъ-поздно: зло уже сдѣлано. Если кто-нибудь изъ васъ двухъ долженъ страдать, страдайте лучше вы, потому-что вы предвидите горесть. У васъ холодное и покойное мужество; не давайте ему поколебаться. Кузенъ, я побуждала васъ къ счастью, я васъ понимала не такъ; теперь я уговариваю васъ къ страданію. Вотъ истинная и неразрывная связь между нами! Полина полагается на васъ; не обманите ее. Она любитъ васъ, вы сказали ей, что любите ее, не отступайтесь отъ искреннихъ словъ. Вотъ въ чемъ состоитъ строгая и немедленная ваша обязанность. Остальное принадлежитъ обстоятельствамъ и Богу. Будьте всегда доб-

ры, терпѣливы, преданны и предоставьте все времени. Счастье не самое главное на свѣтѣ, оно только принадлежность.

— Ахъ, Мари, какъ мы хорошо понимаемъ другъ друга!

— Потому-то, кузенъ, мы и не можемъ любить другъ друга, поспѣшила сказать съ трогательной ироніей героическая дѣвушка.—Послушайте: тётушка приготовила намъ сегодня какую-то засаду. Устроимъ также засаду и для нея. Она объявитъ о вашемъ бракѣ своимъ друзьямъ; объявите въ то же время о вашей любви ей и другимъ. Я буду тутъ же и помогу вамъ; мы ускоримъ дѣло и преодолѣемъ вашу нерѣшимость и предразсудки тётушки, которые вы преувеличиваете.

— Пусть такъ, Мари! вы внушаете мнѣ увѣренность. Я буду достоинъ вашей дружбы, сестра моя. Намъ, мужчинамъ, недостаетъ энтузіазма горести, мы запутываемся въ тонкостяхъ, и, несмотря на всю нашу честность и на все наше мужество, не умѣемъ справиться съ затрудненіями. Вы научаете насъ истинному величію; вы не анализируете ваши чувства, вы ихъ преобразовываете. Извините меня, кузина; вы увидите сегодня вечеромъ, что во мнѣ нѣтъ уже нерѣшимости и что я умѣю и хочу имѣть волю.

— Хорошо сказано, кузенъ! но разстанемся, потому-что не надо возбуждать ни чьей ревности.

— Это правда; она вѣдь ревнива?

— Кто? леди Фиц-Питерсъ? я думаю; и не имѣетъ ли она причины, кузенъ?

— Вы смѣетесь, Мари!

— О, не обращайте на это вниманія; это все-равно, какъ еслибы я плакала.

Это слово заставило вздрогнуть Гектора. Онъ хотѣлъ схватить руку кузины, но мадмоазель де-Сулень сдѣлала движеніе назадъ, приложила палецъ къ губамъ и повернулась къ нему спиной. Гекторъ понялъ, что всякое сопротивленіе будетъ нескромнымъ. Онъ перешелъ садъ и воротился въ отель.

Оставшись одна, Мари подняла свои наполненные слезами глаза къ небу и прошептала:

— Благодарю тебя, Боже мой, что ты далъ мнѣ силы выдер-

жать это испытаніе до конца! Бѣдный Гекторъ! бѣдная Полина! Не-уже-ли это любовь? Стало-быть, я не создана для любви...

Замѣтимъ мимоходомъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ дѣло пошло о любви, Гекторъ и Мари перестали говорить другъ другу «ты».

VI.

Мы находимъ всѣхъ нашихъ дѣйствующихъ лицъ, собравшихся въ гостиной баронессы де-Вилльморанъ, вечеромъ, послѣ совѣщанія въ саду. Аббатъ Легро получилъ особенное приглашеніе, и торжественность приглашенія заставила его надѣть новую сутану. Де-Сен-Пааръ, предвидѣвшій сентиментальную сцену, укрѣпился противъ душевнаго волненія чопорной осанкой. Мари, счастливая по наружности, улыбалась всѣмъ, подвигала кресло, протягивала руку съ безмолвной граціей челобитчицы, которая хочетъ выиграть свое дѣло, въ-особенности же чрезвычайно ласкала баронессу. Гекторъ былъ серьёзенъ, но вѣдь это былъ его обыкновенный видъ. Если нельзя было прочесть никакого волненія на его безстрастномъ лицѣ, можно было угадать по трепету рукъ, по блеску, сверкавшему изъ его глазъ, что приготовляющаяся партія серьёзна для него. Она тѣмъ болѣе серьёзна, тѣмъ болѣе ужасна, что партнеровъ нельзя ни принудить, ни презирать. Коллекція чешуекрылыхъ была забыта въ этотъ вечеръ. Сидя у стола въ гостиной, играя бахрамою скатерти, нашъ герой тихо думаетъ о своемъ героизмѣ и допрашиваетъ себя съ безпокойствомъ честной души.

Я бы хотѣлъ, чтобы Гектора де-Вилльморана оцѣнили по достоинству. Такой положительный и простой характеръ привлекаетъ по своей дѣйствительности пристрастіе читателя. Надо любить по размышленію этого размышляющаго человѣка. Изъ того, что онъ стыдится своей тайны, не надо заключать, что онъ слабъ и боязливъ. Легкомысліе матери сдѣлало его серьёзнымъ. Это была преданная натура, боявшаяся безполезныхъ изліяній, преувеличенныхъ поступковъ. Пугаясь сочувствія, сближавшаго двѣ антипатическія натуры, но слишкомъ гордый, слиш-

комъ добрый, слишкомъ честный для того, чтобы отступить потому только, что онъ предвидѣлъ горести, онъ высказалъ въ увлеченіи признаній, бывшихъ нѣкоторымъ образомъ выкупомъ Мари, свою тоску, свое волненіе; но эта минутная слабость была заглажена: онъ сказалъ, что умѣетъ и хочетъ сдѣлать то, что должно. Его наружная робость была сосредоточенностью благоразумнаго человѣка, и такъ-какъ нѣтъ другаго слова для изображенія этой мужественной души, кромѣ этого холоднаго и тяжелаго выраженія, я скажу, что это былъ человѣкъ осторожный. Но эта пустота была скорѣе полнота ума и сердца, нежели недостаточность ихъ, и хотя Гекторъ не былъ влюбленнымъ съ гитарой и съ стишками, онъ тѣмъ не менѣе чувствовалъ одну изъ тѣхъ непреодолимыхъ и рѣдкихъ страстей, которымъ надо завидовать или о которыхъ надо сожалѣть и ужь непремѣнно уважать.

Гекторъ, впрочемъ, былъ современнымъ Линдоромъ, котораго черный фракъ дѣлалъ серьёзнымъ, какъ дипломата, и который не можетъ принять на себя видъ Ромео съ наружностью биржеваго маклера.

Баронесса не пригласила лэди Фиц-Питерсъ и, разумѣется, также ея неизбѣжную компаньйонку. Она даже днемъ намекнула сентиментальной англичанкѣ, что вечеромъ виста не будетъ и что они желаютъ остаться одни поговорить о семейныхъ дѣлахъ. Можетъ-быть, лэди Антонія, хотя ей и тяжело было отказаться отъ подобнаго собранія, уважила бы желаніе, выраженное баронессой; но Полина, предупрежденная Мари и приготовленная къ рѣшительнымъ волненіямъ этого вечера, умѣла убѣдить вдову, что намеки баронессы де-Вилльморанъ не должны были удерживать ее, а напротивъ. Она возбудила ея любопытство намеками, предположеніями, которыми лэди Антонія оскорбилась. Можетъ-быть, должна была явиться неизвѣстная невѣста Гектора; можетъ-быть, въ этотъ вечеръ подписывался брачный контрактъ! Лэди Фиц-Питерсъ чуть-было не упала въ обморокъ при этихъ намекахъ, которыми Полина, несмотря на свое безпокойство, имѣла коварство напугать ее. Лэди Фиц-Питерсъ рѣшилась присутствовать, несмотря ни на что, въ этомъ собраніи, и, не по-

терявъ головы отъ яростной ревности, которая внутренно душила ее, она надѣла платье нѣжнаго цвѣта и заключила свои прелести въ узкую тюрьму, которая должна была внушить ей искушеніе освобожденія. Волосы ея поднимались, какъ два катафалка, до ея щекъ, показывая силу и благоуханіе косметическихъ средствъ. Всѣ драгоцѣнныя вещицы явились на свѣтъ; пальцы ея походили на пагоды, а руки на базаръ.

Замѣтьте, что лордъ Фиц-Питерсъ, по страсти къ своей профессіи, любилъ наполнять уборы Антоніи морскими эмблемами: перстни, брошки и браслеты всѣ представляли якоря. Этотъ символъ надежды былъ ироничен при подобной неудачѣ. Лэди Фиц-Питерсъ однако горячо допрашивала его.

Она вошла съ величіемъ, ясно изображавшимъ досаду; скрывая въ гримасѣ официальной и неподвижной улыбки, какое мученіе терпѣла она отъ желѣзныхъ тисковъ своего корсета, Антонія сѣла въ самое высокое кресло посреди гостиной и ждала какъ Юнона приговора Париса.

Полина Фукѐ очень-рѣдко оставляла лэди Фиц-Питерсъ. Это было извиненіемъ ея присутствія. Немножко-блѣднѣе обыкновеннаго, крѣпко прижимая руки къ груди, чтобы остановить дрожь, пробѣгавшую по всему ея тѣлу, пожирая пламенемъ своихъ глазъ всѣхъ особъ, собравшихся вокругъ камина, спрятавъ лицо за тѣнь абажура, она ждала съ нетерпѣніемъ, ускорявшимъ біеніе ея сердца до аневризма. Этотъ незначительный и смѣшной трибуналъ долженъ былъ рѣшить ея судьбу, ея жизнь! Эти добрые люди были ужасны. Что скажетъ эта смѣшная баронесса? Что подумаетъ этотъ шестидесятилѣтній чичисбей, который никогда не думаетъ ни о чемъ? А этотъ аббатъ, котораго лишали виста, какъ вмѣшается онъ? А Гекторъ какъ будетъ защищать свою любовь? Мари сдержитъ ли свое обѣщаніе? А сама она, Полина, будетъ ли имѣть силу остаться покойной и не хлопотать за себя криками и порывами? О, какъ она припоминала всѣ клятвы, которыми они обмѣнялись! Но достаточно ли клятвъ для того, чтобы сдѣлать Гектора непобѣдимымъ?

Каждый изъ присутствующихъ имѣлъ свою боязнь; никто не смѣлъ коснуться серьёзной причины собранія.

Время-отъ-времени кто-нибудь дѣлалъ замѣчаніе, произносилъ шутку, говорилъ слово, и опять все смолкало; никто не смѣлъ принять этотъ невольный вызовъ. Де-Сен-Паaръ съ какой-то шумной торопливостью поспѣшилъ заплатить карточный долгъ, но взоры всѣхъ тотчасъ же скромно опустились, для того, чтобы ихъ не подозрѣвали въ сообщничествѣ, и баронесса маленькимъ кашлемъ дала понять графу смѣлое неприличіе его честности. Аббатъ Легро чувствовалъ, что онъ долженъ имѣть мужество растопить ледъ; онъ обрекъ себя на жертву и сказалъ сладенькимъ голоскомъ:

— Я думалъ, баронесса, что вы хотѣли сообщить намъ что-то, и что это собраніе не имѣло никакой другой цѣли.

— Не кчему торопиться, поспѣшилъ прибавить графъ де-Сен-Пааръ:—можно отложить это извѣстіе до другаго дня.

— Сен-Пааръ, смѣясь, сказала баронесса де-Вилльморанъ:—еслибы даже я имѣла причины откладывать, то ваше замѣчаніе заставило бы меня рѣшиться. Откладывать до завтра всегда неблагоразумно; въ наши лѣта это неизвинительная самонадѣянность. Ну, да! я собрала васъ для того, чтобы сообщить вамъ одно важное событіе, друзья мои: я женю моего сына. Ахъ, я не принуждаю его; онъ совершеннолѣтній! Мнѣ остается только благословлять его выборъ; не-правда-ли, Гекторъ?

Гекторъ всталъ.

— Матушка, я беру друзей нашихъ въ свидѣтели благословенія, которое вы даете моей невѣстѣ. Но простите меня, если я ранѣе не могъ сказать вамъ ея имя.

— Что̀ это значитъ? вскричала баронесса, обернувшись къ Мари, улыбающейся и неподвижной по наружности.

— Это значитъ, матушка, что Мари моя сестра, моя повѣренная, мой лучшій другъ, но она не можетъ быть моей женой.

Аббатъ Легро нахмурилъ брови, графъ де-Сен-Пааръ потупилъ глаза въ полъ, лэди Антонія почувствовала упоеніе безумной надежды, Полина дрожала, а Мари все улыбалась. Ба-

ронесса шевелила руками и качала головою, какъ бы въ туманѣ; она могла только сказать:

— Кто... другая... какъ ее зовутъ?

Гекторъ сдѣлалъ движеніе. Лэди Антонія вздрогнула и, увлеченная за предѣлы британской скромности, протянула ему руку. Но Мари встала и, перейдя черезъ гостиную, подошла къ Полинѣ, которая выпрямилась при ея приближеніи. Обѣ молодыя дѣвушки подошли посреди всеобщаго безпокойства.

— Тётушка, сказала мадмоазель де-Сулень, слегка толкнувъ Полину и принудивъ ее стать на колѣна передъ баронессой:— Вотъ кого надо благословить!

— Никогда! съ живостью вскричала баронесса де-Вильморанъ, съ шумомъ отодвинувъ свое кресло.

У адмиральши, по странному феномену, сорвалось съ губъ одно изъ самыхъ энергическихъ ругательствъ покойнаго Фиц-Питерса, но она не упала въ обморокъ. Она задыхалась и громила Полину всею картечью своихъ глазъ. Аббатъ Легро и графъ де-Сен-Пааръ покраснѣли отъ такого скандала. Мари съ простымъ величіемъ держала свою тонкую и бѣлую руку на плечѣ Полины, чтобы принудить ее остаться на колѣнахъ.

— Матушка, сказалъ Гекторъ твердымъ голосомъ: — представляю вамъ мою невѣсту и прошу васъ называть ее дочерью и любить.

Баронесса не отвѣчала ничего. Она была въ бѣшенствѣ, зачѣмъ ее обманули. Въ-сущности это было самое главное ея возраженіе, но она искала предлоговъ.

— Вы хотѣли имѣть дочь, тётушка, прибавила Мари съ кротостью: — а я привела къ вамъ двухъ; поцалуйте ихъ.

— Но ты, бѣдное дитя!... вскричала баронесса, не смотря на Полину и протягивая обѣ руки къ Мари.

— Я, отвѣчала мадмоазель де-Сулень: — поставила вамъ засаду и вы попались въ нее. Не-правда-ли, кузенъ, что я не люблю васъ?

— Она васъ обманываетъ, баронесса, сказала гордымъ и трепещущимъ голосомъ Полина, все стоявшая на колѣнахъ.— Она любитъ его, но она принесла себя въ жертву, когда узнала,

что я люблю его и любима имъ. Пусть эта жертва будетъ уважена, какъ того заслуживаетъ. Если сынъ вашъ выбралъ меня, баронесса, это значитъ, что я достойна быть вашей дочерью.

Бѣдная баронесса чувствовала, что глаза ея готовы наполниться слезами. Она хотѣла-было уступить, но ей пришла гибельная мысль посовѣтоваться взоромъ съ своими друзьями. Графъ де-Сен-Паръ выказывалъ самую колкую иронію; онъ пожималъ плечами съ видомъ, который говоритъ: «одураченная бѣдняжка!» Холодный и чопорный аббатъ осуждалъ своею позою это вынужденное материнское благословеніе. Что же касается до лэди Фиц-Питерсъ, то нельзя описать разстройства, виднѣвшаго на ея лицѣ. Никогда ея неустрашимый супругъ не испытывалъ бурь, подобныхъ той, которая изображалась на чертахъ вдовы. Оскорбленная скромность въ-особенности бросала громъ и молнію изъ ея зрачковъ.

Баронесса де-Вилльморанъ пришла въ замѣшательство отъ этой оппозиціи; притомъ ея эгоизмъ, согласившійся на раздѣлъ съ Мари, пробудился еще требовательнѣе передъ притязаніями посторонней, и какой посторонней!

Притомъ, хотя у ней не было предразсудковъ и, собираясь уже скоро соединиться съ своими предками, баронесса вовсе не думала щадить ихъ, однако она считала себя обиженной въ своемъ дворянскомъ достоинствѣ этою перспективою неравнаго брака. Поэтому, хотя ей тяжело было огорчить своего сына, но какъ она привыкла злоупотреблять его покорностью, то принявъ холодный и надменный видъ, подавивъ свое волненіе и сухо поднявъ бѣдную Полину, все стоявшую на колѣнахъ съ удивительнымъ терпѣніемъ, она сказала:

— Мадмоазель Фукò, вы простите мнѣ мое удивленіе. Еслибы я могла предвидѣть, въ какое заблужденіе я попала, я не созвала бы свидѣтелей для этого небольшаго объясненія. Сынъ мой далъ вамъ права, которыхъ я не оспариваю, но вы сами не захотите получить согласіе, вырванное увлеченіемъ. Позвольте мнѣ собраться съ мыслями и нѣсколько подумать. . .

— Матушка, сказалъ Гекторъ, видѣвшій, какъ губы Полины

задрожали отъ нетерпѣливо сдерживаемаго гнѣва:—съ чѣмъ другимъ нужно вамъ совѣтоваться, кромѣ вашей нѣжности ко мнѣ? Никогда забота о моемъ счастьѣ не шла наперекоръ вашему счастью. Первый разъ я смѣю настаивать на-своемъ. Не отлагайте согласія, котораго я жду какъ знака вашей любви, безъ которой я не могу обойтись безъ глубокаго огорченія.

— Гекторъ, развѣ ты упрекаешь меня, что я не могла жить безъ твоей дружбы?

— Матушка, я не дѣлаю вамъ упрековъ, я обращаюсь къ вамъ съ просьбой. Я хотѣлъ предупредить васъ не допустить мучительнаго объясненія. Случай далъ намъ свидѣтелей. Я обращаюсь къ ихъ благоразумію; я увѣренъ, что они помогутъ мнѣ убѣдить васъ.

— Молчите, мосьё де-Виллъморанъ, запальчиво перебила Полина, вставая: — развѣ вы не видите, что мое происхожденіе находятъ слишкомъ ничтожнымъ для того, чтобы носить ваше имя? Не-правда-ли, графъ? не-правда-ли, господинъ аббатъ? не-правда-ли, милэди?

И раздраженная молодая дѣвушка указывала поочередно на каждаго изъ присутствующихъ, которые потупляли глаза.

— Молчи, Полина! сказала Мари, пугавшаяся вспыльчиваго характера молодой дѣвушки и дрожавшая, чтобы не произнесено было словъ, которыхъ поправить не будетъ возможности.

— Вы оскорбляете моихъ гостей, колко вскричала баронесса.

— Баронесса, вскричала Полина: — оскорбляютъ меня и я защищаюсь. Графъ де-Сен-Пааръ, что вы думаете о женитьбѣ барона де-Виллъморана на компаньйонкѣ лэди Фиц-Питерсъ? Заклинаю васъ отвѣчать мнѣ по чистой совѣсти.

— По чистой совѣсти, отвѣчалъ шутя съ кисло-сладкой любезностью графъ де-Сен-Пааръ, котораго все происходившее оскорбляло до крайней степени: — я нахожу, что вы заслуживаете дани отъ умнаго человѣка, и понимаю, что отъ васъ трудно отказаться.

— Видите, баронесса, продолжала Полина съ ужасной холодностью, обратившись къ баронессѣ: — трудно отказаться отъ

меня! Это двусмысленный комплиментъ, который можно понять такъ, что любить меня не значитъ терять время, но что я слишкомъ честолюбива и имѣю притязаніе на бракъ.

— Я протестую! вскричалъ, краснѣя, графъ де-Сен-Пааръ.

— О, я не сержусь на васъ! А вы, господинъ аббатъ, передъ кѣмъ всѣ сердца должны быть равны, что вы скажете о моемъ честолюбіи?

— Я скажу, отвѣчалъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, но съ строгостью викарій: — что мое званіе не позволяетъ мнѣ легкомысленно произнести приговоръ между такимъ опредѣленнымъ и священнымъ долгомъ, какъ сыновняя покорность, и весьма сомнительными правами мірской страсти. Я прошу Бога, чтобы Онъ просвѣтилъ васъ всѣхъ троихъ, и позвольте мнѣ прибавить, что смиреніе и скромность—первыя права на Его милости.

— Вы правы, господинъ аббатъ, я слишкомъ-горда. Присутствіе лэди Фиц-Питерсъ напоминаетъ мнѣ это. Милэди, я не смѣю спрашивать вашего мнѣнія, но вы знали меня столь терпѣливой, столь спокойной, что я прошу васъ дать мнѣ аттестатъ въ хорошей нравственности и кротости для того, чтобы я могла войти въ этотъ домъ.

— Я должна вамъ кое-что другое, отвѣчала съ несравненной гордостью надменная Антонія: — я должна вамъ ваше жалованье, которое заплачу вамъ, потому-что отказываю вамъ отъ мѣста.

— Вы отдадите его барону Гектору де-Виллъморану; оно будетъ моимъ приданымъ.

Говоря это шипящимъ голосомъ, Полина повернулась спиною къ адмиральшѣ. Та нѣсколько утѣшилась при мысли, что отвѣтъ ея былъ не совсѣмъ глупъ.

Гекторъ и Мари, огорченные этой вспышкой, пожали другъ другу руки безмолвно и очень краснорѣчиво; они спрашивали себя такимъ образомъ, какое счастье возможно съ этой обидчивой душой. Но дѣло шло не столько о счастьѣ, сколько о чести, и Гекторъ, желая прекратить сцену, которая уже слишкомъ-долго продолжалась, поцаловалъ руку баронессы, говоря ей:

— Я прошу у васъ сегодня только одного, матушка, и вы не можете отказать мнѣ въ этомъ: заставить всѣхъ въ вашемъ домѣ уважать эту молодую дѣвушку, достойную уваженія. Объ остальномъ мы поговоримъ послѣ.

— Хорошо, сынъ мой. Извините меня, мадмоазель Полина, продолжала съ очаровательной любезностью баронесса де-Вилльморанъ: — мое первое удивленіе было грубо, но я хочу теперь видѣть въ васъ друга моей племянницы, и вы всегда будете уважаемы, какъ того заслуживаете, въ томъ домѣ, гдѣ Мари дочь и царица.

— А меня, вскричала Полина, побѣжденная какъ всегда кротостью и бросаясь къ ногамъ баронессы: — не-уже-ли вы не назовете никогда вашей дочерью?

— Кчему? меланхолически отвѣчала баронесса, которая не хотѣла дать слово: — мнѣ такъ мало остается времени быть матерью!

Полина поняла, что не слѣдуетъ болѣе настаивать. Она хотѣла доказать, что также умѣла покоряться и что ея разсудокъ, когда слѣдуетъ, сковывалъ ея гордость. Она съ уваженіемъ поклонилась баронессѣ и, голосомъ, потерявшимъ всю пронзительность, сказала:

— Простите меня также за тягостныя волненія этого вечера. Господинъ викарій правъ. Сыновняя покорность — священный долгъ. Мосьё Гекторъ съумѣетъ исполнить его, а я съумѣю его уважать. Мадмоазель Мари будетъ моею порукою. Она научитъ васъ не ненавидѣть меня, а я научусь отъ нея безропотности, и если вы не сочтете меня достойной быть вашей дочерью въ глазахъ свѣта, я передъ Богомъ буду уважать васъ какъ мать.

Это отступленіе было искусно; послѣ этихъ словъ, которыя стоили ей страшныхъ усилій, Полина поклонилась и хотѣла уйти; но она зашаталась и не видала дверей. Мари подбѣжала къ ней, поддержала ее, проводила въ ея комнату, и тамъ съ Полиной, которая не могла долѣе сдерживать себя, сдѣлался ужасный нервическій припадокъ съ сильными рыданіями и слезами.

Графъ де-Сен-Пааръ и аббатъ Легро ускользнули послѣ нѣс-

кольких словъ соболѣзнованія. Молчаливый и печальный Гекторъ проводилъ мать, которая поцаловала его съ бо̀льшей нѣжностью, нежели обыкновенно. Лэди Антонія воротилась къ себѣ съ холоднымъ бѣшенствомъ. Если призракъ лорда Фиц-Питерса бродилъ въ этотъ вечеръ вокругъ алькова его неутѣшной вдовы, онъ долженъ былъ найти, что богатый мавзолей, который сдѣлала для него эта новая Артемиза, успокоивалъ совѣсть ея, и что первая заслуга умершихъ—не возвращаться съ того свѣта.

Мари де-Суленъ просидѣла почти всю ночь у изголовья Полины. Она старалась успокоить ее, довести до холоднаго разсужденія этотъ впечатлительный умъ, который раздражало малѣйшее препятствіе и который истрачивалъ значительную жизненность въ безполезныхъ борьбахъ. Это была одна изъ тѣхъ привилегированныхъ или гибельныхъ натуръ, которыя смѣло переступаютъ чрезъ дѣйствительность, не боясь сохранить шипы въ ногѣ. Правду сказать, въ происшествіяхъ этого вечера не было причинъ для глубокаго отчаянія: было очевидно, что баронесса де-Вилльморанъ, черезъ нѣсколько дней, если ее будутъ упрашивать, уступитъ и протянетъ объятія невѣстѣ своего сына. Немножко терпѣнія и ловкости могли преодолѣть это сопротивленіе. Вотъ что̀ ясно выдавалось изъ этой сцены; вотъ что̀ Мари усиливалась показать Полинѣ. Но Полина имѣла потребность въ горести столько же, какъ и въ любви; ея тревожная душа не примирилась бы съ легко-доставшимся счастьемъ, съ побѣдой безъ битвы.

VII.

Полина Фукò—дочь отставнаго офицера—смутно помнила свое первое дѣтство, окруженное попеченіями и довольствомъ, и считала себя какъ-бы изгнанницей, какъ-бы падшей царицей, имѣющей право возвратиться въ свои владѣнія. Украсивъ свой умъ всѣми богатствами, всею роскошью, какія могутъ только находиться въ теплицахъ общественнаго образованія, любя рос-

кошную жизнь и завидуя ей, чувствуя себя выше многихъ знатныхъ дамъ, которыхъ она видѣла въ пріемной, она не сомнѣвалась въ своихъ правахъ владычествовать въ свѣтѣ. Слишкомъ гордая для того, чтобы выпрашивать свое возстановленіе, она раздражалась и страдала отъ малѣйшаго замедленія. Преувеличивъ сопротивленіе общества, которому она такъ завидовала, что не могла не оклеветать его немножко, она принимала малѣйшіе бугорки за горы и даже разочаровалась бы, достигнувъ безъ препятствій, безъ затрудненій цѣли, которой она желала такъ сильно, что не могла и не хотѣла считать ее легко-доступной.

Я старался растолковать, какимъ образомъ Гекторъ де-Вилльморанъ, съ умомъ серьёзнымъ и положительнымъ, не былъ глупъ; я хотѣлъ бы также, изъ противоположности, заставить уважать эту молодую дѣвушку и жалѣть о ней—молодую дѣвушку мужественную, экзальтированную продолжительной мечтательностью, которую терпѣніе сдѣлало чувствительной до крайности и которая, случайно поставленная въ несвойственное ей положеніе, страдала и сама еще растравляла свою рану.

Я объяснюсь. Уже шестьдесятъ лѣтъ французское общество, взволнованное, разстроенное, сбившееся съ пути, на который ему невозможно воротиться, ищетъ своей дороги. Меланхолію этого вѣка нельзя приписать болѣе никакой другой причинѣ. Она началась съ мужчинъ, и кто изъ насъ не трепеталъ отъ сѣтованій Ренэ, отъ мелодическихъ жалобъ поэта *Размышленій?* Мнѣ кажется, что женщины, въ свою очередь—я говорю о женщинахъ серьёзныхъ—заразились болѣзнью Ренэ. Къ сестрѣ перешла лихорадка брата. Сначала, разсѣянная, занимаясь утѣшеніемъ другихъ, она не имѣла времени думать и печалиться, жалѣть о себѣ самой. Но мало-по-малу мужчина пресытился или принесъ себя въ жертву; онъ достигъ цѣли: онъ жилъ; онъ проглотилъ слезы и разжалъ кулаки. Женщина тогда могла собраться съ мыслями и спросить себя, принимала ли она участіе и занимала ли свое мѣсто въ этомъ переходномъ обществѣ, которое нѣкоторые напрасно считаютъ лучшимъ свѣтомъ.

Если писатели нѣсколько злоупотребляли въ романахъ, из-

ображая непонятыхъ женщинъ, то это еще не причина, чтобы женщину понимали лучше. Не-правда-ли, что она дурно уважается и, слѣдовательно, дурно воспитывается въ этой толпѣ дѣловыхъ и невѣрующихъ людей, которая называется девятнадцатымъ столѣтіемъ? Воспитаніе это—родъ тюрьмы, въ которую на нѣсколько лѣтъ запираютъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя не могутъ еще имѣть притязанія на кашмировыя шали и на шляпки съ перьями. Ихъ учатъ исторіи для того, чтобы имъ не захотѣлось воротиться къ прежнимъ временамъ; ихъ пугаютъ литературой, а подъ предлогомъ изученія музыки ихъ предаютъ фортепьянному Минотавру, и не успѣваютъ сдѣлать изъ нихъ ни практическихъ, ни образованныхъ женщинъ. Этотъ полупробужденный разумъ, неимѣющій достаточныхъ рессурсовъ, чтобы успокоиться и удовлетворить себя, даетъ семействамъ супругъ съ претензіями или ничтожныхъ. Подстрекаютъ ихъ честолюбіе, а не приготовляютъ ихъ къ дѣйствительности. Что же вы хотите, чтобы дѣлала такая молодая дѣвушка, какъ Полина Фуко, съ живымъ воображеніемъ, съ надменнымъ сердцемъ, но безъ точнаго вѣрованія, сдѣлавшаяся завистливой по сравненію, сдѣлавшаяся недовѣрчивой по убѣжденію въ мелочности свѣта? Или она возмутится противъ презрительнаго матеріализма, который не довольно цѣнитъ нравственныя качества, или она будетъ страдать съ колкостью, съ неудовольствіемъ, съ злопамятствомъ. Великія и мужественныя сердца, какъ у Мари де-Сулень—исключенія; обидчивые и тревожные умы, какъ у нашей героини, встрѣчаются гораздо-чаще. Не всѣ имѣютъ ея добродѣтель, ея упорство въ добрѣ, и черезъ это она дѣйствительно достойна сожалѣнія, потому-что не всѣ имѣютъ ея непобѣдимое довѣріе къ любви. Съ иронiей, которую возбудили въ ней ея бѣдность и спесь ея подругъ, съ сомнѣніемъ, которое происходитъ отъ полузнанія и ничего не умѣетъ принимать довѣрчиво, Полина кажется тираномъ, а можетъ-быть только жертвой, жертвой другихъ, потому-что она жертва самой себя. Видя, по образу мнѣнія свѣта, только двѣ дороги для себя—дорогу безропотности, которую она выбрала, сгибая шею передъ митенками лэди Фиц-Питерсъ, или дорогу эмансипаціи, которую ея дву-

смысленная пріятельница Адель де-Сент-Овидъ пробѣгаетъ прыжками, Полина, раздраженная этимъ выборомъ, поклялась найти третій путь — геройскій и чистый; но она становитъ на него ногу съ свирѣпой осторожностью: она боится встрѣтить тамъ упорную оборону, и такимъ образомъ, не имѣя хладнокровія, она всегда переходитъ за цѣль, которой она желаетъ достигнуть, и портитъ счастье, которое могла бы вкушать при бо̀льшемъ спокойствіи и простотѣ.

Справедливость требуетъ признать, что въ нынѣшнемъ обществѣ нѣтъ болѣе безднъ для пилигримовъ, отправляющихся въ путь къ его вершинамъ; даже есть ли въ немъ еще рытвины и грязь? Между вассаломъ и владѣтельницей зàмка нѣтъ уже подъёмнаго моста. Водевильная поговорка: *видали королей женившихся на пастушкахъ*—сдѣлалась плоской и обыкновенной, какъ статья гражданскаго уложенія. Слѣдовательно, у Полины Фукò не было безмѣрнаго честолюбія, когда она мечтала о чести называться баронессой де-Вилльморанъ. Ей нужно было имѣть только немножко безропотности, чтобы достигнуть этой цѣли, вѣчно-желаемой и обыкновенно химерической—любви въ бракѣ. Но я дурно объяснился, если не успѣлъ дать понять, что и такія души, какъ у Полины, никогда не довольствуются успѣхомъ и, достигнувъ хорошаго, завидуютъ лучшему. Впрочемъ, надо сожалѣть о нихъ, надо также восхищаться ими до нѣкоторой степени—этими натурами, страстно привязанными къ идеалу, желающими блистательнаго и чистаго торжества, любящими съ сверхъестественнымъ пыломъ и оскорбляющимися, какъ стыдомъ для нихъ, малѣйшимъ камешкомъ, который третъ имъ ноги. Эта преувеличенная обидчивость есть упоеніе чести.

Полина обѣщала Мари де-Сулень имѣть мужество и хладнокровіе; но когда она осталась одна, она лишилась этой рѣшимости. Царапины раскрылись и облились кровью, какъ большія раны. Она испугалась, что находится въ присутствіи этихъ смѣшныхъ существъ, которыя не поняли ее; она хотѣла также испытать любовь Гектора, спокойствіе которой было для нея упрекомъ, и провела остатокъ ночи, приготовляясь къ отъѣзду.

Проснувшись, Мари получила записку такого содержанія:

«Милостивая государыня,

«Я ѣду. Я не могу остаться ни одного дня болѣе въ этомъ домѣ. Лэди Фиц-Питерсъ прогнала меня. Баронесса не можетъ взять меня къ себѣ въ услуженіе. Гектору не нужна компаньйонка, и мнѣ не для чего оставаться здѣсь. Вы предложили мнѣ, мой ангелъ, гостепріимство вашихъ родныхъ, ходатайство вашей дружбы. Благодарю. Богъ да благословитъ васъ, великодушная и милая соперница! Я, уѣзжая, стану на колѣна у порога вашей компаты и поцалую слѣды вашихъ ногъ. Вы столь великодушны, столь же чисты, сколько я эгоистична и жалко привязана къ моей любви.

«Ахъ, сколько гордости въ этомъ узкомъ мозгу мелкихъ дворянъ! Сколько равнодушія въ этомъ аббатѣ, который долженъ былъ бы защитить меня? А Гекторъ?—зачѣмъ не поставилъ онъ на свое мѣсто всѣхъ этихъ болвановъ, передъ которыми я должна была унижаться? Вы хотѣли испытанія моей покорности, моей кротости надъ этими насмѣшливыми существами. Вы отвѣчаете за успѣхъ, и успѣхъ быстрый, если я останусь; я предпочитаю бѣжать и ждать, чтобы имъ сдѣлалось совѣстно за свою жестокость. Я не знаю, куда я отправлюсь, въ какомъ пансіонѣ буду я учить молодыхъ дѣвушекъ безстрастно повиноваться роднымъ и ужасаться воображенія и любви.

«Я послѣ пришлю вамъ адресъ; теперь мнѣ нужно уединеніе. Гекторъ не умретъ отъ моего отсутствія. Не утѣшайте его въ особенности. Я думаю, что гораздо-лучше предоставить его собственной волѣ. А еслибъ вы воротились къ вашимъ роднымъ, вы оставили бы въ этомъ эгоистическомъ жилищѣ пустоту, которая заставила бы подумать обо мнѣ. О, простите, простите за эту ревность! Но я боюсь васъ, и однако сержусь на себя за это! Когда вы узнаете мой новый адресъ, оставьте его у себя, возьмите его съ собой, пишите ко мнѣ, но не показывайте никому. Если онъ меня любитъ, онъ долженъ самъ найти меня, угадать гдѣ я.»

Мари не очень удивило это письмо. Съ своимъ простодушнымъ здравымъ смысломъ, она поняла, что такая сложная душа,

какъ у Полины, не будетъ продолжать на томъ же мѣстѣ борьбу, не совсѣмъ удавшуюся. Она печально улыбнулась при чтеніи тѣхъ строкъ, въ которыхъ Полина умоляла ее уѣхать и оставить ей свободное поле. На этотъ счетъ Мари рѣшилась еще наканунѣ, и думала, что лучшимъ средствомъ заставить баронессу согласиться было дать ей почувствовать скуку одиночества.

Гекторъ, съ своей стороны, предчувствовалъ намѣренія Полины. Онъ вышелъ рано и нашелъ на лѣстницѣ ждавшую его Мари. По тому, какъ она пожала ему руку, онъ угадалъ побѣгъ Полины.

— Она уѣхала, не-правда-ли? спросилъ онъ печально.

— Могла ли она остаться? отвѣчала Мари.

— Но пусть она ѣдетъ, если сомнѣвается въ моей волѣ, съ лихорадочной энергіей возразилъ Гекторъ, очевидно, взволнованный до раздраженія безсонной ночью.

— Вы несправедливы, кузенъ, вы жестоки!

— А вы, кузина, слишкомъ снисходительны, или, лучше сказать, вы боитесь разувѣрить меня. Вы уважаете странное чувство, овладѣвшее мною. Вы хотите внушить мнѣ обманчивую мечту, потому-что у меня ея нѣтъ. Я хочу упросить васъ исполнить до конца вашъ долгъ.

— Увы! не-уже-ли у меня нѣтъ довольно увлеченія, чтобы сдержать свое слово? Не-ужели я не довольно люблю эту бѣдную дѣвушку, который недостаетъ въ моей жизни какъ ребенка, котораго я лишился и о которомъ боюсь узнать? Вѣрно, я сильно люблю ее, если не полюбилъ васъ!

— О, не будемъ говорить обо мнѣ, Гекторъ! вскричала Мари, краснѣя и взявъ съ простотою сестры руку кузена.—Я довольна доставшейся мнѣ долей. Я чувствую, что буду вамъ полезна, можетъ-быть необходима и вамъ и ей. Ваша будущность пугаетъ меня, однако я ручаюсь за честь и любовь Полины. Но между вами есть какое-то необъяснимое недоразумѣніе. Будьте болѣе мужчиной, кузенъ. Я прошу васъ объ этомъ и для васъ и для нея. Вы говорили, что нашли въ ней дочь—ну (я говорю это серьёзно), будьте ея матерью. Я чувствую, что она имѣла недостатокъ въ хорошихъ примѣрахъ и въ прочной привязан-

ности. Ея честность есть усиліе ея совѣсти, трудъ ея воли. Доставьте ей почести этого свѣта, которому она завидуетъ и котораго опасается; но держите ее твердо за руку, чтобы не допустить ее броситься туда неблагоразумно или отступить. Это душа великая; ей недостаетъ вѣрованія, дайте ей его. Этою цѣною только она будетъ счастлива. И вы тоже можете быть счастливы. Но не боритесь противъ чувства, привлекающаго васъ къ ней. Это болѣе нежели любовь: это непреодолимое влеченіе призванія.

— Мари, откуда у васъ этотъ вдохновенный разумъ? спросилъ Гекторъ, простодушно смущенный тономъ, которымъ говорила его кузина.

— Вы не очень любезны, кузенъ, возразила съ очаровательнымъ, хотя нѣсколько принужденнымъ смѣхомъ неустрашимая молодая дѣвушка.—Вы удивляетесь, отчего я не говорю вздоръ, какъ-будто я не имѣю права имѣть немножко здраваго смысла, когда имѣю къ вамъ столько дружбы!

Гекторъ вздохнулъ; онъ понималъ всю деликатность и предвидѣніе этого преданнаго чувства, къ которому честь предписывала ему благодарность.

Эти два существа, столь благородныя, столь гордыя, столь очевидно-созданныя другъ для друга, но столь нѣжно-покорныя судьбѣ, чтобы не любить другъ друга истинной любовью, пожали другъ другу руку и поглядѣли одинъ на другаго до глубины души; но они остались вѣрны святости своего обязательства, и Гекторъ имѣлъ мужество сохранить всю свою вѣру, потому-что если когда-нибудь ему позволено было вѣрить въ сродство душъ, то въ этомъ случаѣ—нѣтъ.

— Я также уѣду, продолжала мадмоазель де-Сулень послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Однако вы мнѣ нужны, Мари.

— Я буду болѣе вамъ полезна издали, кузенъ.

— Я васъ понимаю; уѣзжайте... но обѣщайте мнѣ писать къ ней, постараться смягчить этотъ неукротимый характеръ.

— Если я люблю васъ, кузенъ, могу ли я не любить ее?

Произнеся эти слова, которыхъ она не сказала бы за нѣс-

колько дней передъ этимъ, Мари была спокойна и на губахъ ея виднѣлась самая цѣломудренная улыбка. Гекторъ принялъ это обѣщаніе дружбы съ благоговѣніемъ. Онъ не смѣлъ разспрашивать кузину, какія признанія сдѣлала ей Полина. Онъ не спросилъ у ней, куда Полина уѣхала. Онъ безропотно покорился испытанію, котораго требовали отъ его любви.

Баронесса приняла сына и племянницу съ ласковостью, которая служила самымъ трогательнымъ признаніемъ ея слабости. Однако, когда она узнала, что компаньйонка уѣхала, она обнаружила простодушную радость, измѣнившую ея тайнымъ чувствамъ. Она надѣялась, что этотъ побѣгъ упроститъ положеніе и что Мари, оставшись безъ соперницы, займетъ мѣсто, выбранное для нея баронессой де-Вилльморанъ. Но Мари не долго дала продолжаться этой мечтѣ: она уничтожила ее улыбкой, объявивъ о своемъ отъѣздѣ.

— И ты также ѣдешь! вскричала баронесса. — Всѣ отъ меня бѣгутъ; я вижу, что надоѣла всѣмъ!

Вышли изъ-за стола послѣ завтрака и перешли въ гостиную. Лэди Фиц-Питерсъ, торжественно разрядившись, приготовившись для рѣшительной битвы, облокотившись о кресло, какъ ораторъ, чувствующій потребность ощущать каѳедру, ждала баронессу де-Вилльморанъ. Она имѣла блаженную важность малабарской вдовы передъ костромъ.

— И вы также пришли увѣдомить меня о вашемъ отъѣздѣ? спросила баронесса.

Англичанка поклонилась, потупила глаза и сказала:

— Да.

— Но всѣ съ ума сошли! продолжала баронесса де-Вилльморанъ, опускаясь на свою бержерку и приглашая лэди Фиц-Питерсъ сѣсть.

Но лэди Антонія, неподвижная и безмолвная какъ статуя Веллингтона, давала понять своею позою, что она имѣетъ сообщить важное извѣстіе, и желаетъ, чтобы ее ободрили для разговора.

— Я пойду въ садъ, сказала Мари.

— Предлагаю вамъ руку, кузина, прибавилъ Гекторъ, смутно пугавшійся этого бронзоваго призрака.

Антонія величественно обернулась къ Гектору и Мари, сдѣлала имъ кротко-повелительный знакъ, чтобы удержать ихъ, а на Гектора бросила взглядъ горлицы, сопровождаемой британскимъ воркованьемъ, которое равнялось просьбѣ. Поправивъ перстни на пальцахъ, она начала свою рѣчь, прерываемую пылкими вздохами, и тономъ, который можно угадать, но который передать невозможно, извинилась въ смѣлости своего поступка, просила пощадить ее отъ имени національныхъ приличій въ эксцентричности ея поведенія, пролепетала неопредѣленныя протестаціи въ пользу своей стыдливости, потомъ, сжегши этотъ ѳиміамъ своей скромности, приступила съ неустрашимостью адмиральши, зажигающей порохъ, къ цѣли своего визита. Она была невольною причиною непріятной огласки. Ея компаньйонка, воспользовавшись преимуществами благосклонной рекомендаціи, возвысила свои притязанія до смѣлости войти въ семейство Виллморанъ. Этотъ проступокъ, наказанный побѣгомъ виновной, былъ однако недостаточно вознагражденъ. И она, лэди Антонія, вдова адмирала Фиц-Питерса, пришла предложить своимъ хозяевамъ всякое удовлетвореніе, какое только захотятъ они потребовать, жертвуетъ своею рукою, именемъ, богатствомъ, званіемъ лэди Фиц-Питерсъ для того, чтобы искупить притязанія Полины Фукъ.

Лицо вдовы сдѣлалось красно, какъ англійскій мундиръ, во время этой рѣчи. Зловѣщее и комическое молчаніе послѣдовало затѣмъ. Гекторъ отвѣчалъ такъ серьёзно, какъ только могъ, что этотъ поступокъ глубоко его тронулъ, но что онъ не заслуживаетъ этой жертвы: онъ былъ сообщникомъ Полины и домогался наказанія—жениться на ней.

Баронесса смѣялась, сидя на своемъ креслѣ; Мари почти съ состраданіемъ смотрѣла на эту бѣдную смѣшную женщину. Лэди Антонія окидывала трехъ слушателей величественнымъ и умоляющимъ взоромъ. Она увидала свою неудачу и свое пораженіе. Оставалось только спасти свой флагъ и взлетѣть на воздухъ. Выпрямившись такъ, что чуть не сломались ея позвонки, и при-

крывъ свою ретираду величественнымъ вызывомъ, она сказала съ несравненной гордостью:

— Милордъ, простите, что я пренебрегла французскими обычаями и забыла, что послѣ революціи у васъ нѣтъ неравныхъ браковъ. Честь имѣю вамъ кланяться. Вы можете пустить другихъ жильцовъ въ мою квартиру: я выѣзжаю изъ вашего отеля.

— Вы неблагодарны, лэди Фиц-Питерсъ! вскричала баронесса де-Вилльморанъ.

— Чѣмъ же я вамъ обязана? возразила свирѣпая вдова.—Я уношу отсюда оскорбленіе и мысли, которыя возмутятъ мое спокойствіе надолго.

Эти послѣднія слова, произнесенныя тономъ стыдливости, были высокой попыткой мужественнаго отчаянія. Антонія не смѣя поднять глазъ, боясь встрѣтить насмѣшки, и вышла изъ гостиной съ суровостью призрака, обвинявшаго въ равнодушіи Гамлета.

— Сумасшедшая! сказала баронесса, пожавъ плечами, какъ только дверь затворилась за англичанкой.

— Какой вы побѣдитель, мой прекрасный кузенъ! смѣясь сказала Мари.

Гекторъ принялъ насмѣшку, которая относилась къ лэди Антоніи.

— А все-таки домъ нашъ опустѣлъ, сказала баронесса, вздыхая: — и твой отъѣздъ, племянница, оставитъ насъ въ одиночествѣ.

— Вы боитесь этого, тётушка?

— Дитя мое, у меня были такія веселыя идеи съ нѣкотораго времени; я такъ привыкла къ мысли увеличить, а не уменьшить число окружающихъ меня.

— Зачѣмъ же вамъ отказываться отъ этихъ мыслей, матушка? сказалъ кротко Гекторъ.

— О! я не отказываюсь отъ нихъ—вотъ почему мнѣ не нравится этотъ опустѣвшій домъ! Куда же отправилась эта гордая Полина?

— Я узнаю и напишу вамъ, отвѣчала Мари.

— Ты напишешь? Развѣ ты рѣшительно хочешь ѣхать?

— Да.

— Ну, поѣзжай, дитя мое. Ты знаешь, о чемъ я мечтала; но Гекторъ недостоинъ тебя. Ты праведница, ты заставила меня образумиться. Развѣ я могу сопротивляться, когда ты просишь меня? Ахъ, сынъ мой! ты заслуживаешь счастья; но вспомни, если когда-нибудь станешь сожалѣть, что ты не можешь проклинать за это твою мать. Она выбрала для тебя вѣрное счастье, ты предпочелъ неизвѣстность; я не упрекаю тебя: мы не властны въ своемъ сердцѣ, оно управляетъ нами. Притомъ я довѣряю твоему разсудку и буду любить ту, кого любишь ты.

Гекторъ сталъ на колѣна, какъ ребенокъ, передъ матерью. Мари отирала нескромныя слезы. Уже не думали смѣяться надъ лэди Антоніей, которая съ отчаяніемъ повѣряла свое горе попугаю, между-тѣмъ какъ чемоданы ея укладывали въ карету, которая должна была увезти ее изъ Курсельской улицы.

VIII.

Мари де-Сулень уѣхала изъ Парижа черезъ нѣсколько дней послѣ разсказанныхъ нами происшествій. Убѣжденія тётки не могли удержать ее. Эта мужественная и благородная дѣвушка не могла и думать о томъ, чтобы обратить въ свою пользу побѣгъ Полины. Она не имѣла даже искушенія остаться. Гекторъ смотрѣлъ на ея отъѣздъ съ горестнымъ предчувствіемъ. Онъ смутно чувствовалъ, что его счастье, логика его судьбы убѣгали отъ него. Мари снова увѣрила его, что она уѣзжаетъ для того, чтобы болѣе быть ему полезной.

Баронесса въ первый разъ въ жизни имѣла истинное огорченіе остаться одна въ своей гостиной. Она съ гнѣвомъ заперла фортепьяно, призвала де-Сен-Паара, чтобы осыпать его эпиграммами, упрекала его, что онъ негодный эгоистъ, что у него сухое сердце, вліяніе котораго вредно; она надулась на викарія, который не ходатайствовалъ за любовь ея сына. Не надо думать, чтобы добрая баронесса хоть сколько-нибудь сердилась на компаньйонку лэди Фиц-Питерсъ. Она нашла, конечно, что сынъ ея не зналъ тол-

ку въ женщинахъ и что онъ имѣетъ странный вкусъ, предпочитая эту худощавую, колкую и вовсе неизящную молодую дѣвушку поэтическому созданію, которое она вызвала изъ провинціи; но эта любезная язычница не была еще такъ близка къ своему обращенію, чтобы не простить любви. Она даже потихоньку восхищалась этимъ хитрецомъ, который измѣнилъ материнскому воспитанію. Притомъ она не имѣла времени ждать, а Полина Фуко могла, какъ и всякая другая, удовлетворить той семейной фантазіи, которая пробудилась въ ней такъ поздно, съ лихорадкой истиннаго раскаянія. Если она была недовольна, то сама собой, зачѣмъ не умѣла все угадать и увлеклась движеніемъ досады, узнавъ о страсти сына; но слишкомъ-искусная для того, чтобы покаяться въ своей ошибкѣ, она признавалась въ ней, упрекая въ томъ своихъ сообщниковъ.

Гекторъ угадывалъ эти чувства и былъ ими тронутъ. Мари обѣщала написать, лишь только узнаетъ объ убѣжищѣ компаньйонки. Черезъ недѣлю послѣ своего отъѣзда, она увѣдомила кузена, что его невѣста помѣстилась въ одномъ пансіонѣ, что она не можетъ еще прислать ему адресъ, но что, по всей вѣроятности, Полина не долго будетъ дуться на счастье и сниметъ съ себя обѣтъ молчанія. Гекторъ поблагодарилъ кузину, не сказалъ ничего матери, которую еще болѣе окружилъ ласками, скрылъ въ себѣ тоску и сомнѣнія, возбужденныя въ немъ этимъ упорствомъ, притворился, будто еще прилежнѣе погрузился въ свои занятія, и ждалъ.

Вотъ письмо, которое получила Мари де-Сулень и которое откроетъ намъ странныя причуды ея соперницы, или, скорѣе, ея друга:

«Моя прелестная мадонна!

«Пишу вамъ это письмо въ Курсельскую улицу, но надѣюсь, что оно найдетъ васъ уже въ родительскомъ домѣ.

«Я надѣюсь! Ахъ, простите мнѣ это слово, которое можетъ показаться оскорбленіемъ вашей добротѣ, вашей преданности!

«Какое я гнусное существо! Я понимаю великодушіе жертвы, инстинкты у меня честные, всякій низкій поступокъ мнѣ противенъ, и я не хочу ему вѣрить, я довѣряю любви Гектора, до-

вѣряю моей любви, которая не допуститъ ни побѣдить себя, ни унизить—и однако я ревную и сомнѣваюсь, какъ-будто не вѣрю ни чести де-Вилльморана, ни вашей добродѣтели! Надо сожалѣть обо мнѣ, другъ мой. Эти сомнѣнія—мученіе для моей гордости. Я была воспитана въ ироніи. Вы, моя добрая Мари, расцвѣли кротко, невинно, между ласками уважаемой матери и улыбкою отца, который благословлялъ васъ въ каждомъ взглядѣ. Я же была затрудненіемъ для моихъ родителей. Мать моя никогда меня не любила, и это было величайшимъ ея благодѣяніемъ, потому-что еслибы она меня любила, она погубила бы меня... Отецъ мой жалѣлъ обо мнѣ и боялся быть несчастнымъ черезъ меня, какъ былъ несчастливъ черезъ мою мать; поэтому онъ всѣми силами старался затушить мою чувствительность, охладить мои мечты, раздавить своимъ грубымъ разсудкомъ, своимъ здравымъ воинскимъ смысломъ всѣ эти цвѣты души, которые, прежде будучи мечтами, становятся добродѣтелями.

«Желая предохранить меня, онъ столько разъ показывалъ мнѣ изнанку человѣческой жизни, что мнѣ теперь трудно смотрѣть на лицевую ея сторону. Какъ только я вступила въ возрастъ пониманія, этотъ несвѣдущій герой, воображавшій, что часть его горести происходила отъ этого невѣдѣнія, поспѣшилъ образовать меня. Меня отдали въ одинъ институтъ наравнѣ съ дочерьми французскихъ маршаловъ. Я была брошена въ добычу наукѣ какъ ни попало, съ тщеславными подругами, смѣявшимися надъ моимъ усердіемъ къ занятіямъ и открывавшими мнѣ тѣ стороны свѣта, которыя отецъ мой скрылъ отъ меня. Я бы могла развратиться, но я только научилась злу, научилась недовѣрять добру; неполное образованіе, не оставивъ мнѣ никакихъ обманчивыхъ мечтаній, внушило мнѣ однако сомнѣнія; научившись презирать свѣтъ, я возъимѣла желаніе управлять имъ.

«Я учена, то-есть невозмутимо отвѣчу первому встрѣчному педанту; однако я завидую невѣдѣнію, имѣющему вѣру.

«Но вотъ въ чемъ моя слабость или моя сила, моя награда или мое наказаніе. Я хочу любить, я хочу быть любимой, не тайно, не просто, какъ женщина, которая не довольно-безобразна, чтобы не найти мужа или любовника. Нѣтъ! я хочу, что-

бы меня выбрали, чтобы меня домогались; я хочу, чтобы страдали, желая обладать мною; я хочу, чтобы провозгласили мою любовь; я хочу, чтобы свѣтъ говорилъ: «Она ни богата, ни знатна, ни красавица, но она царствуетъ, потому-что ее любятъ, но она обладаетъ любовью и наукой». Кокетство ли это? Нѣтъ. Гордость ли это? Можетъ-быть; но это болѣе всего жажда нѣжности. Ахъ, я слишкомъ ненавижу, я слишкомъ презираю, я слишкомъ сомнѣваюсь для того, чтобы не имѣть неизмѣримой потребности отдохнуть въ любви, отъ всѣхъ этихъ утомленій, отъ всей этой ироніи, отъ всего этого ясновидѣнія моего ума! Но этой единственной цѣли моихъ силъ, моихъ способностей, всѣхъ моихъ чувствъ, этой любви, которая будетъ моею жизнью или моею смертью,-я боюсь дать ускользнуть отъ меня и боюсь схватить ее.

«Гекторъ прельстилъ меня своей холодностью, своей безропотностью. Я сказала себѣ, что этотъ человѣкъ, безъ любезности, безъ пошлости, глубоко и просто преданный, который понималъ, угадывалъ меня, былъ единственнымъ неизмѣннымъ сердцемъ, единственнымъ алмазомъ, котораго такая любовь, какъ моя, ядъ или огонь, не могла ни измѣнить, ни разрушить. Я сказала себѣ, что этотъ ясный разумъ, который любилъ меня умомъ, никогда не будетъ имѣть ни слабости, ни отвращенія ко мнѣ; и я полюбила его и люблю, такъ-что умерла бы отъ его пренебреженія, готова убить себя отъ его измѣны. Но это неизлечимое сомнѣніе, эта рана ложнаго знанія, которою я страдаю, заставляетъ меня колебаться и приковываетъ меня къ порогу этого счастья. Я боюсь быть обманутой, боюсь ошибиться или обмануть другихъ.

«Довольно ли знаетъ меня Гекторъ, довольно ли онъ уважаетъ меня? Не сострадапія ли болѣе, нежели любви, чувствуетъ онъ ко мнѣ? Я имѣла такой смиренный, такой скромный видъ позади лэди Фиц-Питерсъ—не-правда-ли? Любитель насѣкомыхъ былъ тронутъ, онъ протянулъ руку надо мной, но знаетъ ли онъ, какова я, и когда я не буду болѣе несчастна и дурно одѣта, не потеряю ли я моего очарованія? Съ другой стороны, довольно ли я предупредила его моими взглядами, словами, сколько

онъ долженъ найти во мнѣ сдержанной страсти, ревнивой горячности, восторженной нѣжности? Да и онъ ли самъ обновится мнѣ въ немъ? Не честолюбіе ли—одушевить его? Не заслуга ли разгадать эту загадку, заставить запылать этотъ мраморъ, расшевелить это безрастіе? Любовь ли это, или это только гнѣвъ, или только честолюбіе? Онъ богатъ, онъ знатенъ, а я, столь гордая своею бѣдностью, не пылаю ли тщеславіемъ къ мірской суетности? Люблю ли я Гектора болѣе его имени, его богатства, его титула? Еслибы онъ былъ бѣденъ, ничтоженъ, жалокъ, любила ли бы я его? любила ли бы я его болѣе? Наконецъ—простите меня, Мари, что я открываю вамъ эти вещи—довольно ли вѣренъ мой умъ для того, чтобы чувства никогда не помрачали его? Эта первая любовь не будетъ ли первой прихотью?... Какъ я осмѣлилась написать эти слова, которыя я едва дерзаю читать въ себѣ? Я богохульствую и оскорбляю васъ, другъ мой, но я предана такой странной борьбѣ, я такъ боюсь рисковать всей моей душой, я чувствую такъ хорошо, что это разочарованіе было бы смертнымъ приговоромъ, что я волнуюсь, колеблюсь и нахожу въ моемъ сердцѣ лютое мужество испытать себя и испытать другихъ.

«Да, вотъ причина моего безразсуднаго поведенія. Я буду защищаться противъ этой любви, мысль о которой восхищаетъ меня, какъ защищалась бы противъ несчастья. Я буду женою Гектора не прежде, какъ побѣжденная, разбитая очевидностью, и когда я буду твердо увѣрена, что въ моемъ и въ его умѣ нѣтъ болѣе мѣста для сомнѣнія. Я напрасно—не-правда-ли?—отлагаю счастье, которое такъ сладостно-предупредительно ко мнѣ. Вы мнѣ сказали, и я въ этомъ убѣждена, что слабое сопротивленіе баронессы, къ удивленію ея друзей, не устояло бы противъ покорнаго слова. Я могла бы остаться въ этомъ домѣ и съ вами, не нарушая самыхъ строгихъ приличій и не компрометируя безопасности моей любви. Но это легкое торжество на другой же день возбудило бы во мнѣ сожалѣніе. О, сомнѣніе, сомнѣніе!...

«Скажите отъ меня Гектору, какъ я люблю его, какъ я буду стараться заслужить его въ моихъ собственныхъ глазахъ; но ска-

жите ему, чтобы онъ подчинился моимъ сомнѣніямъ, отъ которыхъ ему нѣчего краснѣть. Я хочу, чтобы онъ получилъ меня отъ меня самой. Я хочу, чтобы бѣдной гувернантки домогались, какъ-будто бы надъ ней стоило одержать побѣду. Я хочу, чтобы ухаживали за моею бѣдностью; я хочу, чтобы эта страсть, которая наполнитъ всю жизнь мою, стоила мнѣ многихъ слезъ заранѣе, для того, чтобы потомъ она доставляла мнѣ только радости. Я хочу, чтобы довѣріе пришло ко мнѣ вслѣдъ за нѣжностью; я хочу счастья и хочу заплатить за него. Не давайте еще моего адреса Гектору. Мнѣ нужно приготовиться къ волненію, которое возбудитъ во мнѣ его первое письмо. Что̀ же касается до васъ, мой ангелъ, очистите меня вашими совѣтами, браните меня, ободряйте меня, или лучше—нѣтъ, отнимите отъ меня надежду и заставьте меня отказаться отъ этихъ сумасбродныхъ и святотатственныхъ испытаній..»

«Что̀ сдѣлалось съ вами? Вы счастливы въ вашей горести; вы вѣрите. Я буду молиться, чтобы небо послало вамъ чистое блаженство, спокойный союзъ, утѣхи семейныя. Вы скоро выйдете замужъ, не-правда-ли, мой ангелъ? Можетъ-быть, на землѣ есть душа, достойная васъ. Не отталкивайте ее. Не думайте, чтобы въ этомъ желаніи былъ опять эгоизмъ и чтобы я боялась вашей свободы. Впрочемъ, какое мнѣ дѣло? Повѣрьте, что я ревную всегда, и кстати и не кстати; но повѣрьте также, что я люблю васъ, что я очень горжусь вашимъ уваженіемъ и полагаюсь на васъ, какъ на свидѣтеля, который ручается за меня.

«Я въ школѣ мадамъ Беллами, въ Марэ. Мнѣ не нужна была рекомендація: меня знали немножко. Прежде чѣмъ я поступила къ лэди Фиц-Питерсъ, я искала мѣста учительницы въ первомъ классѣ, и документы, представленные мною тогда, пригодились и при второмъ моемъ посѣщеніи. Притомъ у меня, какъ кажется, приличная наружность для этого званія. Я выражаюсь какъ слѣдуетъ. Какая нужда знать болѣе? За поручительствомъ моего стараго чорнаго шолковаго платья, мнѣ ввѣрили надзоръ за дѣвицами и образованіе ихъ ума. Какая обязанность!

«Всѣ эти дурочки—дочери негоціантовъ. Уже нѣсколько лѣтъ то, что̀ называется аристократіей, посылаетъ своихъ наслѣдницъ

въ монастыри. Въ пансіонѣ мадамъ Беллами всѣ дѣвушки съ богатымъ приданымъ и довольно-развязныя. Я знаю двухъ дѣвушекъ изъ торговаго дома въ Ломбардской улицѣ, которыя хороши собой и величественны какъ герцогини. Если я успѣю научить ихъ орѳографіи и убѣдить, что дважды-два—четыре, онѣ будутъ въ состояніи имѣть притязаніе на лучшія партіи.

«Мнѣ особенно поручено разсказывать о блескѣ ассирійской имперіи этимъ бѣднымъ дѣтямъ, пунцовыя губки и розовыя щечки которыхъ жаждутъ другихъ плодовъ. Сердце же ихъ до насъ не касается: оно затянуто корсетомъ. Всякій разъ, какъ слово *любовь* встрѣчается въ книгѣ, въ прозѣ или въ стихахъ, намъ приказано замѣнять его словами *гордость* или *честь*. Даютъ рисовать только головы женщинъ, дѣтей, стариковъ этимъ дѣвушкамъ, которыхъ какъ-будто воспитываютъ для безбрачной жизни. На меня находитъ безумное искушеніе разорвать эти тетради, эту тарабарщину, привлечь къ себѣ этихъ величественныхъ дѣвъ, которыхъ здоровье можетъ назваться гимномъ жизни, и закричать имъ въ уши и сердце: «Дѣти, не вѣрьте вашимъ учителямъ: вся эта наука безполезна. Есть только одно—любовь. Любите для того, чтобы быть учеными; учитесь для того, чтобы любить!»

«Вѣроятно, нашли бы мой поступокъ безнравственнымъ. Предпочитаютъ ничего имъ не объяснять. Главное—добиться отъ нихъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ въ ариѳметикѣ, выучить ихъ разъигрывать историческія шарады и цѣлый часъ играть на фортепьяно безъ утомленія...

«Мнѣ кажется иногда, что нѣкоторыя изъ этихъ прелестныхъ дѣвушекъ угадываютъ мою тайну и выдаютъ мнѣ свою. Онѣ такъ обнимаютъ меня и цалуютъ, что я невольно вздрагиваю. Точно-будто онѣ знаютъ, что я люблю и любима, и точно-будто онѣ приходятъ вдыхать изъ меня это благоуханіе любви, котораго лишаютъ ихъ лицемѣрныя приличія, но которое онѣ спрашиваютъ у малѣйшаго вѣтерка.

«Ахъ, еслибы я осмѣлилась!... но меня выгонятъ. Тѣмъ хуже для нихъ! Яздѣсь не затѣмъ, чтобы посвящать ихъ въ жизнь.

Ночью, когда въ дортуарѣ спятъ, я раздвигаю бѣлые занавѣсы моей кровати и смотрю при свѣтѣ ночника на всѣхъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ, распростертыхъ какъ трупы подъ саванами, и спрашиваю себя, какое сновидѣніе является къ нимъ, какая участь ожидаетъ ихъ? Сколько между ними будутъ вѣрными и чистыми супругами, сколько матерями, достойными своего назначенія? Найдется ли хоть одна настоящая женщина? Я разумѣю—настоящая по потребностямъ вѣка, по предначертанію Господа.

«Въ журналахъ и книгахъ жалуются на матеріализмъ, на сомнѣніе, на глубокую скуку людей. Я думаю! Вотъ сообщницы человѣческаго ума, вѣрованія, удовольствія спятъ-себѣ, не сомнѣваясь въ своемъ призваніи. Завтра, когда эти дѣвочки: которыя, можетъ-быть, выйдутъ замужъ прежде меня, проснутся, я прочту имъ вслухъ молитву, которую онѣ выслушаютъ безсознательно, и начнется великое дѣло тоалета; потомъ онѣ пойдутъ учить страницу стиховъ, двѣ страницы прозы, вараксать напыщенный вздоръ о смѣшныхъ сюжетахъ, колотить подъ предлогомъ музыки на тупыхъ фортепьяно, дѣлать реверансы, учиться прямо держать себя; и эти упражненія, считаемыя полезными, будутъ перемѣшиваться съ опасными рекреаціями, гдѣ эти дѣвочки съ зарождающимся тщеславіемъ будутъ повѣрять другъ другу свои надежды и свое нетерпѣніе! Вотъ что̀ я видѣла, когда была ученицей! Вотъ что̀ я нахожу теперь, когда меня сдѣлали учительницей!

«Еслибы вы знали, другъ мой, съ какимъ чувствомъ горечи, и торжества однако, говорю я себѣ, что могу избѣгнуть этого жалкаго зрѣлища; еслибы вы знали, съ какою гордостью я чувствую это добровольное невольничество, которое я наложила на себя какъ испытаніе! Я удивляюсь, что не читаютъ въ моихъ глазахъ упоенія моей совѣсти! Я одна чувствую себя женщиной свободной, исполненной страсти и добровольно-цѣломудренной въ этомъ собраніи молодыхъ дѣвушекъ тупыхъ или чопорныхъ. Но, Боже! еслибы мадамъ Беллами это знала!

«Я должна признаться, что мадамъ Беллами очень-красивая женщина; ея безстрастное лицо показываетъ ту чахлость сердца и ума, которая благопріятствуетъ здоровью. Ее считаютъ вдовой, а она только въ разлукѣ съ мужемъ, старымъ морякомъ,

который предпочелъ одиночество съ подагрой, жизни съ этой красивой и холодной педанткой. Мадамъ Беллами краситъ себѣ волосы, румянится, и, несмотря на все это, не безобразна. Несвѣдущая и тупая, она граціозна и величественна. Ея прелестныя руки, которыми любуешься подъ митенками, прекрасно умѣютъ подводить итоги, и никто не сравнится съ нею въ искусствѣ составлять бюджетъ и экономничать въ стряпнѣ. Ея величественная осанка вдохновила профессора литературы, который написалъ для нея стихи. Но этотъ поэтическій маннекенъ играетъ на биржѣ, обогащается чрезъ изящныя искусства и супъ съ зеленью. Такое прекрасное тѣло никогда не страдало материнской болѣзнью. А любовь пускала ли стрѣлы въ эту Венеру, одѣтую въ атласъ? Этого не знаетъ никто. За мадамъ Беллами всегда слѣдуетъ чичисбей, безмолвный обожатель, который не смѣетъ смотрѣть на нее и только любуется ея тѣнью. Этотъ нѣмой, бывшій чиновникъ министерства финансовъ, скорѣе банкиръ, нежели Петрарка этой Лауры. Это онъ превращаетъ въ акціи желѣзныхъ дорогъ слѣдствія неистощимой признательности семействъ. Когда онъ входитъ, она всегда улыбается; но клевета никогда ни примѣтила ничего, что могло бы разрушить мысль о платоническомъ обожаніи.

«Вотъ я сдѣлалась зла и весела, а начала это письмо съ печалью. Да, я печальна, другъ мой, или, скорѣе, я не знаю, что я хочу сказать. Счастье здѣсь; я могу съ небольшимъ желаніемъ дотронуться до него, схватить его. Я удерживаю себя безполезной совѣстливостью. Но счастье ли это—вотъ о чемъ я спрашиваю себя. Я знаю, что это любовь. Но любовь существуетъ ли? Намъ въ институтѣ такъ мало говорили о ней, что я вѣрила ей горячо. Но не упоеніе ли это? Любятъ ли еще теперь? умѣютъ ли еще любить? Я живу для того, чтобы опредѣлить эту проблему; я умру, еслибы имѣла право отвергать ее.

«Скажите мнѣ, несчастенъ ли Гекторъ? Бѣдный другъ! его кротость иногда раздражаетъ меня, но издали я восхищаюсь ею. Какая сила въ этомъ спокойствіи! какое довѣріе въ этой дѣтской покорности! Боже мой! Боже мой! когда я подумаю, что я буду его женой, мною овладѣваетъ неистовая нѣжность, ко-

торая заставляетъ меня открывать объятія всѣмъ этимъ молодымъ дѣвушкамъ. Мнѣ кажется, что меня находятъ немножко-сумасбродной. Но вы, мой ангелъ, вы, олицетворенный разсудокъ, что̀ вы думаете? Любите ли вы меня еще? Сожалѣете ли вы обо мнѣ попрежнему? Вы поклялись быть моей сестрой: я полагаюсь на эту клятву. Если вы меня бросите, это будетъ жестокимъ предзнаменованіемъ. Раскрываю вамъ мое сердце безгранично, показываюсь вамъ со всѣми моими негодными пороками. Скажите мнѣ, что я не пугаю васъ и что вы понимаете меня. Прощайте, Мари! Помолитесь за меня!»

Это письмо испугало Мари. Этотъ сарказмъ и эта восторженная нѣжность, это колкое сомнѣніе и эта потребность вѣрить, эта грубость анализа—словомъ, весь этотъ безпорядокъ оскорбилъ цѣломудренность ея мыслей, достоинство ея привязанности къ Гектору и ея сострадація къ Полинѣ.

Она долго оставалась погруженная въ великодушную горесть; она съ безпокойствомъ спрашивала себя, не лучше ли она своей соперницы, не полезнѣе ли была бы для Гектора ея спокойная привязанность, чѣмъ эта свирѣпая и безпорядочная любовь, которая болѣе походила на эгоизмъ старой романической дѣвы, нежели на преданность супруги.

IX.

Мари, воспитанная въ провинціи, имѣла тотъ ужасъ къ страстямъ, который не можетъ назваться непризнаніемъ могущественныхъ способностей женщины, но безропотной недовѣрчивостью къ свѣтскимъ условіямъ. Мари не оскорбляли головокруженія любви, она понимала, но опасалась ихъ. Провинціальная жизнь всегда—тюрьма, но не всегда—могила. Умы, и гораздо-болѣе многочисленные, нежели предполагаютъ въ Парижѣ, подчиняясь этому унылому однообразію, этимъ пошлымъ сплетнямъ, этому ничтожному злословію, изъ которыхъ состоитъ провинціальная жизнь, пріобрѣтаютъ спокойную меланхолію, которая не имѣетъ горечи, потому-что она искренна и служитъ имъ утѣ-

шеніемъ и совѣтомъ. Эта тривіальная и сдержанная жизнь имѣетъ свои открытія, точно такъ же, и даже еще лучше, можетъ-быть, нежели жизнь парижская, считающаяся свободной. О чемъ думаютъ эти домашнія плѣнницы въ продолжительные часы принужденной праздности? Ни о чемъ или обо всемъ. Когда провинціальныя женщины не глупы и не идіотки, онѣ имѣютъ прочный и скромный разсудокъ, скрывающій въ глубинѣ души сокровища поэзіи, любви и страсти, которыми, можетъ-быть, онѣ никогда не будутъ пользоваться, но которыми онѣ гордятся внутренно и которыя даютъ имъ право судить и презирать парижскія драмы.

Въ Парижѣ между толпами очаровательныхъ, разряженныхъ женщинъ можно найти еще нѣсколько геніальныхъ женщинъ; въ провинціи геніальности нѣтъ, но за-то тамъ очень-много женщинъ высшаго разряда въ костюмѣ искусныхъ приготовительницъ варенья.

Эта маска, надѣтая столько же тщеславіемъ и деспотизмомъ мужчинъ, сколько и пошлостью привычекъ, эта стыдливость ума заключаютъ въ себѣ тайну преданности многихъ. Мнѣ кажется, что въ этихъ провинціальныхъ церквахъ, куда каждый день ходятъ къ обѣднѣ, таится много безмолвныхъ поэмъ безумной нѣжности и высокой любви. Еслибы всѣ грубыя скамьи, обезображивающія католическіе соборы, могли заговорить, онѣ разсказали бы неслыханные порывы, страшныя искушенія, чудныя побѣды. Сколько рыданій приняли эти зловѣщія исповѣданія! а эти аббаты! чего не открыли бы они, еслибы могли понять!

Я не хотѣлъ бы приводить слишкомъ торжественные аргументы для подтвержденія этой тезы; но развѣ неизвѣстно по исторіи, что провинція породила въ женщинахъ обдуманный героизмъ, поступки холоднаго насилія? Іоанна д'Аркъ и Шарлотта Кордэ—провинціалки. Парижанка, можетъ-быть, убила бы Марà, но умерла бы отъ ужаса на его трупѣ; она не съумѣла бы загладить свое героическое преступленіе. Если госпожа Роланъ родилась въ Парижѣ, она долго размышляла въ провинціи, и притомъ она ввела въ свою гостиную провинцію съ ея добродѣтелью и съ ея красотой, воплощенныхъ въ Роланѣ. Женщина идеальная можетъ встрѣтиться вездѣ, что̀ также значитъ ни-

гдѣ. Но среднее совершенство, необходимое для счастья, можетъ съ выгодой находиться въ провинціалкѣ, поселившейся въ Парижѣ.

Мари де-Сулень имѣла одну изъ тѣхъ томящихся въ плѣну душъ, которыя знаютъ, какой горизонтъ разстилается за окружающими ихъ стѣнами. Читая письмо Полины, она была какъ бы ослѣплена. Электричество молніи коснулось ея вѣкъ. Эта любовь, исполненная ѣдкости, эта нѣжность, игравшая съ своимъ собственнымъ нетерпѣніемъ и своею горестью, внушили зависть бѣдной провинціалкѣ и испугали ее. Она чувствовала, что она способна любить столько же, но любить лучше. Она еще разъ поняла, что кузенъ ея не найдетъ счастья въ этой страсти, которая никогда не съумѣетъ ни управлять собою, ни удовлетворить себя. Она имѣла послѣднее искушеніе, послѣдній припадокъ ревности, потомъ разсудокъ палъ тяжело на ея сердце. Смотря въ окно своей комнаты на траву, которая росла между мостовой родительскаго дома, смотря на кровли маленькаго городка, она вздохнула съ безропотной покорностью

— Здѣсь я буду жить, здѣсь я буду исполнять мою обязанность, сказала она самой себѣ: — прочь слабость! Эта любовь Полины будетъ моимъ отдаленнымъ романомъ; я буду слѣдить за ея развязкой. Я создана для дѣйствительности. Это жаль!

Она отвѣчала Полинѣ съ нѣжной серьёзностью, уговаривала ее не играть этой ужасной утонченностью, не мучить прямую и глубокую душу, принять возможное счастье, не испытывая его зарапѣе.

«Гекторъ васъ любитъ и вы любите его; остальное не важно» писала она ей въ-заключеніе. «Сожалѣйте, но не имѣйте ненависти къ тѣмъ, кто не преклонился съ самаго начала передъ рѣшительными правами этой любви. Сдѣлайтесь скорѣе моей кузиной.

«Обо мнѣ не безпокойтесь: у меня есть много способовъ быть счастливою.

«Первое—видѣть васъ замужемъ за Гекторомъ—вотъ о чемъ я буду просить Бога въ моихъ молитвахъ. Насъ же, бѣдныхъ провинціальныхъ дѣвушекъ, не имѣющихъ ни вашихъ познаній, ни

вашей философіи, очень затруднила бы ежедневная жизнь, еслибы мы не умѣли молиться.»

Полина читала это письмо въ то время, какъ диктовала своимъ ученицамъ. Она прилежно исполняла свою должность. Мы знаемъ, что она думала о мадамъ Беллами и о своихъ ученицахъ. Это презрѣніе, которое она не всегда скрывала, придавало ея словамъ рѣзкій тонъ, которому удивлялись, котораго пугались. Но иногда также, когда она думала о своей любви, о Гекторѣ, о счастьѣ, которое она добровольно откладывала, на нее находили припадки лихорадочныхъ изліяній, и ее обожали именно столько же, сколько ненавидѣли.

Пансіонъ мадамъ Беллами былъ одна изъ тѣхъ многочисленныхъ дѣтскихъ больницъ, гдѣ берутся излечивать молодыхъ дѣвушекъ отъ молодости и чистосердечія. Полинѣ Фуко было очень неловко въ этой средѣ. Она усиливалась успокоить свое сердце и свою голову, стать въ-уровень съ мелкими интересами и мелочной озабоченностью своей обстановки. Но терпѣніе ея истощалось. Однако, она исполняла свою обязанность съ точностью гордой души, которая не хочетъ подать малѣйшій поводъ требованіямъ посредственности. Она продолжала роль, такъ акуратно разъигрываемую у лэди Фиц-Питерсъ, она давала все, что обѣщала. Но, кончивъ свою обязанность, одна сама съ собой, она возвращала себѣ свое право любви, совѣсти и ненависти, и мы знаемъ по ея признаніямъ, какъ она вознаграждала себя. Эта учительница, за которою всѣ наблюдали, была загадкой. Не дружась ни съ старшими ученицами, ни съ другими учительницами, такими же молодыми дѣвушками, какъ она, она окружала себя таинственностью, которую безполезно старалась истолковать клевета ея соперницъ.

Прошло нѣсколько недѣль. Полина писала къ Мари, которая передавала ей извѣстія о Гекторѣ. Мадмоазель де-Сулень все убѣдительнѣе заклинала свою пріятельницу отказаться отъ своего страннаго и жестокаго испытанія. Она разсказывала ей о безмолвномъ ожиданіи барона де-Вилльморана, о согласіи старой баронессы. Она умоляла ее не продолжать горести, которая становилась оскорбленіемъ для Гектора.

«Счастье тутъ позади васъ, возлѣ васъ» говорила Мари Полинѣ въ каждомъ письмѣ: «не откладывайте его.»

Но точно-будто какой-то тайный и роковой голосъ поднимался въ сердцѣ Полины каждый разъ, когда она хотѣла коснуться этого счастья, столь пылко желаемаго и такъ странно пугавшаго ее. Было ли это угрызеніе совѣсти? была ли она искренна? Но невозможно было найти въ ея сердцѣ мысли, которая бы не вся принадлежала ея страсти. Было ли это тайной протестаціей разсудка, говорившаго подъ софизмами и предостерегавшаго ее опасаться любви, которую она преувеличивала какимъ-то порывомъ своей воли? Было ли это, наконецъ, то сомнѣніе, которое составляетъ болѣзнь всѣхъ честныхъ душъ нашей эпохи?

Каковы бы ни были причины ея нерѣшимости, Полина жестоко страдала. По ночамъ она мучилась безсонницей, отъ которой еще болѣе блѣднѣли ея блѣдныя щеки и зловѣщимъ блескомъ сверкали глаза. Она ожидала какого-нибудь смѣлаго поступка отъ Гектора. Ее раздражало его терпѣніе; однако она запрещала открывать ему тайну ея убѣжища. Тайна эта была извѣстна де-Вилльморану, но онъ, опечаленный, испуганный этимъ кокетствомъ, также испытывалъ самого себя и ждалъ. Въ письмахъ его къ кузинѣ заключались сдержанныя изліянія, въ которыхъ благородная скромность мѣшала ему говорить все своей повѣренной; но она угадывала его и передавала Полинѣ эти заглушаемыя жалобы, эту серьёзную и трогательную безропотность; а учительница, восхищенная, восторженная, но и раздраженная на себя и на Гектора, боролась между очевидностью логическаго чувства и какимъ-то горделивымъ понятіемъ о чести, которая обѣщала ей грандіозные подвиги отъ имени любви.

Это положеніе, ненормальное, нелѣпое, но истинное по необходимымъ противорѣчіямъ человѣческаго сердца, не могло долѣе продолжаться безъ большой опасности. Одно неважное происшествіе положило конецъ нерѣшимости Полины.

Одна бывшая воспитанница мадамъ Беллами выходила замужъ, и въ пансіонѣ былъ большой праздникъ, когда узнали, что всѣ воспитанницы старшаго класса приглашены въ церковь. Въ

дортуарѣ, въ классахъ, за обѣдомъ, въ рекреаціонные часы разговаривали о счастливой невѣстѣ. Сочиняли гороскопъ будущихъ супруговъ, дѣлали предположенія о туалетѣ, составляли парй о числѣ волановъ на юпкѣ. Изъ англійскихъ ли кружевъ будетъ покрывало? Сколько будетъ стоить приданое? Сколько будетъ куплено кашмировыхъ шалей? сколько брильянтовъ? Полина слушала съ улыбкой всю эту болтовню.

— Вотъ, говорила она себѣ: — что такое замужство! Но о любви, о жизни вдвоемъ, объ опасеніяхъ, долженствующихъ сопровождать неразрывный союзъ двухъ душъ, ни одного слова!

Въ день брачной церемоніи мадмоазель Фукъ провожала воспитанницъ въ церковь. Она не могла удержаться отъ сильнаго волненія, переступивъ черезъ порогъ, смотря на разукрашенный алтарь, на разряженныхъ гостей. Она поблѣднѣла, когда невѣста прошла по церкви, при звукахъ органа, склонивъ голову подъ своимъ вѣнкомъ и своимъ покрываломъ. Полинѣ стало завидно при видѣ этого парада, этой роскоши, этого торжества. Она растрогалась: она увидала себя на мѣстѣ этой молодой дѣвушки, но съ волненіемъ совсѣмъ другаго рода, съ совсѣмъ другимъ сердцемъ! Когда ея ученицы стали перешептываться, сообщая другъ другу свой восторгъ, ей хотѣлось сказать имъ: «Это еще ничего! посмотрите на меня!» Когда священникъ спросилъ будущихъ супруговъ, охотно ли они вступаютъ въ этотъ союзъ, Полина сдѣлала невольное движеніе головой и чуть-было не отвѣчала за нихъ. Она наклонилась трепеща, когда благословили эту молодую чету, и когда органъ заигралъ въ-заключеніе этого брака, у Полины на губахъ и въ сердцѣ зашевелилась благодарственная молитва.

По окончаніи церемоніи, энтузіазмъ Полины потерпѣлъ ударъ. Эта толпа пріятелей, спѣшившихъ пожать руку новобрачному, пошлые поцалуи женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ новобрачной возмутили гордость Полины и показались ей профанаціей. Она видѣла, что восхищались покрываломъ невѣсты, что она съ удовольствіемъ повертывалась, чтобы лучше показать свое платье, что она давала даже адресъ своей модистки. Она видѣла, какъ родители чванно раздавали деньги сторожу, швейцару, ключарю,

пѣвчимъ; она уловила удивленные взгляды, которые какъ-будто спрашивали причину ея присутствія въ разряженной толпѣ приглашенныхъ; презрительная ярость уязвила ее въ сердце; она сожалѣла, что не можетъ вдругъ унизить этихъ глупыхъ мѣщанъ пышностью своей свадьбы, знатностью своего титула будущей баронессы, блескомъ своей любви.

Цѣлый день, цѣлую ночь она только и думала о своемъ замужствѣ. Воспитанницы, разсуждая о брачной церемоніи, раздражали ея нетерпѣніе. Она чуть-было не разсказала имъ все: ей захотѣлось позабавиться ихъ изумленіемъ, ихъ завистью. Однако, она не имѣла еще силы не написать ни Гектору, ни Мари, но поклялась себѣ самой не бороться долѣе и принять, наконецъ, это счастье, откладывать которое становилось теперь святотатствомъ и безумной отважностью.

Черезъ недѣлю новобрачная пріѣхала съ визитомъ къ своимъ прежнимъ пріятельницамъ. Это было въ рекреаціонный часъ. Молодую женщину окружили, раздались громкіе поцалуи, посыпались вопросы. Младшія съ уваженіемъ составили кругъ около этой группы. Находили странное очарованіе въ этой дамѣ нѣсколькихъ дней. Она смѣялась, забавлялась вопросами, поцалуями, которыми осыпали ея обручальное кольцо, разсказывала объ удовольствіи переселенія въ богатую квартиру, о пріятностяхъ совершенно-новой роскоши. Полина подошла и слушала съ нѣсколько-иронической кротостью эту наивную болтовню. Вдругъ новобрачная отвела въ сторону самыхъ старшихъ изъ своихъ пріятельницъ, и, показывая имъ на остатки своего вѣнчальнаго букета, спрятаннаго въ ея вышитомъ носовомъ платкѣ, сказала имъ съ фамильярностью, которой она хотѣла придать величественность:

— Это принесетъ вамъ счастье.

Самыя гордыя сердца часто болѣе всего доступны суевѣрію. У Полины родилось необузданное желаніе участвовать въ этой раздачѣ. Она вдругъ почувствовала непреодолимое и поэтическое умиленіе. Она подошла, нѣсколько поблѣднѣвъ.

— А мнѣ вы дадите также цвѣтокъ изъ вашего букета? ска-

зала она.—Мнѣ также нужно счастье, и я была бы не прочь выйти замужъ нынѣшній годъ.

Это было сказано ласковымъ голосомъ, котораго отъ нея не слыхали никогда. Молодыя дѣвушки переглянулись съ удивленіемъ; на губахъ нѣкоторыхъ появилась горделивая и коварная улыбка. Молодая дама любезно отвязала самый большой цвѣтокъ изъ своего букета. Полина взяла его дрожа, потомъ, рѣшительно побѣжденная прелестью этой сцены, раскрыла объятія прелестной гостьѣ, которую она не знала, и поцаловала ее горячо; та снисходительно приняла эту странную демонстрацію, но между воспитанницами это произвело почти скандалъ, и весь эффектъ раздачи цвѣтовъ былъ испорченъ для нѣкоторыхъ этимъ раздѣломъ съ учительницей. Гордость этихъ дѣвицъ возмутилась; всѣ спрашивали себя о причинѣ этой дерзости Полины. По какому праву осмѣливалась она также домогаться счастья? Перешептыванье, толки пошли своимъ чередомъ, и черезъ полчаса во всѣхъ углахъ дома говорили потихоньку, что у мадмоазель Фуко была страсть къ кому-то и что она выходитъ замужъ.

Полина услыхала эти толки и весело приняла ихъ.

— Я ихъ не опровергну, сказала она сама себѣ.

Она написала Мари де-Сулень:

«Я не хочу болѣе сопротивляться моей судьбѣ: это было бы слишкомъ-глупо. Скажите Гектору, чтобы онъ пріѣхалъ за мною и вырвалъ меня изъ моей тюрьмы. Пусть онъ отвезетъ меня къ своей матери, въ церковь, къ мэру. Я безумствовала. Молитва въ церкви при одномъ вѣнчаніи все разсѣяла. Простите меня, мой ангелъ, и узнайте, что я хочу черезъ три недѣли прислать вамъ самый лучшій цвѣтокъ изъ моего подвѣнечнаго вѣнка, чтобы это принесло вамъ счастье. Я не знаю, буду ли я дожидатися, чтобы вы написали Гектору; не знаю, не напишу ли я ему сама сегодня вечеромъ, сейчасъ. До завтра такъ долго!»

Въ-самомъ-дѣлѣ, она не дожидалась и въ то же время написала Гектору, чтобы онъ пріѣхалъ за нею. Письма ея были посланы на почту, когда мадамъ Беллами, пересматривавшая счеты, прислала сказать ей, что одна дама желаетъ посмотрѣть мёбли-

рованныя комнаты, потому-что парижскіе пансіоны, такъ же какъ и монастыри, имѣютъ то достоинство, что могутъ приносить различныя выгоды и соперничествуютъ съ мёблированными гостинницами. Полина, которую ея новое волненіе располагало къ любезности, вошла въ пріемную съ улыбкою па губахъ. Дама, ожидавшая ее, была никто иная, какъ сама лэди Фиц-Питерсъ. Антонія вскрикнула по-британски и сдѣлала движеніе назадъ, какъ-будто наступила на змѣю.

Полина съ трудомъ удержалась, чтобы не расхохотаться; она подвинула кресло и пригласила величественную адмиральшу сѣсть. Но та не имѣла намѣренія продолжить свой визитъ и, повернувшись спиною къ учительницѣ, пошла къ двери. На порогѣ она столкнулась съ мадамъ Беллами, которая, окончивъ свои счеты и живо подстрекаемая желаніемъ не упустить жилицу такую богатую и такой націи, пришла пособить мадмоазель Фукò. Лэди Фиц-Питерсъ не могла ускользнуть не объяснившись. Притомъ улыбка мадамъ Беллами приглашала ее къ такому объясненію.

— Я думаю, что этотъ домъ не годится для меня, съ достоинствомъ сказала лэди Антонія.

Она сдѣлала шагъ, чтобы принудить мадамъ Беллами дать ей мѣсто. Но та умѣла останавливать отступленіе нужныхъ ей людей.

— Развѣ вы не находите комнаты довольно удобной, милэди? спросила она точно такимъ тономъ, какимъ сказала бы: «Я васъ люблю».

— Не комнаты мнѣ не нравятся, возразила англичанка, стараясь придать своему взгляду блескъ молніи, чтобы разгромить Полину.

— Развѣ кто-нибудь оказалъ вамъ здѣсь неуваженіе? спросила прекрасная содержательница пансіона, голосъ которой измѣнился изъ пріятнаго въ серьёзный.

Наступило молчаніе. Полина улыбалась своею злой улыбкой. Антонія пріискивала самыя приличныя и въ то же время самыя колкія выраженія для того, чтобы излить свой гнѣвъ на свою бывшую компаньйонку. Мадамъ Беллами смотрѣла на нее и старалась понять.

— Мы съ милэди старыя знакомыя, вмѣшалась Полина.

— Тѣмъ болѣе причины для того, чтобы милэди выбрала мой домъ, подхватила съ находчивостью содержательница пансіона.

— Напротивъ, возразила лэди Фиц-Питерсъ.

— Кажется, обо мнѣ будутъ говорить дурно, сказала Полина, весело поклонившись:—позвольте мнѣ изъ скромности удалиться.

Она поклонилась съ ироніей и оставила наединѣ двухъ величественныхъ женщинъ.

X.

Освободившись отъ насмѣшливой задорливости Полины, англичанка возвратила мужество и хладнокровіе: Она разсказала, какимъ образомъ Полина Фукò употребила во зло ея довѣріе, внушивъ любовь одному дворянину, ея сосѣду; разумѣется, она умолчала о своихъ собственныхъ притязаніяхъ на Гектора; она только изложила, преувеличила невѣроятныя права, пріобрѣтенныя Полиной. Она сдѣлала видъ, будто опускаетъ подробности, отъ которыхъ задрожала стыдливая мадамъ Беллами; она увѣрила, что эта дѣвушка—чудовище лицемѣрства, она удивилась, что нашла такую шершавую овцу въ цѣломудренномъ стадѣ пансіона. Она же не могла жить въ одномъ домѣ съ этой хитрой и безнравственной тварью.

Отвѣтъ мадамъ Беллами не могъ быть сомнителенъ. Каждый день можно найти учительницъ, но не каждый день найдешь такихъ жилицъ, какъ лэди Фиц-Питерсъ. Она обѣщала адмиральшѣ немедленно отказать мадмоазель Фукó, и, послѣ положительнаго увѣренія, что ея бывшей компаньйонки черезъ два часа не будетъ въ домѣ, сентиментальная Антонія рѣшилась нанять одну изъ комнатъ мадамъ Беллами. За первый мѣсяцъ было заплачено впередъ. Для содержательницы пансіона сдѣлалось необходимой обязанностью прогнать какъ можно скорѣе несчастную учительницу, которая такъ компрометировала ея выгоды.

Какъ только англичанка уѣхала, мадамъ Беллами, надѣвъ маску достоинства, призвала въ свой кабинетъ Полину Фукò. Та приготовилась къ объясненію. Она вошла съ сверкающимъ и

сосредоточеннымъ взоромъ, сжавъ губы и нахмуривъ лобъ, что̀ всегда показывало въ ней возмущеніе гордости и презрѣніе. Мадамъ Беллами нѣсколько оробѣла, но взглядъ, брошенный на деньги лэди Фиц-Питерсъ, возвратилъ ее къ чувству ея положенія. Она должна была исполнить долгъ нравственности—удалить какъ можно скорѣе заразу, которая могла погубить ея заведеніе. Она начала колкимъ тономъ, который хотѣла сдѣлать повелительнымъ:

— Вы мнѣ не сказали, по какимъ причинамъ оставили англичанку, у которой были компаньйонкой.

— Зачѣмъ вамъ сожалѣть о томъ, что эти причины были вамъ неизвѣстны? теперь, навѣрно, вы узнали ихъ подробно.

— Да, я знаю, какимъ опасностямъ подвергаемся мы, не требуя отъ нашихъ учительницъ подробныхъ аттестатовъ.

— Ужь не сказала ли вамъ лэди Фиц-Питерсъ, что я украла у ней серебро? перебила униженная Полина съ громкимъ хохотомъ.

— Я не шучу. Учительница можетъ опасаться огласокъ другаго рода, и ваша связь съ сосѣдомъ этой благородной англичанки...

— Молчите, молчите! перебила Полина громкимъ голосомъ:— берегитесь оскорблять меня! А если вамъ и оклеветали чувство, которое вы не способны понимать, то не говорите мнѣ этого!

— Не-уже-ли? мнѣ позволяется намекнуть на ваши интриги?

— На мои интриги! прошептала бѣдная учительница, которую грубость этихъ оскорбленій успокоивала, а не раздражала.— А! да, такъ будутъ судить обо мнѣ! Я интригантка, потому-что я любима и люблю.

— Осмѣлитесь ли вы такъ говорить о любви въ моемъ домѣ? вскричала раздраженная и оскорбленная мадамъ Беллами.

— Это правда: любовь такъ необыкновенна, такъ чудовищна что двѣ женщины не должны говорить о ней, особенно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ молодыхъ дѣвушекъ учатъ бояться ее.

— Теперь мнѣ понятно то, что̀ казалось загадочнымъ. У васъ было странное обращеніе: то рѣзкое до грубости, то ласковое до геніальности. Я должна вамъ признаться, что въ

моемъ домѣ васъ подозрѣвали нѣсколько... разстроенной въ умѣ.

— Скажите, что меня считали сумасшедшей. Это будетъ вѣжливѣе, нежели называть меня интриганткой. Да, я бѣдная сумасшедшая, имѣющая сердце и желающая, чтобы уважали его права.

— У васъ восторженное воображеніе; вы начитались дурныхъ книгъ...

— Что же романическаго въ желаніи быть уважаемой и любимой.

— Когда эти притязанія относятся къ равнымъ, они естественны, но, судя потому, что мнѣ разсказывали, значительное разстояніе...

— Не-уже-ли вы думаете, что есть разстояніе между душами, понимающими одна другую, и что чувства покоряются различію кастъ? Но развѣ вамъ не сказали, что и я также любима?

— Мнѣ точно сказали, что вы имѣли ловкость...

— Словомъ, грубо перебила Полина:—что я была любовницей барона де-Вилльморана—вотъ что вы слышали!

Мадамъ Беллами пріосанилась при этомъ вопросѣ и съ ужасомъ осмотрѣлась вокругъ, чтобы удостовѣриться, не услыхалъ ли кто-нибудь этихъ словъ. Дверь была заперта; опасности не было. Она сказала:

— У васъ такія смѣлыя выраженія!

— А у васъ такія смѣлыя оскорбленія! Отвѣчайте мнѣ: сказали ли вамъ—да или нѣтъ—что я была любовницей де-Вилльморана? О, не падайте въ обморокъ! Вы знаете, что значитъ это слово, и я должна знать, не-правда-ли? Мы однѣ; молодыхъ дѣвушекъ или, что все-равно, мужчинъ здѣсь нѣтъ, которые могли бы насъ услышать; отвѣчайте мнѣ правду.

— Ну, мнѣ точно сказали... пролепетала мадамъ Беллами.

— Какая гнусность! сказала Полина, скрестивъ руки на груди и подходя къ содержательницѣ, сжавъ губы и съ сверкающими глазами:—Боже мой! мы, женщины, не имѣемъ другихъ способовъ мстить какъ только словами. Еслибы я была мужчиной, я дала бы вамъ пощечину и убила бы лэди Фиц-Питерсъ. Но мнѣ надо покориться оскорбленію, бѣжать отъ него. Вы правы: я не

могу оставаться въ этомъ цѣломудренномъ жилищѣ. Подозрѣваемая дѣвушка не можетъ спать въ одномъ домѣ съ такой добродѣтельной женщиной, какъ вы!

— Вы забываете, съ кѣмъ говорите!

— А знаете ли вы сами, кого вы оскорбили? Потому, что я бѣдна, потому-что я была компаньйонкой этой куклы на пружинахъ, которая заплатила вамъ за ваши оскорбленія, я не имѣю права быть любимой! Ну, еслибы я даже и была любовницей де-Виллъморана, что жь за бѣда, если я акуратно исполняю свое дѣло и не разсказываю того, что знаю, этимъ дѣвочкамъ, которыхъ воспитываютъ въ невѣдѣніи?

— Но вы помѣшались! Какая гнусность! вскричала мадамъ Беллами, всплеснувъ руками.

— Ахъ, Боже мой! развѣ вы заботитесь, возразила Полина:— о томъ, что думаютъ, что дѣлаютъ внѣ вашего дома ваши учительницы, которыя, надо надѣяться, не всѣ идіотки или весталки.

— Но это просто скандалъ! лепетала мадамъ Беллами, задыхаясь.

— Успокойтесь, съ гордостью продолжала Полина:—вамъ солгали. Клянусь вамъ всѣмъ, что есть священнаго для васъ, что я имѣю право жить между всѣми этими лиліями, которыхъ охраняете вы. Любовь, которую я чувствую и которую внушаю—если вы позволите произнести мнѣ это слово—имѣетъ всѣ условія честности, какія вы только можете пожелать. Я не любовница барона де-Виллъморана, я его невѣста; если я здѣсь заработываю хлѣбъ, который вы дѣлаете мнѣ такимъ жосткимъ, мнѣ кажется, я сама свидѣтельствую о серьёзныхъ намѣреніяхъ того, кто меня любитъ.

Мадамъ Беллами взглянула на Полину, не говоря ни слова. Она думала, что она выкажетъ большую добродѣтель, если будетъ сомнѣваться. Такое упорное подозрѣніе не возбуждало уже гнѣва учительницы, но горестно ее поразило.

— Не-уже-ли то, въ чемъ я вамъ клянусь, невозможно? спросила Полина тономъ упрека, доходившаго почти до мольбы.

— Это не невозможно, возразила содержательница съ нѣко-

торымъ замѣшательствомъ: — но, признаюсь вамъ, что послѣ разсказа англичанки это мнѣ кажется невѣроятно.

— А еще невѣроятнѣе то, что лэди Фиц-Питерсъ была моей соперницей и не прощаетъ мнѣ, что я побѣдила ее.

— Довольно! съ достоинствомъ сказала мадамъ Беллами, запирая въ шкатулку деньги Антоніи. — Прошу васъ до вашего отъѣзда воздержаться отъ ироническихъ словъ, отъ всякихъ непріятныхъ намековъ относительно дамы, которая сдѣлала мнѣ честь, выбравъ мой домъ.

— Итакъ, вы меня прогоняете? сказала Полина, блѣдная и трепещущимъ голосомъ.

— Могу ли я, по совѣсти, оставить васъ и принять эту даму?

— Надо было отказать этой дамѣ и оставить меня.

— Какъ это можно!

— О! я знаю, что она будетъ платить не торгуясь. Но неуже-ли вы думаете, что вы не будете отвѣчать за несчастье или за проступокъ, какіе можетъ возбудить ваша суровость?

— Ахъ! что̀ вы это говорите?

— Я говорю, что я выбрала вашъ домъ какъ честное убѣжище до моего замужства; я говорю, что если вы меня прогоните, мнѣ болѣе ничего не остается, какъ броситься въ воду или просить гостепріимства у барона де-Вилльморана.

— Но поставьте себя на мое мѣсто! вскричала бѣдная содержательница, поистинѣ достойная сожалѣнія:—могу ли я оставить васъ? Если въ домѣ узнаютъ, что вы любите кого-то, у всѣхъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ голова пойдетъ кругомъ, не считая того, что родители будутъ имѣть право жаловаться. Притомъ, я обѣщала...

— А я на вашемъ мѣстѣ поставила бы себѣ за славу защитить противъ клеветы, противъ мщенія тщеславія молодую дѣвушку, мужественную и гордую, которая заслужила свое мѣсто въ свѣтѣ. Я поставила бы ее въ примѣръ ей подобнымъ, чтобы заставить уважать любовь и долгъ; я заступила бы ей, какъ сиротѣ, мѣсто матери. Воспитанницамъ я не сказала бы ничего о любви, но заставила бы ихъ молиться за честный и чистый

бракъ, заключенный безъ всякаго другаго честолюбія, кромѣ надежды на счастье. Вы же ихъ возите на безумные и опасные браки ихъ пріятельницъ! Вотъ что я сдѣлала бы на вашемъ мѣстѣ!

— Я бы этого желала, но это была бы обязанность опасная, а наши заведенія, подверженныя толкамъ, должны остерегаться этого. Если подумаютъ, что я покровительствовала союзу, который оскорбитъ столько предразсудковъ!...

— Бѣдныя молодыя дѣвушки, перебила Полина съ движеніемъ гордости: — опасаются единственнаго случая, который можетъ представиться для нихъ—увидѣть, наконецъ, истинное чувство, избавиться отъ лицемѣрныхъ совѣтовъ, общественныхъ приличій и пошлаго честолюбія! Хорошо, не будемъ болѣе говорить объ этомъ. Я прошу васъ объ одной милости. Я написала къ барону де-Вилльморану. Я жду его сегодня; завтра утромъ, безъ-сомнѣнія, онъ отвезетъ меня къ своей матери или въ какой-нибудь другой домъ гостепріимнѣе вашего. Я прошу у васъ только нѣсколькихъ часовъ терпѣнія, а до-тѣхъ-поръ обѣщаю вамъ не поджигать вашего дома и не проповѣдывать о любви этимъ дѣвушкамъ.

— Но лэди Фиц-Питерсъ должна пріѣхать до обѣда; что жь если она увидитъ васъ здѣсь! Не можете ли вы поѣхать къ матери барона де-Вилльморана? Я съ удовольствіемъ сама отвезу васъ къ этой дамѣ. Такимъ образомъ я соглашу мою обязанность съ вашими выгодами.

— Съ моими выгодами вашу обязанность? Вы ошиблись въ мѣстоимѣніи; я думала, что вы лучше знаете грамматику. Это *ваши* выгоды надо примирить съ *моей* обязанностью. Но я вижу, что это невозможно. Я не поѣду къ барону де-Вилльморану, я жду его; впрочемъ, можетъ-быть, онъ и не пріѣдетъ. Да, вы правы: я не могу остаться здѣсь ни одного часа, ни одной минуты долѣе. Прощайте; прикажите приготовить комнату для лэди Фиц-Питерсъ. Я ухожу.

— Куда? съ безпокойствомъ спросила мадамъ Беллами, которая въ сущности была не злая женщина и которую пугалъ гнѣвъ Полины.

— Какое вамъ дѣло? грубо отвѣчала та. — Кому я должна

отдавать отчетъ въ моемъ поведеніи? Если де-Вилльморанъ спроситъ меня, скажите ему, что я уѣхала, и пусть онъ меня отъискиваетъ. Можетъ-быть, вы хорошо сдѣлаете, если подадите ему благоразумные совѣты и также отговорите его отъ брака, который подаетъ такой поводъ къ толкамъ.

— Но развѣ вы меня принимаете за безумное существо? Не-уже-ли вы думаете, что я не понимаю, какъ вы должны страдать? спросила содержательница пансіона, которую торжество ея сдѣлало сострадательной: — вѣдь я женщина и у меня есть сердце!

— У васъ? сказала Полина, смѣясь жестокимъ смѣхомъ: — я не *мамаша*, вамъ не нужно расхваливать мнѣ ваши добродѣтели!

— Какая вы дерзкая! вскричала разсерженная мадамъ Беллами.

— Пусть ваше сердце проститъ мнѣ эти насмѣшки моего ума, возразила Полина съ ироническимъ поклономъ и растворяя дверь.

— Какую змѣю пріютила я у себя! прошептала бѣдная содержательница.

— Утѣшьтесь: вѣдь она не укусила никого и только ограничивается свистомъ.

И, съ этими словами, учительница вышла, оставивъ мадамъ Беллами въ сильномъ искушеніи упасть въ обморокъ, чего однако она не сдѣлала, потому-что не было свидѣтелей.

Полина скоро уложила свою скромную поклажу. Она послала за каретой, не имѣя опредѣленной цѣли, не обдумывая: мысли ея были сжаты холоднымъ гнѣвомъ и какой-то нравственной каталепсіей. Она прошла всѣ классы, не бросивъ ни одного взгляда на всѣхъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ удивляла ея блѣдность; она не простилась ни съ кѣмъ; притомъ ей было бы невозможно произнести хоть одно слово; ея первое слово было бы крикомъ, хрипѣньемъ, негодованіемъ души. Когда кучеръ спросилъ у ней, куда везти ее, ею овладѣлъ истерическій хохотъ.

— Куда хотите, отвѣчала она.

— Стало-быть, вы берете меня по часамъ? спросилъ онъ.

— Я беру васъ на всю жизнь, отвѣчала она смѣясь и еще громче.

Честный кучеръ сѣлъ на козла, не дѣлая замѣчаній, какъ-будто онъ понялъ ее. Онъ зналъ Парижъ, и не удивлялся ничему.

Когда карета тронулась съ мѣста, Полина испустила вздохъ, похожій на рыданіе. Она бросила на дверь пансіона взглядъ, исполненный вражды и презрѣнія.

— О смѣшные люди! вскричала она, ломая себѣ руки: — какъ они странны и опасны! Я бѣгу отъ лэди Фиц-Питерсъ! Меня прогнали женщины, когда я права, когда я исполняю свой долгъ, когда я закидала бы ихъ сарказмами, еслибы онѣ хоть одинъ день провели въ моей гостиной! Онѣ представляютъ свѣтъ, приличія; а я, съ моимъ благороднымъ честолюбіемъ, съ моей любовью, я подозрѣваема! Вотъ, однако, что̀ я найду до моего замужства и что̀ найду, можетъ-быть, послѣ! Во мнѣ будутъ сомнѣваться, я буду интриганткой! Развѣ всѣ эти люди никогда не слыхали о любви? Гекторъ, Гекторъ! если я не ошибаюсь, ты имѣешь крѣпкую волю, умъ справедливый, сердце неизмѣнное; ты отмстишь за всѣ эти гадости! Но если я ошиблась? если самъ Гекторъ?... Я право не знаю, почему я не велѣла этому кучеру везти меня къ Сенѣ. Онъ, кажется, не прочь привязать мнѣ къ шеѣ всю мою поклажу, если я ему велю. Кто будетъ обо мнѣ плакать? Ба! все это кончится... Какая я малодушная, что боюсь такихъ пустяковъ! Кто можетъ помѣшать моему счастью, если я его захочу?

Окончивъ эти размышленія, Полина сдѣлала знакъ кучеру, что она хочетъ съ нимъ говорить.

— Куда вы меня везете? спросила она.

— О, ужь не на кладбище! отвѣчалъ онъ. — Вы видите, я поѣхалъ по бульвару къ Елисейскимъ Полямъ. Когда ѣдешь по этой дорогѣ, то всегда возвращаешь къ себѣ добрыя мысли.

— Вы великій человѣкъ! вскричала Полина, обрадовавшись и успокоившись.—Поѣзжайте; туда именно мнѣ надо ѣхать.

Только остановитесь въ предмѣстьѣ Сент-Онорэ, у церкви св. Филиппа, а оттуда отправляйтесь въ улицу Курсель.

Полина сказала адресъ баронессы де-Виллльморанъ.

— Мнѣ хочется помолиться Богу въ той церкви, гдѣ будутъ меня вѣнчать, сказала она сама себѣ. — Рѣшительно, мадамъ Беллами была права, а лэди Фиц-Питерсъ моя благодѣтельница!

Съ-тѣхъ-поръ, какъ Полина рѣшилась отправиться къ баронессѣ де-Виллльморанъ, ей казалось смѣшно, что она такъ долго колебалась; сердце ея билось довѣрчиво; она смотрѣла на прохожихъ съ радостью освобожденной плѣнницы; она улыбалась лавкамъ, въ которыхъ были разложены матеріи и драгоцѣнныя вещи; бульвары казались ей блистающими веселостью и торжествомъ. На цвѣточномъ рынкѣ она увидала толпу; ей вдругъ пришло ребяческое искушеніе.

— Остановитесь! закричала она кучеру.

Растворивъ дверцу, она быстро выскочила изъ кареты. Она чувствовала потребность накупить цвѣтовъ, нюхать ихъ, целовать ихъ, такъ-сказать, передать имъ свое довѣріе. До-сихъ-поръ ея суровая и неумолимая скупость не измѣнялась ни на одинъ день, ни на одну минуту. Она отказывала себѣ всегда въ малѣйшей роскоши, въ малѣйшемъ излишествѣ для того, чтобы поддерживать свою вражду противъ роскоши и излишества другихъ; теперь же она начала торговать самые рѣдкіе цвѣты, самыя великолѣпныя розы.

— Я хочу букетъ, достойный баронессы, говорила она сама себѣ.

Гордо поднявъ голову, шла она къ толпѣ, разсматривала, разспрашивала, критиковала, и не торопилась сдѣлать выборъ, наслаждаясь въ первый разъ счастьемъ колебаться между многими искушеніями.

Однако, огромный букетъ фіалокъ посреди двойнаго ряда розъ показался ей непреодолимо привлекательнымъ. Полина, поэтическій припадокъ которой приходилъ къ концу, рѣшилась выбрать его.

— Это немножко мой портретъ, сказала она:—простые цвѣты,

дерзко выставленные между розами, которыхъ они унижаютъ. Эти фіалки тоже баронессы.

Она подошла къ торговкѣ, когда та подала этотъ самый букетъ очень-нарядной дамѣ, которая спустила съ рукъ, для того, чтобы легче раскрыть свой кошелекъ, прелестную и пресмѣшную собачку, толстую какъ спутанный мотокъ шерсти.

Полина вздохнула отъ досады. Платье изъ моаре и шляпка изъ итальянской соломы ея соперницы отнимали у ней всякую надежду бороться съ ней. Она подошла, чтобы лучше разсмотрѣть невинную, но противную для нея женщину, которая отнимала у ней это счастье; нога ея наступила на маленькую собачку. При крикѣ собачки, нарядная дама съ живостью обернулась, какъ бы пораженная въ сердце. Полина, располагавшаяся отвѣчать какой-нибудь колкостью на упрекъ, который могъ относиться къ ней, вдругъ расхохоталась.

— Это ты, Адель?

— Полина! на цвѣточномъ рынкѣ!

— Ты удивляешься, что я пришла покупать, а не продавать цвѣты?

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— А ты какъ очутилась въ Парижѣ?

— Я сейчасъ тебѣ разскажу.

И мадамъ де-Сент-Овидъ, заплативъ за букетъ, взяла подъ-руку свою пріятельницу и начала ей разсказывать.

— Вообрази, моя милая, что я ужасно худѣла въ деревнѣ. Я была въ изгнаніи. Моей слабой груди недоставало чистаго воздуха Елисейскихъ Полей. Деревья такъ тамъ глупы! Я убѣдила моего повелителя и властелина, что нашей любви недостаетъ благовонія газа. Я грозила ему, что если мы останемся еще недѣлю, то я сдѣлаюсь добродѣтельной; онъ испугался, и мы воротились. Ахъ, моя милая! кажется, въ деревнѣ я бы кончила тѣмъ, что начала бы ѣсть сѣно; но я предпочитаю трюфели. Если на будущій годъ Жюль захочетъ гулять по травѣ, онъ отправится одинъ; я разойдусь съ такимъ упрямымъ Немвродомъ.

— До будущаго года еще очень-далеко.

— Ты хочешь сказать, что мы разойдемся до-тѣхъ-поръ? можетъ-быть! хотя, впрочемъ, я не столько люблю его нынѣшній годъ, чтобы возненавидѣть на будущій.

— Странная причина!

Полина вспомнила, что въ своемъ письмѣ она почти обязалась не видѣться болѣе съ своей прежней подругой. Разговоръ и дружба госпожи де-Сент-Овидъ оскорбляли ее. Она молчала и вдругъ остановилась, чтобы проститься съ ней.

XI.

Адель, чувствуя, что рука Полины ускользаетъ изъ-подъ ея руки, удержала ее дружескимъ пожатіемъ.

— Что̀ ты дѣлала здѣсь на этомъ рынкѣ? спросила она.

— Я хотѣла торговать букетъ, который ты купила.

— Для твоей старой англичанки?

— Нѣтъ, для себя. Притомъ я ужь не у лэди Фиц-Питерсъ, я свободна...

— И, можетъ-быть, ужь замужемъ? сказала съ ироніей госпожа де-Сент-Овидъ.

— Нѣтъ еще, но скоро буду.

— А пока гдѣ ты живешь?

— Въ этомъ фіакрѣ, который стоитъ вонъ тамъ съ моей поклажей.

— Ты переѣзжаешь? куда же?

— Къ баронессѣ де-Виллъморанъ, къ моей будущей свекрови.

— Такъ ты сдѣлаешься мадамъ де-Виллъморанъ; это не глупо!

И Адель, осужденная фальшивымъ титуламъ на всю жизнь, меланхолически вздохнула.

— Тебя ждутъ?

— Нѣтъ; но примутъ хорошо.

— Какъ ты увѣрена въ себѣ! Знаешь ли, что я восхищаюсь тобою, милая Полина! Въ твоемъ незавидномъ платьицѣ, въ

твоей незавидной шляпкѣ, съ твоими худощавыми плечами, ты прельстила, ты побѣдила свѣтъ. Взгляни на меня: въ моемъ нарядѣ и съ этими глазами я успѣваю только заниматься контрабандой. Отчего это происходитъ?

— Ты слишкомъ-хороша для того, чтобы внушить страсть, возразила Полина, смѣясь.

— Можетъ-быть, у меня менѣе воображенія, нежели у тебя— вотъ и все!

Разговаривая такимъ образомъ, обѣ пріятельницы дошли до конца рынка, къ своимъ двумъ каретамъ.

— Прощай! сказала Полина, высвобождая свою руку.

— Ты оставляешь меня? Когда я тебя увижу? спросила госпожа де-Сент-Овидъ.

— Не знаю... Если ты осмѣлишься пріѣхать помолиться, когда я буду вѣнчаться, ты увидишь, кукъ я войду въ церковь.

— Счастье располагаетъ тебя къ жестокости, возразила Адель съ слабой улыбкой.

— Развѣ я счастлива?

— Если ты не достигаешь счастья въ такомъ фіакрѣ, какъ этотъ, скажи же мнѣ, моя милая, зачѣмъ ты не возьмешь такой кареты, какъ моя?

И госпожа де-Сент-Овидъ указала на щегольской экипажъ, ожидавшій ее, съ безукоризненнымъ кучеромъ и съ двумя великолѣпными лошадьми, которыя гордо качали головой, кусая серебряныя удила.

— Этотъ фіакръ мой, потому-что я плачу за него; а твоя великолѣпная карета никогда не будетъ тебѣ принадлежать. Вотъ почему я предпочитаю мой фіакръ.

— Ты думаешь, что я уже не заплатила за мою роскошь? сказала Адель.

— О, если такъ, ты платишь слишкомъ-дорого, и эта цѣна испортила бы мнѣ всю радость. Прощай; я держу фіакръ уже болѣе часа.

— Признайся, ты боишься, чтобы тебя не увидали со мною. Ты такъ тревожно осматриваешься кругомъ. Мое подложное баронство можетъ повредить твоему, если насъ увидятъ вмѣстѣ.

Прощай, честолюбивая бѣдняжка! Разбуди твоего кучера, и берегись, чтобы онъ тебя не опрокинулъ!

— Ты смѣешься, Адель! если я тебя оставлю, то не изъ гордости, а изъ стыда; взгляни на меня: я похожа на пятно на твоемъ платьѣ.

— Ну, если ты искренна, моя добрая Полина, то поѣзжай обѣдать ко мнѣ. Ты мнѣ сказала, что тебя не ждутъ. Нѣсколько часовъ замедленія не могутъ ничего перемѣнить. Поѣдемъ; я одна, мнѣ хочется поговорить съ кѣмъ-нибудь, кто уважалъ и любилъ бы меня. Хочешь?

— Это будетъ страннымъ приготовленіемъ къ замужству, прошептала Полина съ презрительной и вмѣстѣ съ тѣмъ сострадательной улыбкой.

— Никто этого не узнаетъ, настаивала Адель съ нѣкоторымъ смиреніемъ.

— А еслибы и узнали, съ живостью возразила мадмоазель Фуко: — развѣ я не свободна? развѣ я не выше подозрѣній? развѣ Гекторъ будетъ сомнѣваться во мнѣ по первому поводу? Не-уже-ли ты думаешь, что я такъ мало владѣю своей судьбой, что опасаюсь твоего общества? Я принимаю твое приглашеніе; я не поѣду сегодня къ баронессѣ де-Вильморанъ. Ты права: меня не ждутъ; хочешь, я на день перевезу къ тебѣ мои вещи?

— Мнѣ было бы пріятнѣе, еслибы ты проще приняла мое приглашеніе; но ты соглашаешься—это главное. Отпусти свой фіакръ.

— Что ты! развѣ моя гадкая поклажа не запачкаетъ и не изорветъ твоей кареты? Извощикъ, прибавила Полина, дернувъ за рукавъ спящаго кучера:—погоните-ка вашихъ лошадей, да поспѣйте за нами, если можете.

Она сѣла въ щегольскую карету госпожи де-Сент-Овидъ. Пока она усаживалась, Адель, смѣясь, сказала Полинѣ:

— Мнѣ хотѣлось купить этотъ букетъ для развлеченія, потому-что я была одна; теперь я съ тобою, и не знаю, куда его дѣть. Ты желала его имѣть, возьми!

— Теперь я не хочу; я желала его имѣть, когда онъ долженъ

былъ мнѣ стоитъ дорого. Если ты мнѣ его подаришь, я его брошу.

— Ну, пусть онъ отправляется въ ручей, этотъ бѣдный букетъ, который я тебѣ испортила!

И фіалки полетѣли въ грязь, которая никогда не высыхаетъ у трактира.

Наступило молчаніе. Обѣ пріятельницы дѣлали видъ, будто не думаютъ ни о чемъ; но, сидя рядомъ, онѣ украдкой разсматривали одна другую.

На госпожѣ де-Сент-Овидъ былъ тотъ великолѣпный нарядъ, который составляетъ роскошь, ливрею, наказаніе подобныхъ ей женщинъ. На ней было платье изъ моаре, которое герцогиня надѣла бы для визитовъ, а она носила по утрамъ, отправляясь покупать цвѣты, шляпка изъ итальянской соломы, стоившая нѣсколько сотъ франковъ, мантилья, обшитая дорогими кружевами, браслеты на обѣихъ рукахъ, перстни, доходившіе до втораго сустава и принуждавшіе ее никогда не надѣвать перчатокъ на одну руку, безукоризненная обувь, выказывавшая аристократическую ножку, которую она показывала еще охотнѣе своего лица. Нѣсколько-круглое лицо, отчасти обязанное парикмахерамъ своею прелестью, прекрасные глаза, дурно-обрисованный, но привлекательный пунцовый ротъ, подбородокъ съ восхитительной ямочкой, приличная полнота—все это составляло наружную прелесть болѣе лакомую, нежели чувственную, съ относительной благопристойностью женщины безъ обманчивыхъ мечтаній, которая можетъ считаться нескромностью для женщинъ свѣтскихъ; веселая и остроумная, обставленная каретой, ливреей, собачкой—вотъ какова была госпожа де-Сент-Овидъ. Тоалетъ составлялъ часть ея самой; отнять у нея хоть одну ленточку, значило обезобразить ее.

— Какая ты нарядная! сказала ей Полина Фукъ, недовольная такой утренней роскошью.

— Женщины, подобныя мнѣ, не имѣютъ права показываться въ неглижэ. Не-уже-ли ты думаешь, что я не предпочла бы мериносовое платье для утра? Я очень экономна, и сожалѣю, что не могу оставить въ шкапу эти прекрасные наряды; но я

покажусь глупа, если не стану нѣсколько мотать. Постой, моя милая, настанетъ время, когда я буду богата и пріобрѣту право одѣваться бѣдно. Какъ глупо наряжаться въ воланы, чтобы покупать фіалки! Но такъ водится. Эту гадкую собаченку также требуетъ мода. Я ношу ее съ собою для того, чтобы показать, будто она рветъ мои кружева и пачкаетъ мои шелковыя платья.

— Я похожа на твою горничную, продолжала Полина, смягченная признаніями своей пріятельницы.

— Не насмѣхайся надъ твоею нищетой, но и не тщеславься ею. Когда ты будешь баронессой де-Вилльморанъ, ты такъ же, какъ и другія, прицѣпишь себѣ на шляпу перо и не будешь мнѣ кланяться.

— Перестанемъ говорить о моемъ замужствѣ, запальчиво возразила Полина, махнувъ рукою.

— Когда-такъ, не будемъ говорить ни о чемъ, отвѣчала де-Сент-Овидъ, пожимая плечами. — Не поѣхать ли намъ сегодня въ театръ, чтобы праздновать наше свиданіе?

— Въ театрѣ мнѣ скучно. Мнѣ кажется, что тамъ коверкаютъ симфонію, которую я слышу каждый день въ моемъ сердцѣ.

— Не-уже-ли мы будемъ принуждены провести весь вечеръ, играя въ карты? Или, если ты хочешь и если намъ не о чѣмъ говорить, такъ поѣзжай зѣвать къ твоей баронессѣ.

— Извини меня, моя добрая Адель; ты права: я горда и не имѣю на это права. Прежде мы очень любили другъ друга. Теперь намъ остался, можетъ-быть, только одинъ этотъ вечеръ, чтобы имѣть возможность сказать объ этомъ другъ другу; наши пути разъединяютъ насъ. Сегодня останемся вмѣстѣ и будемъ любить другъ друга безъ тайной мысли. Помнишь ли ты въ институтѣ наши маленькія совѣщанія въ углу дортуара? Сегодня вечеромъ наши учительницы насъ не увидятъ; поговоримъ. Завтра надъ нами будутъ уже надзирать.

— Въ твоей добротѣ видна еще большая гордость, сказала Адель, качая головой и съ сердцемъ глубоко-уязвленнымъ: — но ты говоришь правду: забудемъ, что мы и чѣмъ будемъ; вспомнимъ, чѣмъ мы были. Поцаловала ли я тебя, когда увидѣла — я не знаю, но предпочитаю поцаловать тебя два раза.

И прелестная мадамъ де-Сент-Овидъ, назадъ тому нѣсколько минутъ поклявшаяся въ смертельной женской ненависти къ своей безжалостной пріятельницѣ, поцаловала ее съ грубымъ чувствомъ, которое столько же могло назваться укушеніемъ, сколько и поцалуемъ. Полина же раскаявалась, зачѣмъ сѣла въ эту карету. Эта роскошь стѣсняла и раздражала ее.

Странное дѣло! эти обѣ женщины были слишкомъ расположены ненавидѣть одна другую, чтобы не желать сблизиться, или, по-крайней-мѣрѣ, не разстаться вдругъ. Каждая чувствовала, что другая ее судитъ, каждая дотрогивалась ногтемъ о сердце другой. Эта свирѣпая короткость, которая часто составляетъ сущность человѣческой короткости, увеличивалась и разжигалась между ними, придавая имъ иногда горячее волненіе, которое онѣ могли принять въ минуту забвенія за взаимную нѣжность.

Путь окончился въ молчаніи. Госпожа де-Сент-Овидъ, выбравшая себѣ это имя наудачу изъ уваженія къ имени своего отца, занимала въ Бѣлой Улицѣ очаровательный маленькій отель съ миніатюрнымъ садомъ.

Когда Полина увидала, что ливрейный лакей ея пріятельницы взялъ ея поклажу и понесъ въ отель, остерегаясь, чтобы не задѣть за картины, развѣшанныя въ передней, она почувствовала, какъ сердце ея сжалось. Ей захотѣлось убѣжать.

«Не здѣсь твое мѣсто» говорилъ ей тайный голосъ: «ты не имѣешь права компрометировать себя; ты обезславишь свою бѣдность.»

Она оставалась на ступеняхъ крыльца, не смѣя войти.

— Ты забыла что-нибудь въ твоемъ фіакрѣ? спросила ее Адель насмѣшливымъ тономъ.

— Да, отвѣчала Полина, и улыбаясь и блѣднѣя. —Я забыла моего мужа и боюсь...

— Встрѣтить моего, не-такъ-ли? рѣшительно окончила Адель.— Не бойся, моя милая, онъ уѣхалъ на два дня; онъ пробуетъ лошадей. Я имѣю два дня отдыха. Стало-быть, мы свободны и никто не узнаетъ ничего.

Вошли въ маленькую гостиную, мёблированную точно такимъ

же образомъ, какъ была одѣта госпожа де-Сент-Овидъ, то-есть съ преувеличеніемъ.

— Какъ хорошо у тебя! сказала съ ребяческой завистью бѣдная учительница:—даже слишкомъ-хорошо!

— Что же дѣлать? Я не могу увѣшать себя банковыми билетами. Всѣ эти вещи на этажеркѣ—олицетворенныя деньги. Вся эта роскошь можетъ дать мнѣ годовой доходъ, когда я захочу.

— Сколько надо принимать предосторожностей, чтобъ сдѣлаться модной женщиной! это цѣлый трудъ, сказала Полина.

— Самая бездѣлица, возразила Адель.

До обѣда говорили объ институтскихъ воспоминаніяхъ; пріятельницы старались ограничиться этимъ разговоромъ, но наконецъ предметъ истощился. Что-то холодное и неуловимое проскользнуло между двумя пріятельницами и не допускало ихъ къ изліяніямъ. Полина боялась разспрашивать; она раскаявалась, зачѣмъ пріѣхала. Припадокъ смѣлости, заставившій ее сѣсть въ карету Адели, уступилъ мѣсто угрызеніямъ.

«Что дѣлаетъ Гекторъ?» думала она: «что сказалъ бы онъ, еслибы зналъ, что я здѣсь?»

Адель обижалась взглядами своей пріятельницы и напрасно старалась отмстить ей. Обѣдъ разсѣялъ это принужденіе. Любуясь столомъ, блиставшимъ серебромъ и хрусталемъ, Полина, позавтракавши въ пансіонѣ, весело заговорила о своемъ аппетитѣ. Адель улыбнулась.

— Наши желудки еще лучше понимаютъ одинъ другаго, нежели наши сердца, сказала она, садясь за столъ:—они одинаково понимаютъ добродѣтель.

— Не-уже-ли ты искренно думаешь, спросила Полина:—что наши сердца разъединены на-счетъ всего другаго?

— Нѣтъ, моя милая, только мое сердце надѣется на то, о чемъ твое сожалѣетъ.

— А можно ли узнать имя этого идеала, на котораго надѣешься ты и о которомъ сожалѣю я?

— Любовь! отвѣчала Полина съ энергіей.

— Любовь, повторила госпожа де-Сент-Овидъ со смѣхомъ слишкомъ-громкимъ, чтобы онъ былъ естественъ:—увѣряю тебя, что

я совсѣмъ о ней не помышляю. А я думаю, прибавила она, поднося ложку къ губамъ: — что ты скажешь: состояніе.

— Ты только это и видишь на свѣтѣ? спросила Полина.

— Я вижу только это для того, чтобы свѣтъ могъ жить. О! не притворяйся; твоего героя здѣсь нѣтъ, мы однѣ. Признайся, упрямица, что ты въ восхищеніи отъ того, что ты любима, что ты сдѣлаешься баронессой и будешь имѣть годовой доходъ?

Полина молчала съ минуту. Голова ея склонилась. Когда она приподняла голову, странное пламя сверкало въ ея глазахъ.

— Я допрашивала себя, сказала она: — Еслибъ моя совѣсть согласовалась съ твоими словами, я воткнула бы себѣ этотъ ножъ въ сердце, вмѣсто всякаго отвѣта.

— Какіе у тебя трагическіе порывы!

— Но развѣ ты не понимаешь, что я выбрала трудъ, что я примирилась съ бѣдностью только потому, что меня поддерживала надежда встрѣтить когда-нибудь уваженіе и любовь? Любовь! Я убила бы себя, еслибъ мнѣ надо было отъ нея отречься.

— Ахъ, мое бѣдное дитя! сказала Адель: — ты меня пугаешь; и ты выбрала замужство, чтобы переселиться на седьмое небо!

— Въ чемъ же долгъ и честь мѣшаютъ осуществиться моей мечтѣ?

— За твое здоровье, моя милая! перебила Адель, наливая шампанское въ бокалъ Полины.

— За мое здоровье или за мою смерть! возразила молодая дѣвушка: — мнѣ нужно желать того или другаго. Жизнь существуетъ только при условіи любви, и смерть была бы для меня лекарствомъ жизни.

— Право, возразила госпожа де-Сент-Овидъ, чокаясь съ Полиной бокаломъ: — твоему жениху слѣдовало бы называться Шарлоттой, а тебѣ мадмоазель Вертеръ, и васъ надо бы вѣнчать понѣмецки.

— Ты смѣешься, но говоришь правду.

— Будемъ же немножко лгать и перестанемъ смѣяться... это будетъ веселѣе.

Госпожа де-Сент-Овидъ очень сожалѣла въ эту минуту, за-

чѣмъ привезла къ себѣ свою институтскую пріятельницу, которая вовсе не завидовала ея роскоши, которая уничтожала ее своими сентиментальными теоріями и угрожала заставить ее провести скучный вечеръ.

Это правда, что вечеръ какъ-нибудь все-таки былъ бы проведенъ, а часто вечера казались ей слишкомъ-длинны.

Полина спала дурно на кружевномъ изголовьѣ госпожи де-Сент-Овидъ; она сожалѣла о дортуарѣ мадамъ Беллами. Она думала часть ночи, что еслибы судьба не свела ее вдругъ съ Аделью, она была бы теперь въ домѣ баронессы де Вилльморанъ, возлѣ своего будущаго мужа.

Ея мужа! Какъ эта мечта о законномъ счастьѣ казалась ей странною въ этомъ домѣ! Она не смѣла слишкомъ-долго останавливать свои мысли на радости быть женою Гектора, какъ-будто атмосфера, которою она дышала, могла осквернить и испортить эту надежду.

Ей пришло вдругъ искушеніе убѣжать ночью, какъ плѣнницѣ, вырывающейся изъ тюрьмы; потомъ иронія, примѣшивавшая столько раскаянія къ ея добрымъ движеніямъ, слабость, недугъ, или, лучше сказать, порокъ этой великой души, этой могущественной натуры, внушали ей совѣты совсѣмъ другаго рода.

— Что тутъ дурнаго, что я пріѣхала сюда? спрашивала она себя съ какимъ-то внутреннимъ возмущеніемъ. — Могла ли я ночевать въ гостинницѣ? Развѣ у меня есть домъ? Вѣдь у меня нѣтъ убѣжища, нѣтъ родныхъ. Кто можетъ обвинить меня? Притомъ это испытаніе, бѣдное, жалкое испытаніе, это правда, вовсе меня не прельщающее, и я хочу пойти наперекоръ и этому свѣту, какъ я шла наперекоръ свѣту настоящему. Я увѣрена, что эта бѣдная Адель завидуетъ мнѣ, и что еслибы я пошла въ ея комнату, я застала бы ее въ слезахъ, завидующей моей бѣдности; она слишкомъ насмѣхается надо мною, чтобы не страдать.

Къ утру Полина заснула. Ей привидѣлось во снѣ, будто ее убаюкиваютъ при звукѣ органа; гармонія вовсе не земная праздновала ея бракъ. Вдругъ послышались нестройные звуки. Органъ умолкъ, все рушилось съ ужаснымъ трескомъ.. Грудь По-

лины раздиралась. Она проснулась съ крикомъ. Это собачка госпожи де-Сент-Овидъ, взобравшись на постель, непріятно лаяла и прыгала, дружески царапая шею Полины.

Адель, въ щегольскомъ утреннемъ блондовомъ чепчикѣ съ розовыми лентами, въ бѣлой кашмировой блузѣ, улыбалась, коварно подстрекая свою собачку.

— Вставай, лѣнтяйка, говорила госпожа де-Сент-Овидъ: — я думала, что ты привыкла по своей должности вставать рано.

Полина сжала губы.

— А я думала, возразила она съ живостью: — что ты, напротивъ, привыкла вставать поздно.

Обѣ пріятельницы взглянули другъ на друга съ какой-то угрозой.

Полина замѣтила синеватые круги около глазъ госпожи де-Сент-Овидъ.

— Ты дурно спала? сказала она съ двусмысленнымъ состраданіемъ.

— Да, я не знаю почему... мнѣ нездоровилось; но ты такъ блѣдна и какъ-будто устала.

— Я спала; вѣдь ты меня разбудила, возразила Полина: —а моя блѣдность—это мое кокетство; если Гекторъ захочетъ, я буду румяниться.

— Ахъ, моя милэди! сказала Адель, смѣясь:—старайся, чтобы онъ этого не захотѣлъ. Такъ утомительно всегда маскироваться... Я приказала, чтобы завтракъ принесли сюда, въ твою комнату. Намъ осталось поговорить только часъ или два, потому-что ты рѣшительно хочешь оставить меня сегодня утромъ, не-правда-ли?

— Зачѣмъ ты хочешь, чтобы я осталась дольше? сказала Полина:—я тебя стѣсняю...

— Я замедляю твое счастье, перебила съ нѣсколько-горькимъ униженіемъ госпожа де-Сент-Овидъ: — ты права: уѣзжай, честная женщина и старайся не возвращаться сюда.

XII.

— Знаешь ли, продолжала Полина, которая разговаривала и одѣвалась:—что ты вовсе меня не прельщаешь, и еслибы я захотѣла постараться, я прельстила бы тебя и заставила оставить этотъ домъ?

— Зачѣмъ поѣхала бы я съ тобой? вскричала Адель, вздрогнувъ.—Чтобы выйти замужъ? Когда я захочу, я найду мужа. Но свѣтъ, въ которомъ дрожатъ отъ холода и голода, кажется мнѣ невеселѣе того, гдѣ зѣваютъ отъ скуки. Я пью изъ китайскаго фарфора—это получше глиняной посуды. Черезъ три или четыре года я надѣюсь разстаться со всѣми, буду водить знакомство только съ маклеромъ. Я буду вести игру на биржѣ, буду жить спокойно и въ довольствѣ, буду путешествовать.

— Но развѣ ты ничего не любишь, моя бѣдная Адель?

— Любовь—роскошь бѣдныхъ. Не хочешь ли ты, чтобы я влюбилась въ какого-нибудь красавца, который обиралъ бы меня и билъ? Любить, какъ ты — это мука, тревога! Я предпочитаю спокойствіе.

— Какъ! любви нѣтъ въ такой жизни, гдѣ любовь служитъ предлогомъ! сказала Полина съ ужасомъ.

— Любовь! повторила госпожа де-Сент-Овидъ: — я не хочу сказать тебѣ, что я думаю о ней; ты имѣешь свои идеи; это оскорбитъ тебя.

— Напротивъ, говори; я не боюсь придти въ негодованіе.

— Какъ! ты хочешь, чтобы я вѣрила въ любовь? Люди, объясняющіеся мнѣ въ любви, оставляютъ восхитительныхъ женъ, которыя не позволяютъ имъ быть эгоистами, и здѣсь отдыхаютъ на свободѣ. Въ томъ свѣтѣ, въ который ты вступишь, моя милая, стараются женить молодаго человѣка съ основательными надеждами на молодой дѣвушкѣ съ капиталомъ—вотъ и все. Соединяютъ два равнодушныхъ существа, и вмѣсто лозунга даютъ имъ ложь и гримасу. Въ нашемъ свѣтѣ не честолюбіе, а тще-

славіе соединяетъ людей; только расходятся гораздо-легче, и въ этомъ состоитъ выгода. А любовь—это мечта пансіонерки, комедія!

— О, нѣтъ! вскричала Полина, въ эту минуту расчесывая себѣ волосы: — нѣтъ, ты лжешь! любовь существуетъ. Это цѣль душъ, это сущность жизни. Весь безпорядокъ, всѣ страсти, всѣ человѣческія сумасбродства имѣютъ только цѣлью оскорбить ее, убить мысль о ней. Она стѣсняетъ наши пороки—вотъ почему ее отвергаютъ; но я ей вѣрю, какъ моему существованію. Я ей вѣрю; еслибы она была ложью, надо было бы умереть. Я откладываю мое замужство только для того, чтобы раздражить болѣе во мнѣ это неизмѣримое желаніе, эту безграничную потребность любить.

Бѣдная учительница была почти хороша, говоря съ такимъ жаромъ: глаза ея сверкали, распущенные волосы придавали ея позѣ прелесть жертвы. Насмѣшки госпожи де-Сен-Овидъ задѣли ее за-живое. Она забывала, передъ какимъ свидѣтелемъ изливала свой энтузіазмъ.

— Я могла бы многое отвѣчать тебѣ, бѣдная сумасшедшая, сказала Адель съ наружнымъ состраданіемъ:—но я жду испытанія. Когда твой мужъ въ одинъ прекрасный вечеръ уйдетъ отъ твоего камелька, чтобы не слыхать твоихъ сентиментальныхъ руладъ, и придетъ развлекаться у камина такой женщины, какъ я, ты спросишь меня тогда, моя добрая Полина, чѣмъ становится любовь въ бракѣ.

Полина пожала плечами съ горделивымъ презрѣніемъ и не захотѣла отвѣчать; потомъ, чувствуя упорный сарказмъ во взорѣ Адели, возразила ей, стараясь оставаться спокойной:

— Еслибы ты знала Гектора, моя милая, ты почувствовала бы, что говоришь глупость.

— Ахъ, я не сказала бы, что баронъ оставитъ тебя когда-нибудь для меня, отвѣчала госпожа де-Сент-Овидъ.—Успокойся, я не имѣю этого притязанія, хотя...

— Ну? продолжай.

— Ну, я скажу, что твой женихъ созданъ такъ же, какъ и всѣ обыкновенные смертные, и еслибы потрудиться...

— О кокетство!

— Нѣтъ, но опытность; во всякомъ случаѣ, моя добрая Полина, постарайся пополнѣть: худоба не годится въ бракѣ.

И госпожа де-Сент-Овидъ, смотрѣвшая на голыя и худыя плеча Полины, громко расхохоталась, а ея распахнувшаяся блуза позволила мадмоазель Фукѐ сдѣлать невыгодное для себя сравненіе.

— Перестанемъ говорить объ этомъ, возразила учительница, завернувшись въ шаль.—Мнѣ остается только одинъ часъ провести съ тобою; позавтракаемъ и поговоримъ о другомъ.

— Рѣшительно ты ѣдешь?

— Надо, а то ты меня развратишь, отвѣчала неисправимая Полина.

— Жаль! У меня сегодня вечеромъ будутъ нѣсколько друзей; я хотѣла бы представить тебѣ ихъ.

— Благодарю; я не желаю знакомиться съ ними.

— Ты боишься компрометировать себя?

— Я ничего не боюсь, кромѣ того, чтобы не растревожить тѣхъ, кто ждетъ меня, можетъ-быть...

— Имъ можно послать сказать, что мы въ безопасномъ мѣстѣ.

— Сохрани тебя Богъ! съ живостью возразила Полина.

— А, да! пожалуй забудутъ объ обѣщаніи жениться.

— Я говорю тебѣ, что ничего не боюсь.

— Докажи это, оставшись еще на день.

— Зачѣмъ ты хочешь, чтобы я осталась?

— Потому, что я хочу показать тебѣ мою гостиную, хотя ты не покажешь мнѣ твоей.

— Если я останусь, то затѣмъ, чтобы смѣяться надъ тобою и надъ твоимъ обществомъ.

— Пожалуй, смѣйся! Можетъ-быть, ты сегодня вечеромъ увидишь здѣсь такихъ людей, которые съумѣютъ отплатить тебѣ за это.

— Кого же ты ждешь?

— Пятерыхъ человѣкъ: одного журналиста, двухъ банкировъ,

одного музыканта, одного графа, такого же настоящаго, какъ и твой баронъ.

— А дамъ не будетъ?

— Нѣтъ, я буду одна; это тебя вовсе не компрометируетъ, или компрометируетъ меньше.

— Я не знаю почему, но мнѣ очень любопытно посмотрѣть на твоихъ гостей, и еслибы у меня былъ приличный тоалетъ...

— Не бойся, у меня есть все, что нужно. Мы сдѣлаемъ тебя, красавицей.

— Красавицей? тебѣ это неудастся.

— О, ты слишкомъ скромна! Если ты захочешь пустить въ ходъ весь твой умъ, всю твою веселость, я ручаюсь тебѣ за успѣхъ. Забудь, что черезъ нѣсколько дней ты будешь знатной дамой; согласись сдѣлаться опять моей пансіонской подругой; это оправдаетъ твое присутствіе здѣсь. Притомъ, моя милая, люди, которыхъ я принимаю, люди свѣтскіе; они настолько умны, что поймутъ все и не повторятъ ничего. Будь увѣрена въ ихъ скромности.

— Въ ихъ скромности? Чего я могу опасаться? Не-уже-ли ты думаешь, что я не все разскажу барону де-Виллъморану? Можетъ-быть, онъ будетъ осуждать меня, но сомнѣваться во мнѣ не станетъ.

— Какая самонадѣянность!

— Нѣтъ, это любовь.

Очень раздраженныя одна противъ другой, рѣшившись не уступать другъ другу, однако дѣлая уступки, чтобы не показать вида, будто опасаются другъ друга, наблюдая, изучая, обѣ пріятельницы позавтракали съ принужденной веселостью.

Госпожа де-Септ-Овидъ хотѣла отмстить; она была не зла, но она чувствовала себя униженной добродѣтельнымъ упорствомъ своей прежней подруги и хотѣла разставить ей сѣти, пружины которыхъ еще не придумала.

Полина же согласилась остаться изъ любопытства.

Съ больнымъ умомъ, жадная къ сильнымъ ощущеніямъ, съ характеромъ великодушнымъ, но безъ равновѣсія, получивъ неполное воспитаніе, съ лихорадочнымъ воображеніемъ, неустано-

вившимся разсудкомъ, Полина имѣла секретныя желанія узнать подробности тайнъ свѣтской жизни ея прежней пріятельницы. Мы уже говорили, что ея честность происходила не отъ чистосердечія, а отъ усилія ея воли. Она думала, что можетъ выдержать всякое испытаніе, всякій анализъ.

Она думала про-себя, что такія женщины, какъ госпожа де-Сент-Овидъ, имѣютъ рецепты кокетства, которые хорошо знать даже для супружеской жизни. Какъ ни сильна была ея любовь, она инстинктивно тревожилась вызывомъ, брошеннымъ Аделью. Когда она смотрѣлась въ зеркало и сравнивала свои худыя щеки съ розовыми щеками госпожа де-Сент-Овидъ, она пугалась и напрасно повторяла. «Онъ такъ меня любитъ!»Глаза ея и чувство изящнаго заставляли ее остерегаться, говорили, что первое обольщеніе происходитъ черезъ глаза. Съ веселой горячностью заставляла она себя говорить, разузнавать, угадывать свою пріятельницу. Она хотѣла отнять у ней ея оружіе, чтобы употребить его для нападенія; она знала, что свѣтъ презираетъ, но копируетъ женщинъ такого рода, какъ госпожа де-Сент-Овидъ, и, не оправдывая свѣтъ, Полина говорила себѣ, что серьёзная правдоподобная причина должна скрываться подъ наружностью этого противорѣчія. Въ извиненіе того, что она остается, что она приняла приглашеніе вѣроломной Адели, Полина повторяла себѣ:

— Я здѣсь такъ, какъ была бы у танцовальнаго учителя передъ баломъ. Даже для того, чтобы танцовать менуэтъ, не безполезно знать гавотъ.

Этотъ день, который она хотѣла провести въ роскошномъ убѣжищѣ госпожи де-Сент-Овидъ, былъ также для нея прогулкою въ саду запрещенныхъ плодовъ. Вотъ причина успѣха нѣкоторыхъ театральныхъ пьесъ. Порокъ какъ-будто и привлекателенъ для людей добродѣтельныхъ; для другихъ это элементъ, для третьихъ—любопытство и изученіе.

Еслибы мановеніемъ волшебнаго жезла сбросили всѣ маски съ женскихъ домино, толпящихся въ Оперѣ, маскарадѣ, сколько стыдливыхъ лицъ покраснѣли бы отъ замѣшательства! Полинѣ одной предстояла цѣлая оперная сцена; ей было что посмот-

рѣть, изучить, понять. Это было ей извиненіемъ. Какъ только обѣ пріятельницы рѣшили, что мадмоазель Фукѐ удостоитъ своимъ присутствіемъ раутъ мадамъ де-Сент-Овидъ, онѣ занялись туалетомъ нашей героини.

Ея чорная юпка и неизбѣжный шерстяной корсажъ, разумѣется, теперь уже негодились. Надо было импровизировать что-нибудь. Адель любезно занялась этимъ деликатнымъ дѣломъ. Перепробовали двадцать прическъ; никогда Полина не оставалась такъ долго передъ зеркаломъ. Разбирая кружево, цвѣты, бусы, дѣлали разныя замѣчанія, тонкіе вопросы, обнаруживавшіе тайную озабоченность обѣихъ пріятельницъ.

Адель заставляла расказывать себѣ о гостиной баронессы де-Виллъморанъ и немножко смѣялась надъ Гекторомъ. Полина дѣлала видъ, будто жалѣетъ объ Адели, и спрашивала у ней, не изнуряетъ ли ее эта жизнь безплодной дѣятельности.

— Ты видишь, отвѣчала Адель, показывая на свои бѣлыя и гладкія руки:—ты видишь, что я не худѣю.

— Но твое сердце, твой умъ? У тебя было прежде и то, и другое.

— У меня и теперь они есть. Они мнѣ служатъ къ тому, чтобы ненавидѣть и презирать другихъ.

— Ты видишь, что ты способна къ чувству. Ненависть—это часто начало любви.

— О! я ненавижу для смѣха, а мое презрѣніе не доходитъ до самоубійства. Какъ же ты хочешь? Еслибы у меня была хорошая память, я поступила бы въ театръ. Я была довольно-хороша для этого; но мнѣ не понадобилась эта выставка. Случай избавилъ меня отъ подмостковъ; это все-таки что-нибудь.

— Я предпочла бы видѣть тебя актрисой. Искусство—это призваніе.

Госпожа де-Сент-Овидъ громко расхохоталась.

— Какъ ты это говоришь? Я не знаю, имѣютъ ли притязаніе на призваніе авторы, пересыпающіе въ разговорѣ плоскостями, но увѣряю тебя, моя милая, что истолкователи вовсе не думаютъ о призваніи.

— Еслибы, по-крайней-мѣрѣ, въ томъ щегольскомъ свѣтѣ, въ

которомъ ты живешь, ты старалась бы придать себѣ цѣну, умственную славу!

— Писать? Благодарю; я слишкомъ опрятна и слишкомъ хороша для этого.

— И безъ писанья развѣ ты не могла собирать у себя какой-нибудь ученый кругъ, предсѣдательствовать въ немъ?

— Да, быть Нинонoй Ланкло! Это уже старо, моя милая, въ эту дудку ужь не играютъ. Теперь мужчины любятъ только глупыхъ женщинъ.

— Но счастлива ли ты?

— А ты?

— Я не хочу быть счастливой, если счастье получается однообразіемъ. Я хочу купить, хотя цѣною страшныхъ мукъ, нѣсколько лѣтъ божественной радости. Я вытерпѣла всѣ страданія рабства, чтобы заслужить жизнь свободы и любви. Я составила героическій планъ, отъ котораго я страдаю, но которымъ такъ горжусь, что какъ-будто бы я счастлива. Я хочу заставить засіять вмѣстѣ честь и любовь, хотя бы этотъ блескъ долженъ продолжаться не болѣе молніи, хотя бы даже онъ долженъ былъ сжечь меня. Счастлива!—да, я буду счастлива! но не надолго.

— Твои пылкія тонкости, возразила госпожа де-Сент-Овидъ, вздыхая:—можетъ-быть, не лучше моихъ пошлыхъ удовольствій. Ты хочешь завладѣть солнцемъ, а я завладѣваю доходами. Но это вина нашего происхожденія. Еслибы наши отцы мѣрили холстъ за прилавкомъ, мы бы честно и смиренно были пристроены и, можетъ-быть, были бы счастливы. Но дѣвушки безъ копейки!...

— Скажи, моя милая, что это вина нашихъ учительницъ, отвѣчала Полина: — и мы страдаемъ немножко болѣе тѣмъ, что̀ составляетъ несчастье нашего поколѣнія.

— Напрасно ты жалуешься на этотъ счетъ, перебила Адель:— ты въ институтѣ была чудомъ, геніемъ, ты знала все.

— Хорошо чудо, котораго ожидаетъ или моя нищета, или твоя роскошь! Хорошъ геній, который научился слишкомъ-много, чтобы ограничиться простодушнымъ вѣрованіемъ, и который не знаетъ настолько, чтобы уничтожить сомнѣніе! Еслибы

у меня не было моей любви, у меня въ сердцѣ была бы бездна, а въ головѣ пустота. Зачѣмъ, вмѣсто того, чтобы учить насъ музыкѣ и исторіи, не отдали насъ научиться какому-нибудь ремеслу?

— Спасибо! у меня пальцы не созданы для того, чтобы штопать чулки, сказала госпожа де-Сент-Овидъ, которая, пришивая кружева, уколола себя иголкой.

— Я не знаю ни одного ремесла, которое нравилось бы мнѣ, сказала съ выразительнымъ взглядомъ Полина Фукò: — я не имѣю опредѣленной идеи на этотъ счетъ; но я знаю, что мнѣ хотѣлось бы быть преданной супругой, попечительной матерью. Вотъ истинное ремесло женщины; когда я подумаю объ этомъ, я боюсь, что у меня нѣтъ даже необходимыхъ добродѣтелей для этого ремесла.

— Ты видишь, что съ твоими утопіями ты дошла–таки до того, что извиняешь меня, вкрадчиво сказала Адель.

— Я? никогда! сказала Полина съ энергіей: — отъ добровольнаго стыда всегда можно освободиться. Пока не вздумаютъ передѣлать воспитаніе женщины, для нея будутъ только два спасенія—любовь или смерть; что касается до меня, я не поколебалась бы ни на минуту.

Госпожа де-Сент-Овидъ взглянула на свою пріятельницу съ двусмысленной улыбкой, и вражда сверкнула въ ея взорѣ; рѣшительно, между ними раскрывалась бездна и въ ихъ разсужденіяхъ таились гнѣвъ и ненависть, угрожавшіе превратить въ неумолимый поединокъ сближеніе двухъ пріятельницъ.

День прошолъ въ приготовленіяхъ тоалета. Мало-по-малу молчаніе дѣлалось все привлекательнѣе, и передъ обѣдомъ Полина и Адель, обѣ раскинувшись въ креслахъ, выказывали задумчивость, которая не мѣшала имъ смотрѣть другъ на друга и подстерегать одна другую съ глубокимъ вниманіемъ.

«Зачѣмъ она такъ настойчиво просила меня остаться?» думала Полина.

«Зачѣмъ она не уѣзжаетъ?» думала Адель.

И каждая, стѣсняясь другой, опасаясь ее какъ засады, дер-

жала себя въ оборонительномъ положеніи, однако не согласилась бы отказаться отъ партіи.

«Я покажу, что не боюсь ни ея, ни ея окружающихъ» думала Полина.

«Я насмѣхаюсь надъ ея презрѣніемъ и найду средство унизить ея гордость!» думала Адель.

XIII.

Гостиная госпожи де-Сент-Овидъ имѣла то щегольство, которое составляетъ славу и въ то же время стыдъ нѣкоторыхъ классовъ общества. Если Бальзакъ — этотъ великій геній, заслуги котораго начинаютъ оспаривать и котораго наконецъ поймутъ — довелъ психологію до пантеизма мёбели, если онъ никогда не начиналъ драмы, не упрочивъ себѣ сообщничество, я хочу сказать сотрудничество принадлежностей, это потому, что онъ чувствовалъ, что въ нашемъ современномъ обществѣ на мёбели изображаются характеры. Прежде предки переживали себя въ своихъ старыхъ креслахъ, остававшихся на наслѣдственныхъ мѣстахъ; нынѣ предки умираютъ, и если какое-нибудь старье занимаетъ почотное мѣсто въ нашихъ современныхъ гостиныхъ, то потому, что оно ново и поставлено затѣмъ, чтобы показать хорошій вкусъ, а не благоговѣніе своего владѣльца.

Бюффонъ ошибся: не слогъ изображаетъ человѣка. Бумага имѣетъ свое обаяніе, а перо лживо, но костюмъ и мёбель обнаруживаютъ всѣ секреты. Невозможно не узнать мелочнаго тщеславія, безпорядка, вкуса, чувственности въ убранствѣ, въ выборѣ мёбели. я не повѣрю, чтобы капиталистъ—имѣй онъ всю деликатность Мецената—могъ сдѣлать свое жилище похожимъ на жилище человѣка съ идеями. Мильйонъ имѣетъ всегда, какъ бы ни былъ онъ остроуменъ, маленькую дерзость, которая обнаруживается повсюду и портитъ удовольствіе глазъ. Ему недостаетъ

тѣхъ очаровательныхъ контрастовъ, которые вводятъ небольшое стѣсненіе въ мёблировку артиста. Наблюдателя восхищаетъ та доля задушевной жизни, которую умный человѣкъ примѣшиваетъ къ предметамъ жизни внѣшней. Мёблировать свою квартиру какъ лавку или какъ музей значитъ одѣваться по модной картинкѣ.

Я знаю одного философа, который не позволяетъ себѣ имѣть никакого мнѣнія о женщинѣ прежде, чѣмъ сдѣлаетъ ей визитъ, и никогда не поѣдетъ къ ней болѣе, если не замѣтитъ, что она умѣетъ одушевлять свою мёбель и оставлять немножко своей жизни въ гостиной. Онъ разошелся съ одною очень-красивой женщиной, вдовой, которая принесла ему въ приданое сто тысячъ франковъ годоваго дохода и которая слыла женщиной чрезвычайно-умной, потому,что замѣтилъ, хорошенько разсмотрѣвъ ея квартиру, что все было такъ офиціально, такъ прилично роскошно, что онъ не могъ угадать привычекъ этой дамы, и что даже въ спальной не было подушекъ съ булавками.

На всѣ попытки возобновить планы о бракѣ нашъ философъ отвѣчалъ неизмѣнно:

— Нѣтъ булавокъ у женщины! какая претензія!

Онъ никакъ не хотѣлъ измѣнить свое намѣреніе; эти булавки залегли у него на сердцѣ, и этотъ философъ былъ правъ. У госпожи де-Сент-Овидъ также не нашли бы булавокъ. Она имѣла фанатическое попеченіе о своей мёбели, изъ которой каждая штука стоила годоваго дохода. Не она сама выбирала то, за что̀ она платила. Штофныя занавѣски, позолоченныя кресла, шерстяные ковры—все было безукоризненнаго качества, но ничто не имѣло тона, характера, ничто не обнаруживало привычекъ, предпочтеній. Все было красиво, но пошло.

Полина Фукѐ, сначала нѣсколько ослѣпленная этой роскошью, наконецъ поняла ее, и осудила. Какъ-то неловко было посреди этихъ цѣнныхъ вещей, такъ старательно разставленныхъ по мѣстамъ.

Бѣдная учительница спрашивала себя, такимъ ли бы образомъ убрала она свою гостиную, и отвѣчала себѣ, что у ней

счастье разстроило бы всю эту холодную гармонію. Она видѣла, какъ Гекторъ забывалъ свои книги на этихъ геридонахъ, которые теперь не служили ни кчему, и чувствовала слезы на глазахъ при мысли, что надо, конечно, позволить дѣтямъ царапать мебель и влѣзать на кресла. Дѣти—это было послѣдней, самой полной, самой упоительной радостью, о какой она осмѣливалась мечтать. Эта сирота, которая стыдилась думать о своей матери, которая не испытала семейныхъ ласокъ, которая принуждена была сжимать свое сердце подъ покровомъ бѣдности и долга и встрѣчала всегда только пренебреженіе и равнодушіе, которая чувствовала въ себѣ сокровища привязанности, для которой едва достаточно было любви, чтобы растратить силу изліянія, которую она удерживала въ себѣ, это ироническое существо было взволновано и ослѣплено, когда думало, что будетъ матерью и что сжигавшая его жизнь размножится вокругъ нея. Она смотрѣла сквозь слезы на красивое лицо госпожи де-Сент-Овидъ и уже не завидовала ей. Она прощала ей все, потомучто въ ушахъ ея раздавался говоръ, крикъ, пѣніе дѣтскихъ голосковъ, которые говорили ей: «Ты будешь прекраснѣе, счастливѣе! тебя будутъ обожать! ты будешь матерью!»

— Право, сказала вдругъ Адель, зѣвая: — этотъ день показался мнѣ такъ же длиненъ, какъ и другіе.

— Видишь, ты напрасно пригласила меня! отвѣчала Полина.

— Почему же, если ты нашла какое-нибудь удовольствіе въ моемъ обществѣ? возразила госпожа де-Сент-Овидъ.

— Удовольствіе—нѣтъ; интересъ—да.

— Ты меня изучала, не-правда-ли? а можно узнать результатъ твоихъ наблюденій?

— Я сожалѣю о тебѣ, моя бѣдная Адель, сказала Полина растроганнымъ голосомъ.

— Ба! послѣ ты будешь мнѣ завидовать.

— Никогда!

— Ахъ, Боже мой! счастье—дѣло не контракта, а аппетита.. Нѣкоторые ѣдятъ по крохамъ радости жизни, а другіе хотятъ все проглотить разомъ. Ты умрешь отъ голода, предсказываю тебѣ.

— Сегодня, можетъ-быть, возразила Полина, смѣясь весело и безъ тайной мысли, потому-что ангельчики, касавшiеся ея своими крылышками, развеселили ее.

— Ты права; уже почти семь часовъ, пойдемъ обѣдать.

Госпожа де-Сент-Овидъ позвонила, чтобы подавали обѣдъ.

Обѣдъ былъ веселѣе вчерашняго; Полина торжествовала, а Адель, можетъ-быть, надѣявшаяся отплатить ей, не хотѣла показать себя побѣжденной.

Послѣ обѣда занялись тоалетомъ мадмоазель Фукѐ. Это было дѣломъ важнымъ. Полина обыкновенно очень-мало заботилась о своей наружности и одеждѣ, но въ этотъ вечеръ она не хотѣла предоставить всѣ выгоды своей прiятельницѣ. Она желала побѣдить на ея собственной землѣ эту героиню щегольства. Съ своей стороны, госпожа де-Сент-Овидъ изъ тщеславiя, а можетъ-быть и изъ коварства, хотѣла нарядить свою соперницу.

Полина, одушевленная надеждами, поддалась съ покорностью пансiонерки всѣмъ прихотямъ убранства; она сдѣлалась почти хороша; во всякомъ случаѣ, она вышла ослѣпительной изъ рукъ искусной горничной: роза въ ея чорныхъ волосахъ, кружева вокругъ голыхъ плечъ, жемчужина, повисшая какъ символическая слеза у ея корсажа, платье съ широчайшими складками, короткiе рукава, выказывавшiе очаровательно-грацiозную руку—вотъ и все; но ея взглядъ, ея улыбка и какой-то странный магнитизмъ, распространявшiйся вокругъ нея, дополняли ея убранство и разсыпали алмазные огни по всей ея наружности.

— Ты ужасна! вскричала Адель, смотря на нее: — тебѣ не нужны брильянты.

И бѣдная госпожа де-Сен-Овидъ нацѣпляла себѣ на руки огромные браслеты и подрумянивала щеки.

— Вотъ мои брильянты, съ гордостью сказала Полина, приложивъ руку къ сердцу.

— Если мои гости будутъ умны сегодня, они должны обожать тебя, возразила Адель съ улыбкой.

— Я надѣюсь ихъ увлечь. Ослѣплять людей не трудно; за-

ставить полюбить себя очень-просто, но самой любить—вотъ задача!

— Развѣ женщинамъ нужны задачи? возразила госпожа де-Сент-Овидъ:—онѣ артистки, которымъ нужны только апплодисменты. И когда намъ апплодируютъ, намъ все-равно, наемные или наивные хлопальщики доставляютъ намъ успѣхъ.

— Ты смѣшиваешь, моя милая, истинныхъ артистокъ съ комедiантками.

— Я говорю только о томъ, что̀ знаю.

— Ты бы лучше думала о томъ, чего не знаешь.

— Когда ты состаришься, мое бѣдное дитя, возразила Адель:—что̀ съ тобой будетъ? Чистая любовь, для которой ты живешь, не помѣшаетъ тебѣ сдѣлаться старухой.

— Я не боюсь состарѣться. На другой день моей свадьбы у меня не будетъ лѣтъ, а когда я сдѣлаюсь матерью, я буду вѣчна.

Адель покраснѣла, сама не зная почему; она не любила, чтобы при ней говорили о семействѣ и дѣтяхъ; это казалось ей неприличнымъ.

При первомъ звонкѣ, раздавшемся въ передней, Полина вздрогнула. Гости госпожи де-Сент-Овидъ пугали ее. Дверь гостиной отворилась: это былъ музыкантъ.

— Здравствуйте, маэстро, сказала Адель, пожимая руку артисту:—каково ваше вдохновенiе сегодня?

— Дурно! Нервы у меня разстроены цѣлый день. Сегодня такой вѣтеръ!...

— А опера подвигается?

— Да, я кончилъ болеро, которое трапписты танцуютъ на кладбищѣ, вы знаете, въ четвертомъ актѣ.

— Вы довольны имъ?

— Доволенъ. Я думаю, говоря откровенно, что послѣ Мейербера никто не понималъ такъ хорошо этого рода музыку. Это произведетъ эффектъ.

— Я признаюсь, сказала Полина:—что это положенiе кажется мнѣ очень-оригинальнымъ. Трапписты танцуютъ болеро!

— О, это будетъ великолѣпно! скромно окончилъ композиторъ.—Если при этомъ не получить успѣха, то ужь придется отчаяваться въ публикѣ; я откажусь отъ изящныхъ искусствъ, я убью себя, я сдѣлаюсь банкиромъ.

— Вы найдете меня очень любопытной, вѣроломно прибавила Полина:—но я осмѣлюсь спросить васъ: независимо отъ этого страннаго балета, живописность котораго я понимаю, нѣтъ ли въ вашемъ произведенiи драматическихъ положенiй, самыхъ простыхъ—словомъ, сценъ чувства?

Прежде отвѣта музыкантъ всунулъ подъ глазъ стеклышко, окно для своего ума, и взглянулъ на мадмоазель Фукò съ видомъ презрѣнiя и состраданiя.

— Вы, вѣроятно, любите романсы Луизы Пюжэ. Это хорошо въ гостиной. Но опера, большая опера имѣетъ другiе элементы, кромѣ этой вѣчной воркующей любви. О, нѣтъ! я запретилъ моему сотруднику писать для меня эти нестерпимые дуэты: *страстная любовь, я тебя люблю, онъ меня любитъ!* Это обветшало, надоѣло. Чувства уже всѣ исчерпаны.

— Я не вижу, возразила Полина:—что можетъ оставаться музыкѣ, когда ей запрещаютъ выражать чувства. Любовь? но это безконечно! Ее воспѣваютъ отъ сотворенiя мiра, и нѣтъ двухъ голосовъ, двухъ лиръ, двухъ душъ, которые воспѣвали бы ее одинаково. Повѣрьте, что ее будутъ воспѣвать до скончанiя вѣка.

— Именно потому, что ее будутъ воспѣвать всегда, я не хочу воспѣвать ее. Хороша заслуга выбирать пошлую тэму, между-тѣмъ какъ страхъ, ужасъ, гнѣвъ можно варiировать...

— Итакъ, въ вашей оперѣ нѣтъ любви?

— О, немножко ее все-таки нужно! Это единственная уступка, которую я дѣлаю предразсудкамъ.

— Предразсудкамъ! Любовь—предразсудокъ!

— Предразсудокъ необходимый, если вы хотите; но когда умы настолько усовершенствуются, что будутъ понимать искусство само-по-себѣ, независимо отъ мнимыхъ потребностей сердца, для которыхъ его употребляютъ, тогда будутъ наслаждать-

ся совершенно-идеальными ощущеніями, и музыка, возвращенная самой себѣ, будетъ прославлять только одну музыку.

— Въ то время будетъ достаточно однихъ ушей; сердце уже болѣе не будетъ нужно.

— Ахъ, не говорите дурно объ ушахъ!

— Ужь, конечно, не при васъ буду я смѣяться надъ ними.

— Браво! вскричала госпожа де-Сент-Овидъ: — прекрасный отвѣтъ! Признайтесь, любезный маэстро, что вы побѣждены.

— Я признаюсь во всемъ для того, чтобы сдѣлать вамъ угодное.

И, послѣ ироническаго поклона, музыкантъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Что ты скажешь объ немъ, моя милая? спросила тихо Адель Полину.

— Когда я выйду замужъ, я попрошу, чтобы мнѣ представили его; онъ имѣетъ свою пріятность, свою пользу: онъ изощряетъ умъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явились два банкира и графъ. Они всѣ трое были товарищи по дѣламъ, въ ожиданіи пока не сдѣлаются соперниками и врагами. Графъ былъ президентомъ совѣта въ обществѣ, учредителями котораго были оба его пріятеля, и онъ не хуже всякаго другаго понималъ живописный биржевой языкъ; когда онъ не говорилъ объ акціяхъ, облигаціяхъ, преміяхъ и прочемъ, онъ говорилъ о лошадяхъ, скачкахъ или кулисахъ и танцовщицахъ.

Одинъ банкиръ былъ высокъ, худощавъ, плѣшивъ, съ лицомъ костлявымъ, сухимъ, и прямъ какъ цифра 1. Товарищъ его, толстый, круглый, походилъ на нуль и составлялъ съ нимъ десять. Графъ былъ неразлученъ съ ними. Ихъ видѣли всегда на биржѣ, въ театрахъ, въ самыхъ знаменитыхъ ресторацiяхъ.

Госпожа де-Сент-Овидъ помѣстила свой капиталъ у этихъ банкировъ. Притомъ она оказывала имъ услуги разнаго рода.

Самые суровые интриганы не пренебрегаютъ вводить за министерскія кулисы прелестныхъ дамъ съ развязнымъ умомъ,

гибкой совѣстью, съ легкимъ сердцемъ, политическихъ субретокъ, очень полезныхъ для умственныхъ интригъ.

У госпожи де-Сент-Овидъ былъ особенный покровитель, баронъ съ хорошими связями, довольно-умный, чтобы только слушать, довольно-глупый, чтобы разсказывать. Она знала черезъ него ожидаемыя перемѣны въ министерствѣ и передавала ихъ банкирамъ. Съ другой стороны, она имѣла средство передавать офиціальнымъ ушамъ слухи, свѣдѣнія, которыя необходимо было знать. Въ этой тривіальной гостиной покупались и продавались мѣста и голоса. Госпожа де-Сент-Овидъ хранила въ небольшой шкатулкѣ автографы министровъ и депутатовъ, изъ которыхъ она надѣялась современемъ извлечь пользу.

Полина, которую этотъ музыкантъ съ деликатными нервами расшевелилъ, улыбнулась при входѣ двухъ, или, лучше сказать, трехъ капиталистовъ, какъ неожиданно-пріятному случаю. Бѣдная дѣвушка имѣла тайный гнѣвъ противъ денежныхъ людей. Если случай выдавалъ ей нѣкоторыхъ изъ нихъ, ей казалось восхитительнымъ растерзать ихъ.

Она старалась привлечь ихъ къ себѣ. Но хотя она говорила о повышеніи и понижении курса съ неловкостью невѣдѣнія, ни одинъ изъ этихъ трехъ господъ не подоспѣлъ къ ней на помощь: графъ улыбнулся, худощавый капиталистъ оставался безстрастенъ, а толстый капиталистъ слегка нахмурилъ брови.

— О чемъ надо съ ними говорить? спросила Полина тихо Адель.

— Обо всемъ, кромѣ ихъ спеціальности; дѣла—это ихъ секреты; они опасаются всегда выдать ихъ, особенно здѣсь.

— Ну, я буду говорить съ ними о музыкѣ.

И Полина, воспользовавшись поклонами и комплиментами, которыми размѣнялись три новыхъ гостя съ маэстро, возобновила споръ, прекратившійся за нѣсколько минутъ передъ этимъ, и просила этихъ господъ сказать свое мнѣніе.

Графъ не раздѣлялъ мнѣнія музыканта, но не согласенъ былъ также и съ Полиной. Въ музыкѣ онъ любилъ только балеты, они казались ему послѣднимъ выраженіемъ искусства.

Адель объяснила въ двухъ словахъ на-ухо Полинѣ причину этого предпочтенія. Графъ, у котораго была жена двадцати-пяти лѣтъ, хорошенькая, остроумная, очаровательная, бросалъ ее для дочери привратника, научившейся искусству пируэтовъ вмѣсто искусства писать правильно, но которая имѣла несравненное превосходство быть такой же тощей умомъ, какъ и тѣломъ, и говорить такъ, какъ писала.

Полина поступила какъ паладины, опускающіе копье передъ слишкомъ-слабымъ врагомъ: она улыбнулась графу не споря съ нимъ и обратилась къ банкирамъ.

Но ее ожидалъ странный сюрпризъ: этотъ разговоръ, пустой по наружности и который можетъ показаться безполезнымъ нашимъ читателямъ, имѣлъ на эту впечатлительную натуру, которая жила только для сильныхъ ощущеній, серьёзное и глубокое вліяніе, небывшее чуждымъ горестнымъ таинствамъ ея судьбы.

— А вы, господа, спросила Полина, обратившись къ банкирамъ:—скажете намъ ваше мнѣніе?

— Я, отвѣчалъ толстый капиталистъ:—я думаю какъ вы, что музыка должна служить только для самыхъ простыхъ чувствъ. Кто возвратитъ намъ эти невинныя оперы, гдѣ малѣйшая любовная тэма служила предлогомъ къ самымъ трогательнымъ мелодіямъ? Но въ наше время боятся уступить естественнымъ чувствамъ и скорѣе положатъ на музыку урокъ анатоміи, нежели пойдутъ по общей всѣмъ тропинкѣ.

— Вы видите, что я не одна, сказала Полина музыканту:—у меня есть союзникъ.

— Скажите, что у васъ два союзника, прибавилъ въ свою очередь худощавый капиталистъ.—Жираръ совершенно правъ. Музыка теперь уже не удовольствіе, а просто акустическій опытъ; насъ не волнуютъ болѣе, насъ испытываютъ. Э, Боже мой! когда такіе люди, какъ мы, посвятили цѣлый день дѣламъ, то-есть скукѣ, хлопотамъ, зачѣмъ они ѣдутъ вечеромъ въ оперу? Чтобъ слышать ученыя комбинаціи, нотныя проблемы, фокусы? Нѣтъ! но забвеніе матеріальной жизни въ жизни сер-

дечной: я всегда ѣзжу въ оперу съ женою и дѣтьми. Мнѣ кажется, что музыка должна служить истолкованіемъ нашихъ взаимныхъ чувствъ, и что мы болѣе любимъ другъ друга въ то время, какъ Моцартъ или Россини воспѣваютъ празднества сердца.

— Знаете ли вы, любезный мосьё Бостьанъ, что вы поэтъ? вскричала съ насмѣшкой госпожа де-Сент-Овидъ:—надо остерегаться капиталистовъ!

— Надо остерегаться всѣхъ, отвѣчалъ худощавый банкиръ съ правоучительной улыбкой:—потому-что всѣ носятъ маску на лицѣ. Только вы ошибаетесь на нашъ счетъ: наши маски—капиталы, а наши лица—чувства.

— Я не знала, что на биржѣ бываютъ такіе сентиментальные люди.

— Почему вы удивляетесь, сказалъ музыкантъ, съ презрѣніемъ слушавшій весь этотъ разговоръ:—что находите пастуховъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ столько барановъ?

Госпожа де-Сент-Овидъ много смѣялась надъ этой остротой. Полина улыбнулась съ презрѣніемъ и задумалась.

XIV.

— Я не ожидала, сказала Полина:—чтобы артистъ оклеветалъ искусство, а банкиры заступились за чувство.

— Это потому, что вы думаете, возразилъ толстый капиталистъ:—что дѣловая дипломація изощряетъ умъ въ ущербъ сердцу. Я жалѣю о тѣхъ, кто любитъ деньги для денегъ; но знайте, что банкъ такъ же не вредитъ воображенію и чувству, какъ всѣ другія профессіи на свѣтѣ. Ни одна профессія не можетъ уничтожить потребности смиряться и любить. Съ своей стороны, я люблю хорошія книги, хорошія картины и хорошую музыку. Дѣла помогаютъ мнѣ удовлетворять эти страсти, и если бы вы прочли мнѣ стихи Ламартина, мнѣ кажется, я былъ бы такъ смѣшонъ, что далъ бы вамъ случай увидать слезы капиталиста.

— Странный предразсудокъ, сказалъ худощавый банкиръ:— желать запрещать капиталистамъ то, что принадлежитъ всѣмъ! Можетъ-быть, жажда пріобрѣтенія сушитъ сердце, но сколько есть артистовъ, которыхъ честолюбіе леденитъ болѣе, нежели банкировъ! Нѣтъ, сударыня, при современномъ испытаніи, нѣтъ никого, кто не могъ бы быть посвященъ въ наслажденіе искусствомъ. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто не любитъ эти великія вещи; это вина не ихъ профессіи, а ихъ глупости.

Полина была растрогана и стала серьёзна. Эти два человѣка, изъ которыхъ она хотѣла сдѣлать себѣ игрушку, обнаруживали деликатность чувства, которой она завидовала. Она такъ гордилась своею любовью, своею страстью, и нашла въ банкирахъ, въ людяхъ положительныхъ, единственныхъ людей, способныхъ понять ее! Она мечтала имѣть повѣреннымъ поэта, а сошлась съ двумя биржевыми людьми. Это было для нея вмѣстѣ и радостью и отчаяніемъ. Ей было пріятно, что ее высоко цѣнятъ господа Жираръ и Бастьанъ, говорившіе съ ней тономъ уваженія; но она страдала однако тою смѣсью поэзіи и разсудка, которая пришла къ ней на помощь.

Великій врагъ, великая опасность для такихъ душъ, какъ у Полины, это здравый смыслъ. Ей хотѣлось бы, чтобы эти два банкира съ обыкновенной наружностью были смѣшны въ своемъ родѣ, какъ маэстро былъ смѣшонъ въ своемъ; но ихъ наивная и мѣщанская логика смущала и оскорбляла ее. Какъ! существо неисключительное имѣло такой же образъ мыслей, какъ и она! Какъ! можно было бывать на биржѣ, имѣть круглое брюшко, называться Жираромъ или Бастьаномъ, и понимать кое-что въ чувствѣ! Она думала, что сдѣлала открытіе, что уступила геніальному вдохновенію, влюбившись въ Гектора де-Вилльморана, въ этого страстнаго человѣка подъ холодной наружностью. Увы! не-уже-ли ея герой походилъ на всѣхъ? И не-уже-ли первый встрѣченный банкиръ могъ съ нимъ сравняться?

Такимъ-то образомъ Полина уязвляла себя при каждомъ шагѣ въ свѣтъ и страдала отъ каждаго опыта. Ея болѣзненное воображеніе не могло поддадиться къ дѣйствительности. Она нахо-

дила ее иногда слишкомъ-плоской, а другой разъ страдала, что не находитъ ее ниже своей мечты.

Пусть не говорятъ, что мы утончаемъ страданія, что мы разбираемъ по ниточкѣ квинтэсенцію чувства. Великія и смертельныя раны не всегда наносятся оружіемъ. Отъ удара кинжаломъ умираютъ только одинъ разъ, а отъ разочарованія разъ двадцать.

Если читатель будетъ вспоминать, при каждомъ новомъ развитіи, которое мы придаемъ этой исторіи, что Полина Фуко—натура пылкая и раздражительная, что она боится свѣта и ищетъ его, что она хочетъ быть хорошо принята имъ, а между-тѣмъ хотѣла бы страдать отъ него, для того, чтобы его наказать, что она носитъ въ себѣ грызущій червь сомнѣнія, то можно понять, что этотъ первый разговоръ, въ которомъ извѣстный артистъ оклеветалъ искусство, а два банкира оправдали въ нѣскольких словахъ и съ здравымъ смысломъ оскорбленнаго чувства, можно понять, что этотъ разговоръ бросилъ волненіе въ мысли Полины.

Она не могла владѣть собою. Она, намѣревавшаяся унизить гостей госпожи де-Сент-Овидъ, она принуждена была уважать нѣкоторыхъ изъ нихъ; это было жестокое разочарованіе, за которое она хотѣла отмстить своей бывшей пріятельницѣ, и всѣ признаются, что она не была не права.

Адель примѣтила волненіе Полины и сострадательно захотѣла увеличить его, расшевеливъ разговоръ, готовый угаснуть. Жираръ и Бастьанъ, неподозрѣвавшіе своего успѣха, но обрадовавшіеся, что нашли въ этомъ домѣ, обыкновенно столь пустомъ и пошломъ, живой и пылкій умъ, охотно возобновили споръ. Они дали нашей героинѣ печальное доказательство, что чувство не исключаетъ пошлости; они примѣшали плоскость къ деликатнымъ теоріямъ, такъ-что бѣдная дѣвушка, каждую минуту то оскорблявшаяся, то радовавшаяся, готова была закричать имъ, чтобы они замолчали, и терпѣла нестерпимую муку, ту муку, которая излечиваетъ для того, чтобы лучше раскрывать раны.

Ожидаемый журналистъ явился очень-поздно. Онъ говорилъ, что читалъ послѣднія корректуры своей завтрашней статьи.

Адель побѣжала къ нему на встрѣчу съ поспѣшностью, которую хотѣла сдѣлать ребяческой. Она боялась его и желала пріобрѣсть въ немъ себѣ союзника.

— Здравствуйте, злодѣй! сказала она.

— Здравствуйте, весталка! отвѣчалъ писатель.

— Вѣчно лжетъ! сказала Адель.

— Вѣчно говоритъ правду! возразилъ журналистъ.

— Чтò новаго, человѣкъ новостей?

— Министерство колеблется; у насъ будетъ война... если только не будетъ. Страшный морской змѣй поглотитъ редактора «Constitutionnel», но такъ-какъ у него въ карманѣ былъ номеръ журнала, то чудовище умерло отъ разстройства желудка.

— Онъ очарователенъ! сказала вслухъ госпожа де-Сент-Овидъ съ принужденнымъ смѣхомъ.

— Онъ глупъ, шепнула Полина на-ухо своей пріятельницѣ.

— Подожди судить о немъ, возразила та:—ты удивишь! Эти глупости служатъ футляромъ его злости.

Этотъ журналистъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлаются писателями, какъ многіе люди дѣлаются аббатами или воинами, для того чтобы, имѣть профессію и трудиться для своихъ личныхъ выгодъ, которыхъ не стѣсняетъ никакое убѣжденіе, никакое призваніе, которые одарены тѣмъ ужаснымъ разсудкомъ, какой пріобрѣтается опытомъ и презрѣніемъ ко всему и имѣетъ наружную силу, которая обольщаетъ и развращаетъ.

Никто не знаетъ, къ чему будутъ принадлежать завтра эти люди, къ министерству или къ оппозиціи. Они имѣютъ пошлое добродушіе притупленныхъ натуръ и оказываютъ бездну маленькихъ безполезныхъ услугъ, позволяя совершать страшныя гнусности.

Спѣшу прибавить, чтó этотъ типъ журналиста существуетъ мало, или не существуетъ вовсе, при настоящихъ условіяхъ. Не надо забывать, что это происходило въ 1841 году. Нынѣ журналистика во Франціи имѣетъ слишкомъ-большую потребность заставить уважать себя.

Тѣ, которые переходили изъ офиціальнаго журнала въ журналъ оппозиціонный, эти гибкіе Фигарò, участвовавшіе въ

интригахъ всѣхъ партій, покупавшіе, продававшіе, торговавшіе поперемѣнно всѣми честолюбіями, повѣренные всякаго тщеславія, служившіе ступенью для всякаго состоянія, эти талантливые негодяи нынѣ почти неизвѣстны. Въ 1841 году ихъ было еще довольно-много. Эти пріятные и циническіе писатели дѣлали добро по ошибкѣ, а зло безъ злости, и имѣли легкій и быстрый слогъ, принаравливавшійся ко всѣмъ партіямъ. Ихъ опасались и они остались въ неизвѣстности. Едва ли нѣкоторые сохранили наружную знаменитость, которой они были обязаны остроумнымъ выходкамъ, двумъ-тремъ страницамъ.

1848 годъ избавилъ насъ отъ этихъ журналистовъ. Нынѣ они были бы невозможны.

Знакомый госпожи де-Сент-Овидъ былъ одинъ изъ тѣхъ граненыхъ интригановъ, которые отражаютъ всѣ цвѣта. Онъ прежде занималъ офиціальное мѣсто и перешелъ въ оппозицію потому, что ему не дали креста. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ началъ раскаяваться въ своей независимости и бродилъ около министерства. На короткой ногѣ со всѣми, школьный товарищъ многихъ важныхъ людей, онъ кланялся всѣмъ на бульварахъ просто головою, не снимая шляпы. Проводя всю жизнь въ томъ, чтобы слушать и разсказывать, онъ зналъ столько секретовъ, что угадывалъ много другихъ. Говорили, что онъ не разъ получалъ хорошую цѣну за автографы, которые онъ собиралъ, и очень можетъ быть, что госпожа де-Сент-Овидъ была его сообщницей въ этой честной торговлѣ.

Адель щадила его и опасалась. Онъ доставлялъ ей гостей, которые были ей нужны, и между ними былъ тайный договоръ, по которому они взаимно понимали другъ друга. Нужно ли прибавлять, что самое искреннее презрѣніе сопровождало это сообщничество?

Филиппъ Лоаньонъ—было имя этого неизвѣстнаго, но могущественнаго человѣка. Онъ дорожилъ этимъ именемъ, какъ-будто его звали Роганъ, и когда ему говорили, что это имя смѣшитъ, онъ отвѣчалъ, что, напротивъ, оно заставляетъ плакать. Разъ или два онъ согласился скрыться подъ псевдонимомъ, то-есть принять имя своей родины. Но Филиппъ былъ и слишкомъ-

силенъ, и слишкомъ-пресыщенъ, чтобы не разсчитывать на смѣшной эффектъ своего имени.

Ему было около сорока лѣтъ. Лицо его показывало прожитыя бури; худощавое, жолтое, съ сѣрыми, сверкающими глазами, оно было какъ бы страницей изъ мемуаровъ и разсказывало борьбы, горести, разочарованія, страшныя утѣшенія и отчаянную покорность судьбѣ этого сына вѣка; очень-тонкій, очень-остроумный, обладавшій той универсальностью средствъ, которая прельщаетъ въ короткихъ собраніяхъ, способный на все и именно ничего не добившійся по причинѣ этой всеобщей способности, которая растрачивала его силы и притязанія, Филиппъ злился на общество и на самого себя. Онъ не отказался совершенно отъ надежды достигнуть чего-нибудь и ждалъ благопріятняго случая. Бывая и въ честныхъ домахъ, и въ вертепахъ разврата, онъ вездѣ умѣетъ быть на своемъ мѣстѣ. Женщины не чужды его разсчетамъ, но каждый день онъ теряетъ возможность на удачу у нихъ. Его лицо, упорно старѣющееся быстрѣе чѣмъ онъ, очень раздражаетъ его и принуждаетъ заниматься туалетомъ, надъ которымъ онъ смѣется и который его бѣситъ. Онъ былъ замѣшанъ во многихъ будуарныхъ интригахъ, но у него никогда не знали любовницы, и если въ его ящикахъ между трубками валяются ленточки, то эти залоги остались на его пальцахъ точно такъ же, какъ перья остаются на кустахъ, которыхъ птицы задѣваютъ своими крылышками.

Филиппъ былъ государственнымъ человѣкомъ въ гостиной госпожи де-Сент-Овидъ. Банкиры скромно спрашивали его о разныхъ вопросахъ; артистъ охотно поклонился бы ему въ ноги, чтобы добиться похвальнаго фельетона. Графъ обязанъ былъ ему двумя или тремя ораторскими успѣхами и льстилъ ему, чтобы онъ не измѣнилъ ему; журналисту нравились эти уродливые слушатели, передъ которыми ему не нужно было лгать и надъ которыми онъ возвышался съ неоспоримымъ превосходствомъ.

— Кто эта дама? спросилъ онъ Адель, которая тихо удерживала его въ углу гостиной.

— Это одна изъ моихъ добрыхъ и бывшихъ пріятельницъ,

очень-остроумная, но очень-романическая. Она выходитъ замужъ, предупреждаю васъ, за барона де-Виллъморана. Это глава изъ англійскаго романа: вѣчная компаньйонка, дѣлающаяся знатной дамой.

— Она нехороша, и отъ любви еще похудѣла.

— Мнѣ бы хотѣлось, однако, чтобы вы попробовали ухаживать за ней.

— До ея замужства?... Кчему?

— Мнѣ было бы такъ смѣшно, еслибъ эта свадьба разстроилась.

— Ахъ, не-уже-ли вы думаете, что я могу внушить такую сильную страсть?

— Ба! еслибъ вы захотѣли... Притомъ, у меня есть своя идея.

— Вы не должны довѣрять вашимъ идеямъ.

— О, это хорошо! Останьтесь немножко позже, и вы увидите.

— Адель, я не буду больше бывать у васъ, предупреждаю васъ; вы становитесь злы и задорливы, какъ гризетка. Такъ эта дѣвушка честная?

— Ахъ, мой милый! она заражена добродѣтелью!

— Зачѣмъ она здѣсь?

— Она идетъ мнѣ наперекоръ и смѣется надъ нами.

— О! надъ нами...

— Да, и надъ первымъ вами. Вы сказали только два слова, и она заключила, что у васъ нѣтъ здраваго смысла.

— Чортъ побери! она знаетъ толкъ! надо будетъ сыграть въ большую игру.

И Филиппъ, котораго подстрекнули эти намёки, приблизился къ Полинѣ.

Для нихъ обоихъ было достаточно нѣсколькихъ словъ, чтобы почувствовать, что они были достойны бороться другъ съ другомъ. Полина нашла въ немъ иронію болѣе своей опытную и практическую. Филиппъ восхищался въ ней восторженной горечью, которая превосходила его порывы. Этотъ испорченный

плодъ, катившійся по пыльной дорогѣ, наткнулся на плодъ слишкомъ зрѣлый, въ которомъ былъ червь.

Разговаривали отдѣльно въ углу гостиной шопотомъ о первомъ встрѣтившемся предметѣ—музыкѣ, чувствахъ; сарказмы журналиста понравились Полинѣ и она наконецъ выразила ему свое смущеніе на-счетъ того, что она дурно его судила, свое удивленіе отъ всего, что̀ она слышала, и странное волненіе, произведенное на нее двумя банкирами.

— Искренни ли они? спросила она.

— Э, Боже мой! кто же искрененъ и кто можетъ лгать? отвѣчалъ Филиппъ: — притворство находится во всемъ, даже въ самой искренней радости, даже въ самой глубокой горести. Эти капиталисты, жадные къ барышу, неумолимые въ дѣлахъ, свирѣпѣе караибовъ, играющіе въ такія игры, которыя могутъ убить или обезславить ихъ противниковъ, не имѣютъ никакой физической или моральной причины для того, чтобы не предаваться чувству въ свободные часы. Только люди, находящіеся въ этой категоріи, могутъ любить, и если ваша пріятельница мадамъ де-Сент-Овидъ выйдетъ когда-нибудь замужъ, то навѣрно за капиталиста, котораго она прельститъ. Ненависть—для такихъ дураковъ, какъ мы, неумѣющихъ составить себѣ состоянія. Любовь—атмосфера выскочекъ. Чувство служитъ пищевареніемъ ихъ счастью... Мнѣ сказали, что вы выходите замужъ.

— Кто это вамъ сказалъ? спросила Полина, краснѣя.

— Тотъ, кто хотѣлъ съ самаго начала отнять у меня всякую надежду, любезно возразилъ Филиппъ Лоаньонъ.

— Это правда, я выхожу замужъ по любви.

— А можетъ-быть это изобрѣтеніе вашего воображенія?

— Милостивый государь, вы злоупотребляете правомъ, которое даетъ вамъ эта гостиная.

— Вы видите, что нѣтъ, потому-что я говорю съ вами съ уваженіемъ, отвѣчалъ серьёзно журналистъ.

— Отчего же вы сомнѣваетесь въ будущности, которую я обѣщая себѣ?

— Потому, что въ эти полчаса, которые мы разговариваемъ

вмѣстѣ, я васъ разгадалъ; теперь я васъ знаю. Вы таковы, каковъ былъ бы я безъ обстоятельствъ, утѣшившихъ и охладившихъ меня. Вы моя сестра. О, не пугайтесь! это званіе охраняетъ васъ. Мы два честолюбца. Я по необходимости покорюсь невозможности не подниматься вверхъ, а вы—вы отправляетесь на Монбланъ. Я чистилъ всѣ трубы, гдѣ горитъ дымъ славы, и у меня остались только мозоли на колѣняхъ и сажа въ глазахъ; вы же неустрашимо идете къ этому очагу. Вы умрете въ неплѣ или броситесь въ огонь. Позвольте мнѣ кончить. Честная молодая дѣвушка (мнѣ сказала это госпожа де-Сент-Овидъ, и я ей вѣрю: она знаетъ въ этомъ толкъ), одаренная вашей энергіей, которая передъ своей свадьбой пріѣзжаетъ въ такой домъ, какъ этотъ, и обнаруживаетъ безпокойство, которое я уловилъ въ вашихъ словахъ, имѣетъ душу не обыкновенную. Она идетъ прямо къ своей погибели. Я не знаю вашего жениха, но онъ баронъ и богатъ—это дурной знакъ. Онъ долженъ быть геніальныхъ человѣкомъ, чтобы сдѣлать васъ счастливой.

— Это Адель посовѣтывала вамъ сказать мнѣ это, пролепетала Полина, вся дрожа и находя какой-то странный интересъ въ словахъ Филиппа.

— Вы знаете, что нѣтъ.

— Ну, когда такъ, не говорите мнѣ болѣе ничего, возразила Полина, поспѣшно вставая: — я не хочу, чтобы мнѣ ворожили.

— Однако, что же лучше можетъ сдѣлать такой цыганъ, какъ я? сказалъ, вздыхая, журналистъ.—Вы не хотите, чтобы я продолжалъ, это значитъ, что вы меня понимаете. До свиданія. Позволите ли вы мнѣ, когда будете баронессой, домогаться чести быть вамъ представленнымъ?

— Вотъ прекрасно! вскричала Полина, засмѣявшись принужденнымъ смѣхомъ: — вы шутите! А я чуть-было не приняла ваши слова за правду.

— Какое несчастье было бы это для насъ обоихъ! сказалъ Филиппъ, вставая въ свою очередь.

Полина не отвѣчала ничего; она удалилась, но сердце ея билось, кровь приливала къ вискамъ. Она боялась проницатель-

ности этого человѣка, который, можетъ-быть, перенесъ такія же горести, какъ и она; однако ей хотѣлось бы, чтобы онъ удержалъ ее насильно и продолжалъ мучить ее.

Филиппъ задумался.

— Ну, сказала ему Адель, издали наблюдавшая за разговоромъ и горѣвшая нетерпѣніемъ узнать его результатъ: — что вы думаете о моей пріятельницѣ?

— Вопервыхъ то, что она достойна того, чтобы вы ее ненавидѣли. Гордая женщина! Попробуйте-ка имѣть такую гордость! какъ бы не такъ!

Адель пожала плечами, но улыбнулась. Это оскорбленіе Лоаньона было ей даже довольно-пріятно.

XV.

Полина рѣшилась не разговаривать болѣе съ Филиппомъ. Она не хотѣла ни увеличивать, ни раздражать волненіе, отъ котораго она страдала. Вслѣдствіе этого принятаго намѣренія, она не упускала случая возобновить разговоръ. Съ своей стороны, Филиппъ былъ задѣтъ за-живое. Черезъ десять минутъ послѣ того, какъ они разошлись, они опять были другъ возлѣ друга.

— Я забыла васъ спросить, сказала Полина съ кокетливой улыбкой, заставившей засіять ея лицо: — признаетесь ли вы, что пародоксъ—причина успѣха и опасности журналовъ?

— Вы хотите сказать журналистовъ; но я не понимаю вашего намека.

— Какъ! вы не признаетесь, что ваша теорія о чувствѣ вообще и о замужствѣ въ-особенности была пародоксальна?...

— Я думаю, что какъ ни грубы показались вамъ мои замѣчанія, я оскорблю васъ болѣе, если назову ихъ шутками и пародоксами, нежели когда я буду утверждать, что они были искренны. Вы возвращаетесь къ нимъ потому, что имъ вѣрите и стараетесь заставить меня опровергнуть ихъ, потому-что они поразили васъ своею справедливостью.

— Напрасно находила я васъ скромнымъ, вы совсѣмъ не таковы.

— Къ чему намъ прибѣгать къ маленькимъ лицемѣрнымъ предосторожностямъ свѣта, котораго вы не знаете, а который я знаю слишкомъ-хорошо, сказалъ Филиппъ съ нѣкортоымъ достоинствомъ:—мы достойны понимать другъ друга.

— Поэтому-то мы и не понимаемъ другъ друга, перебила Полина съ пронзительнымъ смѣхомъ, обнаружившимъ безпокойство или досаду. — Мы увидѣлись первый разъ назадъ тому часъ, и вотъ уже три-четверти часа какъ мы споримъ.

— О! такіе споры, какъ ваши, враговъ не дѣлаютъ, возразилъ Филиппъ ласковымъ голосомъ.

— Развѣ любезность также добродѣтель журналиста? спросила Полина, которой надоѣли эти ораторскія шутки и которая спѣшила воротиться къ предмету спора.

— Вотъ первый разъ умная женщина находитъ меня любезнымъ! Правда, что вы не знаете въ этомъ толкъ.

— У васъ странный способъ доказывать мнѣ, что я не права.

— Не будемъ болѣе говорить ничего или скажемъ все, что мы имѣемъ сказать другъ другу.

Журналистъ съ фамильярностью, въ которой не было ничего оскорбительнаго, взялъ Полину за обѣ руки и удержалъ ихъ въ своихъ.

— Какимъ торжественнымъ тономъ говорите вы!

И хотя Полина старалась смѣяться и шутить, но очевидно блѣднѣла.

— Такъ вы непремѣнно хотите предсказать мнѣ будущее?

— А вы непремѣнно хотите знать его?

— Итакъ, вы предсказываете мнѣ будущность горестную: я буду несчастна въ бракѣ, мой мужъ будетъ меня бить, можетъ-быть.

— Вашъ мужъ! сказалъ Филиппъ, качая головой. — Я никакъ не могу вообразить, какого человѣка могли бы вы выбрать въ этомъ пошломъ обществѣ, надъ которымъ вы возвышаетесь всѣмъ стремленіемъ вашихъ мечтаній!

— Какого же человѣка нужно мнѣ?

Наступило молчаніе. Полина чувствовала, что сердце ея бьется такъ, что біеніе его отдается въ груди.

Журналистъ, у котораго была на губахъ шутка, вдругъ сдѣлался серьёзенъ, и странный блескъ сверкнулъ въ его глазахъ; обыкновенно безстрастное, лицо его покрылось живымъ румянцемъ.

— Вы находите меня смѣшнымъ, сказалъ онъ страннымъ голосомъ: — но я чувствую, что я влюбляюсь въ васъ.

— Только сердца сухія воспламеняются при первой искрѣ, сказала Полина съ насмѣшкой.

— Не насмѣхайтесь, а то я буду имѣть надежду! вскричалъ журналистъ. —Не уходите, продолжалъ Филиппъ съ прежней самоувѣренностью и иронией:—а то у васъ останется первое впечатлѣніе, что я дуракъ.

— Почему вы это думаете?...

— Ваша милая пріятельница не пропустила случая и передала мнѣ.

— И вы мстили? спросила Полина взволнованнымъ голосомъ.

— Я хотѣлъ мстить, но, говоря съ вами, я забылъ свою роль и помнилъ только мою жизнь. Знаете ли, о чемъ я думаю въ эти полчаса? О томъ, что послѣдняя насмѣшка судьбы надо мной состояла въ томъ, что она свела меня съ вами наканунѣ вашего замужства.

— Какая глупость! прошептала Полина.

— Глупость! Не я ее дѣлаю, продолжалъ Филиппъ съ горечью. — Ахъ, еслибъ было еще время, я сказалъ бы вамъ: откажитесь отъ вашего честолюбія, отъ химеры вашего тщеславія. Вы душа мужественная; примите борьбу вмѣстѣ со мной; она приличнѣе для васъ, нежели праздность, которой вы добиваетесь. Мы отрасли одной и той же породы; соединимъ нашу гордость и наше разочарованіе. Будьте для меня, тѣмъ чѣмъ вы хотите быть. Обвѣнчаемся, пожалуй, передъ міромъ. Главное состоитъ въ томъ, чтобы отправиться вмѣстѣ по одному и тому же пути. Мы хорошо знаемъ другъ друга, мы будемъ любить другъ

друга со всей энергіею двухъ душъ, жаждущихъ любви. Только вы однѣ можете уважать меня немножко; только я одинъ могу избавить васъ отъ горестей. Я изранилъ себя на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя угрожаютъ ранить васъ. Я знаю, куда клопятся ваши мечты; вы знаете откуда происходятъ мои. Не прерывайте меня! Вотъ въ двадцать лѣтъ первый для меня случай отровенно высказаться и испытать чистосердечное волненіе. Еслибъ я не боялся запачкать мои слезы, уронивъ ихъ на этотъ коверъ, я расплакался бы отъ всего сердца, я упалъ бы передъ вами на колѣни, я умолялъ бы васъ спасти насъ обоихъ. Ахъ, еслибы у меня была такая женщина, какъ вы, я былъ бы человѣкомъ! Мы оба управляли бы этимъ свѣтомъ, который слишкомъ силенъ для одного изъ насъ порознь, но который ничего не могъ бы сдѣлать противъ обоихъ насъ вмѣстѣ. Такія два сердца, какъ наши, соединившись вмѣстѣ, бросаютъ изъ себя громоносное электричество. Вся эта ненависть, которая укрощаетъ мой умъ и портитъ вашъ, испарилась бы въ высокомъ пылу. Меня считаютъ старымъ и разочарованнымъ. Любовь такой женщины, какъ вы, возвратила бы мнѣ всѣ мечты!

Полина слушала и не была въ-состояніи прерывать. Послѣ различныхъ происшествій вечера, этотъ разговоръ окончательно взволновалъ ее. Неподвижная и блѣдная, она чувствовала, какъ на лбу ея выступалъ холодный потъ, и между-тѣмъ какъ члены ея были парализованы, жизнь сосредоточивалась въ ея груди, такъ-что она готова была разорваться. Ей казалось, что она слышала уже каждое слово Филиппа во снѣ и проникало ей въ ухо, какъ вибраціи эха. Не то, чтобы она боялась обольщенія, даже искушенія, но она испытывала необыкновенное ощущеніе, какъ-будто ея совѣсть, ея сердце, ея кровь, все ея существо отдѣлилось отъ нея и говорило ей.

— Честная женщина! пролепетала она наконецъ съ горестнымъ смѣхомъ:—почему вы знаете, что я честная женщина?

— О, за васъ вѣрная порука, я вамъ уже сказалъ! Адель знаетъ въ этомъ толкъ. Но знайте, что добродѣтель ваша переживетъ тѣ грѣшки, которыми тщеславятся въ этой гостиной. Вы выше обыкновенныхъ паденій. Я также считаю себя честнымъ чело-

вѣкомъ. Вы горды и будете имѣть ко мнѣ нетерпимость чистой и неборовшейся души. Я буду понятъ только послѣ вашего пораженія.

— Зачѣмъ вы предсказываете мнѣ пораженіе? съ усиліемъ спросила Полина.

— Потому-что вы побѣждены заранѣе.

— Я побѣждена?

И героическая молодая дѣвушка гордо покачала головой.

— Я здѣсь только для того, чтобы лучше доказать мою силу, продолжала она:—и неизмѣнность моей побѣды; я заставила замолчать предразсудокъ и буду завтра женою человѣка богатаго, знатнаго, котораго я люблю всѣми силами души моей и который меня любитъ. Я смиренная компаньйонка, я ничтожная учительница, завтра проснусь баронессою де-Вилльморанъ, и я побѣждена! Но гдѣ же будетъ побѣда, если не тутъ!

Полина восторгалась и старалась найти упоеніе въ своихъ словахъ. Она хотѣла вознаградить себя за почувствованное ею волненіе и нагнать на себя головокруженіе, чтобы прогнать головокруженіе другаго рода.

— Да, вы побѣждены, сестра моя, возразилъ Филиппъ меланхолически: — потому-что вы попали въ сѣти этого свѣта. Вы слишкомъ дорожите этими предразсудками, положеніе которыхъ васъ восхищаетъ. Они не очень страшны при первомъ натискѣ, но они слѣдуютъ за вами и нагоняютъ васъ на каждомъ шагу. Сдѣлаться баронессой, послѣ того какъ въ бароны уже не жалуютъ, очень-легко. Главное—заставить на себѣ жениться. Но потомъ? Этотъ титулъ, это богатство, этого мужа взять легко, но все это можетъ сдѣлаться очень-тяжелой ношей.

— Вы забываете, перебила Полина:—что я люблю и любила.

— Напротивъ, я ничего не забываю и не тревожился бы, еслибы вы не любили. Разсчетъ былъ бы неблагороденъ; но чувство, въ подобномъ случаѣ, можетъ сдѣлаться смертельнымъ. Вы любите слишкомъ-много, или, лучше сказать, вы думаете, будто любите. Но я клянусь вамъ, что не вашего барона, хотя бы онъ былъ герой, не счастливца этого свѣта вы должны и можете любить.

— А васъ, не-правда-ли?

И Полина громко расхохоталась съ пламенемъ въ глазахъ, на которыхъ готовы были навернуться слезы.

— Да, меня! повелительно возразилъ Филиппъ: — и еслибы я осмѣлился, еслибы я не боялся испугать васъ, я сказалъ бы вамъ, что вы непремѣнно полюбите меня. Когда-нибудь вы, безъ-сомнѣнія, вспомните мое сегодняшнее предсказаніе и будете отъискивать меня между вашими друзьями.

— Надѣюсь, сказала Полина съ слишкомъ высказываемой любезностью, чтобы она не была принужденна: — что я не далеко и не долго буду отъискивать васъ.

— Тогда будетъ лучше совсѣмъ не видаться съ вами.

Полина почувствовала трепетъ, который старалась скрыть.

— У васъ зловѣщая симпатія, возразила она: — хотя ненависть такая веселая и остроумная!

— Это потому, что я говорю съ вами съ благоговѣніемъ, а не пишу. Сегодня вечеромъ я покаялся въ первый разъ.

— Мѣсто странно выбрано, замѣтила мадмоазель Фукò.

— Чтò мнѣ за дѣло! Богъ присутствуетъ вездѣ! Какъ эти добрые люди, которые смотрятъ на насъ искоса, насмѣхались бы надо мною,еслибы услыхали, что я говорю о любви какъ элегическій поэтъ. Я не зналъ, что на своемъ сердцѣ такъ же непріятно играть, какъ на гитарѣ. Вы возвратили бы мнѣ мою молодость и довѣріе въ жизнь, еслибы захотѣли.

— Еслибы я могла, сказала Полина съ истиннымъ состраданіемъ.

— Какая роковая судьба! возразилъ Филиппъ съ насмѣшкой.— Вотъ два существа, созданныя, образованныя и воспитанныя одинъ для другаго. Имъ такъ же невозможно соединиться, какъ еслибъ ихъ раздѣлялъ цѣлый свѣтъ. Имъ стоитъ только протянуть другъ другу руку, и они не могутъ этого желать. Имъ будетъ позволено соединиться только тогда, когда они будутъ разбиты.

— Какой странный вы человѣкъ! Позвольте мнѣ думать, что невозможно, чтобы вы до-сихъ-поръ не встрѣтили сердца, кото-

рое могли бы любить. Я не находка; я служу для васъ только напоминаніемъ вашихъ прошлыхъ мечтаній.

— Зачѣмъ вы удивляетесь во мнѣ тому, чему не удивляетесь въ себѣ? возразилъ Филиппъ.

— Но я, повторяю вамъ, люблю и любима.

— Да, я это знаю! все та же упорная и обманчивая мечта.

— Все то же ваше насмѣшливое сомнѣніе!

— Чтобы я насмѣхался надъ вами! Ахъ, еслибы вы знали, какое чудо совершаете сегодня, вы не обвиняли бы меня въ ироніи! Нѣжно сожалѣю о васъ. Я хотѣлъ бы спасти васъ— вотъ и все...

— Но почему же этотъ свѣтъ, о которомъ я не слишкомъ хорошаго мнѣнія, приготовляетъ для меня столько разочарованія и горечи?

— Почему? Потому, что вы будете искать въ свѣтѣ того, чего въ немъ нѣтъ. Не злость сдѣлаетъ вамъ вредъ, а пошлость. Вы, съ вашимъ героизмомъ, столкнетесь съ однообразной и ничтожной жизнью. Я не утопистъ: я столь многихъ вылечилъ отъ утопій, что не могъ заразиться; я вамъ не скажу, что свѣтъ безобразенъ. Свѣтъ только свѣтъ—вотъ и все, то-есть толпа мужчинъ и женщинъ, воспитанныхъ и дрессированныхъ для рутины. Онъ имѣетъ только одинъ недостатокъ—пошлость. Еслибы въ немъ были пропасти, бездны, я не сожалѣлъ бы о васъ. Но меня пугаетъ за васъ именно избитая тропинка. Вы будете тащиться по ней съ скованными крыльями, и это будетъ плачевнымъ зрѣлищемъ.

— Однако, сказала Полина, стараясь возвратить себѣ спокойствіе:—я такая же женщина, какъ и другія. Ужь не подозрѣваете ли вы, что я стараюсь попасть въ непонятыя женщины?

— Вы гораздо-лучше многихъ другихъ, только вы получили такое же воспитаніе, какъ и другія—вотъ ваша рана. Изъ васъ слѣдовало бы сдѣлать жрицу или хозяйку, а вы остановились на ступени женщины умной. Вы стоите выше пошлой жизни настолько, чтобы презирать ее, но не настолько, чтобы возвыситься надъ ней и избѣжать ея ударовъ.

— И вы думаете, спросила Полина задыхающимся голосомъ:— что вы одинъ помѣшали бы мнѣ получить раны?

— Я опытенъ въ жизни; я знаю и правую сторону и изнанку. Я нарисовалъ бы вамъ карту подводныхъ камней и помогъ бы вамъ смѣяться каждый разъ, когда бы вамъ захотѣлось плакать.

— Благодарю! я предпочитаю слезы.

— Не надоѣли же онѣ вамъ! сказалъ Филиппъ, вѣки котораго были влажны.

Полиной овладѣло самое странное волненіе, когда-либо испытываемое ею. Этотъ разговоръ, скрывавшій возрастающее сочувствіе подъ сарказмомъ, эта настойчивость Филиппа, громко выражавшаго сомнѣніе, недовѣрчивость, ужасъ, которые она такъ часто чувствовала въ глубинѣ своего сердца, эта странная любовь, вдругъ открывшаяся и жаръ которой обвивалъ ее, не проникая въ нее—все это могло разбить такую нервную натуру, какая была у Полины.

— Удалитесь на минуту, прошептала она, задыхаясь:—я боюсь, что мнѣ сдѣлается дурно.

— Тѣмъ лучше, рѣзко сказалъ Филиппъ:—я поддержалъ бы васъ своими руками.

— Вы меня оскорбляете! отвѣчала Полина, дрожа всѣми членами.

— Нѣтъ, я принуждаю васъ сознаться, что я васъ люблю.

— Но я, вскричала она почти громко:—я васъ не люблю!

— Увѣрены ли вы въ этомъ?

Полина при этомъ словѣ выпрямилась и хотѣла удалиться, но ноги ея были скованы. Она осмотрѣлась вокругъ испуганнымъ взоромъ, и увидала, что госпожа де-Сент-Овидъ, графъ, оба банкира и музыкантъ смотрятъ на нее съ улыбкою; она поняла оскорбительный смыслъ, какой всѣ эти насмѣшливые взгляды придавали этому разговору и ея волненію; негодованіе, стыдъ окончательно ее подавили. Она упала въ обморокъ.

Адель бросилась къ ней, но Филиппъ оттолкнулъ ее.

— Васъ не нужно, сказалъ онъ грубо:—дайте только графинъ съ водой и стаканъ.

— Чтобы затушить такой большой пожаръ?

— Сдѣлайте милость, молчите, возразилъ журналистъ съ жаромъ.—Господа, будьте такъ добры, не допустите ее убить единственную честную женщину, которой случилось войти сюда!

Всѣ переглянулись, и ничего не поняли. Энергія, съ какою Филиппъ говорилъ, волненіе, обнаруживавшееся на его лицѣ, слезы, катившіяся по его впалымъ щекамъ, судорожныя попеченія, которыми онъ окружалъ Полину—все это было такъ ново, такъ необыкновенно, что зрители этой сцены пришли въ недоумѣніе. Лоаньонъ вдругъ влюбился! Было отъ чего возбудить толки.

Между-тѣмъ какъ Полина мало-по-малу приходила въ себя, госпожа де-Сент-Овидъ, слегка оробѣвъ отъ защиты Филиппа, не смѣла подойти къ Полинѣ и прошептала позади журналиста:

— Это-то вы называете большой игрой! Вы проиграли.

Филиппъ пожалъ плечами и не удостоилъ ее отвѣта. Онъ прижималъ деликатно, съ братской осторожностью, платокъ, омоченный водою, ко лбу Полины.

Ободренная Адель продолжала съ насмѣшкой:

— Трутъ зажегъ огниво.

— А! вы мнѣ поплатитесь за это! пробормоталъ Филиппъ.

— Развѣ вы и за мной также будете ухаживать?

— Какія нелѣпости вы говорите, отвѣчалъ журналистъ, который, видя, что Полина раскрыла глаза, протянулъ руку, чтобы не дать подойти госпожѣ де-Сент-Овидъ.

Полина, по мѣрѣ того, какъ приходила въ себя, спѣшила сократить суматоху, которой она была героиней. Она усиливалась улыбнуться и пролепетала:

— Я не знаю, что сдѣлалось со мною... безъ-сомнѣнія, это отъ жара; я чувствую такую слабость...

— Нельзя ли послать за каретой, чтобы отвезти мадмоазель Фукò? спросилъ Филиппъ.

Полина вздрогнула, Адель улыбнулась.

— Но она здѣсь дома, отвѣчала госпожа де-Сент-Овидъ.

— Тогда отвезти надо васъ.

Адель отъискивала отвѣтъ равный этой дерзости, когда въ передней раздался звонокъ.

— Кого вы ждете? спросилъ Филиппъ.

— Можетъ-быть, доктора, отвѣчала Адель съ самой своей очаровательной, то-есть самой злой улыбкой.

Почти въ ту же минуту дверь залы растворилась и лакей доложилъ:

— Баронъ де-Вилльморанъ!

Полина вскрикнула, но вмѣсто того, чтобы броситься къ Гектору, она инстинктивно схватила руку Филиппа, какъ-будто ей угрожала опасность и она искала защитника.

Госпожа де-Сент-Овидъ сдѣлала самый церемонный поклонъ, а Гекторъ, спокойный и блѣдный, подошелъ къ ней и поклонился съ уваженіемъ, въ которомъ не было ничего ироническаго.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ: —что вы успокоили мою мать и меня вашей запиской.

— Вамъ не за что благодарить меня; признаюсь, я горѣла нетерпѣніемъ познакомиться съ будущимъ мужемъ моего лучшаго друга, и воспользовалась первымъ предлогомъ.

Гекторъ покраснѣлъ, несмотря на свое самообладаніе. Вызывъ былъ прямой и сдѣланъ такъ, что могъ привести въ смущеніе человѣка хорошаго общества. Смиреніе госпожи де-Сент-Овидъ ставило вѣжливости засаду, которой Гекторъ долженъ былъ избѣгать изъ уваженія къ Полинѣ. Вслѣдствіе этого, онъ не отвѣчалъ ничего, а только сдѣлалъ двусмысленный поклонъ, который могъ также быть принятъ и за согласіе со словами Адели, и за протестацію.

XVI.

Полина, оправившаяся отъ своего перваго страха, все поняла и угадала наконецъ засаду, скрывавшуюся подъ убѣжденіями госпожи де-Сент-Овидъ удержать ее. Она возвратила всю свою энергію и, съ живостью высвободивъ свою руку изъ руки Филиппа, прямо подошла къ Гектору, говоря:

— Адель права, другъ мой. Хотя она не предупредила меня о своемъ письмѣ, она прекрасно поняла, что, пріѣхавши къ ней

одна, я не могу иначе уйти отсюда, какъ подъ-руку съ моимъ мужемъ.

Госпожа де-Сент-Овидъ любезно приняла эту стрѣлу. Она возразила:

— Вы пріѣхали очень-кстати, баронъ. Эта милая Полина сдѣлалась нездорова. Минутой раньше она васъ не узнала бы, не-правда-ли, Филиппъ?

— Я также нахожу, что баронъ пріѣхалъ очень-кстати, сказалъ журналистъ, скрывавшій глубокое волненіе подъ насмѣшливымъ видомъ. — Воздухъ этой гостиной нездоровъ для мадмоазель Фуко; она оправится на чистомъ воздухѣ и...

— Успокойтесь всѣ, перебила Полина, обводя вокругъ блестящимъ и гордымъ взглядомъ: — я совсѣмъ здорова, и когда вы хотите, Гекторъ, мы можемъ ѣхать.

— Какъ! уже! сказала жеманясь госпожа де-Сент-Овидъ, которая чувствовала себя почти побѣжденной и хотѣла ухватиться за что-нибудь.

— Извините насъ, отвѣчалъ Гекторъ, все безстрастный: — я боюсь заставить ждать мою мать... Вы понимаете...

Адель поспѣшила отвѣчать, скрывъ какъ только могла свое замѣшательство:

— О, я понимаю! Извините меня передъ баронессой де-Виллльморанъ: я употребила во зло мою дружбу; но такъ-какъ это въ послѣдній разъ, конечно...

Гекторъ оставался безмолвенъ и не возражалъ. Полина презрительно сжала губы.

— Вы имѣете право пойти въ церковь въ день свадьбы, сказалъ Филиппъ съ шутливой грубостью, въ которой проглядывала досада.

Полина обернулась къ журналисту и, указавъ на него Гектору, сказала:

— Позвольте мнѣ представить вамъ новаго знакомаго. . я хочу сказать друга, съ сердцемъ благороднѣйшимъ, господина Филиппа Лоаньона.

Гекторъ понялъ ея намѣреніе; онъ поклонился Филиппу съ дру-

желюбной улыбкой и протянулъ ему руку, потомъ поклонился всему обществу и сдѣлалъ два шага, чтобы удалиться.

— До свиданія, Полина! колко сказала госпожа де-Сент-Овидъ.

— Прощай, отвѣчала Полина, дѣлая удареніе на этомъ словѣ.

— Ты ѣдешь такъ, въ этомъ нарядѣ?

— Да, я уношу трофеи, а оставляю тебѣ мое бѣдное рубище.

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать? спросила Адель съ кисло-сладкой шутливостью.

— Сожги его.

— Это очиститъ дурной воздухъ, прибавилъ Филиппъ.

Адель начала терять терпѣніе.

— Я подарю его моей горничной, сказала она, возвысивъ голосъ въ ту минуту, когда Полина выходила изъ залы.

— Лучше дайте ей только на время, возразилъ Лоаньонъ.— Такая предусмотрительная женщина, какъ вы, никогда ничего не должна дарить. Рубище можетъ вамъ пригодиться когда-нибудь.

Парадная дверь затворилась. Адель прислушалась. Стукъ кареты увѣдомилъ ее, что ея жертва ускользнула отъ нея; однако она не потерялась въ своемъ пораженіи и обратилась къ Филиппу.

— Кажется, вы совсѣмъ истощили вашъ умъ сегодня. Вы дѣлаетесь идіотомъ.

— Изъ состраданія къ вамъ.

— Благодарю, я не нуждаюсь въ вашемъ состраданіи.

— Вы говорите о дѣлахъ, сказалъ съ оттѣнкомъ презрѣнія ходощавый банкиръ:—мы оставляемъ васъ.

Филиппъ поклонился и ничего не отвѣчалъ. Онъ былъ слишкомъ увѣренъ въ томъ, что онъ необходимъ капиталистамъ, чтобы обижаться маленькой вспышкой. Ему въ-самомъ-дѣлѣ нужно было разчитаться съ Аделью.

Графъ послѣдовалъ за обоими банкирами. У него было правиломъ никогда ихъ не оставлять. Музыкантъ, лишавшійся слушателей, не расположенъ былъ оставаться, когда его некому было слушать и хвалить.

Филиппъ и Адель остались одни.

— Объясните мнѣ тайну комедіи, которую мы разъигрывали сегодня.

— О, не представляйтесь свирѣпымъ и нечувствительнымъ! Вы приняли за серьёзное вашу роль и были сентиментальны какъ фельетонистъ. Я даже видѣла, что вы плакали, мосьё Лоаньонъ!

— Мы послѣ объ этомъ поговоримъ, если хотите, я ничего отъ васъ не скрою, возразилъ Филиппъ: — но съ своей стороны будьте искренни. Скажите, Адель, зачѣмъ вы пригласили де-Виллльморана?

— Развѣ я предвидѣла, что онъ такъ хорошо это приметъ? сказала госпожа де-Сент-Овидъ, пожимая плечами. — Если она не будетъ счастлива съ этимъ человѣкомъ, ее надо будетъ убить...

— Не безпокойтесь, перебилъ журналистъ: — она сама себя убьетъ. Но къ чему всѣ эти ловушки, въ которыя вы сдѣлали мнѣ честь поставить меня какъ пружину или приманку?

— Притворяйтесь, будто не понимаете женщинъ! Какъ вы не угадываете, что я хотѣла наказать, унизить эту дерзкую женщину! У васъ были друзья въ школѣ; невозможно, чтобы вы не ненавидѣли ихъ немножко. Полина всегда была со мною горда какъ герцогиня; точно будто она остается добродѣтельной только для того, чтобы бѣсить своихъ прежнихъ пріятельницъ. Я сочла случай благопріятнымъ для того, чтобы отмстить; я говорила себѣ: этому барону будетъ не очень лестно найти свою будущую жену въ такомъ обществѣ, какъ наше; она разсердится на его обидчивость; притомъ я надѣялась, что вы поможете мнѣ. У ней живое воображеніе; вашими остроумными парадоксами можно было закружить ей голову. Но вы вдругъ вздумали влюбиться въ мою худощавую пріятельницу; она закружила вамъ голову, а вы старались закружить ей сердце. Рѣшительно, Филиппъ, или вы играете игру выше моей, и въ такомъ случаѣ я не понимаю васъ, или вашъ умъ притупляется.

— Милая моя, вы кончите дурно, потому-что ужь черезчуръ хитрите. Имѣть немножко сердца тоже иногда искусно. Вся эта

жалкая интрижка, такъ хорошо задуманная, не удалась потому, что передъ вами были два человѣка, а не двѣ куклы. Я благодарю васъ, что вы познакомили меня съ этой женщиной; баронъ также не глупъ, но съ доброй и героической натурой. Не думайте болѣе унижать вашу пріятельницу; вамъ представится слишкомъ-много случаевъ сердиться на нее, и вы состарѣтесь отъ ненависти. Будьте добры и великодушны ради вашего здоровья. Что же касается до меня, помните, что я вамъ скажу; я не лгу, это не журнальная статья. Я люблю эту молодую дѣвушку; по-вашему это глупо, по-моему это прекрасно для меня. Я такъ ее люблю, что сверну вамъ шею, если вы ей не понравитесь, и готовъ буду жениться на васъ, если этимъ могу отмстить за нее. Я почувствовалъ сегодня, что сердце мое забилось первый разъ; да, я плакалъ! Но клянусь вамъ этими слезами, которыхъ вы не будете знать никогда, этимъ волненіемъ, которое очистило меня, что я не позволю вамъ вредить этой молодой женщинѣ. Вы завидуете ей? Ахъ, какъ вы глупы! вы должны были бы радоваться. Вы не угадываете, что она болѣе достойна состраданія, нежели зависти. Она имѣетъ такой жаръ, такое чистое честолюбіе, такую жажду къ почету и любви, что это гонитъ ее къ погибели. Мужъ ея мнѣ нравится; характеръ у него основателенъ; я сдѣлалъ бы все на свѣтѣ, чтобы погубить его въ мнѣніи жены, еслибы я видѣлъ его оробѣвшимъ или ревнивымъ; но онъ презираетъ васъ такъ глубоко, моя милая, и такъ искренно уважаетъ свою будущую жену, что это простое благородство ослѣпило меня. Еслибъ онъ не былъ барономъ, онъ былъ бы совершенствомъ. Итакъ, моя милая, бросьте ваши дурныя намѣренія, не давайте болѣе подобныхъ представленій, вы совершенно поглупѣете.

— Почему знать? возразила госпожа де-Сент Овидъ, засмѣявшись. — Полина была очень взволнована, очень разстроена; почему знать, можетъ-быть, она унесла отсюда тайную рану? Ея простачокъ-мужъ ни въ чемъ не будетъ упрекать ее, но она будетъ сердиться на него именно за его снисхожденіе и за его безстрастіе. Она пріѣхала сюда только для того, чтобы сдѣлать ему наперекоръ. Если ея поступокъ будетъ найденъ очень-про-

стымъ, она разсердится. Притомъ ея обморокъ значилъ что-нибудь. Повѣрьте, вечеръ мой не былъ потерянъ.

— Какое вы гнусное существо! вскричалъ Филиппъ, чувствовавшій правдоподобіе этого разсужденія.

— А мужъ развѣ тоже не оскорбленъ, продолжала госпожа де-Сент-Овидъ:—потому только, что онъ не такъ тщеславенъ по наружности, какъ я надѣялась? Сегодня вечеромъ они ничего не чувствуютъ, ни тотъ, ни другая, но они играли крапивой, завтра примѣтятъ боль. Въ ихъ отъѣздѣ было слишкомъ-много аффектаціи. Насмѣшки Полины и то, что баронъ пожалъ вамъ руку, кажутся мнѣ важными признаками.

— Какъ! спросилъ Филиппъ съ живостью: — вы не понимаете, что баронъ де-Виллльморанъ поблагодарилъ искреннимъ пожатіемъ руки человѣка...

— Который любитъ его жену и не слишкомъ это скрываетъ, перебила Адель: — право я этого не понимаю, если только онъ не дуракъ и не гордецъ. Выборъ изъ того или другаго непріятенъ для Полины, сознайтесь въ этомъ; дуракъ ей надоѣстъ, противъ гордеца она возмутится, и, можетъ-быть, она представила васъ своему будущему мужу только для того, чтобы подзадорить его...

— Я ѣду спать, рѣзко перебилъ Филиппъ.

— Вы видите, что я одержала двѣ побѣды, потому-что и васъ также заставила бѣжать.

— Первый разъ хвалитесь вы, что прогоняете людей. Кстати, не вздумайте вызывать меня по газетамъ, если больше не увидите меня.

— Какъ! вы сердитесь до такой степени? Что же будетъ со мною безъ васъ? А мои банкиры?...

— Не бойтесь ничего: я найду ихъ, можетъ-быть, когда-нибудь у де-Виллльморана. Я нездоровъ, посижу немножко дома, потомъ буду посѣщать честныхъ женщинъ.

— Ба! вы соскучитесь!

— Мнѣ нужно соскучиться; это уже половина добродѣтели.

— Вы хотите увидѣть Полину?

— Я считаю ее въ числѣ честныхъ женщинъ. Въ послѣдній

разъ, Адель, говорю вамъ, не предпринимайте и не говорите ничего противъ вашей пріятельницы. Эти супруги будутъ для меня священны. Если вы дотронетесь до нихъ, моя милая, я васъ погублю.

— Мнѣ достаточно послѣдней угрозы, возразила госпожа де-Сент-Овидъ съ насмѣшкой.—Прощайте, Вертеръ; вы можете дѣлать тартинки для Шарлотты, господинъ журналистъ.

— Я ухожу послѣ этого слова, моя милая; если я останусь, вы его испортите.

— Итакъ, вы на меня сердитесь?

— Я? за что же? Вы меня не обманули.

— И мы уже болѣе не увидимся никогда? сказала госпожа де-Сент-Овидъ съ гримасой, которую она считала непреодолимо-очаровательной.

— О, на улицѣ я вамъ не запрещаю!

— Какъ вы думаете, Филиппъ: было бы смѣшно, еслибы мы съ вами встрѣтились у баронессы де-Вилльморанъ?

— Попробуйте-ка! серьёзно сказалъ журналистъ.

— Въ жизни есть такіе странные лабиринты, продолжала Адель.

— Поэтому-то я и хочу идти только по прямымъ дорогамъ.

— Вы становитесь нравоучительны, мой милый, ступайте спать.

Лоаньонъ пожалъ плечами, надѣлъ шляпу, подошелъ къ свѣчѣ, безъ церемоніи зажегъ сигару и вышелъ.

Оставшись одна, Адель нѣсколько минутъ стояла неподвижно и серьёзно, потомъ прервала свои размышленія вздохомъ.

— Еще одинъ принимается любить, сказала она:—какая глупость!

Она пробовала громко засмѣяться, какъ-будто кто-то спрятавшійся могъ услыхать ее; она засмѣялась не совсѣмъ ловко и, подойдя къ камину, чтобы позвонить горничную, она отвернулась, чтобы не видѣть въ зеркалѣ двухъ смѣшныхъ слезъ, которыя упрямо выкатывались изъ ея прекрасныхъ глазъ. Въ это время Полина и Гекторъ въ каретѣ пожимали другъ другу руки съ энергіей, которая избавляла отъ упрековъ и извиненій, и такъ

сказать, разговаривали своимъ молчаніемъ, возвращаясь въ улицу Курсель.

Полина, напрасно ждавшая и, можетъ-быть, несмотря на свою радость, напрасно надѣявшаяся услышать строгое слово, Полина, восхищенная этимъ благороднымъ довѣріемъ, смѣнившимъ различныя волненія этого вечера, но которая была бы также счастлива, еслибы должна была оправдываться и объясняться, Полина положила голову на плечо Гектора и сказала ему взволнованнымъ голосомъ:

— Вы меня простили?

— Это слово никогда не должно произноситься между нами, Полина! отвѣчалъ Гекторъ, прижимая ее къ сердцу.

— Вы понимаете—не-правда-ли, другъ мой?—мои капризы, мою недовѣрчивость, мое неблагоразуміе. Я бѣдная больная, вы вылечите меня счастьемъ.

— Я буду любить тебя, сказалъ Гекторъ глубокимъ и растроганнымъ голосомъ.

— О, да! ты будешь меня любить, вскричала Полина съ энтузіазмомъ:—невозможно, чтобы заблужденіе оживляло насъ и соединяло! Вся твоя душа соединяется съ моею, вся моя душа отдается тебѣ вполнѣ. Неправда, чтобы я могла желать чего-нибудь другаго кромѣ нашей любви, чтобы я могла имѣть честолюбіе внѣ нашего счастья! Этотъ свѣтъ почета и честности, въ который я вступаю съ тобою, выше, не-правда-ли? того свѣта стыда и порока, въ которомъ я была сегодня. Полина находится въ томъ свѣтѣ, куда я иду; парадоксъ въ томъ исключительномъ свѣтѣ, который я только-что оставила. О, успокой меня, не дай мнѣ сомнѣваться!

— Что же могъ сказать вамъ этотъ журналистъ? спросилъ Гекторъ кротко.

— Увы! другъ мой, это товарищъ по горестямъ, который слишкомъ-рано отчаялся достигнуть до того рая, котораго ищу я. Онъ мнѣ сказалъ, что любитъ меня, и доказалъ мнѣ, что меня уважаетъ.

— Оклеветавъ меня?

— О, нѣтъ! но, говоря строго о мнѣ самой, онъ испугалъ

меня моею обязанностью. Я теперь дрожу, что буду недостойна жизни.

— Имѣйте довѣріе, сказалъ Гекторъ, скрывая свою блѣдность и волненіе.

— Я имѣю довѣріе только къ вамъ, другъ мой!

Карета повернула за уголъ улицы Пепиньеръ и медленно катилась по улицѣ Курсель. Тишина и уединеніе квартала казались чѣмъ-то въ родѣ символа и какъ бы приготовленіемъ къ развязкѣ, къ которой стремилась Полина. Ее успокоила эта внѣшняя тишина.

Проѣзжали въ тѣни наброcанной на улицу церковью св. Филиппа. Полина кротко улыбнулась.

— Аббатъ Легро простилъ ли мнѣ? спросила она.

— Онъ будетъ насъ вѣнчать.

— А баронесса?

— Она сдѣлается вашей матерью; вы уже не будете имѣть права, Полина, сердиться на нее. Вы поможете мнѣ убаюкивать ее.

— Сердиться на нее! мнѣ? но я стану на колѣни передъ нею и буду просить у ней прощенія за мою гордость. Не я ли взволновала ее, задѣла ея предразсудки, уничтожила ея мечты?

— Она уже не думаетъ ни о чемъ этомъ, сказалъ Гекторъ, улыбаясь.—Не дѣлайте ваши отношенія болѣе торжественными, нежели она хочетъ сама. Я прошу у васъ только одной жертвы, въ которой вы должны поклясться мнѣ.

— Какой? спросила Полина.

— Научитесь играть въ вистъ.

Пріѣхали къ отелю. Полина вышла изъ кареты трепеща.

— Я боюсь, сказала она.

— Однако этотъ домъ не страшенъ.

— О! я боюсь не за себя, я боюсь за всѣхъ васъ. Если я сдѣлаю васъ несчастными!

— Это самонадѣянность, мое бѣдное дитя, возразилъ Гекторъ съ кроткой повелительностью, взявъ подъ руку Полину.

Они прошли садъ. Довольно-яркій свѣтъ мелькалъ сквозь сторы въ комнатѣ баронессы.

— Посмотрите, сказалъ де-Вилльморанъ:—она насъ ждетъ.

— Ахъ, зачѣмъ я не пріѣхала къ вамъ прямо отъ мадамъ Беллами! Я потеряла два дня счастья.

— Вы не познакомились бы съ Филиппомъ Лоаньономъ, сказалъ Гекторъ шутя.

— Вотъ уже вами овладѣваетъ иронія, возразила Полина:— я дѣлаю васъ злымъ. Для того, чтобы мы были квиты, покрайней-мѣрѣ, сдѣлайте меня доброй.

Гекторъ напечатлѣлъ цѣломудренный поцалуй на лбу Полины, и отвелъ ее въ комнату матери.

Баронесса въ-самомъ-дѣлѣ ждала. Несмотря на очень-теплую погоду, у ней въ каминѣ горѣлъ огонь. Уже причесавшись на ночь, она сидѣла въ креслѣ, держа передъ глазами и закрываясь отъ свѣта лампы, богатый вѣеръ, подаренный ей мужемъ. Этотъ день именно былъ одинъ изъ тѣхъ дней, о которыхъ мы говорили; въ честь имянинъ покойнаго барона вынула она этотъ вѣеръ; этотъ сувениръ навелъ ее на мысли наклонныя къ супружеству и она рѣшилась не ложиться спать прежде, чѣмъ обниметъ будущую жену своего сына.

— Придите, дочь моя, сказала она любезно и стараясь приподняться:—мнѣ осталось только пять минутъ, чтобы благословить васъ сегодня.

Полина робко подошла, стала на колѣни передъ баронессой де-Вилльморанъ и хотѣла поцаловать у ней руку. Но баронесса наклонилась и со всею нѣжностью, къ какой была способна, приложилась губами къ ея лбу.

— Какъ вы добры! прошептала бѣдная дѣвушка.

Баронесса, или потому, что этотъ день расположилъ ее къ меланхоліи, и она невольно спѣшила сократить первое свиданіе, которое было довольно-затруднительно для всѣхъ, или только потому, что она устала, сдѣлала знакъ Полинѣ встать и сказала съ живостью:

— Завтра, дѣти мои, аббатъ Легро придетъ записать ваши имена для оглашенія въ церкви. А съ мэромъ, Гекторъ, ты уже самъ устрой все. Я хочу, чтобы черезъ двѣ недѣли все было кончено. До-тѣхъ-поръ, Полина, васъ ожидаетъ комната Мари.

Это имя, произнесенное въ подобную минуту, заставило Полину задрожать.

— Развѣ мадмоазель де-Сулень не прiѣдетъ? спросила она.

— О, это невозможно! отвѣчала баронесса. — Мать ея увѣдомляетъ меня, что и она также скоро выдетъ замужъ.

— Уже!

Это восклицанiе, въ которомъ баронесса уловила только сострадапiе, заставило печально улыбнуться Гектора. Полина еще ревновала и, безъ-сомнѣнiя, говорила себѣ въ глубинѣ сердца, что подобная поспѣшность обнаруживала потребность закружить себѣ голову, развлечь сожалѣнiя, отнять всякую надежду у любви, которую не могли угасить.

Но это замужство, доказывая, что у ней все еще была соперница, доказывало ей также, что она побѣдила.

По желанiю баронессы, черезъ двѣ недѣли послѣ этого вечера, Полина Фуко, компаньйонка лэди Фиц-Питерсъ, называлась баронессой де-Вилльморанъ.

Во всѣхъ исторiяхъ любви бракъ напрасно считается развязкой. Какъ-будто не имѣешь уже права безпокоиться о герояхъ, которыхъ проводили въ церковь и къ мэру! Правило это нелѣпо. Съ бракомъ не кончается ничего, и читатели наши знаютъ, что онъ не можетъ быть для насъ развязкой, а переходомъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVII.

Прошло четыре года послѣ происшествій, разсказанныхъ нами въ первой части этого этюда.

Мы не хотѣли, и для себя и для читателя, слѣдовать день за днемъ за Полиной Фукò, сдѣлавшейся баронессой де-Вилльморанъ, въ ея новой жизни. Въ современной жизни нѣтъ такихъ сильныхъ потрясеній, которыя можно было бы описывать отдѣльно, и драма жизни обыкновенно бываетъ медленной и однообразной элегіей, въ которой достаточно уловить главныя черты для безсилія автора и для нетерпѣнія читателя.

Еслибы такая женщина, какъ Полина, съ чистою душою, съ развращеннымъ умомъ, писала свои признанія или поручила кому-нибудь написать ихъ за нее, понадобилось бы перо волшебное, для того, чтобы разнообразить оттѣнки, не утомляя вниманія, и заставить любить до конца эту героиню, которая страдаетъ безъ намѣренія, которая заключена только въ своей собственной волѣ, у которой нѣтъ палачей, кромѣ ея собственныхъ сарказмовъ, и которой достаточно было бы принять счастье, посылаемое ей судьбой для того, чтобы бы счастливою.

Эти четыре года, которые мы пропускаемъ, не антрактъ, но необходимая перспектива. Драма продолжалась, сдѣлалась сложною. Свѣтъ и любовь приняли вызовъ, брошенный имъ этой неустрашимой молодой дѣвушкой, столь наивной, столь пре-

сыщенной, столь недовѣрчивой и столь восторженной. Борьба продолжалась молча въ безмолвной короткости супружеской жизни. Пора раскрыть сердца и сосчитать раны.

Полина жила съ мужемъ въ маленькомъ отелѣ въ улицѣ Курсель. Сказать, что старая баронесса умерла, значило бы примѣнить очень-грубое слово къ послѣднему сну этой очаровательной женщины. Въ одинъ вечеръ старая баронесса почувствовала себя слишкомъ-слабою, чтобы держать одной карты; она сдѣлала знакъ аббату Легро глядѣть въ ея игру. Викарій воспользовался этимъ признаніемъ и тихо попросилъ ее поговорить съ нимъ наединѣ. Добрая старушка, которая не страдала и воображала, что смерть должна быть страданіемъ, согласилась улыбаясь на то, чего она не смѣла просить сама. Она исповѣдалась кротко, потомъ почувствовала слабость, которая тихо перенесла ее изъ жизни въ смерть, такъ-что она не имѣла огорченія видѣть, какъ жизнь убѣгаетъ отъ нея.

Пролила ли баронесса де-Вилльморанъ до своей смерти тѣ первыя слезы, которыхъ она такъ боялась, и нашла ли въ бракѣ сына то горестное испытаніе, которое всегда щадило ее? Этого мы не смѣемъ ни утверждать, ни опровергать. Въ эти лѣта легко обманываться мечтами; сердце принаравливается ко всему, и баронесса, которую Полина ласкала, забавляла и веселила своимъ умомъ и живостью, никогда не спрашивала себя, счастливъ ли былъ ея сынъ, и сама она встрѣтила ли того ангела, о которомъ заставляла ее мечтать Мари де-Сулень.

Одно только разочарованіе было дѣйствительно, и о немъ можно упомянуть. Старая баронесса умерла, не видѣвъ валяющихся на коврѣ маленькихъ купидоновъ, которыхъ она желала; но такъ-какъ ея послѣдній обморокъ засталъ ее неожиданно, и прежде, чѣмъ она отчаялась въ осуществленіи этого желанія, такъ-какъ она все еще ждала, когда скончалась, не подозрѣвая этого, разочарованіе не было слишкомъ-горько, и Полина могла оплакивать ее безъ угрызеній.

Отсутствіе баронессы не мѣшало де-Сен-Паару приходить акуратно каждый вечеръ занимать свое мѣсто возлѣ пустаго кресла своего друга. Гекторъ обращался съ нимъ съ снисхожденіемъ,

которое заставило бы улыбнуться бывшихъ обожателей баронессы, еслибъ графъ не послѣдній пережилъ ихъ всѣхъ. Полина, снисходительная и добрая, когда ей вздумается, забавляла этого старика ласковымъ разговоромъ и находила удовольствіе заставлять его обожать себя.

Аббатъ Легро хотѣлъ держать себя поодаль; но кромѣ-того что въ вистъ еще играли, Гекторъ настаивалъ, чтобы викарій приходилъ попрежнему. Онъ игралъ визави съ добрымъ де-Сен-Пааромъ. Сама Полина, дразнившая аббата Легро теологическими спорами, внушила ему желаніе обратить ее.

Каждый вечеръ, въ тотъ же часъ, графъ де-Сен-Пааръ, завернувъ за уголъ улицы Монсо, видѣлъ издали добраго викарія, который ждалъ его передъ дверью отеля.

Когда баронъ и баронесса де Вилльморанъ ѣхали въ гости вечеромъ, аббатъ и графъ все-таки приходили, прогуливались вдвоемъ въ теплые вечера по саду, потомъ возвращались въ гостиную и начинали длинный рядъ разсказовъ не весьма-разнообразныхъ, мораль которыхъ неизмѣнно состояла въ томъ, что:

— Свѣтъ сдѣлался грубъ, говорилъ графъ.

— Онъ сдѣлался нечестивъ, говорилъ аббатъ.

Иногда разговоръ продолжался до возвращенія барона и баронессы. Полина приказывала подавать чай, и на другой день графъ де-Сен-Пааръ хвалился, что прекрасно спалъ и никогда не былъ боленъ, въ какое бы время ни легъ спать.

Читатель видитъ, что любовь и бракъ не сдѣлали шумнымъ тихое убѣжище въ Курсельской улицѣ. Эта тишина сначала была разсчетомъ обоихъ супруговъ, потомъ она сдѣлалось необходимостью. Въ первое время Полина съ такимъ наслажденіемъ упивалась божественнымъ напиткомъ, что не могла имѣть никакихъ заботъ. Она любила, она была любима: этого было для нея достаточно. Визиты, балы, театры составляли пріятные промежутки. Она чувствовала въ душѣ восхитительную свѣжесть, когда возвращалась въ этотъ домъ, свидѣтель ея первыхъ грёзъ, униженій и торжества.

Если свѣтъ оскорбилъ ее, она забывала горесть въ этомъ

тихомъ гнѣздышкѣ, гдѣ въ цѣломудренномъ и мирномъ счастьѣ она отдыхала отъ внѣшняго шума и злословія. Тутъ, по-крайней-мѣрѣ, мужъ принадлежалъ ей вполнѣ, тутъ она царствовала неоспоримо безъ тайной или публичной оппозиціи.

Старая баронесса смотрѣла на нее глазами своего сына; графъ де-Сен-Пааръ смотрѣлъ на нее глазами баронессы. Аббатъ Легро принималъ въ ней участіе съ чувствомъ привязанности, смѣшанной съ боязнью; онъ чувствовалъ, что въ душѣ этой таился волканъ, и все боялся взрыва. Поэтому его вѣжливость была ласкова, а дружба исполнена предосторожности.

Послѣ двухъ первыхъ лѣтъ, когда счастье и любовь вступили въ этотъ правильной періодъ, съ котораго начинается рѣшительное испытаніе, особенно послѣ смерти баронессы де-Виллъморанъ, которая служила предлогомъ къ прежнимъ привычкамъ, Полина примѣтила, что аббатъ Легро не орелъ, а графъ де-Сен-Пааръ голубокъ очень-скучный и очень-состарѣвшійся; съ ней начала дѣлаться нервная зѣвота, она начала чувствовать утомленіе; она не смотрѣла уже на графа и на аббата какъ на двѣ принадлежности, она стала отъискивать необходимое, то-есть дружбу, постоянныя сношенія, словомъ—общество.

Гекторъ чувствовалъ, что эта потребность должна родиться, наблюдалъ за нею и не тревожился; я хочу сказать, что онъ не тревожился ею болѣе, нежели кое-чѣмъ другимъ, что тревожило его нѣсколько. Но де-Виллъморану не легко было выбрать себѣ общество; потребна была большая осторожность для того, чтобы имѣть вліяніе на выборъ его жены.

Домашнее счастье состоитъ не изъ одного уваженія и любви взаимной: сношенія съ посторонними составляютъ его необходимый элементъ. Надо еще любить и уважать другъ друга въ свѣтѣ, отъискивать себя и находить въ другихъ. Дружба должна въ нѣкоторыя минуты возвращать любви все электричество, какое она получила отъ нея; полезно отдавать свой умъ въ залогъ своимъ друзьямъ, чтобы они возвратили его въ тѣ часы, когда чувствуешь себя бѣднымъ.

Несчастье и безпорядокъ во многихъ супружествахъ приписываютъ неблагоразумію и продажности современныхъ браковъ,

но мало обращаютъ вниманія на то, что супруги не стараются послѣ свадьбы заслужить взаимную дружбу. Днемъ мужъ бѣгаетъ на биржу, а жена по магазинамъ, вечеромъ зѣваютъ, выходя изъ-за стола, и расходятся, чтобы не скучать вдвоемъ. Если иногда остаются дома, то изъ тщеславія, а не изъ удовольствія. Занимаются музыкой или играютъ въ карты, выдумываютъ предлоги, чтобы оставаться у себя безъ нетерпѣнія, и назовутъ къ себѣ толпу; но толпа всегда приглашена и на другіе праздники, она уѣзжаетъ съ быстротою эгоизма, она не оставляетъ послѣ себя другихъ слѣдовъ, какъ усталости и пустоты въ сердцѣ и кошелькѣ.

Собранія въ гостиныхъ, эта кофейная безъ вывѣски, ужасно портятъ домашнюю жизнь. Присоедините къ этому врагу недостаточность воспитанія женщины, и вы узнаете нѣкоторыя причины супружескихъ несогласій.

Конечно, общество необходимо и для счастливыхъ супруговъ. Еслибы небо всегда давало влюбленнымъ ту пустую хижину, которую они воображаютъ раемъ, я думаю, что въ одинъ прекрасный день они подожгли бы эту хижину, чтобы воротиться въ свѣтъ. Хижина чувства должна быть какъ Тріанонъ кокетлива и возлѣ офиціальной Версали.

Горе пустымъ домамъ, горе уединеннымъ влюбленнымъ! Пустыня для влюбленныхъ все-равно, что башня Уголино. Тамъ наконецъ съѣдятъ другъ друга. Предположите Ромео и Джульету безъ дѣтей на островѣ Робинсона; они начнутъ гимномъ и экстазомъ и кончатъ ненавистью. Придетъ минута, когда Ромео задушитъ Джульету, чтобы остаться еще болѣе одному и погрузиться совсѣмъ въ бездну скуки.

Слава Богу, баронъ и баронесса де-Вильморанъ еще не дошли до того, чтобы кусать другъ друга, но у любви ихъ уже начали показываться зубы. Полина начала тѣмъ, что пошла наперекоръ свѣту. Когда мужъ представилъ ее въ гостиныя средней аристократіи, бывшая учительница пріосанилась, боясь показаться согбенной. Вообще однако надменныя предупрежденія, которыхъ она опасалась, не преграждали ей пути; но она такъ гордилась своей любовью, торжествовала съ такимъ блескомъ, что не допускала никакого сочувствія.

Гекторъ былъ слишкомъ-благоразуменъ, чтобы не понять, что для дѣятельности этой души потребна была пища, а то она наконецъ разбилась бы о свою любовь. Выборъ знакомыхъ былъ деликатенъ. Гекторъ думалъ о немъ, и въ ту минуту, когда мы находимъ ихъ черезъ четыре года послѣ брака, Полину смутно тревожили нервые симптомы недуга, котораго она не знала никогда въ годы борьбы и бѣдности—недуга скуки.

Она не очень перемѣнилась по наружности. Глаза, можетъ-быть, нѣсколько-болѣе впали, но на губахъ обнаруживалось менѣе горечи. Счастье, которое она испытала, какъ быстро и тревожно ни было оно, придало ей красоту, которой она уже не могла лишиться. Любовь—волшебница, всегда оставляющая слѣды своихъ чаръ. Полина имѣла неизмѣнную красоту любимыхъ и любящихъ женщинъ. Горесть можетъ настать, слезы могутъ течь, но въ голосѣ ея всегда будетъ нѣжная гармонія, а въ утомленныхъ чертахъ небесный отблескъ.

Одѣтая просто, пользуясь роскошью, но не употребляя ее во зло, любя чорный цвѣтъ изъ кокетства и по воспоминанію, замѣнивъ только шерсть шелкомъ, а шелкъ бархатомъ, Полина сидитъ въ своей гостиной у окна. Она работаетъ, но безъ прилежанія. Она оставляетъ работу и начинаетъ читать, но разсѣянно. Часто она взглядываетъ на часы. Она помнитъ то время, когда, снисходительно допущенная въ эту гостиную, которая теперь принадлежитъ ей, она проводила вечера восхитительные, пугаясь посреди свой радости движенія стрѣлокъ на часахъ, которыя какъ-будто похищали у нея часы блаженства. Она находитъ теперь, что стрѣлки идутъ очень-медленно.

У дверей отеля позвонили. Это Гекторъ. Онъ перешелъ черезъ садъ, читая письмо, и, примѣтивъ жену, кивнулъ ей головой съ улыбкой, немножко покраснѣлъ, спряталъ письмо въ карманъ и вошелъ въ гостиную.

— Ну что? спросила у него Полина.

— Ну, мой добрый другъ, отвѣчалъ Гекторъ, цалуя ее въ лобъ: — я надѣюсь, что все пройдетъ. Это простуда—и больше ничего. Докторъ увѣряетъ, что де-Сен-Пааръ встанетъ черезъ два дня и придетъ сюда черезъ недѣлю.

— А до-тѣхъ-поръ я буду принуждена оставаться глазъ-на-глазъ съ аббатомъ Легро, сказала Полина. — Предупреждаю тебя, что я воспользуюсь этимъ случаемъ и буду спорить съ нимъ.

— Щади его.

— Не бойся; я не хочу заставить его убѣжать, мы останемся тогда одни...

— Я не буду на это жаловаться, перебилъ Гекторъ, взявъ за руку жену.

— А я такъ буду! возразила Полина почти серьёзно.

— Мы пошлемъ аббата навѣстить больнаго, прибавилъ Гекторъ: — а сами воспользуемся свободнымъ вечеромъ. Хочешь видѣть новую оперу?

Полина подняла голову и взглянула на мужа съ печалью и любовью, обнаруживавшими тревогу ея души.

— Какъ ты добръ! сказала она: — ты заслуживалъ бы имѣть жену лучше меня. Но признайся, что твое баловство начинаетъ истощаться и что, если ты не заставишь играть новыхъ пьесъ и писать романы нарочно для меня, тебѣ больше ничего не останется показывать и читать мнѣ. Я все жду, что ты предложишь мнѣ путешествовать.

— Почему же и нѣтъ?

— О другъ мой! это предписаніе докторовъ, отчаявающихся въ своихъ больныхъ; не будемъ путешествовать, останемся дома.

Говоря это, Полина раскинулась въ своемъ креслѣ, какъ-будто усталость разбила ее, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы скрыть слезы, навернувшіяся у ней на глазахъ.

Гекторъ не былъ обманутъ, онъ угадалъ ея слезы.

— Дитя! сказалъ онъ съ ласковой дружбой.

— Да, не-правда-ли? напрасно я плачу, когда я должна быть такъ счастлива! Но что же дѣлать? это сильнѣе меня. Несчастье у меня было ироническое; извини меня, что счастье у меня нѣсколько-зловѣщее, только бы я тебя не утомила, только бы тебѣ не надоѣдала!

— Будемъ разсуждать, Полина, сказалъ Гекторъ, садясь возлѣ жены. — Я не спрашиваю у тебя причинъ твоей печали. Ты пла-

чешь оттого, что у тебя нѣтъ горя. Спокойная домашняя жизнь пугаетъ тебя, какъ пустота. Но свѣтъ не всегда можетъ давать сильныхъ ощущеній.

— Не будемъ, напротивъ, разсуждать, перебила Полина съ трогательной живостью.—Ты меня утѣшилъ, взглянувъ на меня. Не обращай вниманія на нервную слабость. Скажи мнѣ, какое письмо читалъ ты когда шелъ сюда?

— Ахъ, я забылъ! сказалъ Гекторъ, немножко покраснѣвъ:— это письмо Мари.

— Мадамъ Депрэ; ты, можетъ-быть, забылъ его спрятать?

— Ревнивица!

— О чемъ она увѣдомляетъ насъ?

— Прочитай; письмо относится особенно къ тебѣ.

Полина въ нѣсколько секундъ пробѣжала письмо Мари, потомъ опустила руку на колѣни и вздохнула.

— Какъ она счастлива! сказала она: — она мать въ третій разъ! Ты меня спрашивалъ, почему я печальна. Вотъ моя тайна. Я не завидую женщинамъ любимымъ: я сама могу возбудить въ нихъ зависть, но матери—вотъ кому завидую я. Если я отняла отъ нея ея кузена, эта кроткая Мари хорошо мнѣ мститъ. Точно-будто она отнимаетъ у меня семью, на которую я имѣю право. Трое дѣтей!... а у насъ!...

— Зачѣмъ отчаяваться?

— Почему надѣяться? Другъ мой, имя де-Вилльморанъ угаснетъ; неравный бракъ принесъ тебѣ несчастье.

— Полина, ты клевещешь на насъ обоихъ!

— Я знаю, что и она также должна быть наказана, продолжала баронесса де-Вилльморанъ: — потому-что и она также заключила неравный бракъ. Она имѣла право выдти, по-крайней-мѣрѣ, за барона; она вышла за Депрэ, владѣльца желѣзодѣлательнаго завода! Ты непремѣнно хочешь самъ отвѣчать на это письмо? вдругъ прибавила она..

— Я? напротивъ, я принесъ его тебѣ.

— Ну, я напишу Мари, что мы къ ней пріѣдемъ.

— Какъ! что̀ хочешь ты сказать?

— Я говорю, другъ мой, что я хочу быть крестной матерью

этого ребенка; что это принесетъ мнѣ счастье; что твоя кузина напрасно не подумала обо мнѣ; что я не допущу этой несправедливости. Послушай, Гекторъ, это письмо пришло кстати, оно оракулъ. Мнѣ нужно уѣхать куда-нибудь. Поѣдемъ вмѣстѣ къ этому новорожденному. Поѣдемъ научиться быть счастливыми, мы, такъ любящіе другъ друга, даже слишкомъ любящіе, къ людямъ, которые вовсе не любятъ другъ друга.

— Зачѣмъ ты это говоришь? Депрэ честный и добрый мужъ.

— О, я знаю, что я говорю! Мари вышла замужъ такъ, какъ я убила бы себя: она любила тебя!

— Полина! Полина! сказалъ Гекторъ съ нѣсколько-принужденной веселостью и грозя своей женѣ: — если ты говоришь о Мари, я буду говорить о Лоаньонѣ.

— Это было бы невеликодушно, возразила Полина, поблѣднѣвъ. — Ну, другъ мой, хочешь ли ты, чтобы мы поѣхали крестить у твоей кузины? Я чувствую, что эта поѣздка будетъ намъ полезна.

— Вотъ теперь ты сама желаешь уѣхать!

— Я не забываю, Гекторъ, возразила Полина, растроганная и серьёзная: — что Мари уже разъ принесла мнѣ счастье: когда меня прогоняли отсюда, она заступилась за меня. Это она выдала меня за тебя. Поѣдемъ къ ней; это меня вылечитъ. Видъ довольныхъ супруговъ послужитъ для меня нравоученіемъ и образцомъ. Я постараюсь уловить тайны добродѣтелей Мари. Почему знать? можетъ-быть, ихъ возможно будетъ перенять.

— Вотъ это добрая мысль! сказалъ Гекторъ, цалуя жену.

— О, я докажу тебѣ, другъ мой, что мужество у меня есть, и что если я не успѣю сдѣлать тебя счастливымъ, это будетъ значить рѣшительно, что мы ошиблись оба.

— Когда хочешь ты ѣхать, Полина?

— Завтра. Я сейчасъ буду писать къ Мари.

— А я отправлю аббата Легро къ графу де-Сен-Паару.

— Мы будемъ укладываться, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ оперу.

— А если, сказалъ Гекторъ: — мы найдемъ ребенка окрещеннымъ?

— Ну, это останется на другой разъ, возразила Полина, смѣясь. — А пока все-таки повеземъ конфекты на крестины.

Гекторъ вышелъ. Полина, въ восхищеніи, въ восторгѣ, что по-крайней-мѣрѣ на нѣсколько дней у ней будетъ цѣль, дѣло, пошла въ свою комнату и принялась отвѣчать госпожѣ Депрэ. Она хотѣла только въ нѣсколькихъ строкахъ увѣдомить о своемъ пріѣздѣ. Но сердце ея такъ долго накипало, случай былъ искусителенъ; она боялась, что ее будутъ разспрашивать, когда она пріѣдетъ въ деревню; она не довѣряла этому кроткому взгляду Мари, который уже такъ смущалъ ее, и, обѣщая себѣ говорить не все, она вылила всю свою душу. Только-что она кончила, когда Гекторъ воротился, черезъ два часа послѣ своего ухода.

Гекторъ подозрѣвалъ, какіе размѣры приняло письмо; но Мари была слишкомъ-драгоцѣнная повѣренная; это путешествіе самому ему казалось слишкомъ-спасительнымъ для того, чтобы онъ выказалъ удивленіе. Онъ ничего не говорилъ объ этомъ отвѣтѣ. Только вечеромъ, очень-поздно, когда онъ былъ увѣренъ, что письмо было уже отправлено на почту, онъ спросилъ Полину, писала ли она, и на утвердительный отвѣтъ ея сказалъ:

— Я купилъ конфектъ; мы можемъ ѣхать завтра.

XVIII.

Вотъ письмо, которое Полина написала къ Мари:

«Моя добрая Мари,

«Я прочла вашу записочку, написанную невѣрною и дрожащею рукою въ постели—эту мужественную записочку, которая увѣдомила насъ, что вы третій разъ вознаграждены и благословлены. Нужно ли мнѣ, или, лучше сказать, нужно ли вамъ, чтобы мы посылали вамъ поздравленія и желанія, потому-что мы рѣшили, что сами отвеземъ ихъ вамъ? Ждите же насъ на вашемъ заводѣ на другой день по полученіи этого письма, и если ребенокъ еще не окрещенъ, позвольте намъ быть кумомъ и кумой.

«Видно, что мосьё Депрэ имѣетъ постоянныя сношенія съ Лондономъ. Ваше супружество подражаетъ англійскимъ. У васъ будетъ двѣнадцать человѣкъ дѣтей, моя милая, среднимъ числомъ; пожалуй, еще вы удвоите эту цифру. А я напрасно пью чай: изъ меня англичанка не выйдетъ. Можетъ-быть, меня преслѣдуетъ ненависть лэди Фиц-Питерсъ. Толстая адмиральша сглазила меня.

«Какъ! уже три колыбели въ вашей комнатѣ! Я знаю, что комнаты въ провинціи большія и что вамъ есть изъ чего сдѣлать дортоаръ.

«Но доволенъ ли своею участью и благоденствіемъ своего дома мосьё Депрэ? Что онъ можетъ придумать для того, чтобы окружить васъ почетомъ? Сами ли вы будете кормить этого прелестнаго ребенка, который также будетъ принадлежать немножко и мнѣ? Я не хочу—слышите ли вы?—чтобы вы слишкомъ-рано отняли отъ груди моего крестника. Я въ восхищеніи, что это мальчикъ. Мы назовемъ его Гекторомъ. Если у него уже есть другое имя, то это все-таки будетъ первымъ. Я могу отдать ему это имя, потому-что чувствую, что мнѣ никогда не придется давать его у себя.

«Однако я была бы даже довольна и дочерью. Я не смѣю думать о томъ, какую радость, какой восторгъ почувствовала бы я, сдѣлавшись матерью. Я сошла бы съ ума. Изъ состраданія къ моему разсудку, небо отказало мнѣ въ этомъ испытаніи. Говорятъ, что женщины очень страдаютъ при этомъ; это не правда, не-такъ-ли? Это говорятъ женщины трусливыя. А я боялась бы, что не буду страдать довольно. Въ особенности, другъ мой, поправляйтесь скорѣе; не будьте ни блѣдны, ни утомлены, когда мы пріѣдемъ, а то я буду завидовать вашей болѣзненной наружности. Ужь довольно будетъ и того, что я буду видѣть, какъ вы станете кормить этого мальчика, котораго я буду называть моимъ сыномъ.

«Что я такое сдѣлала, чѣмъ я заслужила несчастье не быть матерью? Развѣ это справедливо, что вы имѣете дѣтей, а со мною обращается судьба какъ съ любовницей, а не какъ съ супругой? Ребенокъ былъ бы для меня славою, полнымъ и окон-

чательнымъ выздоровленіемъ отъ всѣхъ моихъ сомнѣній, отъ всѣхъ моихъ горестей, отъ всей моей злости, потому-что я еще зла. Берегитесь, чтобы я не украла у васъ одного изъ вашихъ малютокъ, самаго маленькаго, самаго слабенькаго, самаго дорогаго, послѣдняго. Я способна увезти его съ собою.

«Вы увидите, другъ мой, какъ Гекторъ будетъ смотрѣть на нихъ, цаловать ихъ, этихъ дѣтей; вы увидите, какъ страдаетъ это бѣдное и великое сердце; вы увидите, какъ онъ будетъ завидовать вашему мужу. Онъ скажетъ, можетъ-быть, что у него нѣтъ этого счастья и этихъ радостей, что провидѣніе предлагало ихъ ему, а онъ предпочелъ это безплодное одиночество вдвоемъ, которое я не всегда могу развеселять. Знаете ли, что я также буду ревновать къ этимъ прекраснымъ румянымъ дѣтямъ? Если онъ будетъ любить васъ въ нихъ и принудитъ меня возненавидѣть моего крестника!

«Нѣтъ, это вздоръ! Дѣло въ томъ, что я завидую вамъ; что намъ недостаетъ только этого благословенія; что когда я заглядываю въ глубину моего сердца, я чувствую, что любовь моя увеличивается супружествомъ; что домъ мой пустъ, безмолвенъ; что мнѣ нужны крики, что у меня на губахъ шевелятся колыбельныя пѣсни, что мнѣ хотѣлось бы имѣть маленькаго ребенка, котораго бы я могла лелѣять, который улыбался бы мнѣ, котораго я могла бы утѣшать, когда онъ расплачется, осыпать ласками, ухаживать въ болѣзни, бояться, что онъ умретъ, и вдругъ замирать отъ радости, когда онъ воскреснетъ. Вѣроятно, судьба боялась, что я задушу его моими ласками, и изъ человѣколюбія не дала мнѣ дѣтей.

«Откройте мнѣ вашъ секретъ, Мари. Скажите мнѣ, какія молитвы читаете вы; я знаю васъ, моя праведница: вы одержали надо мною побѣду не соревнованіемъ любви и страсти, а молитвой и преданностью. Вашему мужу вы нравитесь не болѣе, нежели я нравлюсь своему, но вы нравитесь болѣе провидѣнію.

«Ахъ! мы будемъ вмѣстѣ молиться Богу. Въ вашемъ краю должна быть какая-то благодѣтельная капелла, или какой-то волшебный источникъ, или гора, на которую надо взобраться босикомъ. Но кчему? Моя капелла—это ваша комната; я стану на

колѣна у вашей кровати и буду просить васъ. Вы сдѣлали меня женою Гектора, сдѣлайте еще, чтобы я была матерью. Я не хочу думать ни о чемъ другомъ; я суевѣрна и сумасбродна; я держусь этой идеи: вы разъ принесли мнѣ счастье, вы будете приносить мнѣ счастье всегда, вы будете моимъ спасеніемъ.

«Да, моимъ спасеніемъ! Я испугалась этого слова, когда написала его, а не смѣю вычеркнуть. Да, вы будете спасеніемъ моей любви, моего домашняго счастья; я чувствую, что мнѣ невозможно будетъ жить, состарѣться и постоянно бороться противъ этого страшнаго отсутствія дѣтей. Я уже проглотила много слезъ и пролью еще потоки до-тѣхъ-поръ, пока умру, утонувъ въ своей горести. Знайте, другъ мой, меня считають счастливой. Гекторъ скрываетъ отъ меня свою горесть, а я не показываю ему моей; но я ужасно боюсь, и самъ онъ смотритъ на меня съ состраданіемъ, измѣняющимъ ему.

«Еслибы вы знали, съ какимъ скрытнымъ восторгомъ принялъ онъ это путешествіе, которое должно насъ вылечить! Вы вѣдь насъ вылечите, не-правда-ли? Мы невозвратно погибнемъ, если вы не научите насъ жить самими нами и если вы не докажете намъ, что всегда можно любить другъ друга, даже не имѣя дѣтей.

«Иногда я строго допрашиваю себя, нѣтъ ли у меня еще другихъ заботъ и не можетъ ли мужъ мой сдѣлать мнѣ упрекъ за что-нибудь другое. Однако, клянусь вамъ, я употребляю всѣ свои силы для того, чтобы онъ не находилъ во мнѣ недостатковъ; я стараюсь заглушить въ себѣ учительницу и остаться женой.

«На другой день моей свадьбы, когда я проснулась въ этомъ отелѣ, куда я вошла прежде почти служанкой лэди Фиц-Питерсъ, когда увидала себя принятой какъ равную этимъ свѣтомъ, который казался мнѣ настолько выше меня, я поклялась быть спокойной, кроткой, послушной волѣ моего мужа и думала безъ гордости, что заслужила мое мѣсто. Тётка ваша видѣла, какъ благоговѣйно я стала на колѣна передъ нею, какъ была готова переносить ея малѣйшіе капризы, и она приподняла меня, назвавъ меня искренно своею дочерью. Я удержала на губахъ сарказмы, накопившіеся въ годы моей бѣдности, я задала себѣ трудъ быть довѣрчивой, изучала Гектора съ преданнымъ жаромъ,

который возбуждалъ во мнѣ вдохновеніе... Я думаю, что онъ можетъ безъ снисхожденія засвидѣтельствовать счастье, какое я доставляла ему. Но это счастье, которое, казалось мнѣ, имѣло необозримый горизонтъ и которое я считала глубокимъ какъ океанъ, было каплею, которую я изсушила очень-скоро.

«Черезъ нѣсколько недѣль, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я почувствовала себя безъ занятія. Хозяйство занимало у меня часъ; что̀ мнѣ было дѣлать остальное время дня? У мужа моего есть книги, занятія, интересующія его. У меня же такая дѣятельность души, которая побуждаетъ меня къ праздности. Мнѣ надоѣдаютъ иголки, которыя я не могу употребить на пеленки, исторія меня пугаетъ, романы заставляютъ меня зѣвать, визиты, балы противны мнѣ. Что̀ дѣлать? Ограничить свою жизнь семейнымъ кругомъ, закрыть всѣ окна, чтобы не видѣть горизонта—это мнѣ кажется легко наканунѣ брака, это мнѣ кажется очень-труднымъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

«Я не хотѣла принимать у себя гостей. Кого привлекла бы я къ себѣ? артистовъ? я знаю, что они тщеславны; капиталистовъ? они меня оскорбляютъ, когда они искренни и эгоисты; они мнѣ противны, когда я вижу, что они сентиментальны.

«Я встрѣтила въ одинъ день, или, скорѣе, въ одну ночь, человѣка, который сказалъ мнѣ мой гороскопъ; слова его пылающими буквами напечатлѣлись въ моемъ сердцѣ и разочаровали меня въ жизни. Онъ предсказалъ мнѣ, что я не создана для однообразнаго существованія, для безоблачнаго счастья; и я дрожу, что этотъ скептикъ, который говорилъ мнѣ съ убѣжденіемъ, угадалъ справедливо.

«Однако, сказать, что мы не созданы для положительной жизни, очень-нелѣпо; напротивъ, кажется, что не всѣ созданы для поэзіи, для бреда воображенія. Но когда я вижу, сколько потребно добродѣтелей для того, чтобы безъ нетерпѣнія тратить часы въ домашней жизни, когда я чувствую, что мою любовь разнообразитъ только скука, мною овладѣваетъ безумное искушеніе призвать этого насмѣшливаго философа и попросить у него совѣтовъ.

— Надо бы остаться свободной, сказалъ бы онъ мнѣ. Сво-

бодной въ чемъ? Развѣ я не свободна? Развѣ я не могу кроить, вышивать по канвѣ моей жизни какъ мнѣ захочется, и имѣетъ ли это право принудить меня? Развѣ я унизила себя, выйдя за честнаго человѣка, который меня любитъ и боится употребить со мною малѣйшую власть?

«Именно, можетъ-быть, эта свобода, съ которой я не знаю что мнѣ дѣлать, возбуждаетъ мое огорченіе. Я бы хотѣла, чтобы мною управляли. Смѣются надъ простолюдинками, которыя хотятъ, чтобы ихъ били, и цалуютъ палку. Я простолюдинка. Я имѣю предразсудки, инстинкты, честолюбіе простаго класса и потребность къ изяществу, къ умственнымъ удовольствіямъ.

«Зачѣмъ образовали меня? Еслибы вмѣсто того, чтобы изощрять мой умъ и развивать сердце, меня держали бы въ мелочныхъ занятіяхъ, я была бы довольна, сдѣлавшись баронессой, имѣя наряды, тщеславясь моимъ серебромъ на парадныхъ обѣдахъ, и все было бы кончено. Но меня раздражили, экзальтировали; я не умѣю ни управлять моей душой, ни принаровить однообразіе жизни къ моему честолюбію. Зачѣмъ меня не научили философіи!

«Я молча выдерживаю борьбу сама съ собою, надѣясь найти враговъ, предразсудки, опасное соперничество, которое пришлось бы мнѣ побѣждать. Но нѣтъ: я дошла до конца моей поэмы и не встрѣтила никакихъ гигантовъ, съ которыми мнѣ надо было бы сражаться. Я вооружилась какъ Клоринда, чтобы ходить на рынокъ, и иногда мнѣ хочется закричать: «Какъ! только-то! А я воображала, что бракъ что-то героическое и невозможное».

«Гекторъ меня видитъ и судитъ; это моя мука. Онъ боится вмѣшаться, и онъ правъ: его власть побудила бы меня къ возмущенію; его безмолвное состраданіе волнуетъ меня, унижаетъ и принуждаетъ искать одной своей дороги и своей обязанности. Одно слово его рѣшило бы все. Но какое было бы это слово? У Гектора, вы знаете, разсудокъ основательный; онъ понимаетъ всѣ энтузіазмы, не подчиняясь головокруженію. Онъ знаетъ всѣ тонкости ироніи, но не раздѣляетъ ее. Онъ полюбилъ меня по какому-то чуду, или, скорѣе, онъ почувствовалъ себя любимымъ, и этотъ дѣвственный человѣкъ пожертвовалъ собою моей гор-

дости. Кроткій и терпѣливый, уважая мои сомнѣнія, поддерживая мое уваженіе въ себѣ самой, онъ обладаетъ какимъ-то совершенствомъ безъ всякихъ притязаній, которыя приводятъ меня въ уныніе. Я желала бы, чтобы онъ былъ исполненъ недостатковъ, какъ я. Мы имѣли бы вмѣстѣ сцены отчаянія, лихорадочной горести, которыя волновали бы насъ; но это неизмѣняющееся спокойствіе, но эта осторожная любовь угнетаютъ меня своей простотой.

«Это я, мой ангелъ, захотѣла поѣхать къ вамъ. Я хотѣла также дать моему мужу новое доказательство моего довѣрія и моей доброй воли. Я хотѣла пойти наперекоръ воспоминанію; которое онъ сохранилъ о васъ, и показать ему, что я желаю научиться добродѣтели и мужеству.

«Ахъ, моя добрая Мари! я не писала бы вамъ всего этого бреда, который однако очень-серьёзенъ, я не дрожала бы такимъ образомъ за мое счастье, еслибы я была матерью. Можно утѣшиться во всемъ, можно знать все, можно быть мужественной и искусной на все, когда имѣешь на рукахъ маленькое, слабое существо, которое кусаетъ вамъ грудь, чтобы напомнить вамъ дѣйствительность. Еслибы у меня былъ ребенокъ, я ручалась бы за себя!

«Пусть былъ бы у меня сынъ; я приподнялась бы мужественно подъ моею ношею, или, лучше сказать, у меня не было бы болѣе ноши, не было бы болѣе опасеній. Я не до такой степени пренебрегаю пошлостями жизни, какъ выказываю иногда. Вы увидите меня на дѣлѣ; я буду помогать вамъ во всѣхъ вашихъ маленькихъ заботахъ, и вы поймете, что я съумѣла бы приготовить кашку.

«Я смѣюсь, чтобы не расплакаться и не огорчить васъ этимъ письмомъ.

«Я рѣшилась предупредить васъ о всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ, или, лучше сказать, о всѣхъ этихъ симптомахъ бѣдствій для того, чтобы вы знали, другъ мой, какую бѣдную больную примите вы. Но мы не будемъ съ вами говорить объ этомъ. Обращайтесь со мною сообразно этимъ признаніямъ, но не принуждайте меня возобновлять ихъ. Я вамъ сказала все; вы знаете глубину

моей души. Простите мнѣ, что я несчастлива и, въ особенности, не дѣлаю Гектора счастливымъ, какъ я обѣщала. Вы угрожали мнѣ четыре года тому назадъ, что вы воспользуетесь всѣми вашими правами, если узнаете, что я недостойна моихъ правъ, и что вылечите его вашей любовью отъ любви ко мнѣ. Не исполните этой угрозы, мой ангелъ! Гекторъ еще способенъ полюбить васъ.

«Но я сумасбродствую! вы не имѣете уже правъ на него. Мой крестникъ спасетъ меня отъ соперничества. Ахъ, какъ я буду любить этого милаго ребенка! Онъ вѣдь вѣрно будетъ милъ. Сыновья вообще похожи на матерей. Пусть мой Гекторъ будетъ похожъ на васъ, пусть онъ будетъ прекрасенъ какъ вы, пусть у него будетъ довольно нѣжности, чтобы любить и крестную и родную мать, потому-что я хочу привязаться къ нему и хочу, чтобы его ласки казались мнѣ ласками роднаго сына.

«Простите за это длинное письмо, за эту оправдательную записку. Въ этихъ страницахъ четыре года испытаній. Вотъ первое мое признаніе съ-тѣхъ-поръ, какъ я признавалась вамъ въ одинъ вечеръ, когда вы такъ сострадательно выслушали меня. Я это помню, какъ-будто это было вчера. Вы меня обняли, вы поклялись быть моей сестрой. Сдержите вашу клятву, Мари, и раздѣлимъ все, какъ сестры. Я отдамъ вамъ мои слезы, а вы отдайте мнѣ на время вашихъ дѣтей.

«Я забыла вамъ сказать, что уже нѣсколько недѣль меня мучитъ странное искушеніе—писать для себя журналъ моей жизни, моихъ стремленій и разочарованій. Но я такъ боюсь пристраститься къ этимъ изліяніямъ, мнѣ такъ нужно смиреніе, что до-сихъ-поръ я отказывалась отъ этого горделиваго удовольствія, которое еще болѣе воспламенило бы мое воображеніе.

«Притомъ, Гекторъ, уважая эту прихоть, былъ бы недоволенъ и огорчился бы, узнавъ, чѣмъ я занимаюсь тайно въ своей комнатѣ.

«Притомъ, было ли бы это дѣйствительнымъ утѣшеніемъ? Не было ли бы это скорѣе опасностью? Моя болѣзнь—болѣзнь всего моего поколѣнія, болѣзнь, которую я увидала и узнала въ

этомъ скептитическомъ философѣ, о которомъ я говорила вамъ прежде — анализъ. Вмѣсто того, чтобы жить, мы разбираемъ жизнь, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, мы критикуемъ дѣйствіе; я умираю и изучаю себя.

«Я принимаю обязательство серьёзно, то-есть весело провести у васъ время. Спѣшите же, моя красавица, выздоровѣть, чтобы мы могли много и долго гулять. Скажите мосьё Депрэ, что я ничего не понимаю въ желѣзодѣлательныхъ заводахъ, что я еще держусь воспоминаній о миѳологіи, о пещерахъ Вулкана, и что я разсчитываю брать у него уроки. А вы прикажите сдѣлать для меня передники, чтобы мой крестникъ не испортилъ моихъ платьевъ.

«Если вамъ нужна гувернантка, подумайте обо мнѣ. Я знаю по-англійски, учу на фортепьяно, исторіи и рукодѣлію; но не требуйте, чтобы я учила наукѣ жизни. Въ этомъ отношеніи я не учительница, а ученица.

«До свиданія, моя добрая Мари, моя кузина по родству, моя сестра по дружбѣ. Подумайте о моемъ письмѣ, разорвите его, сожгите, если находите его серьёзнымъ, сдѣлайте изъ него лодочку для вашей старшей дочери, если найдете, что оно не значитъ ничего.»

Гектору не нужно было читать этого письма. Не зная его выраженія, онъ подозрѣвалъ его смыслъ, и именно потому, что онъ предчувствовалъ эти признанія, желалъ онъ этого путешествія. Онъ зналъ, что Мари де-Сулень имѣла власть надъ его женой, и, несмотря на горестныя ощущенія, которыя должно было доставить зрѣлище молодой семьи госпожи Депрэ, въ картинѣ семейной жизни, гдѣ промышленный геній блисталъ возлѣ генія материнскаго, можно было почерпнуть совѣтъ благоразумія, урокъ труда и практической любви, урокъ, который не худо было заставить Полину понять. Желаніе баронессы де-Вилльморанъ пришло на помощь Гектору, и съ истинной радостью поблагодарилъ онъ свою жену, что она увѣдомила Мари объ ихъ пріѣздѣ.

День окончился приготовленіями. Это было первое отсутствіе изъ Парижа послѣ брака. Съ ребяческой дѣятельностью

запирали чемоданы, преувеличивали поклажу для путешествія въ шестьдесятъ льё. За нѣсколько минутъ до обѣда, Полинѣ, которая не велѣла никого принимать, принесли карточку. Пришла ея очередь покраснѣть.

— Вотъ, сказала она, смѣясь, Гектору:—это подъ-пару къ сегодняшнему письму.

Это была карточка Филиппа Лоаньона, который пріѣхалъ проститься съ барономъ и баронессой де-Вилльморанъ передъ своимъ отъѣздомъ. Нѣсколько встрѣчъ въ свѣтѣ и театрѣ, нѣсколько любезныхъ, но не короткихъ свиданій объясняли, не оправдывая его однако, вѣжливый поступокъ Филиппа. Онъ не былъ еще принятъ въ улицѣ Курсель. Полина, безъ ложнаго жеманства, но изъ скромности, не хотѣла приглашать его; а Гекторъ не хотѣлъ показать видъ, будто избѣгаетъ его, ни принять его съ великодушной поспѣшностью. Итакъ, съ нимъ оставались въ вѣжливыхъ, но не въ прямыхъ сношеніяхъ.

Однако, не присутствуя въ домѣ супруговъ, Филиппъ много разъ находился тамъ по воспоминанію, которое оба сохранили о немъ. У Полины въ глубинѣ души были, какъ горькій отстой отъ ея счастья, нѣкоторыя слова журналиста. Она думала о немъ болѣе, нежели хотѣла высказать. Онъ явился ей у госпожи де-Сент-Овидъ какъ сострадательный насмѣшникъ, какъ погибшій братъ, страдавшій прежде нея отъ горести, которой ей угрожаютъ. Притомъ онъ рѣзко объяснился ей въ любви, и какъ ни поглощена она была своею любовью, какъ ни благородна, какъ ни честна въ своемъ супружествѣ, она не могла не быть благодарна этому столь почтительному другу за его нѣжность. Она имѣла вмѣстѣ и тайный страхъ привлечь его, и желаніе увидѣть его, и мы знаемъ, что Гекторъ и Полина, для того, чтобы не допустить это имя и это воспоминаніе сдѣлаться важными между ними, говорили о немъ съ шутливой насмѣшливостью, которая скрывала серьёзную озабоченность.

— Зачѣмъ Лоаньонъ прислалъ намъ свою карточку? спросила Полина своего мужа.—Онъ прощается съ нами, когда никогда не былъ у насъ.

— Это просьба или упрекъ, сказалъ Гекторъ.—Я отвезу ему мою карточку, когда воротятся онъ и мы.

— Это, можетъ-быть, угроза, возразила Полина —Онъ колдунъ, которой является въ рѣшительныя эпохи для того, чтобы омрачить будущность какимъ-нибудь предсказаніемъ. Ты знаешь когда я видѣла его въ первый разъ! Какая ему нужда напоминать намъ о себѣ наканунѣ этого путешествія? Другъ мой, будемъ остерегаться. Это принесетъ намъ несчастье въ дорогѣ. Мы опрокинемся. Эта карточка предзнаменованія.

— Я не боюсь предзнаменованій, сказалъ Гекторъ:—и я сожалѣю, что Лоаньонъ не вошелъ къ намъ; мы простились бы съ нимъ безъ условій. Я чувствую къ нему симпатію; я читаю его статьи; у него есть талантъ; то, что ты сказала мнѣ о немъ, доказываетъ, что у него есть сердце. Всегда очень-пріятно находить эти качества въ своихъ друзьяхъ. Я убѣжденъ, что мы хорошо бы сошлись.

— Гекторъ, еслибъ ты захотѣлъ быть злымъ, ты имѣлъ бы неумолимый способъ сдѣлаться имъ.

— Какъ мнѣ надо за это взяться?

— Тебѣ стоило бы всегда такъ шутить.

— Я не шучу; если ты меня подзадориваешь, я увезу Лоаньона съ нами.

— О, довольно будетъ и того, чтобы принять его, когда мы воротимся! сказала Полина, которая послѣ этой маленькой стычки поспѣшила перемѣнить разговоръ.

XIX.

Депрэ былъ владѣлецъ желѣзодѣлательнаго завода въ долинѣ Верхней Марны. Получивъ степень адвоката, онъ, какъ столько другихъ, отдавалъ сначала невинности и преступленію зачатки ораторскаго таланта и юридическихъ свѣдѣній, безъ которыхъ и невинность и преступленіе очень могли бы обойтись. Но отецъ его, человѣкъ практическій, далъ простыть первому пылу и первому пустословію. Онъ согласился купить адвокатскую

мантію, которая не износилась, и послѣ одного торжественнаго засѣданія, въ которомъ его наслѣдникъ присудилъ къ смертной казни бѣдняка, который безъ помощи его краснорѣчія отдѣлался бы галерами, Депрэ умѣлъ воспользоваться этимъ разочарованіемъ. Онъ доказалъ своему сыну, что всѣ благородныя предпріятія имѣютъ свою горечь, напугалъ его еще подобными же случаями и, заставивъ его подписать просьбу о помилованіи его кліента, то-есть его жертвы, увезъ его на свой заводъ, а адвокатскую мантію подарилъ церковному сторожу.

Депрэ-сынъ послушался отца. Въ-сущности, онъ имѣлъ рѣшительное призваніе только къ охотѣ. Красивый собою, щеголь, любезникъ, умѣвшій звучно говорить обо всемъ, исполненный уваженія къ умственнымъ предметамъ и книгамъ, до которыхъ, слѣдовательно, онъ не дотрогивался никогда, сознавая преимущество денегъ, презирая утопію какъ кошмаръ нищеты, упорный консерваторъ, Депрэ-сынъ ласкалъ себя мысленно химерою быть когда-нибудь въ Палатѣ представителемъ интересовъ своего округа, съ которыми соединялись его собственные интересы.

Отецъ его сначала взялъ его къ себѣ въ помощники, потомъ наконецъ предоставилъ ему всѣ заботы и удалился въ маленькій замокъ за нѣсколько льё. Депрэ-сынъ, румяное и улыбающееся лицо котораго украшалось безподобными бакенбардами, былъ завидной партіей. Цѣлую зиму танцовалъ онъ въ Васси, въ Сен-Дизье и въ Шомонѣ съ богатыми невѣстами. Мари де-Сулень освободила его отъ этихъ брачныхъ преслѣдованій. Дэпрэ влюбился съ перваго взгляда; онъ понялъ, что Мари была чистѣйшимъ и совершеннѣйшимъ типомъ жены депутата и что она будетъ плѣнять несравненной граціей въ парижской гостиной. Нужно ли намъ говорить, что предложеніе было сдѣлано не подъ этимъ предлогомъ, или, лучше сказать, предложеніе было сдѣлано безъ всякаго предлога? Предложили и получили согласіе. Взаимныя выгоды были взвѣшены нотаріусомъ обоихъ семействъ. Контрактъ былъ подписанъ и бракъ заключенъ.

Мари никогда никому не разсказывала горесть и агонію своихъ дѣвическихъ грёзъ. Она кротко повиновалась волѣ своихъ

родителей. Депрэ казался ей хорошимъ человѣкомъ. Кромѣ кузена, она была равнодушна ко всѣмъ; она чувствовала себя вдовой и считала себя обязанной быть такъ же мало требовательной, какъ вдова. Еслибы она слушалась только тайнаго и отчаяннаго голоса, говорившаго ей изъ глубины сердца объ одиночествѣ, она не вышла бы замужъ, она чувствовала бы горестное удовольствіе остаться старой дѣвой. Но она думала безъ тщеславія, что бракъ ея необходимъ для брака Гектора; она была христіанка и ставила жертву выше любви. Она слушала терпѣливо любезныя фразы, которыя Гекторъ считалъ приличнымъ говорить ей два раза въ день впродолженіе двухъ недѣль, съ улыбающимся достоинствомъ примѣрила покрывало и подвѣнечный нарядъ, и если въ душѣ ея былъ часъ сѣтованія, то этотъ вопль поднялся къ Богу съ тайною молитвой. Мужъ не слыхалъ его и никогда не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія, ни сожалѣнія.

Материнство показалось госпожѣ Депрэ наградой и ободреніемъ. Послѣ перваго ребенка она нашла себя счастливой безъ усилій и безъ заслугъ. Колыбель, убранная кружевами, поставленная въ ея спальной черезъ годъ послѣ свадьбы, казалось ей окруженною лучезарнымъ блескомъ, и она почувствовала единственную истинную радость, которую не разочаровываетъ даже неблагодарность.

Притомъ Депрэ былъ очень-приличный мужъ. Богачъ, управляя важной промышленностью, видя на горизонтѣ блескъ парламентскихъ почестей, не чувствуя ни малѣйшей рытвины на песочной аллеѣ, которая вела его къ богатству и почестямъ, Депрэ, инстинктивно-добрый, не имѣлъ никакого предлога для того, чтобы не быть любезнымъ.

Мари любила его, если не той любовью, которая не повторяется, по-крайней-мѣрѣ, той доброй, горячей дружбой, которая нѣсколько-меньше идеальна и которая гораздо-болѣе годится для земли.

Заводъ Депрэ находился на берегу маленькой рѣчки, посреди зеленой долины, перерѣзанной высокими тополями и прекрасными лугами. Домъ, изящной и простой постройки, не домогавшій-

ся аристократическихъ притязаній зàмка, но превосходившій далеко домъ мѣщанскій, былъ выстроенъ недавно. Депрэ-отецъ довольствовался прежде поправленнымъ зданіемъ старой мельницы. Но сынъ его захотѣлъ выстроить свой монументъ. По совѣтамъ жены, удачное вліяніе которой перевѣшивало академическое вліяніе архитектора, Депрэ умѣлъ выстроить себѣ прекрасный домъ, удобный безъ безобразія и гармоническій безъ правильности.

Туда-то въ одно лѣтнее утро 1845 года прилетѣло письмо Полины Фукò, какъ подстрѣленная птица съ окровавленными крыльями. Мари только-что начала выходить изъ спальни; читая эти страницы, она не могла не затрепетать при этихъ признаніяхъ, которыя она ожидала, которыя она предчувствовала давно. Но скорый пріѣздъ Гектора и жены его не давалъ ей времени размышлять, какіе совѣты и какія утѣшенія должна она подать. Надо было все приготовить, чтобы принять гостей, и просить у дружбы быстрыхъ вдохновеній.

Мари ускорила свое выздоровленіе усиліемъ своей воли. Когда на другой день ей пришли сказать, что слышенъ колокольчикъ почтовыхъ лошадей, когда вихрь пыли въ концѣ длинной тополевой аллеи возвѣстилъ ей о пріѣздѣ путешественниковъ, она первая встрѣтила ихъ, издали махая своимъ зонтикомъ, и приняла ихъ, когда карета остановилась.

Полина выскочила изъ экипажа и бросилась къ ней на шею.

— Какъ! вы уже встали! Какая неосторожность! Или не обманули ли вы насъ?

— Вы увидите вашего крестника, отвѣчала Мари, опять цалуя Полину и протягивая руку своему кузену.

— Мы поспѣли къ крестинамъ? спросилъ Гекторъ.

Депрэ, съ нѣкоторымъ тщеславіемъ встрѣтивній парижанъ въ домашнемъ костюмѣ, какъ приличествовало владѣльцу желѣзодѣлательнаго завода, явился тотчасъ. Пріемъ его былъ простъ, дружелюбенъ, и, послѣ обычныхъ комплиментовъ, онъ сказалъ:

— Извините меня; мои занятія на заводѣ задержали меня все утро. Я не успѣлъ перемѣнить костюмъ. Притомъ, это эти-

кетъ; надѣюсь, что кузенъ дастъ мнѣ позволеніе, самъ одѣвшись, или, лучше сказать, раздѣвшись такимъ же образомъ.

Кузина улыбнулась, замѣтивъ бѣлыя и безукоризненныя руки своего кузена-кузнеца, и замѣтивъ, что изящный домашній костюмъ только-что вынутъ изъ шкапа и что складки даже еще не разгладились. Это неглижэ было приготовленнымъ кокетствомъ.

Прежде всего Полина захотѣла видѣть дѣтскую и обнять своего крестника Гектора. Она призналась, что находила его гораздо-красивѣе другихъ дѣтей Мари, захотѣла сама примѣрить на него чепчики, рубашки, всѣ кружевныя бездѣлушки, привезенныя ею.

Мари, смотрѣвшая на нее съ улыбкою, восхищалась ея ловкостью, особенно когда сама помогала ей. Малютка былъ объявленъ чудомъ изъ чудесъ; розовыя ножки его были найдены необыкновенными, руки баснословно-красивыми, и хотя онъ не видалъ и не слыхалъ ничего, Полина объявила, что у него преумное личико. Депрэ былъ точно такого же мнѣнія.

Ребенокъ хотѣлъ оправдать своихъ льстецовъ и раскричался.

— Онъ напоминаетъ намъ, что пора завтракать, сказалъ Депрэ, выводя съ собою Гектора.

Обѣ женщины остались однѣ. Мари взяла ребенка на руки, цѣломудренно раскрыла свой корсажъ и начала кормить голоднаго малютку.

Полина съ жадностью любовалась этой картиной.

— Какъ вы счастливы! сказала она, улыбаясь, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Это счастье угрожаетъ также и вамъ, кузина, возразила Мари.

— Ахъ, еслибъ я могла этому повѣрить! продолжала Полина. — Вы сожгли мое письмо?

— Нѣтъ, отвѣчала Мари: — мы поговоримъ о немъ.

— Надо вылечить меня, мой ангелъ, изъ состраданія ко мнѣ, изъ состраданія къ Гектору.

— Мы попробуемъ.

И во взорѣ госпожи Депрэ засіяло состраданіе. Послѣ зав-

трака пріѣзжіе захотѣли осмотрѣть заводъ во всѣхъ его подробностяхъ. Депрэ сдѣлался ихъ чичероне и не забылъ ничего, что давало доказательство его многочисленныхъ занятій.

— Вы видите, говорилъ онъ, показывая на огромные магазины, гдѣ навалена была домашняя утварь на нѣсколько милліоновъ: — я фабрикантъ чумичекъ и котловъ.

Когда вошли въ ту часть фабрики, гдѣ желѣзо растапливается, одинъ работникъ взялъ кирку и ударилъ нѣсколько разъ внизу гигантской стѣны; оттуда потекла кипящая лава и разлилась въ каналахъ, симметрически расположенныхъ.

— Какой любезный и вѣжливый волканъ! сказала Полина.

— И полезный, прибавилъ нравоучительно Депрэ: — я изъ этой лавы, кузина, сдѣлаю вамъ кострюлю.

— Не соглашаюсь, сказала баронесса де-Виллъморанъ: — оставьте мнѣ мою мечту, будто это кратеръ.

— Увы! это болѣе ничего, какъ печь! прибавилъ Гекторъ нѣсколько насмѣшливо.

— Ахъ, еслибы можно было превратить всѣ волканы въ фабрики, сказала Мари, улыбаясь: — у Везувія и Этны была бы также ихъ прекрасная сторона!

— Молчите, возразила Полина:—не отнимайте поэзіи у волкановъ и не внушайте другимъ отвращеніе къ нимъ.

— О! я не хочу ихъ гасить, продолжала Мари съ улыбкой, придававшей намекъ словамъ: — но я хотѣла бы, чтобъ огонь не сожигалъ безъ пользы и чтобы лава была полезна.

— Надо оставить волканы для безумства Эмпедокловъ, сказала Полина, которая поняла, взглянувъ на Гектора.

Остатокъ дня прошелъ въ прогулкахъ, въ разсказахъ, въ восхищеніи, возобновлявшемся каждый часъ троими дѣтьми, а въ особенности очаровательнымъ маленькимъ Гекторомъ. Обѣдъ былъ веселъ. Депрэ, желая показать, что если онъ покорился необходимости жить въ провинціи, то не прежде, какъ испытавъ парижскую жизнь, осыпалъ Полину любезностями.

Оба кузена условились ѣхать на охоту. Они должны были на другой день утромъ настрѣлять дичи къ крестинамъ. Цѣлый

день Полина была весела безъ ироніи и вечеромъ, оставшись одна съ мужемъ, спросила его:

— Зачѣмъ приходитъ пагубная мысль стараться искать любви въ городѣ? Не безпокойся болѣе о томъ, что со мною, Гекторъ. Я теперь знаю мою болѣзнь и хочу вылечиться отъ нея. Это Парижъ нагоняетъ на меня лихорадку. Природа—вотъ великая утѣшительница; голубое небо, зеленая трава—вотъ-что укрѣпляетъ!

— Берегись! отвѣчалъ Гекторъ съ улыбкой, нѣсколько-печальной: — небо не всегда бываетъ голубое, трава не всегда бываетъ зелена; пейзажъ непеременяющійся, волшебная декорація — это наше сердце.

— Ну, я чувствую, что сердце мое успокоилось! вскричала Полина съ энтузіазмомъ. — Я увидала опять мою соперницу, и люблю ее; я держала на рукахъ ея дѣтей, и сердце мое трепетало отъ радости. Останемся здѣсь какъ можно долѣе, и когда мы оставимъ этихъ друзей, спокойствіе которыхъ перешло ко мнѣ, купимъ какую-нибудь деревню для себя.

— У тебя вѣчно во всемъ крайности.

— О, какой холодный и положительный человѣкъ! весело вскричала Полина. — Какъ! эта жизнь на вольномъ воздухѣ не прельщаетъ тебя? Какъ! это забвеніе свѣта и его опасности не нагоняютъ на тебя упоеніе? Я сдѣлаюсь молочницей, фермершей, я хочу жить здѣсь, я умираю въ Парижѣ!

— Хорошо, будемъ жить здѣсь, просто сказалъ Гекторъ, не хотѣвшій бороться съ этой прихотью Полины: — но что скажетъ Лоаньонъ, если онъ будетъ отъискивать насъ когда воротится?

— Молчи! вскричала Полина съ лукавымъ гнѣвомъ, приложивъ руку къ губамъ мужа. — Теперь ты стараешься примѣшивать иронію ко всѣмъ моимъ радостямъ. Ты мнѣ напоминаешь, что пріятельница мосьё Филиппа, мадамъ де-Септ-Овидъ, терпѣть не могла деревню; видишь же, что я имѣю причины любить ее. Профаны не понимаютъ ее, но мы можетъ чувствовать ея чистыя наслажденія.

Гекторъ улыбнулся, но не настаивалъ. Онъ удивлялся уси-

ліямъ этой пылкой души, искавшей источниковъ сильныхъ ощущеній во всѣхъ случайностяхъ жизни. Но онъ не вѣрилъ продолжительности этихъ сельскихъ стремленій; онъ боялся преувеличить или ускорить разочарованіе противорѣчіемъ. Его постояннымъ изученіемъ было охранять вершины, на которыя всегда стремилась тревожная любовь Полины, и измѣрять бездны, въ которыхъ она могла ушибиться.

На другой день, на разсвѣтѣ, Гекторъ и Депрэ отправились на охотў. Они должны были находиться въ отсутствіи часть дня. Мари съ удовольствіемъ раздѣлила свои материнскія попеченія съ Полиной, и когда все было приведено въ порядокъ вокругъ трехъ кроватокъ, когда новорожденный спалъ, обѣ молодыя женщины сошли въ садъ, растворили щегольскую калитку, выходившую на лугъ, и сѣли на берегу рѣки, подъ плакучими ивами, располагавшими къ признанію.

— Какой странный цвѣтъ у этой воды! сказала Полина: — я этого не замѣтила вчера.

— Я думаю! Эта вода омываетъ каменный уголь для двадцати фабрикъ.

— Какъ жаль! сказала Полина.

— Напротивъ, другъ мой, поля не менѣе зелены, а ручей этотъ приноситъ пользу.

Наступило молчаніе. Онѣ сѣли на траву.

— Какъ вы счастливы! не-правда-ли, Мари?

— Да, я счастлива, отвѣчала госпожа Депрэ, поднявъ свои прекрасные глаза къ небу.

— Но еслибы у васъ не было дѣтей?

— Я, безъ-сомнѣнія, не знала бы радостей безконечныхъ, но все-таки была бы счастлива.

— О, можетъ-быть!

— Счастье, моя милая Полина, не есть результатъ семейнаго или общественнаго положенія, оно все заключается въ обязанности. Я не горжусь, когда говорю это. Обязанность размѣряется съ нашими силами. Моя обязанность—быть внимательной къ интересамъ и благосостоянію моего мужа, смотрѣть, чтобы у него въ домѣ все было въ порядкѣ, показывать ему

всегда улыбающееся лицо и заставлять его гордиться его дѣтьми.

— Это обязанность ключницы, а совсѣмъ не обязанность любовницы и супруги.

Мари покраснѣла, по отвѣчала:

— Я васъ не понимаю.

Полина молчала и цѣлую минуту отъискивала косвенный намёкъ, чтобы заставить себя понять и не оскорбить стыдливость этой матери.

— Я не хочу вспоминать прошлыхъ горестей, сказала она наконецъ ласковымъ голосомъ, взявъ Мари за обѣ руки:—но, другъ мой, когда вы вышли замужъ, вы не любили мосьё Депрэ?

— Я не любила никого, перебила Мари съ живостью. — Я оставила въ Парижѣ тѣ обманчивыя мечты, которыя Парижъ далъ мнѣ. Не считайте меня нечувствительнѣе всякой другой, но я заглушила разсудкомъ обманчивыя надежды. Я плакала, я молилась, и когда Депрэ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, я дала клятву думать только о немъ. Я сдержала слово, и съ-тѣхъ-поръ была готова для счастья...

— Это значитъ, что вы не любили Гектора.

— Вамъ ли говорить мнѣ это, Полина? Не будемъ сравнивать нашу любовь. Изъ своего сердца всегда можно искоренить чувство, неимѣющее будущности. Только гордость внушаетъ намъ отчаяніе. Смиреніе приводитъ къ безропотности. Въ этомъ свѣтѣ, гдѣ смерть—законъ непреложный, гдѣ всегда переживаешь кого или что-нибудь, жизнь не имѣла бы цѣли, еслибъ закрывающаяся могила заключала и насъ въ нее. Когда теряешь друга, теряешь обманчивую мечту, утѣшаешься въ потерѣ ихъ при мысли, что въ вѣчности можно ихъ найти опять.

— Вы говорите какъ какой-нибудь аббатъ, сухо сказала Полина.

— Я говорю какъ женщина. Наше призваніе состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать удовольствіе себѣ, но дѣлать удовольствіе другимъ; самоотверженіе налагаетъ обязанность, которая занимаетъ всю жизнь и довольствуется сама собой. Недовольныя сердца бываютъ только у эгоистовъ.

— Развѣ я эгоистка? вскричала Полина.—Я брошусь въ вашу раскаленную печь для Гектора, я живу только для того, что-

бы любить его, и если хочу быть любимою, то затѣмъ, чтобы любить его еще болѣе!

— У васъ душа героическая—я это знаю. Но горести вашей молодости возбудили въ васъ обидчивость и сомнѣнія, которыя отравляютъ всѣ ваши радости. Вы презираете жизнь, а требуете отъ нея обманчивыхъ мечтаній! Раздѣлите вашу жизнь на двѣ части, другъ мой, сохраните это художническое воображеніе, но храните его какъ въ святилищѣ, и старайтесь жить жизнью всѣхъ. Напрасно будете вы жаловаться, вы имѣете всѣ элементы прочнаго счастья: мужа преданнаго, съ умомъ справедливымъ, съ разсудкомъ твердымъ. Вамъ недостаетъ только излишества, на которое можно надѣяться всегда.

— Да, вы говорите правду, возразила Полина со вздохомъ и ироніей: — мужъ у меня благоразумный, домашняя жизнь спокойная. Болѣе ничего не нужно для семейнаго блаженства. Но разсудокъ моего мужа не всегда бываетъ со мной. У меня остаются незанятые часы... Эти-то размышленія и пугаютъ меня и растворяютъ мнѣ бездны.

— Не допускайте себя думать безъ цѣли.

— Вы видите, что вы говорите со мною какъ аббатъ, мой добрый другъ, а я боюсь за себя, возразила баронесса де-Вилльморанъ, качая головой и задумавшись: — когда вижу, что всѣ берутъ жизнь какъ она есть, а я все злословлю ее! Не-уже-ли я не создана для правильной, нормальной жизни? Не-уже-ли есть бѣдныя женщины, гибельно предназначенныя для борьбы? Эта скука, которую я чувствую, это разочарованіе, которое я нахожу въ исполненіи обязанности, не-уже-ли признакъ неудавшагося призванія?

— Не говорите этого, другъ мой, перебила Мари. — Ваша единственная вина состоитъ въ томъ, что вы сосредоточиваете весь пылъ вашей души на одномъ пунктѣ, а не оживляете этимъ пыломъ жизни и не разливаете его на всѣ ваши поступки. Вы живете только однимъ. Вы хотите быть любимой слишкомъ-много и сами любите такъ же. Нельзя, чтобы мужъ всегда любовался нами, или чтобы мы всегда любовались имъ. Любовь—это мольба, возвышеніе души. Надо иногда спускаться на

землю, другъ мой, хотя бы затѣмъ, чтобы устремиться потомъ выше. Но мольба безъ поступковъ безплодна. Любовь недѣйствующая искренна ли?

— Но что̀ такое поступки?

— Это практическая жизнь, это гостиная и кухня, это умъ, приспособленный къ разговору и къ варенью.

— Вы хотите мнѣ доказать, что я была бы спасена, еслибъ сама занималась стиркой, сказала Полина презрительно и взволнованнымъ голосомъ: — конечно, я виновата въ томъ, что не промѣняю мою любовь на штопанье чулокъ.

— Вотъ опять крайности!

— Перестанемъ, Мари, разсуждать... Вы обратите меня лучше примѣромъ, нежели урокомъ. Позвольте мнѣ видѣть васъ, любоваться вашимъ хозяйствомъ, вашими дѣтьми. Можетъ-быть, я разгадаю мою тайну, изучая васъ. Слушая васъ, мнѣ больно, глядя на васъ, я прихожу въ восторгъ. Поцалуйте меня, кузина, и болѣе не читайте мнѣ правоучецій.

— Вы чувствуете, что вы поколебались, моя милая, сказала Мари, цалуя ее.—Вотъ почему вы не хотите болѣе слушать меня. Обращеніе скоро придетъ!

— Я не знаю, буду ли обращена къ разочарованію, но я счастлива здѣсь. Вы, безъ-сомнѣнія, придаете благоуханіе природѣ, потому-что она упоеваетъ меня. Я прощаю этой рѣкѣ, что она грязна и мутна. Вода должна быть желтая, не-такъ-ли?

— У воды нѣтъ цвѣта, сказала госпожа Депрэ, восхитительно-нравоучительнымъ тономъ: — она заимствуетъ свой оттѣнокъ у полей, которыя она орошаетъ, отъ услугъ, которыя она оказываетъ. Судьба женщины такова же. Я, какъ рѣка, несу немножко ледъ, омываю каменный уголь. Вы, моя прелестная кокетка, хотите только поливать цвѣты на пути вашемъ и остаться прозрачной какъ хрусталь; покоряйтесь закону береговъ и теките впередъ. Мы всѣ впадаемъ въ одинъ и тотъ же океанъ.

— Вы становитесь поэтической, моя милая, сказала Полина, вставая.

— Это для того, чтобы доказать вамъ, что поэзія не умираетъ въ супружествѣ. Но за мною пришли. Моя третья *поэма*,

безъ-сомнѣнія, проснулась и проситъ кушать. Пойдемъ, заставимъ ее замолчать.

XX.

Полина и Мари не начинали снова разговора на берегу рѣки; онѣ не могли понять другъ друга.

Полина говорила о *страсти,* Мари говорила о *долгѣ.* И та и другая искренно искали невозможнаго примиренія этихъ двухъ крайностей. Баронесса де-Вилльморанъ, по странной обидчивости, находила, что ея кузина слишкомъ-легко покорилась необходимости лишиться Гектора. Она видѣла въ этой жертвѣ какое-то презрѣніе къ своему собственному выбору и оскорбленіе для нея самой. Она предпочла бы имѣть въ ней соперницу и лучше любила Мари въ тотъ вечеръ признаній, когда онѣ встрѣтились на лѣстницѣ. Но это мѣщанское счастье, такъ скоро наступившее, такъ скоро принятое, этотъ бракъ по приличію, доставившій спокойствіе обоимъ супругамъ, эта офиціальная привязанность, подразнивавшая ея любовь—все раздражало ее, обвиняя ее въ винѣ, въ которой она не признавалась, когда обстоятельства какъ-будто упрекали ее.

Мари Депрэ, съ своей стороны, чувствовала менѣе сочувствія, чѣмъ ужаса, къ этой повелительной, ненасытной любви, которая все тщеславилась, все воспламенялась, бросала безпрерывный вызовъ свѣту и хотѣла жить внѣ вдыхаемой атмосферы. Ее стѣснялъ этотъ лихорадочный пылъ; она спрашивала себя, любовь ли это, не обманывала ли Полина самое себя, и не была ли эта мнимая страсть только утопіей гордости?

Эти размышленія, натурально, заставляли Мари тихо жалѣть о Гекторѣ и наблюдать надъ нимъ съ самымъ зоркимъ вниманіемъ. Но де-Вилльморанъ былъ безстрастенъ. На губахъ его постоянно была улыбка. Едва, подстерегая за нимъ съ проницательностью преданной души, можно было уловить иногда сжатіе губъ, трепетъ рѣсницъ, быструю блѣдность, болѣе тревожный взоръ. Мари старалась проникнуть въ его мысли. Въ-осо-

бенности она подавала ему его крестника, чтобы онъ поцаловалъ его, такимъ образомъ, который былъ бы жестокъ, еслибъ не былъ побужденіемъ безграничной дружбы.

Гекторъ сохранилъ свою тайну. Онъ былъ всегда одинаково любезенъ, позволяя себѣ только иногда какую-нибудь безвинную иронію, которая служила только подлиннымъ доказательствомъ свободы его ума и старалась непримѣтно измѣрить бездну, расширявшуюся въ сердцѣ Полины. Онъ былъ снисходителенъ, спокоенъ, и въ этомъ спокойствіи не выказывалось героизма, потому-что героизмъ былъ совершенный и его усилія казались естественными.

Крестины были семейнымъ праздникомъ. Полина молилась набожно въ деревенской церкви. Мари нѣжно поцаловала ее за это.

— Благодарю, сказала она ей: — вы будете причиной, что я стану баловать этого новорожденнаго. Я хочу любить въ немъ васъ.

— Родная мать, отвѣчала Полина меланхолически: — преодолѣетъ вліяніе крестной матери. Онъ будетъ счастливъ, потомучто онъ вашъ сынъ.

— Онъ принадлежитъ не мнѣ одной, а всѣмъ намъ, возразила госпожа Депрэ: — и если я умру, кузина, вы будете принуждены служить ему матерью.

— Я не хочу объ этомъ и думать, сказала баронесса де-Виллльморанъ.

— Я тоже не хочу, чтобы вы думали объ этомъ, возразила Мари. — Я надѣюсь прожить такъ долго, что успѣю воспитать милаго Гектора.

На обѣдъ приглашены были сосѣди, торговцы лѣсомъ, владѣльцы заводовъ. Госпожа Депрэ угощала своихъ гостей съ нѣсколько-томной граціей. Одѣтая со вкусомъ, но принужденная, для удовлетворенія требованій новокрещеннаго, надѣть приличный для того тоалетъ, она имѣла какую-то прелесть и какое-то изящество, которыми обязана была себѣ самой, а не модѣ. Полина наивно восхищалась ею, но не всегда приносила себя въ жертву ея торжеству: она была также хороша по-своему; управляя разговоромъ съ ослѣпительной живостью, она сыпала

остротами, непремѣнно желая оставить въ воображеніи собесѣдниковъ воспоминаніе о метеорѣ. То кокетливая, то простая, приступая ко всѣмъ предметамъ съ авторитетомъ и искусствомъ профессора или управляя парадоксами съ быстротою парижанки, скрывая свое невѣдѣніе, она вскружила голову всѣмъ.

Депрэ, въ-особенности хотѣвшій прослыть знатокомъ и доставившій своимъ гостямъ этотъ праздникъ ума, былъ восхищенъ до восторга. Онъ пилъ за здоровье крестной матери, и такъ-какъ сидѣлъ возлѣ нея, то передавалъ ей свой восторгъ въ вѣжливыхъ выраженіяхъ, нѣсколько болѣе-любезныхъ нежели слѣдовало можетъ-быть.

Полина улыбалась своему успѣху и не тщеславилась имъ. Но ей казалось, что Депрэ не опомнился еще отъ упоенія своего уваженія и продолжалъ смотрѣть на нее съ искрами въ глазахъ, которыя ночь имѣла бы время погасить. Онъ придавалъ своему поклону совершенно-особенное выраженіе, бралъ ее за руку, здороваясь съ нею утромъ, съ энергіей, которая была бы груба, еслибъ не обнаруживала энтузіазма.

Послѣ этого обѣда, Депрэ, казалось, менѣе дорожилъ своимъ достоинствомъ владѣльца желѣзодѣлательнаго завода, а припоминалъ охотнѣе нѣсколько пренебреженныя заслуги дэнди. Хотя онъ былъ мужемъ превосходной музыкантши, онъ примѣтилъ, что обладаетъ удовольствіемъ имѣть фортепьяно въ деревнѣ, только когда Полина согласилась играть или пѣть. Онъ самъ отважился спѣть романсъ. Когда онъ былъ адвокатомъ, онъ имѣлъ довольно-хорошій баритонъ. Онъ представилъ Гектора обществу охотниковъ, устроилъ съѣзды, на которыхъ всегда мѣшали ему присутствовать нетерпящія отлагательства дѣловыя свиданія; но онъ припоминалъ эти свиданія всегда въ минуту отъѣзда. Гекторъ, давшій слово, уѣзжалъ одинъ. Депрэ оставался дома, проводилъ часъ въ своемъ кабинетѣ, потомъ, вмѣсто того, чтобы отправляться къ охотникамъ, оставался съ дамами или предлагалъ сопутствовать имъ въ прогулкахъ. Угождая женѣ, которая объявляла его самымъ вѣжливымъ мужемъ, онъ пользовался этимъ законнымъ аттестатомъ, чтобы получить другой отъ своей кузины, и не переста-

валъ приставать къ ней съ просьбами, чтобы и она также согласилась найти его вѣжливымъ, любезнымъ, очаровательнымъ.

Полина, проникнувъ насквозь эту дипломацію, сначала захотѣла весело участвовать въ этой невинной игрѣ; она даже въ первый вечеръ сама разсказала объ этомъ мужу. Она не видала никакой опасности ни для себя, ни для Мари въ этой страсти къ сентиментальному браконьерству, которое овладѣло Депрэ. Полина не была избалована лестью. До-сихъ-поръ любовь Гектора была молчалива и серьёзна; странная страсть Филиппа была открыта ей грубо; это же воркованье, перемѣшанное съ огромными букетами, эта элегія, заимствовавшая у скромной деревенской фамильярности привлекательность и извиненіе, улыбнулись ей какъ новизна.

Она хотѣла посмѣяться надъ этимъ молодымъ отцомъ семейства, который пытался сдѣлаться невѣрнымъ обожаемой матери его троихъ дѣтей, и, желая разсѣяться отъ серьёзной озабоченности, волновавшей ее, отвѣчала такимъ же слогомъ, вздыхая въ діэзномъ тонѣ, когда Депрэ вздыхалъ въ бемольномъ, попадая въ сѣти, которыя онъ ей разставлялъ съ простодушнымъ лукавствомъ, не пренебрегая цвѣтами, которые онъ срывалъ для нея, и находя восхитительными фрукты, которые онъ предлагалъ ей.

Мы не хотимъ подвергать строгому сужденію героиню, которая стóитъ намъ уже столькихъ усилій, чтобы не уронить ее въ уваженіи читателя, и характеръ Полины Фукэ слишкомъ уже не подходитъ къ обыкновенному сочувствію, которое хочетъ только совершенной жертвы, героинь безукоризненныхъ, добродѣтели непоколебимыя, колоритъ безъ тѣней, для того, чтобы мы рисковали обвинить ее въ хитромъ кокетствѣ и въ злыхъ намѣреніяхъ.

Многія дамы, не вооружившіяся еще палками для того, чтобы прогонять обожателей, обвинили бы Полину за то, что она принимала обожаніе Депрэ даже для того, чтобы насмѣхаться надъ нимъ, и нашли бы безнравственнымъ, что она хотѣла попробовать прочность супружескаго счастья своей пріятельницы, притворяясь, будто отвѣчаетъ этому неожиданному обожателю.

Ничто не можетъ и ничто не должно помѣшать намъ однако сказать, что Полина, безъ всякой злости, безъ всякаго серьёзнаго вѣроломства, была не прочь—можеть-быть, даже не давая себѣ отчета въ этомъ чувствѣ—испытать прочность домашняго спокойствія, которое она пріѣхала изучить и которому завидовала. Она была увѣрена, что не поддастся искушенію, но хотѣла бы, чтобъ ее искушали, и въ-особенности ей хотѣлось посмѣяться надъ искусителемъ. Депрэ составлялъ часть того опыта, того изученія, которые она задала себѣ. Ей хотѣлось, словомъ, принести въ жертву славѣ Гектора этого честолюбиваго волокиту, который присвоилъ уже себѣ плоды супружескіе и добивался еще плодовъ запрещенныхъ.

Нужно ли намъ, впрочемъ, представлять столько объясненій? Полина хотѣла пококетничать. Храбрая передъ опасной серьёзностью, она любила дразнить опасности мнимыя, она играла бы огнемъ, она бы боязненно забавлялась сѣрной спичкой. Пусть та изъ парижанокъ, которая не кокетка, броситъ въ нее первый камень!

Эти продѣлки не были преступленіемъ противъ гостепріимства; любезный хозяинъ, восхищаясь, что нашелъ ободрительный пріемъ въ улыбкѣ этой парижанкѣ съ такимъ изящнымъ умомъ, не полагалъ болѣе границъ своимъ надеждамъ и удвоилъ свои обольщенія. Онъ повѣсилъ въ шкапъ домашнее неглиже и надѣвалъ перчатки, когда расплачивался съ работниками. Полевой цвѣтокъ постоянно сіялъ въ его петлицѣ, дожидавшейся ордена.

Мари восхищалась за каждымъ обѣдомъ безукоризненнымъ костюмомъ своего мужа и осыпала его похвалами, нагонявшими яркій румянецъ на щеки виновнаго. Полина улыбалась и иногда предлагала Гектору въ образцы щегольство его кузена. Гекторъ признавалъ себя побѣжденнымъ.

Не надо думать, впрочемъ, чтобы страсть Депрэ имѣла требованія, противныя изящнымъ искусствамъ; онъ былъ терпѣливъ, потому-что былъ доволенъ собой. Каждый знакъ благосклонности Полины доставлялъ ему торжество, радость и наслажденіе,

которыя длились нѣсколько дней. Однако, его хорошее мнѣніе о себѣ самомъ укрѣплялось, пріобрѣтало мнимыя права. Чѣмъ болѣе онъ восхищался собою, тѣмъ болѣе воображалъ, что имъ восхищаются, и наконецъ получилъ такое полное обожаніе къ себѣ, что ему начало казаться, что противъ него уже устоять не можетъ никто.

Какъ добиться отъ Полины рѣшительнаго признанія, категорическаго объясненія? Кокетка позволяла пожимать себѣ руку, казалось, понимала двусмысленности, которыя Депрэ говорилъ при ней; но всѣ эти ничтожныя благосклонности могли быть обманчивы, и владѣлецъ желѣзодѣлательнаго завода хотѣлъ наконецъ узнать окончательно все.

Случаи, какіе злой геній домашняго счастья умѣетъ доставлять лукавымъ измѣнникамъ, позволилъ наконецъ Депрэ покуситься на испытаніе.

Въ одинъ вечеръ сидѣли въ гостиной послѣ очень жаркаго дня; всѣ были погружены въ задумчивость и уважали безмолвіе, которому тишина и красота почи придавали таинственную привлекательность. Гекторъ держалъ журнулъ, который уже больше не читалъ. Мари, сидѣвшая за фортепьяно, время-отъ-времени дотрогивалась пальцами до клавишъ и вызывала звукъ, тотчасъ же заглушаемый, какъ бы боясь разбудить дѣтей.

Полина сидѣла у окна и любовалась великолѣпнымъ небомъ. Листья и цвѣты въ саду казались будто изъ серебра. Лугъ, простиравшійся далеко, казался озеромъ отъ блѣднаго сіянія луны. Въ глубинѣ долины, съ чуднымъ контрастомъ, огонь завода бросалъ къ небу пылающія искры, казавшіяся кратерами въ этомъ пейзажѣ Ваттò. Полина томно любовалась этой нѣжной и грандіозной картиной. Она искала въ ней гармоніи для своей души, символа. Эти горящіе уголья, примѣшивавшіеся къ меланхолическому пейзажу, не могли ли сравниться съ ея пылкой и тревожной мыслью, которая всегда зажигала горизонтъ ея грёзъ? Она спрашивала у природы тайну своей судьбы. Была ли она создана для спокойствія? Волненіе, которое она чувствовала, происходило ли отъ скуки, или отъ успокоенія?

Должна ли она была желать жить, или умереть въ испареніяхъ, проникавшихъ ее со всѣхъ сторонъ?

Со вздохомъ отошла она отъ окна.

— Вы уходите? сказала Мари, видя, что она идетъ къ двери.

— Да, мнѣ хочется ходить, гулять. Какая прекрасная ночь! Горе тѣмъ, кого она не утѣшаетъ!

— Я не смѣю идти съ вами, возразила Мари:—садъ запрещенъ мнѣ вечеромъ. Я боюсь сырости. Мать и кормилица не имѣетъ права дѣлать неосторожности.

— Я ничѣмъ не рискую, сказала Полина печально:—но я благодарю васъ. Я не боюсь одиночества, я его желаю. Кто меня любитъ, тотъ пусть не идетъ со мной.

— Повинуюсь запрещенію, сказалъ Гекторъ.

Депрэ, съ проницательностью влюбленнаго, сказалъ себѣ, что подобное запрещеніе не относится къ нему. Черезъ нѣсколько секундъ послѣ того, какъ Полина ушла, онъ самъ вышелъ изъ гостиной и, сдѣлавъ видъ, съ маккіавелизмомъ дебютанта, будто остался на крыльцѣ раскурить сигару, украдкой спустился въ аллею сада, рѣшившись встрѣтиться съ баронессой де-Виллъморанъ и получить отъ нея отвѣтъ, окончательное обязательство.

Полина въ эту минуту совсѣмъ не думала о Депрэ; она совсѣмъ не думала ни о комъ на этомъ свѣтѣ. Взволнованная этой серебристой ночью, она изливала изъ своего сердца безъименную горесть, наполнявшую его; она чувствовала себя несчастной, сама не зная, отъ какого несчастья; она шла медленно по саду, произнося время-отъ-времени безсвязныя слова, восхищаясь окружавшимъ ее видомъ и подавленная драмой, смутно волновавшейся въ ней.

На конецѣ аллеи, на самомъ отдаленномъ пунктѣ отъ дома, обходя кустъ сирени, Полина наткнулась на Депрэ, который, какъ искусный тактикъ, разсчиталъ самое благопріятное мѣсто для встрѣчи.

— Какъ вы меня испугали! сказала она, отступая назадъ, но шутливымъ тономъ, который доказывалъ, что она совсѣмъ не испугалась и сказала это такъ, не придумавъ ничего другаго.

— Не-уже-ли? спросилъ любезно Депрэ: — а я совсѣмъ не страхъ хотѣлъ бы вамъ внушить!

— Въ-самомъ-дѣлѣ? возразила баронесса де-Вилльморанъ, которую этотъ отвѣтъ вывелъ изъ задумчивости:—помню: вы имѣете что-нибудь сказать мнѣ, не-правда-ли? Вы дѣлали мнѣ знаки сегодня вечеромъ. Дѣло идетъ о какомъ-нибудь секретѣ, можетъ-быть, о сюрпризѣ для Мари?

— Дѣло идетъ точно о секретѣ, отвѣчалъ Депрэ:—но такъ-какъ это секретъ, то мы должны знать его только двое.

— Для бо̀льшей вѣрности не оставить ли вамъ этотъ секретъ при себѣ одномъ?

И Полина хотѣла продолжать свою прогулку. Она была нерасположена кокетничать. Но самодовольный Депре не обратилъ на это вниманія.

— О, не уходите, кузина, не выслушавши меня! Я буду думать, что вы меня ненавидите, или, какъ вы сейчасъ сказали, боитесь меня.

— Я васъ не ненавижу, кузенъ, сказала Полина:—и не боюсь васъ.

Это было сказано развязнымъ тономъ, который совершенно обманулъ Депрэ. Онъ услыхалъ только отвѣтъ, но не понялъ тона, который дѣлалъ изъ этихъ словъ насмѣшку.

— Не-уже-ли это правда? спросилъ онъ со вздохомъ.

— Конечно, кузенъ, и, чтобы доказать вамъ это, я возьму васъ подъ руку. Будемъ гулять и разговаривать. Что̀ вы имѣете сказать мнѣ? Посмотримъ! Скажите въ двухъ словахъ.

— Въ двухъ словахъ! Какъ вы торопитесь! пролепеталъ влюбленный фабрикантъ:—Это не легко сказать!

— Вы думаете? Попробуйте, кузенъ.

И въ голосѣ Полины была такая привлекательность, что Депрэ задрожалъ отъ надежды.

— Вы меня любите, не-правда-ли? Вотъ это великая тайна! продолжала Полина.

— Да, подтвердилъ Депрэ, схвативъ руку Полины, и хотѣлъ поднести ее къ губамъ.

— И я также люблю васъ, кузенъ, отвѣчала Полина съ до-

стоинствомъ, высвободивъ свою руку и отступивъ на два шага.

— О, еслибъ я могъ этому повѣрить!

— Вѣрьте! Да, я васъ люблю! васъ, вашу жену, вашихъ троихъ дѣтей, и я удивляюсь, что вы дожидали этого луннаго сіянія для того, чтобы удостовѣриться въ этомъ!

Полина смѣялась.

— Но это не то, возразилъ задыхающимся голосомъ Депрэ, который ободрялся и видѣлъ притворство въ отступленіи Полины:—вы говорите о дружбѣ, а я о любви.

Полина подняла къ небу взглядъ, блиставшій презрѣніемъ, какъ бы для того, чтобы взять его въ свидѣтели комедіи, которую она хотѣла разъиграть съ этимъ невѣрнымъ мужемъ, и лжи, которая присутствовала въ этомъ спокойномъ супружествѣ, которому она такъ завидовала.

— Итакъ, вы не любите болѣе вашей жены? спросила она вдругъ, ставъ прямо противъ Депрэ:—и вы любите меня?

— Дѣло идетъ не о моей женѣ. Конечно, я ее уважаю, но между нею и вами столько разницы! Ахъ, повѣрьте, только теперь понимаю я любовь!

— Только теперь начинаю я сомнѣваться въ этомъ, сказала строго баронесса де-Виллъморанъ.—Кто заслуживаетъ вашей преданность, если не это удивительное созданіе, которое опять сдѣлало васъ отцомъ и которое гораздо-лучше меня, повѣрьте!

— Не будемъ разсуждать о достоинствахъ, возразилъ Депрэ.—Я васъ люблю—вотъ моя причина! Это ваша вина; не вамъ упрекать меня въ этомъ.

— Эта моя вина, если вы обманываете самую праведную изъ женщинъ? Это моя вина! Но не-уже-ли вы думаете, что я способна помогать вамъ въ этой измѣнѣ? Нѣтъ! Я могла смѣяться надъ вашими любезностями, забавляться какъ игрой вашимъ обожаніемъ послѣ десерта, но болѣе ничего не было въ этомъ съ моей стороны. Я не хочу сердиться, кузенъ, за чувство, которое воспользовалось родствомъ, чтобы развиться. Я принимаю это объясненіе какъ шутку... Не извиняйтесь передо мною! дайте мнѣ руку, я вамъ прощаю, и поговоримъ о другомъ.

— Но это дѣло серьёзное, возразилъ Депрэ, чувствовавшій

себя способнымъ къ глупостямъ, еслибы его вывели изъ-себя:—я васъ люблю, я хочу опять сказать вамъ это!

— Ну, скажите мнѣ это три, четыре, десять разъ, и чтобы болѣе не было рѣчи объ этомъ, вскричала Полина, пожимая плечами:—но вы не принудите меня отвѣчать вамъ!

— Какъ вы жестоки!

— Къ кому, кузенъ? развѣ къ моему мужу, честь котораго я защищаю, или къ вашей женѣ, счастье которой охраняю, или къ вамъ, когда завтра сами же вы будете стыдиться этой глупости? Въ этой гостиной, гдѣ намъ слѣдовало бы быть, есть два сердца, гораздо-совершеннѣе нашихъ, которыя были созданы для того, чтобы понять и любить другъ друга. Они предпочли бы всѣ человѣческія горести безславію измѣнить намъ, и вы предлагаете мнѣ вдвойнѣ оскорбить эту чету! Ступайте искать себѣ другую сообщницу! Мари пожертвовала мнѣ своей любовью; я умру не расплатившись съ нею, потому-что, отвергнувъ васъ, я не сдѣлаю ей жертвы въ мою очередь.

— Почему знать? сказалъ Депрэ, не знавшій, что придумать, и чувствуя себя оскорбленнымъ до самой глубины своего тщеславія:—почему знать? не пользуются ли эти два добродѣтельныхъ существа свиданіемъ глазъ-на-глазъ, которое мы предоставили имъ?

— Молчите! вскричала Полина:—вы ужасаете меня! Еслибъ Мари могла подозрѣвать подобную клевету, она умерла бы отъ горя. О мужчины!

— Ахъ, Боже мой! я только сдѣлалъ одно предположеніе, сказалъ Депрэ ироническимъ тономъ.

— Это предположеніе не показываетъ мужества, возразила баронесса де-Виллььморанъ:—и оно могло имѣть другую опасность, кромѣ клеветы. Что было бы со мною, когда я не имѣю наклонности къ утѣшенію, которое вы предлагаете мнѣ, еслибъ я была способна вѣрить вамъ?

Полина не насмѣхалась болѣе; ею овладѣлъ лихорадочный гнѣвъ и новое безпокойство волновало ее.

Она вдругъ замолчала. Вѣтерокъ, разносившійся по гостиной, открытой съ обѣихъ сторонъ, разливалъ въ саду гармоническіе

отрывки. Мари пѣла. Этотъ голосъ, столь свѣжій и столь чистый, умѣрявшій свой звукъ изъ материнской предосторожности, протестовалъ такъ выразительно, что Депрэ сдѣлалось стыдно, и Полина, совершенно сжалившись надъ нимъ, повернулась къ нему спиной, не желая продолжать разговора.

— Одно послѣднее слово! вскричалъ Депрэ: — простите ли вы мнѣ?

— Ахъ, не меня одну оскорбили вы!

— Отъ васъ одной хочу я прощенія.

— Ну да, я прощаю вамъ, потому-что вы не знаете, что̀ сдѣлали. Но такъ-какъ вы способны опять приняться за прежнее, я уѣду завтра.

— Уже!

— Мнѣ стоитъ только опять пококетничать. Это опасная игра. Я отказываюсь отъ нея.

— Вы признаетесь смѣясь въ истинной винѣ, сказалъ сентиментальный Депрэ:—потому-что вы поощряли мою любовь.

— А мнѣ кажется, что я отнимаю отъ нея надежду настолько, чтобы возстановить равновѣсіе. Это правда: я хотѣла видѣть сколько было честности, прочности въ торговомъ обязательствѣ, которое вы приняли на себя, любить Мари. Увы! мнѣ слишкомъ-хорошо удалось, потому-что, желая найти васъ смѣшнымъ, я нашла васъ гнуснымъ!

— Милостивая государыня! сказалъ Депрэ величественнымъ тономъ.

— Какъ! вы сбираетесь меня ненавидѣть! Я очень этого желаю.

— Ахъ, вы демонъ! вскричалъ бѣдный владѣлецъ желѣзодѣлательнаго завода, топнувъ ногою и скрестивъ руки на груди, какъ бы для того, чтобы вколотить туда свое сердце, выпрыгнувшее оттуда.

— Было бы непростительно принести мнѣ въ жертву ангела, возразила Полина, которая сдѣлала ему реверансъ и ушла къ дому.

Мари все сидѣла за фортепьяно; Гекторъ подошелъ къ ней; онъ сѣлъ и наклонился, какъ бы продолжая разговомъ шопо-

томъ. Госпожа Депрэ была задумчива, и хотя она пѣла время-отъ-времени, но печально наклоняла голову. Луна, проникавшая въ дверь и въ открытыя окна, освѣщала эту картину настолько, что Полина, воротившись, могла уловить всѣ подробности. Ее уязвило въ сердце подозрѣніе. Глупыя слова Депрэ пришли ей на память. Если Гекторъ и Мари... Но нѣтъ, эта ревность была оскорбленіемъ; она хотѣла подавить ее и прямо подошла къ Мари.

— Какой чудный вечеръ! сказала она, смѣясь:—напрасно не пошли вы со мной: прогулка принесла бы вамъ пользу.

— Это вы сами, Полина, запретили намъ идти съ вами. Вы хотѣли быть однѣ.

— Но я забыла, что садъ былъ населенъ. Я встрѣтила вашего мужа.

— А! сказала госпожа Депрэ, приподнявъ голову.

— Что съ вами, Мари? вы плачете!

— Я плачу, можетъ-быть, отътого, что заставляетъ васъ смѣяться.

— Вотъ Депрэ! рѣзко перебилъ Гекторъ, и вышелъ изъ гостиной на встрѣчу хозяину.

— Мари, серьёзно сказала Полина, когда онѣ остались однѣ:—намъ надо поговорить.

— Вы не хотите болѣе дѣлать мнѣ признаній? кротко сказала Мари.

— Я еще не довольно вамъ говорила, какъ я васъ люблю, продолжала баронесса де-Вилльморанъ съ восторгомъ, сжимая кузину въ объятіяхъ.

— Поздно; отложимъ эти признанія до завтрашняго утра.

— Кстати, мы ѣдемъ завтра.

— Гекторъ не говорилъ мнѣ объ этомъ отъѣздѣ.

— Гекторъ самъ этого не зналъ. Я ему сейчасъ скажу.

Обѣ молодыя женщины взглянули другъ на друга въ темнотѣ этой ослѣпительной ночи. Онѣ молча пожали другъ другу руку и пошли на встрѣчу обоимъ кузенамъ, которые гуляли вмѣстѣ передъ крыльцомъ подъ-руку, какъ лучшіе друзья на свѣтѣ.

Гекторъ зажигалъ сигару отъ сигары Депрэ, и эти оба мужа какъ-будто цаловались огненнымъ поцалуемъ.

XXI.

Никто не удивился на другое утро, когда отъѣздъ былъ назначенъ въ тотъ же день. Гекторъ безъ всякихъ замѣчаній уступилъ желанію Полины. Депрэ не смѣлъ настаивать.

Когда приготовляли карету, которая должна была отвезти барона и баронессу де-Виллъморанъ въ сосѣдній городъ, обѣ молодыя женщины сошли въ садъ и сдѣлали послѣднюю прогулку по лугу.

— Мари, сказала Полина печально:—я сожалѣю, зачѣмъ я пріѣхала. Я не излечилась и потревожила ваше счастье, не успокоивъ своего.

— О какой тревогѣ говорите вы? спросила госпожа Депрэ съ безропотной улыбкой и голосомъ, который она усиливалась сдѣлать твердымъ.

— О, вы меня понимаете!

— О маленькомъ кокетствѣ съ Депрэ?

— Какъ! вы не ревнивы?

— Ревновать къ вамъ, кузина? Вы знаете, что для меня это невозможно. Мужъ же мой получилъ урокъ, не-правда-ли? Вы дали ему его вполнѣ, я не могу пожаловаться.

— Только бы онъ воспользовался имъ! сказала баронесса де-Виллъморанъ, качая головой и не скрывая своего удивленія къ хладнокровію Мари.

— За это я не могу ручаться, сказала госпожа Депрэ меланхолическимъ тономъ:—все, о чемъ я могу просить Бога, это о томъ, чтобы онъ всегда обращался къ честной женщинѣ и чтобы не попался въ руки кокетки, которая отняла бы его у меня и моихъ дѣтей.

— Какъ вы спокойны!

— Зачѣмъ мнѣ раздражаться? Моя совѣсть велитъ мнѣ показывать видъ, будто я не знаю вины, которую досада сдѣлаетъ

неисправимой. Нельзя удержать невѣрныхъ слезами или гнѣвомъ. Депрэ молодъ, онъ не имѣлъ разочарованій. Я не могу бороться противъ всѣхъ грёзъ, которыя ослѣпляютъ его и увлекаютъ. Я опасалась этого испытанія; я надѣялась, что, по милости заботъ и... семьи, я успѣю избавиться отъ него. Я вижу, что оно мнѣ угрожаетъ. Я приготовилась къ нему.

— Какъ! вы рѣшитесь жить безъ любви?

— Милая Полина, не будемъ примѣшивать романъ къ прозѣ жизни. Любовь (я не дѣлаю разницы между нашими двумя способами понимать ее)—любовь отдается по довѣрію прежде, чѣмъ принесетъ себя въ жертву. Я должна воспитывать моихъ дѣтей, поддерживать честь и спокойствіе моей домашней жизни. Личныя вины Депрэ не снимаютъ съ меня этой обязанности. Поражена я одна. Эта рана, которая проникаетъ въ сердце и не должна выходить оттуда. Что̀ же мнѣ дѣлать? Не надо запирать двери раскаянію.

— Итакъ, вы прощаете?

— Я жена Депрэ, сказала Мари съ трогательной простотой:—пока публичная огласка, пока безпорядокъ, несовмѣстный съ уваженіемъ, которымъ я обязана самой себѣ, не снимутъ съ меня открыто мою клятву, я всегда буду для моего мужа тѣмъ, чѣмъ была прежде.

— Но это притворство ужасно! Но бракъ этою цѣною всеравно, что̀ галеры!

— Вы говорили, Полина, что въ бракѣ недостаетъ сильныхъ ощущеній; вы видите противное! Какое ощущеніе можете вы вообразить сильнѣе этой жертвы?

— Но развѣ нельзя, уважая то, что̀ вы, безъ-сомнѣнія, называете приличіями, сохранить для себя, по-крайней-мѣрѣ, свободу въ домашней жизни?

— Нѣтъ, возразила Мари, нѣсколько поблѣднѣвъ:—единственная выгода, остающаяся женѣ для защиты счастья, это именно принужденная короткость. Отъ нея надо отказаться только когда все уже погибло. Я мужественна, другъ мой, и для моихъ дѣтей, и для самого Депрэ, я съумѣю страдать, какъ, въ случаѣ надобности, съумѣла бы бороться.

— Для него, говорите вы?

— Да, для него. Ему нужно остаться главою, отцомъ; для него самого всегда должна я охранять его тщеславіе. Я видѣла, что пламя вашего ума привлекало его и придавало ему крылья бабочки. Я не сомнѣвалась въ васъ ни одной минуты, я не показывала ни малѣйшей ревности и удалилась въ тѣнь немножко-печальная только; но еслибы я имѣла дѣло съ какой-нибудь безжалостной кокеткой—о, я боролась бы неустрашимо! Мы, провинціалки, прячемъ наши нарядныя платья и нашъ праздничный умъ въ шкапъ. Но ихъ все-таки можно вынимать въ великіе дни, и мнѣ кажется, что еслибы я захотѣла потрудиться, я показала бы Депрэ женщину болѣе свѣтскую и не такую глупенькую, какъ та, на которой онъ женился.

— Вы, Мари, восторжествуете надъ всѣми.

— Исключая васъ, Полина, перебила госпожа Депрэ съ улыбкою.

— Вы восторжествовали сама надъ собой, прибавила баронесса де-Вильморанъ.

— О, я знала свою слабую сторону, тамъ-то я и поразила себя. Но если мой мужъ обратится не къ слишкомъ-ослѣпительнымъ героинямъ, я буду оспаривать ихъ у него. Большая сила потребна для того, чтобы быть обманутой и не жаловаться; эту силу я буду имѣть всегда. Уваженіе, которое Депрэ сохраняетъ ко мнѣ, часто будетъ возвращать его ко мнѣ. Со мною онъ будетъ утѣшаться, и упорство моей преданности утомитъ его прихоти.

— У меня не было бы вашего мужества, вашей спокойной энергіи! вскричала Полина, задрожавъ.—Бракъ при подобныхъ условіяхъ показался бы мнѣ постыдной цѣлью, которую я сбросила бы.

— Однако, это условіе обыкновенное и единственный способъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранять спокойствіе и достоинство.

— Но вы всегда говорите мнѣ о спокойствіи и достоинствѣ, возразила баронесса де-Вилльморанъ:—какъ-будто въ брачной жизни нужно только играть роль, какъ-будто сердце не должно

искренно участвовать въ этомъ. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы быть счастливою въ глазахъ другихъ, но быть счастливою для себя.

— Можно быть счастливою, дѣйствуя такимъ образомъ.

— Я не знаю, Мари, должна ли я удивляться вамъ, или осуждать васъ; но во всякомъ случаѣ будьте увѣрены, что я не съумѣю вамъ подражать.

— Гекторъ никогда не подвѣргнетъ испытанію вашего мужества.

— Не въ этомъ состоитъ моя причина, но мнѣ кажется, что любовь, какъ я ее понимаю, какъ я ее чувствую, не можетъ примѣниться къ этому лицемѣрію: она исключительна, неумолима. Вы не любите вашего мужа, моя бѣдная Мари, вотъ почему вы принимаете обязательство любить его всегда!

— Полина, Полина, берегитесь! сказала Мари, задрожавъ.

— Да, я груба въ своихъ аргументахъ, но позвольте мнѣ поговорить съ вами, какъ я уже говорила съ вами одинъ разъ. Вы праведница: человѣческія страсти не кружатъ вамъ голову. Вотъ почему безропотная покорность для васъ легка. Ахъ, еслибы вы любили!

— Еслибы я любила, возразила Мари голосомъ, который хотѣла сдѣлать твердымъ, но тонъ котораго имѣлъ глубокій звукъ:—я ничего не перемѣнила бы въ своемъ поведеніи, въ своемъ планѣ. Любовь—вдохновеніе, безпрерывная бесѣда съ безконечностью, которая возвышаетъ насъ и уединяетъ. Все тогда легко. Ахъ, не говорите, что любовь сдѣлала бы меня слабой! Она отняла бы у меня славу, но придала бы мнѣ героизмъ.

— Я говорю не о любви мосьё Депрэ, проговорила медленно Полина, наблюдая за своимъ другомъ.

— Еслибъ я чувствовала другую любовь, возразила Мари, увлекаясь этими признаніями:—я скрыла бы ее такъ хорошо, я очистила бы ее въ такомъ горячемъ пламени, что никто не имѣлъ бы права упрекать меня за нее, и, пылая въ глубинѣ моего сердца, она утѣшала бы меня, подавала бы мнѣ совѣты, увлекала бы меня къ долгу, а не отвращала бы отъ него.

Мари Депрэ, говоря такимъ образомъ, сіяла красотой и энтузіазмомъ. Полина, подозрительно смотрѣвшая на нее, была ослѣплена. Ей казалось, что она присутствовала при какомъ-то преобразованіи, но въ то же время она была поражена какъ громомъ. Въ глазахъ ея кузины было такъ много блеска, что не могло не быть любви въ глубинѣ души ея.

— Мари! вскричала баронесса де-Вилльморанъ, взявъ кузину за обѣ руки:—вы меня обманываете теперь, вы мнѣ солгали назадъ тому пять лѣтъ, вы любите Гектора!

Мари не зашаталась отъ неожиданности этого нападенія; она взглянула на Полину своими прекрасными открытыми глазами, въ которыхъ виднѣлась вся ея мысль, и, слегка покраснѣвъ, отвѣчала просто:

— Я васъ не обманула, другъ мой, я вамъ не солгала. Я сдержала всѣ обѣщанія, данныя вамъ. Остальное — моя тайна, вы не спрашивали ее у меня.

— Итакъ вы любите его?

— По какому праву, кузина, вы дѣлаете мнѣ этотъ вопросъ? спросила Мари.—Вы жестоки!

— Я это предпочитаю, сказала Полина съ мрачнымъ видомъ:—по-крайней-мѣрѣ, я справедливо защищаю любовь. Вы видите, что эта страсть придала вамъ мужество.

— Она придала мнѣ его пять лѣтъ тому назадъ; не забывайте этого, кузина, возразила Мари Депрэ тономъ кроткаго упрека.—Что же касается до теперешнихъ испытаній, до моихъ семейныхъ несчастій, то у меня есть три крошечныхъ существа, которыя утѣшаютъ меня и помогаютъ мнѣ.

— Вы всегда будете моей соперницей! прошептала Полина, сложивъ руки.

— Вашей соперницей!... Вамъ ли бросать мнѣ въ лицо это гнусное слово, милая Полина? Во всякомъ случаѣ, признайтесь, что я приняла предосторожности для того, чтобы упрочить ваше спокойствіе, и если одинъ изъ нашихъ мужей можетъ внушить безпокойство своей женѣ, то ужь конечно не вашъ.

— Гекторъ былъ возлѣ васъ вчера!

— Неблагодарная! сказала Мари съ самой горестной и оча-

ровательной улыбкой, какую когда-либо сострадание и преданность вызывали на уста женщины.

— Да, я неблагодарпая, я сумасшедшая, я несчастная! возразила Полипа, залившись слезами: — это все обрушилось на меня. Я не имѣю даже заслуги удаляться изъ уваженія къ вашему счастью. Я думала, что бѣгу отъ вашего мужа, а междутѣмъ вы принуждаете меня удаляться для меня самой; а ревнуя къ чувству, которому я удивляюсь, я не имѣю силъ ненавидѣть васъ, потому-что вы такъ велики, такъ благородны, такъ чисты, что обезоруживаете меня.

— Бѣдная восторженная душа! возразила госпожа Депрэ, ласково положивъ голову Полины на свое плечо: — я не лучше васъ!

— Какъ вы отмстили мнѣ, Марія, за нашъ разговоръ, происходившій пять лѣтъ тому назадъ! Теперь я побѣждена!

— Странное мщеніе, которое довершитъ мой мужъ, не правда-ли? Нѣтъ, мы не соперницы, мы не враги, и если силы мнѣ измѣняютъ нынѣ, если я позволила коснуться до моей мысли, до угрызенія скорѣе, нежели до чувства, которое я считала глубоко-запрятаннымъ, эта тайна не можетъ помѣшать намъ любить другъ друга. Станемъ выше этихъ страданій; не раскаявайтесь, что вы пріѣхали, другъ мой, вы не будете болѣе завидовать мнѣ... Но я вижу, что приближаются наши измѣнники; отрите эти гадкія слезы гнѣва; Депрэ вообразитъ, что вы плачете оттого, что разстаетесь съ нимъ.

Марія улыбалась, говоря такимъ образомъ, и ласково проводила своими прелестными пальчиками по глазамъ кузины.

— Какъ вы могли бы сдѣлать его счастливымъ? сказала Полина шопотомъ, схвативъ руку Маріи и прижимая ее къ своимъ губамъ.

Марія не возражала на эти послѣднія слова, сказанныя со вздохомъ, и подошла къ Гектору и Депрэ.

Прощаніе было затруднительно и примирительно. Одна Марія сохранила присутствіе духа; ея любезность помогала всѣмъ; она подсказала мужу необходимыя фразы и придала Полинѣ мужество преодолѣть свое волненіе.

Къ-счастью, привели троихъ дѣтей. Это былъ предлогъ, которымъ каждый воспользовался. Полина осыпала ласками своего крестника.

— Увижу-ли я его взрослымъ? сказала она меланхолически.—Я буду очень-стара, когда онъ будетъ молодымъ человѣкомъ.

— Вы знаете, что я должна расплатиться съ вами конфектами, храбро возразила госпожа Депрэ: — не заставляйте меня оставаться неоплатной должницей.

— Вы пріѣдете ко мнѣ не на крестины, другъ мой!

— Вы мнѣ позволяете пріѣхать къ вамъ, сказала Мари вполголоса, съ оттѣнкомъ кроткой ироніи, примѣтнымъ только для Полины.

— Нужно ли вамъ позволеніе? спросилъ Гекторъ, который слышалъ и, можетъ-быть, понялъ:—ваша комната, кузина, попрежнему называется вашимъ именемъ.

— Мы не можемъ предложить мосьё Депрэ удовольствія охоты, съ живостью возразила Полина, которая хотѣла бороться хладнокровно, но не могла ограничиться однако вѣжливостью и перешла отъ горести къ насмѣшливости.—Дичь—рѣдкость въ Парижѣ, а кузенъ занимается охотой.

Депрэ былъ красенъ, какъ металлъ въ его печи, и съ усиліемъ проговорилъ:

— О, я умѣю обойтись и безъ охоты!

— Особенно, не-правда-ли, когда у васъ недостаетъ дичи?

Когда дошли до воротъ, Полина бросилась на шею кузинѣ и отвела ее въ сторону.

— Я не хочу остаться и боюсь уѣхать, сказала она, прижимая ее къ груди:—что-то говоритъ мнѣ, что я должна была вылечиться здѣсь. Простите мнѣ горечь моихъ недавнихъ словъ; поклянитесь мнѣ, что пріѣдете, если я васъ позову!

— Я буду вамъ писать, отвѣчала Мари съ ласковымъ состраданіемъ:—надо же увѣдомлять васъ о здоровьѣ вашего крестника, дурная крестная мать!

— Вы его будете любить лучше другихъ дѣтей за его имя; не-правда-ли, Мари?

— Не-уже-ли вы упрекаете меня даже за то, что я люблю своихъ дѣтей?

— Я съ ума сошла! Прощайте! сказала баронесса де-Виллъморанъ, садясь въ карету.

Гекторъ и Мари пожали другъ другу руку. Депрэ увѣрилъ де-Виллъморана въ своей искренней дружбѣ, поклонился съ уваженіемъ кузинѣ, потомъ карета выѣхала изъ воротъ и покатилась по дорогѣ.

Мари печально провожала ихъ глазами. Она держала на рукахъ своего маленькаго ребенка. Черезъ нѣсколько минутъ она примѣтила, что розовыя щечки малютки омочены ея слезами. Она отерла ихъ горячимъ поцалуемъ.

Депрэ также смотрѣлъ на дорогу; но онъ былъ не въ меланхолическомъ расположеніи духа и нерасположенъ былъ плакать.

— Какой милый этотъ де-Виллъморанъ! сказалъ онъ Мари, обратившись къ ней при звукѣ поцалуевъ, которыми она осыпала ребенка.—Жена его, несмотря на то, что очень-умна, именно по этому совсѣмъ мнѣ не нравится.

— Не-уже-ли? какъ ты разборчивъ, другъ мой!

— Пеняй на себя: ты сдѣлала вкусъ мой такимъ изящнымъ! отвѣчалъ Депрэ, цалуя въ лобъ жену.

Мари взглянула на мужа безъ презрѣнія и какъ бы благодаря его за этотъ искренній комплиментъ.

— Хочешь, чтобы я тебѣ сказалъ? продолжалъ Депрэ:—я не думаю, чтобы кузенъ твой былъ счастливъ.

— Ты подозрѣваешь, что онъ ревнивъ?

— Нѣтъ; но жена его кокетка и, кажется, характера несговорчиваго. Бѣдные люди! они, кажется, завидуютъ нашему счастью!

Мари притворилась, будто занимается проснувшимся ребенкомъ; она боялась услышать болѣе.

Въ это время карета медленно поднималась на пригорокъ. Полинѣ чрезвычайно хотѣлось говорить; у ней были подозрѣнія въ сердцѣ, разспросы на губахъ; она глядѣла на мужа украдкой, она подстерегала его позу, чтобы уловить хоть одинъ жестъ, хоть одно движеніе, хоть одинъ вздохъ; но она не зна-

ла, какъ приступить къ предмету своей озабоченности. Гекторъ, угадавъ ея замѣшательство, поспѣшилъ къ ней на помощь.

— Ну, Полина, какъ ты чувствуешь себя послѣ этой поѣздки?

— Дурно. Это образцовое супружество ужасно для меня. Вотъ какою цѣною покупается спокойствіе! Ахъ, другъ мой, будемъ страдать, но будемъ любить другъ друга!

— Ты все еще думаешь, что деревня необходима для счастья?

— Не насмѣхайся надъ моими прихотями. Если ты будешь меня любить, всѣ мѣста покажутся мнѣ пріятны и прекрасны съ тобой.

— Любезности Депрэ внушили тебѣ недовѣріе.

— Не онъ заставилъ меня сомнѣваться, а она.

— Мари? бѣдная женщина!

— Да, Мари, которая не можетъ любить этого несноснаго волокиту; Мари, которую я нашла прелестнѣе прежняго; Мари, которая превосходитъ меня красотой и добродѣтелью—словомъ, Мари, которая тебя любила!

— И которая соединила насъ! перебилъ де-Вилльморанъ.

— Хороша заслуга! Ты не любилъ ее, а я любила тебя! Не-уже-ли ты думаешь, что еслибы она не удалилась, я смиренно оставила бы за ней побѣду?

— Не будемъ говорить о прошломъ.

— Не-уже-ли тебѣ тяжело думать о немъ?

— То, что̀ я сдѣлалъ тогда, я сдѣлалъ бы опять и теперь.

— Точно?

— Какое доказательство нужно тебѣ?

— А что̀ ты говорилъ Мари вчера вечеромъ, въ гостиной, когда я воротилась изъ сада? Ты наклонился къ ней.

— Разспрашивалъ ли я тебя о рѣчахъ мосьѐ Депрэ? сказалъ Гекторъ, шутя.

— Но мнѣ не слишкомъ-пріятенъ былъ бы разговоръ между вами, который походилъ бы на мои разговоры съ ея мужемъ! вскричала Полина полуторопливо, полураздражительно.

— Тебѣ и нечего бояться.

— Ты не хочешь мнѣ повторить, о чемъ вы говорили!

— Имѣю ли я секреты отъ тебя, Полина, когда они принадлежатъ мнѣ одному?

Полина удивилась этому отказу, кроткому, но твердому.

— Мнѣ хочется велѣть кучеру поворотить назадъ, сказала Полина, поблѣднѣвъ.—Мари признается мнѣ во всемъ.

— Если ты въ этомъ увѣрена, зачѣмъ же ты тревожишься? Тебѣ должна быть порукою откровенность мадамъ Депрэ.

— Гекторъ, ты честный человѣкъ, ты никогда не лгалъ. Поклянись мнѣ, что ты любишь меня попрежнему и не любишь Мари.

— Это ребячество огорчаетъ меня.

— Нѣтъ, ты правъ; не клянись, это глупость съ моей стороны! Притомъ, изъ человѣколюбія, изъ состраданія ты могъ бы совершить клятвопреступленіе.

— Откуда происходитъ это волненіе, это странное сомнѣніе? спросилъ Гекторъ, ласково привлекая къ себѣ жену и стараясь прочесть въ ея глазахъ.—Какая злая мысль пришла къ тебѣ?

— Развѣ я знаю, почему я несчастна? вскричала Палина, зарыдавъ: — зачѣмъ я ревную? Я боюсь возбудить къ себѣ ненависть, я чувствую мою недостаточность... Ты можешь наконецъ утомиться этими капризами, этой лихорадкой.... Однако, зачѣмъ ты говоришь мнѣ, что у тебя есть тайна пополамъ съ Мари? Она также повѣрила мнѣ тайну, или, лучше сказать, я сама ее отгадала, я ее вырвала, и если я открою въ тебѣ такую же тайну, то брошусь подъ колеса этой кареты.

Полина, говоря такимъ образомъ, опрокинулась назадъ и закрыла лицо обѣими руками, заглушая свои крики.

Гекторъ не старался бороться съ этимъ подозрѣніемъ, онъ предпочелъ усыпить его. Слова раздражали Полину. Онъ не сказалъ ничего, но, обнявъ ее съ родительской ласковостью, привлекъ ее къ своему сердцу и магнетизировалъ ею рукою и губами. Кротость торжествовала всегда надъ этой пылкою натурой. Когда Полина наплакалась вдоволь, ей стало такъ легко, какъ выздоравливающей, и, медленно приподнявшись, она сказала ему:

— Зачѣмъ не допускаешь ты меня до совершеннаго отчаянія? Я должна дойти до этого! Ты привязываешь меня къ жизни для

того, чтобъ я страдала потомъ болѣе. Сжалься надо мною и оттолкни меня — скорѣе кончится!

— Дурная голова! сказалъ со вздохомъ Гекторъ.

— Мы не были созданы другъ для друга! Мы ошиблись, или, лучше сказать, я не была создана ни для кого и ни для чего: я не умѣю быть ни любовницей, ни супругой, ни матерью, ни другомъ! Ты долженъ былъ бы оставить меня у лэди Фиц-Питерсъ, или у мадамъ Беллами, или, можетъ-быть, даже у мадамъ де-Сент-Овидъ. Я для тебя незаслуженное наказаніе. Когда тебѣ надоѣдятъ мои упреки и мои несправедливости, скажи мнѣ—я тебя оставлю. Я думаю, однако, что любить и быть любимой очень-легко.

— Это въ-самомъ-дѣлѣ легко, сказалъ Гекторъ:—стòитъ только принимать любовь такъ, кàкъ она есть.

— Зачѣмъ возвращаемся мы въ Парижъ? спросила вдругъ Полина.

— Хочешь остаться здѣсь, на заводѣ?

— Нѣтъ, великій Боже! я тамъ сойду съ ума. Эта супружеская жизнь безъ любви пугаетъ меня; но я опасаюсь одиночества нашего маленькаго дома. Мнѣ нужно успокоиться, или, лучше сказать, закружить себѣ голову.

— Куда хочешь ты ѣхать?

— Я не знаю; всѣ мѣста на свѣтѣ для меня равны. Я хотѣла этой поѣздки; она мнѣ неудалась. Теперь я не смѣю имѣть болѣе воли. На первой станціи, въ первомъ городѣ мы посмотримъ на верстовой столбъ и поѣдемъ впередъ У меня въ жилахъ должна быть капля цыганской крови. Жизнь правильная, планы, устроенные заранѣе, для меня пагубны. Я страдаю тоской по неизвѣстному.

— Поѣдемъ же искать неизвѣстнаго! просто сказалъ Гекторъ.

XXIII.

Когда карета въѣзжала въ Васси, Полина нѣсколько минутъ

молчавшая въ своемъ углу, вдругъ высунула голову въ окно. Она разсматривала издали тотъ оракулъ, о которомъ говорила.

— Смотри, сказала она Гектору:—что это за яркая афиша?

Въ-самомъ-дѣлѣ, на одномъ изъ первыхъ домовъ города красовалась афиша, напечатанная красными буквами. Гекторъ прочелъ вслухъ:

— Баденъ.

— Послѣ этихъ словъ слѣдовало исчисленіе разнообразныхъ удовольствій этой резиденціи.

— Итакъ, мы ѣдемъ въ Баденъ? спросила Полина съ біеніемъ сердца, какъ-будто это рѣшеніе, ввѣреное случаю, имѣло чрезвычайную важность.

— Поѣдемъ въ Баденъ; форели тамъ чудесныя, пейзажъ восхитительный, уединенія тамъ нечего опасаться, сказалъ Гекторъ, улыбаясь:—но къ чему такъ волноваться?

— Это глупость, возразила баронесса де-Вилльморанъ. — Я тихо сказала себѣ самой, что я или осужу себя, или прощу себѣ, судя по тому мѣсту, куда направитъ насъ судьба. Есть страны, куда странно было бы ѣхать и которыя были бы для меня смертельнымъ приговоромъ. Баденъ сбилъ меня съ толку; это мѣсто самое пошлое; я не знаю, что о немъ думать, я его не предвидѣла.

— Тѣмъ болѣе причинъ можетъ быть для того, чтобы отправиться туда немедленно, сказалъ Гекторъ. — Ты не имѣешь еще ни предубѣжденія противъ этого города, ни пристрастія къ нему, и слѣдовательно никакое разочарованіе не ожидаетъ тебя тамъ.

— Я имѣю предупрежденіе противъ всего. Баденъ меня не вылечитъ, но поѣдемъ туда.

Путешествіе совершилось веселѣе, нежели можно было ожидать. Полина, удовлетворявшая свои малѣйшія прихоти съ такой энергіей, съ какой она приводила бы въ дѣйствіе самый героическій планъ, съ нетерпѣніемъ желала пріѣхать, увидѣть Баденъ, и это мѣшало ей думать о своей скукѣ. Она выказывала живость впечатлѣній, любопытство пансіонерки, приходила въ восторгъ передъ всякой колокольней, находила безподобны-

ми мѣста, по которымъ проѣзжала въ солнечный день, ненавидѣла и проклинала тѣ мѣста, которыя видѣла въ дождь.

Объ ея ревности, о Мари, объ ея дѣтяхъ, о Депрэ не было болѣе и рѣчи. Тоска томила ее въ глубинѣ мысли и не смѣла срываться съ губъ. Развлеченіе и любопытство сковывали ее. Гекторъ изучалъ эту странную подвижность ощущеній, и думалъ видѣть въ этомъ утѣшительный симптомъ.

«Ей нужнѣе узнавать, нежели забывать» думалъ онъ.

Въ Баденъ пріѣхали вечеромъ на четвертый день, остановившись въ гостинницѣ «Англія». Полина, несмотря на усталость въ дорогѣ, едва пообѣдала и тотчасъ захотѣла насладиться первымъ видомъ этого эдема игроковъ, куда она также привезла ставку.

Она потащила Гектора въ Лихтентальскую аллею. Мимоходомъ бросила она взглядъ въ салонъ.

— Страна эта не страшна, сказала она, смотря на щегольскіе экипажи и всадниковъ, возвращавшихся съ прогулки: — здѣсь не болѣе дикости, какъ и въ Елисейскихъ Поляхъ. Когда не хочешь ни любить, ни думать, ни любить, ни ненавидѣть, но отдохнуть посреди шума, мѣсто это удобно. Безъ рулетки здѣсь никогда не было бы драмы. Это не гостиная и не театръ, но здѣсь видишь манекеновъ всѣхъ странъ, которые будто бы лечатся и дѣлаютъ видъ, будто забавляются; это очаровательно, это восхитительно! Мы останемся здѣсь долго, другъ мой.

Гекторъ слабо улыбнулся. Онъ зналъ, каковы эти намѣренія.

— Мы останемся здѣсь до осени, сказалъ онъ.

Настала ночь. Вечеръ былъ тепелъ и прекрасенъ. Это былъ праздникъ и въ природѣ и въ залѣ. Луна проливала на лужайки свѣтъ, бархатившій мураву. Пригорки виднѣлись вдали, какъ декораціи изъ голубоватаго атласа. Въ открытыя окна мелькали вальсёры всѣхъ странъ, которыхъ оркестръ смѣшивалъ въ космополитной гармоніи. Это былъ союзъ пародовъ, осуществленный Штраусомъ.

— Какая красивая игрушка! прошептала Полина. — Что дѣлаютъ зимой изъ всѣхъ этихъ аксесуаровъ? Пейзажъ надо прятать въ магазинъ, снѣгъ испортитъ его

Когда они входили въ воксалъ, одинъ человѣкъ, слѣдовавшій за ними нѣсколько минутъ, но несмѣвшій подойти къ нимъ, вдругъ рѣшился, бросивъ сигару, обогнать ихъ; онъ повернулся и поклонился имъ съ уваженіемъ.

Полина вздрогнула. Де-Виллыморанъ не узналъ подошедшаго.

— Мосьё Филиппъ! вскричала Полина.

— Э! это мосьё Лоаньонъ! сказалъ въ свою очередь Гекторъ, пожимая руку журналисту.

— Я самъ! Я не ожидалъ найти васъ здѣсь. Какъ! прибавилъ онъ тономъ торжественнаго упрека, въ которомъ проглядывала иронія: — вы уже пріѣхали въ Баденъ?

— Уже? спросилъ Гекторъ.

— Да, это путешествіе для супруговъ, обвѣнчанныхъ два мѣсяца или двадцать лѣтъ; сюда пріѣзжаютъ, когда еще не скучаютъ, или когда скучаютъ слишкомъ.

— Мы пріѣхали заплатить вамъ визитъ, возразилъ Гекторъ, шутя и желая отклонить разговоръ отъ того предмета, на который павелъ его Лоаньонъ.

— Это правда, прибавила Полина, которая чувствовала большое волненіе и хотѣла преодолѣть его: — вы оставили намъ вашу карточку; она послужила намъ указаніемъ. Куда ѣздятъ журналисты? въ Баденъ!

— О, здѣсь общество смѣшанное! сказалъ Филиппъ. — Вы забываете выздоравливающихъ дипломатовъ, отдыхающихъ артистовъ. Всѣ люди, играющіе роли смѣшныя и печальныя, пріѣзжаютъ сюда; это кулисы; вотъ почему я удивляюсь, что встрѣтилъ васъ здѣсь.

— Это чистый случай, сказала Полина.

— Это гораздо-важнѣе. Когда случай примѣшивается къ нашимъ планамъ, жизнь становится красной или чорной и можно проиграть.

— Не запрещено плутовать, съ живостью возразила баронесса де-Вилльморанъ.

— Долго вы останетесь? спросилъ Филиппъ.

— Да, весело сказалъ Гекторъ.

— Нѣтъ, поспѣшила возразить баронесса де-Вилльморанъ.

— Вы, кажется, несогласны?

— А вы? возразила Полина, которая спросила, чтобы не отвѣчать.

— Я ничего не знаю. Я останусь, пока издержу послѣднее су. Я жду здѣсь открытія сессіи; я отдыхаю прежде утомленія. Притомъ я имѣлъ слабость обѣщать мои путевыя впечатлѣнія моему журналу, и добросовѣстно исполняю дѣло.

Филиппъ думалъ, что не надо было употреблять во зло эту первую встрѣчу, и, послѣ нѣсколькихъ словъ, продолжалъ свою прогулку.

Когда онъ удалился, Полина сказала своему мужу:

— Я не вѣрю болѣе случаю. Карточка Лоаньона служила предзнаменованіемъ. Намъ не надо было уѣзжать, а остаться въ Парижѣ.

— Почему? Чего ты находишь непріятнаго въ встрѣчѣ съ умнымъ человѣкомъ, который объяснитъ намъ Баденъ, его окрестности и его жителей? Мы хотѣли принимать мосьё Филиппа. Мы здѣсь свободнѣе можемъ посовѣтоваться на этотъ счетъ. Мы обсудимъ его, не связывая себя... но тише! вотъ онъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ Лоаньонъ поспѣшно воротился.

— Я забылъ васъ предупредить, сказалъ онъ баронессѣ де-Вилльморанъ: — что вы найдете здѣсь другихъ знакомыхъ.

— Кого?

— Лэди Фиц-Питерсъ и мадамъ де-Сент-Овидъ.

— Обѣихъ! вскричала Полина, первымъ движеніемъ которой былъ испугъ и которая поблѣднѣла; но размышленіе возвратило ей мужество. — Чтò же? я не прочь увидѣть ихъ, сказала она, гордо приподнявъ голову. — Утѣшилась ли адмиральша? Бѣдна ли Адель?

— Адмиральша кажется мнѣ въ удовлетворительномъ состояніи здоровья. Адель сіяетъ славой и красотой. Вы ее увидите; она возвысилась званіемъ. Она открыла одного баварскаго генерала. Генералъ ли онъ, баварецъ ли — я не знаю; но онъ страдаетъ равматизмомъ, для котораго ѣздитъ лечиться вмѣстѣ съ Аделью. Говорятъ, что она замужемъ. Этотъ слухъ распространила она сама. Это мнѣ кажется слишкомъ-торжественнымъ

для того, чтобы быть правдоподобнымъ. Генералъ, притомъ, еще свѣжъ. Она держитъ себя безукоризненно; она носитъ имя своего побѣдителя. Такъ-какъ она нашла здѣсь только меня изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ, а я скроменъ, съ ней обращаются съ уваженіемъ. Но васъ удивитъ и разсмѣшитъ то, что она искренняя, неразлучная пріятельница съ лэди Фиц-Питерсъ. Вы, безъ-сомнѣнія, были таинственной связью между ними. Адмиральша и генеральша не могутъ обойтись одна безъ другой. Адель умѣетъ превосходно пользоваться этой дружбой. Флагъ адмиральши прикрылъ ее сначала. Теперь разницы нѣтъ между ними, теперь онѣ на равной ногѣ.

— То, что вы намъ разсказываете, въ-самомъ-дѣлѣ очень-смѣшно, сказала Полина съ насмѣшкой: — я съ нетерпѣніемъ желаю ихъ видѣть.

— Не скрою отъ васъ, что моя пріятельница мадамъ де-Сент-Овидъ, которая, сказать мимоходомъ, перемѣнила это имя на другое, предпочитаетъ зеленое сукно танцовальной залѣ. Она играстъ. Лэди Фиц-Питерсъ хотѣлось бы танцовать, но эксцентричность не дошла еще здѣсь до того, чтобы ее пригласилъ кто-нибудь. Я часто у ней бываю; она учитъ меня по-англійски; еслибы я не былъ ничтожнымъ человѣкомъ, она сдѣлала бы изъ меня что-нибудь. Ваше присутствіе сдѣлаетъ меня невѣрнымъ. Но адмиральша подарила мнѣ маленькій компасъ, который я ношу на моихъ брелокахъ. Эта стрѣлка всегда будетъ меня возвращать къ ней.

Всѣ эти подробности были высказаны журналистомъ тѣмъ легкимъ равнодушнымъ тономъ, который былъ у него обыкновененъ. Полина наблюдала за нимъ и слушала его со вниманіемъ. Она чувствовала себя почти оскорбленной этой свободою ума, которую сохранилъ Филиппъ; но впрочемъ, иронія могла быть маской. Она отложила заключеніе до будущаго времени.

— Адель была права, сказала она, смѣясь: — ея путь привелъ ее выше, нежели мой меня. Гекторъ, ты не генералъ?

— И не баварецъ! прибавилъ Филиппъ. — Притомъ, знаетъ ли она сама, до чего дошла она, эта бѣдная Адель? Свѣтъ для

подобныхъ ей какъ клѣтка для бѣлки: онѣ все вертятся и никогда не дойдутъ.

— Я думала, что вы поссорились? спросила Полина.

— О, мы ненавидимъ другъ друга, поэтому-то и продолжаемъ видѣться. Если вы позволите, я предувѣдомлю ихъ обѣихъ о вашемъ пріѣздѣ. Первое удивленіе можетъ быть для нихъ пагубно. У одной недостанетъ ума, у другой хорошаго вкуса. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онѣ созвали военный совѣтъ.

— А я пока вооружусь, сказала Полина.

Разстались, но черезъ нѣсколько минутъ должны были сойтись въ бальной залѣ.

Гектору не совсѣмъ пріятна была эта встрѣча. Все, что экзальтировало умъ Полины, казалось ему опасностью. Лэди Фиц-Питерсъ была безвредна; раздражать же госпожу де-Сент-Овидъ значило, съ другой стороны, становиться на скользкій путь. Но Гекторъ рѣшился довести до конца терпѣніе и уступчивость, и пошелъ одѣваться.

Полина нашла въ своей злопамятности вдохновеніе для наряда. Когда она шла въ залу воксала, опираясь на руку мужа, она имѣла успѣхъ. Филиппъ ждалъ ее и казался ослѣпленъ.

— Я вижу, что вы не щадите никого! сказалъ онъ, подходя къ ней.

Адмиральша въ этотъ вечеръ распустила всѣ свои паруса. Пользуясь температурой, она надѣла платье изъ шолковой кисеи малиноваго цвѣта, едва закрывавшее ей плеча. Передніе волосы, все спускавшіеся ниже въ эти пять лѣтъ, доходили теперь почти до угловъ рта. Подбородокъ, носъ и губы какъ-будто пробивались сквозь волоса. Это особенное расположеніе ея физіономіи было, увы! послѣднимъ рессурсомъ въ ея кокетствѣ; такимъ-образомъ невозможно было найти у ней морщинъ, и можно было надѣяться, что на слѣдующій годъ, пользуясь своими прекрасными волосами, лэди Фиц-Питерсъ совсѣмъ покроетъ ими лицо.

Она видѣла, какъ вошла ея бывшая компаньйонка, и какъ-будто выросла на своей скамейкѣ, потомъ сильно начала обмахиваться вѣеромъ, своимъ гигантскимъ вѣеромъ, отъ вѣтра ко-

тораго могъ опрокинуться любой корабль. Точно-будто она хотѣла прогнать дурной воздухъ, распространившійся въ гостиной отъ присутствія ея соперницы.

Адель сидѣла позади адмиральши, но въ глазахъ ея гнѣва не было. Хотя она чрезвычайно-пополнѣла и была одѣта съ тѣмъ чрезмѣрнымъ щегольствомъ, которое мы уже замѣтили, бывшая госпожа де-Септ-Овидъ могла еще нравиться, но только нѣкоторой категоріи любителей.

При входѣ баронессы де-Вилльморанъ, Адель встала и ушла.

— Она бѣжитъ! прошептала Полина, восхищенная своимъ первымъ торжествомъ.

— Не думайте этого, сказалъ Филиппъ, услыхавъ слова Полины. — Уходъ ея искусенъ и трогателенъ; она боится помѣшать вамъ раскланяться съ адмиральшей; она понимаетъ очень-хорошо, что случай долженъ васъ сблизить. Если вы выведете ее изъ терпѣнія, она напуститъ на васъ адмиральшу; но досихъ-поръ она предлагаетъ свиданіе, то-есть битву тупымъ оружіемъ, и ждетъ только случая поговорить съ вами наединѣ.

— Ну, когда такъ, пожалуйста, Гекторъ, оставь меня! Я хочу показать лэди Фиц-Питерсъ такое же смиреніе. Ты обязанъ сказать ей привѣтствіе; отправляйся къ ней, я останусь здѣсь; когда Адель оставитъ меня, поспѣши воротиться.

— Мы играемъ въ шахматы, сказалъ Гекторъ, который повиновался безъ возраженія.

Филиппъ Лоаньонъ взялъ кресло и сѣлъ возлѣ Полины.

— Вы зачѣмъ здѣсь? спросила баронесса де-Вилльморанъ.

— О! я не стѣсняю Адели, а стѣсню вашего мужа, если пойду съ нимъ.

— Такъ; но, можетъ-быть, вы стѣсните меня.

— Когда я примѣчу это, я не буду ждать, чтобы вы прогнали меня.

— Вы не перемѣнились въ эти пять лѣтъ.

— Нѣтъ, я не перемѣнился, серьёзно отвѣчалъ Филиппъ.

Полина боялась слишкомъ-быстро вступить въ разговоръ, котораго, можетъ-быть, желала. Она спросила у Филиппа подробностей объ особахъ, собравшихся въ этой залѣ.

Журналистъ поспѣшилъ удовлетворить ея любопытство и разсказалъ ей даромъ (это было первое доказательство преданности) цѣлую остроумную хронику, которая надѣлала бы чудесъ въ его журналѣ. Правда, что это первое *словесное* изданіе не помѣшало изданію *писанному* и что Филиппъ не терялъ ни одной строчки отъ своей любезности.

Въ это время Гекторъ кланялся адмиральшѣ.

Когда она увидала, что баронъ де-Вилльморанъ подходилъ къ ней одинъ, безъ жены, губы ея сжались чѣмъ-то похожимъ на улыбку. Она была благодарна Гектору за его деликатность и видѣла въ этомъ въ ней, можетъ-быть, угрызеніе. Вся замышляемая буря разсѣялась, вѣеръ прогналъ ее пришелъ въ неподвижное состояніе. Лэди Антонія сдѣлалась любезна и, придавъ другой видъ своему мщенію, принялась унижать Полину не видомъ достоинства, который могъ пропасть даромъ, но горячимъ пріемомъ, который она дѣлала ея мужу.

Мы попросимъ позволенія не передавать разговоръ, ограничивавшійся общими мѣстами, несмотря на усилія доброй адмиральши вложить эпиграмму подъ бархатъ ея словъ. Говорили много о прошломъ. Лэди Антонія выразительно вздыхала; во взорахъ ея была цѣлая элегія. Гекторъ слушалъ и отвѣчалъ съ невозмутимой серьёзностью. Лэди Фиц-Питерсъ имѣла много огорченій въ эти пять лѣтъ. Она поселилась у мадамъ Беллами. Но тамъ ея прекрасный попугай, послѣдній сувениръ адмирала, умеръ; несчастный нечаянно забрался въ буфетъ и имѣлъ неосторожность накушаться; онъ умеръ скоропостижно; изъ него было сдѣлано чучело, но все-таки лэди Антонія пережила его и была одна на свѣтѣ. Безъ дружбы одной очаровательной женщины, супруги баварскаго генерала, она не знала бы куда ей дѣваться. Адмиральша осыпала похвалами Адель и, вмѣсто всякаго мщенія, бросала презрительные взгляды на Полину. Та въ это время жадно слушала болтовню Филиппа и подстрекала себя тихо сдѣлать ему нѣкоторые вопросы.

— Адель не приходитъ, сказала она.

— Хотите, я пойду за ней? Несчастная вѣрно пошла поста-

вить луидоръ въ рулетку, чтобы узнать, должна ли она васъ обнять или укусить.

— Вы клевещете на нее!

— Нѣтъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ она пополнѣла, она сдѣлалась суевѣрна.

— А вы все фаталистъ?

— Да, немножкò.

— Чтò значитъ эта прощальная карточка, которую вы прислали ко мнѣ?

— Наконецъ вы заговорили со мною объ этомъ! Предисловіе было длинно.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, я должна была бы ранѣе выразить вамъ мое удивленіе.

— Однако, это очень-просто. Вы приняли меня съ такой величественной и, позвольте прибавить, съ такой обидной нерѣшимостью, что я сунулъ эту карточку въ замòкъ для того, чтобы растворить дверь.

— Зачѣмъ вы непремѣнно желали насъ видѣть?

— Вы это знаете, сказалъ Филиппъ.

Полина покраснѣла и старалась бороться съ этимъ волненіемъ.

— Я забыла, отвѣчала она.

— Ну, я вамъ скажу опять. Это оттого, что я люблю васъ; это оттого, что вы скоро полюбите меня; это оттого, что мнѣ пора поспѣшить къ вамъ на помощь, какъ я вамъ угрожалъ прежде; это оттого, что я хочу васъ спасти.

— Рано принялись вы за это! сказала съ насмѣшкой баронесса де-Виллъморанъ:—а вашъ способъ помогать моему счастью кажется мнѣ сомнительно-дѣйствительнымъ.

— Хорошо, насмѣхайтесь: это ваше право, это ваша роль. Но послушайте меня еще разъ, потомъ вы будете въ правѣ запретить мнѣ входить въ вашъ домъ. Клянусь вамъ на этотъ разъ уважать вашъ приговоръ и ничего не предпринимать противъ него даже заочно.

Филиппъ уже не смѣялся, говоря такимъ образомъ. Полина сдѣлалась серьёзна передъ этимъ серьёзнымъ человѣкомъ.

— Я слушаю васъ, сказала она ему, съ біеніемъ сердца.

XXIII.

— Вотъ уже прошло пять лѣтъ, продолжалъ Филиппъ Лоаньонъ: — какъ мы видѣлись въ первый разъ. Въ эти пять лѣтъ вы испытали жизнь; я нахожу васъ опять, какъ опасался васъ найти, въ утомленіи отъ брачной жизни; но вы не хотите сознаться въ этомъ; вы скучаете сама-собой, скучаете вашимъ мужемъ, и пріѣхали въ Баденъ лечиться отъ болѣзни, которая нигдѣ не излечивается. Вамъ уже надоѣла радость быть баронессой. Этотъ бракъ, который казался вамъ апоѳеозой, былъ только остановкой; вы съ нетерпѣніемъ желаете отправиться въ другія страны. Ну, я превосходный проводникъ: взглядъ у меня вѣрный, и опытность есть; я хочу принести себя въ жертву для васъ. Вотъ въ двухъ словахъ, что я хотѣлъ сказать вамъ.

— Право, вы очень-смѣлы на предложенія! отвѣчала Полина, стараясь засмѣяться. — Я не имѣю охоты путешествовать; проводникъ мнѣ не нуженъ. Преданность ваша меня трогаетъ, но я отказываюсь отъ нея: она была бы не довольно вознаграждена. Что имѣете вы возразить?

— Еслибы вы позволили мнѣ представить вамъ одну за одной мои причины, я показалъ бы вамъ всю силу ихъ и весь блескъ, сказалъ Филиппъ безъ всякаго волненія. — Я вижу, что вы скучаете. Осмѣльтесь меня опровергнуть! Развѣ не скука привела васъ сюда, въ эту очаровательную и пошлую страну? Развѣ не скука запираетъ васъ въ Парижѣ, въ вашемъ мавзолеѣ въ Курсельской улицѣ? Ахъ, у васъ на лбу, въ глазахъ и на губахъ скопились всѣ печали! Нѣтъ, не отпирайтесь, или я буду думать еще болѣе; но вы скучаете не отъ одной себя.

— Милостивый государь, перебила Полина, уже не смѣясь:— пощадите моего мужа!

— Я не буду говорить о немъ дурно: это было бы слишкомъ-пошло. Притомъ, я нахожу, что подъ его наружною холодностью онъ имѣетъ неслыханную силу и мужество, что не раздражилъ васъ до крайности въ эти пять лѣтъ и самъ не соскучился. Неискусный мужъ довелъ бы васъ до какой-нибудь крайности и самъ освободился; человѣкъ этотъ имѣетъ настой-

чивую силу доброты. Я восхищаюсь имъ и сожалѣю о немъ; но это не причина, чтобы онъ продолжалъ безплодную борьбу. Изъ сострадания къ нему сдѣлайте его свободнымъ.

— Вы мнѣ подаете странные совѣты! пролепетала баронесса де-Вилльморанъ съ ироніей.

— Подождите, я еще не дошелъ до рецептовъ, я только осматриваю болѣзнь. Изъ уваженія къ словамъ въ лексиконѣ, котораго я никогда не унижалъ, я не буду спорить съ вами объ этомъ біеніи сердца, которое вы такъ гордо и смѣло называете любовью. Вы думали и думаете, можетъ-быть, еще, что любите барона де-Вилльморана. Я не знаю, сохранилъ ли онъ еще о васъ столько обманчивой мечты. Но близокъ тотъ день, когда вы увидите оба съ изумленіемъ, что дѣвственность вашихъ душъ обманула васъ. Нѣтъ, вы не любите никого и вы не любимы! Да, я ошибаюсь: вы любите любовь—и только.

— А еслибы даже это была правда, мужественно сказала Полина, смотря прямо Филиппу въ лицо:—я все-таки останусь на мѣстѣ, которое я себѣ выбрала; я не постараюсь заглушить жажду, сбившую меня съ пути... Вы сами сознаетесь, что у моего мужа сердце великое; стало-быть, я найду въ немъ болѣе обманчивой мечты, чѣмъ...

— Чѣмъ во мнѣ, перебилъ Филиппъ: — хотя и не думаю, чтобы обманчивыя мечты были для васъ полезны. Но я не предлагаю вамъ грубо промѣнять изящную скуку, въ которой вы живете, на сомнительную дѣятельность моей жизни; притомъ вы еще не настолько ненавидите вашу могилу, чтобы признаться мнѣ, что вы любите меня.

— Вы не самонадѣянны!

— Нѣтъ, если ждалъ, чтобы вы сдѣлались близки къ отчаянію, чтобы заговорить съ вами опять о моей любви.

— Пожалуй, я признаюсь, что опасно больна. Перейдемъ скорѣе ко второй части—къ выздоровленію. Каковы ваши лекарства?

— Вы все думаете, что я предложу себя, сказалъ Филиппъ.— Нѣтъ! Вамъ недостаетъ карьеры, званія въ свѣтѣ; у васъ было оно, теперь его нѣтъ. Любовь мужчинѣ не всегда необхо-

дима, когда имѣешь любовь къ идеѣ. Будьте честолюбивы—вотъ моя первая пилюля. Попробуйте сдѣлать изъ барона де-Вилльморана политическаго человѣка. Сдѣлайте полезнымъ этого честнаго человѣка. Честность—также мнѣніе въ нынѣшнее время! Хотите, я приготовлю для него выборы?

— Въ первый разъ думаю я о политикѣ, отвѣчала Полина:—но вы предлагаете мнѣ перестать интересоваться предметами безконечными и заинтересоваться парламентскими интригами. Это не очень-заманчиво.

— Вы хотите заниматься только вами одной, возразилъ журналистъ.—Пишите.

Я ожидала этого слова, печально возразила Полина.—Когда мы страдаемъ, когда мы оскорблены и обмануты, намъ, женщинамъ, не даютъ другихъ совѣтовъ. Пишите! разсказывайте ваши горести! сдѣлайте ремесло изъ вашихъ страданій! Свѣтъ отказываетъ вамъ въ любви! Заинтересуйте этимъ разсказомъ праздныхъ людей, студентовъ и гризетокъ! Ахъ, не говорите мнѣ о томъ, чтобы я писала! я имѣла бы слишкомъ большую слабость къ этому яду. Но мужъ стѣснителенъ для этого: его нельзя не расхваливать, ни насмѣхаться надъ нимъ. Его надо уничтожить, а я вамъ сказала, мужемъ моимъ я дорожу.

— Вы имъ слишкомъ дорожите. Это дурной знакъ! рѣзко возразилъ Филиппъ.—Я указалъ вамъ не на два радикальныхъ средства (вылечиться нельзя никогда: болѣзнь сердца—болѣзнь смертельная), но на два средства палліативныхъ. Позвольте мнѣ поговорить съ вами теперь о послѣднемъ средствѣ.

— Ахъ, да! о вашей любви! Что̀ прикажите мнѣ съ нею дѣлать?

— Вопервыхъ, не обращайтесь съ нею съ этимъ презрѣніемъ, потому-что эта любовь пристыдила бы всѣ ваши романсы, всѣ ваши элегіи. У меня не осталось довольно перьевъ для того, чтобы быть голубкомъ; я игралъ на всѣхъ гитарахъ; я не хочу ни похитить васъ, ни обольстить. Обмануть барона де-Вилльморана не будетъ торжествомъ. Въ мои лѣта, съ моей исхудалой наружностью, съ царапинами, полученными и дан-

ными, о вздохахъ думать нельзя. Страсть, овладѣвшая мною, глубже, энергичнѣе, неистовѣе и безропотнѣе; это безумство, это гнѣвъ бѣднаго демона, не попавшаго въ эдемъ, но желающаго васъ спасти. Я люблю васъ безъ надежды. Если вы захотите, чтобы я помогъ вамъ законапатить вашъ домъ, чтобы не допустить скуку войти въ него, я помогу вамъ; если вы хотите, чтобы я помогъ политической карьерѣ вашего мужа, я помогу; будьте счастливы, или, лучше сказать, не отчаявайтесь—вотъ мое единственное честолюбіе. Не доводите себя до того ужаснаго спокойствія, которое имѣю я, или до чего-нибудь еще хуже—вотъ моя мечта. Я буду радъ, если вы найдете счастье съ вашимъ мужемъ; главное, чтобы вы не были болѣе больны жизнью и чтобы вы жили—вотъ моя любовь! Она странна и покажется глупою, но не говорите, что она невозможна. Эта любовь старика, если вы хотите, но это любовь!

Полина была взволнована болѣе, нежели осмѣливалась высказать. Этотъ разговоръ прельщалъ ее и пугалъ; она хотѣла смѣяться — и была готова расплакаться; она хотѣла заставить замолчать Филиппа—и боялась, что онъ не сказалъ всего; она хотѣла бы оттолкнуть его, бѣжать отъ него—и ей страшно хотѣлось протянуть ему обѣ руки.

— Я вамъ вѣрю, сказала она, дѣлая усиліе надъ собою:—да, я вамъ вѣрю; но то, что вы называете любовью, я принимаю какъ дружбу. Будьте моимъ другомъ, я этого хочу; помогите мнѣ достойно сохранить имя, которое я приняла и такъ желала носить; но если намъ неудастся этотъ трудъ, не предлагайте мнѣ утѣшеній.

— Черезъ полгода, если вы не спасены, твердо и просто оставьте вашего мужа.

— Вы съ ума сошли! вскричала Полина:—оставить его! бѣжать низко! добиться отъ доброты Гектора пошлаго развода! И не думайте объ этомъ! Это было бы постыдно и смѣшно!

— Остаться было бы еще постыднѣе и смѣшнѣе. Какъ! вы преклонитесь передъ этой безнравственной деликатностью? Когда двѣ честныя натуры узнаютъ, что онѣ ошиблись, онѣ не должны продолжать заблужденіе, которое сдѣлалось бы мукою.

Если законъ не допускаетъ разрывовъ, это потому, что законъ сдѣланъ противъ нашихъ пороковъ и нашихъ слабостей, онъ не довѣряетъ намъ; но души твердыя и честныя должны лучше разойтись, нежели измѣнять.

— А когда я оставлю моего мужа, куда мнѣ отправиться? Къ мадамъ Беллами? къ Адели? къ лэди Фиц-Питерсъ?

— Ко мнѣ, сказалъ Филиппъ, вставая.

— Вы бредите!

— Я это знаю, но разсудокъ такъ глупъ для такихъ умныхъ людей, какъ мы!

— Чего я приду у васъ просить? продолжала Полина съ ироніей.—Хлѣба или любви? Хлѣбъ заработать я съумѣю, а любви я не хочу на такихъ условіяхъ.

— Ахъ! со мною однимъ вы будете имѣть тѣ ѣдкія утѣшенія гнѣва и презрѣнія, которыя жгутъ и лечатъ раны. Я одинъ могу васъ понять; но вы это знаете, я вамъ это уже говорилъ.

— Вы подвергаетесь опасности вѣчно дожидаться.

— Можетъ-быть. Во всякомъ случаѣ, я терпѣливъ и никогда не отчаяваюсь. Оставайтесь съ барономъ де-Вилльмораномъ, если это возможно, и принимайте меня тогда какъ вашего общаго друга; я сдѣлаюсь вашей комнатной собакой, самымъ вѣрнымъ сторожемъ вашего счастья. Никогда ни одно слово не оскорбитъ вашего мужа или васъ, клянусь вамъ въ этомъ; но если эта мечта невозможна, вспомните о моей карточкѣ. Если вы страдаете, пишите мнѣ; я лечу моихъ больныхъ письменно; если вы позовете меня, я явлюсь; но, еще разъ, не обижайте меня, считая меня за обольстителя. Я повторю вашему мужу то, что я сказалъ вамъ, и можетъ-быть онъ пойметъ меня лучше, чѣмъ вы.

— Но еще разъ, вы забываете, или дѣлаете видъ, будто забываете, что всѣ эти ироническія теоріи о моей судьбѣ и моемъ мужѣ распадаются передъ этимъ фактомъ, который уничтожаетъ всякій споръ: я люблю моего мужа.

— Скажите пожалуйста! а мы съ вами совсѣмъ не думали объ этомъ, когда разсуждали, сказалъ Филиппъ.

Полина покраснѣла и хотѣла встать.

— Адели нравится игра, сказала она:—она не возвращает-

ся, а я оставляю Гектора глазъ-на-глазъ съ лэди Фиц-Питерсъ; я стану ревновать.

— Адель ждетъ сигнала, сказалъ Филиппъ, улыбаясь. — Это я послалъ ее играть для того, чтобы она оставила насъ свободными. Все это было довольно-хорошо устроено, не-правда-ли?

— Вы коварны какъ пошлый обольститель; это дурной знакъ.

— Я принимаю упрекъ, но кому? Мнѣ ли, разставившему сѣти, или вамъ, непримѣтившей ихъ?

— Есть сѣти, изъ которыхъ легко выпутаться, возразила баронесса де-Вилльморанъ, располагая встать съ своего мѣста.

— Да, но есть сѣти, изъ которыхъ думаешь, что выпутываешься, но ихъ только уносишь съ собою!

— Рѣшительно, вы горды!

— Это единственная добродѣтель, оставшаяся у меня; она занимаетъ у меня мѣсто порока.

— Забудемъ прошлое, сказала Полина, незнавшая, какъ съ нимъ проститься и боявшаяся упрекнуть себя и за слишкомъ-горькое, и за слишкомъ-ободрительное слово.

Филиппъ понялъ цѣну прощенія. Онъ не казался ни оскорбленъ, ни обрадованъ; онъ вѣжливо поклонился, и затерялся въ толпѣ. Адель де-Сент-Овидъ какъ-будто подстерегала его, потому-что она тотчасъ показалась.

— Я слышала твое послѣднее слово, сказала она баронессѣ де-Вилльморанъ, протягивая ей руку: — повторяю тебѣ, забудемъ прошлое, не-правда-ли?

Полина была очень взволнована своимъ разговоромъ; она боялась, чтобъ, несмотря на ея усилія удержать въ себѣ волненіе, угрожавшее вылиться наружу, не увидали по ея лицу, что происходило въ ея сердцѣ. Филиппъ смотрѣлъ на нее безъ сомнѣнія, и она чувствовала, что мужъ не спускалъ съ нея глазъ.

— Забудемъ прошлое, отвѣчала она: — но если ты хочешь разговаривать, уйдемъ; я задыхаюсь въ этой залѣ.

— Ты попрежнему горда. А тебѣ не къ чему затрудняться, возразила Адель: — здѣсь я царствую; ты не будешь компрометирована, а напротивъ мнѣ придется выдержать сцену отъ адмиральши, которая называетъ тебя своей компаньоночкой!

— Ахъ, я охотно осталась бы, чтобы побѣсить лэди Фиц-Питерсъ! сказала Полина, засмѣявшись принужденнымъ смѣхомъ:—но я нездорова, я освѣжусь на воздухѣ.

— Это все мосьё Филиппъ производитъ на тебя такое дѣйствіе.

— Къ-счастью, сказала Полина:—что я встрѣчаю его разъ въ пять лѣтъ.

— Ты очень-любезна, что не согласилась повернуться ко мнѣ спиной, возразила Адель насмѣшливымъ тономъ:—ты уѣхала отъ меня съ какимъ-то проклятіемъ; но видишь ли ты, пансіонская дружба—это прививная оспа, предохраняющая отъ забвенія. Нельзя ненавидѣть одна другую, когда прежде вмѣстѣ хныкали въ классной; притомъ я интересуюсь тобою.

— Затѣмъ ты и подружилась съ лэди Фиц-Питерсъ?

— Твоя адмиральша очень мнѣ надоѣла, но я ей обязана прочными связями.

— Это правда. Какъ тебя зовутъ теперь?

— Ахъ, моя милая! не принуждай меня говорить тебѣ это. Имя у меня нѣмецкое, которое я всегда забываю и не могу произнести. Я тебѣ предсказывала! Какую разницу находишь ты теперь между нами? Я такая же знатная дама, какъ и ты! Мое званіе жены генерала красуется на паспортѣ и записной книгѣ въ гостинницахъ. Это документы подлинные. Мы обѣ на одной вершинѣ; какую ты имѣешь разницу со мной? Веселыхъ воспоминаній поменьше, а непріятностей побольше!

— Бѣдная упрямица! сказала Полина:—не сравнивай наши двѣ судьбы. Я не боюсь спуститься ниже.

— И я также! Баварія вѣрна. Если я буду имѣть огорченіе сдѣлаться вдовой, я буду окончательно принята въ обществѣ; вдова иностраннаго генерала—это такъ же прочно, какъ золото. А тебѣ, кажется, супружеская жизнь немного принесла пользы. Я нахожу у тебя ту же физіономію; у тебя нѣтъ дѣтей; ты еще разспрашиваешь первыхъ встрѣчныхъ, смѣяться или плакать ты должна. Еще разъ, стоило труда!

— Не будемъ говорить обо мнѣ, сказала Полина:—Когда я узнала, что ты здѣсь, я не хотѣла показать, что боюсь тебя.

Я хотѣла, напротивъ, показать тебѣ, что я не сохранила никакой злопамятности послѣ той ночи, когда ты шла наперекоръ моему счастью.

— Я хорошо бы сдѣлала, еслибы мнѣ удалось!

— Почему ты знаешь?

— Филиппъ доставилъ бы тебѣ развлеченія; онъ сдѣлалъ бы изъ тебя знаменитую женщину; тщеславіе утѣшало бы тебя въ недостаткѣ любви. Ты хотѣла побѣдить предразсудки. Чудная битва, нечего сказать! Сдѣлаемъ испытаніе. Мы воротимся. Лэди Фиц-Питерсъ скажетъ вслухъ нѣкоторымъ нашимъ знакомымъ, что ты была у ней компаньонкой и вышла замужъ посредствомъ хитрыхъ продѣлокъ за дворянина, котораго ты прельстила. Напрасно будешь ты отвѣчать, съ твоей стороны, кто я: тебя примутъ за интригантку, а меня за женщину нѣсколько-чувствительную, но достойную извиненія; моему генералу будутъ завидовать, о твоемъ баронѣ станутъ сожалѣть.

— Что за нужда! возразила Полина, ходя большими шагами.— Не-уже-ли ты думаешь, что я дорожу судомъ свѣта? Мнѣ достаточно моей совѣсти. Притомъ, если въ этой залѣ найдутся честные мужчины и честныя женщины, они поймутъ меня и будутъ уважать. Ты будешь жить въ Баваріи?

— Нѣкоторое время. Это нужно...

— А такъ-какъ я не думаю ѣхать въ Германію, то мы увидимся не скоро. Прощай, Адель; я, безъ-сомнѣнія, узнаю изъ газетъ, что ты сдѣлалась княгиней.

— О, нѣтъ! я ограничиваюсь моимъ генераломъ. Я скромна.

— Старайся также, чтобы твой генералъ былъ скроменъ.

— Скажи пожалуйста! къ тебѣ возвратилась твоя злость. Когда ты вошла въ эту залу, у тебя въ глазахъ сверкалъ огонь. Я сказала себѣ: она пришла разорвать всѣхъ насъ на части. Но четверть часа разговора съ Филиппомъ нагнали на тебя дрожь. У тебя нѣтъ болѣе энергіи, моя бѣдная Полина; богатство разслабило тебя.

Полина чувствовала себя нездоровой. Она дрожала.

— У меня лихорадка, прошептала она:—воротимся.

Когда она вошла въ залу, она была такъ блѣдна, что де-

Вилльморанъ, нѣсколько тревожившійся ея отсутствіемъ, бросился къ ней.

— Что́ съ тобою? спросилъ онъ съ живостью:—не оскорбили ли тебя?

Полина подняла голову и почувствовала гордость при видѣ этого прекраснаго взгляда, исполненнаго мужества и чести, который хотѣлъ защитить ее и угрожалъ Адели.

Та только поклонилась.

— Кто осмѣлится оскорбить меня, когда я съ тобою? отвѣчала Полина, взявъ подъ-руку мужа.—Но я не знаю, что́ со мной; мнѣ очень нездоровится, другъ мой.

Гекторъ поддерживалъ ее, провожая въ гостинницу; Адель поклонилась имъ и отъискала Филиппа въ толпѣ. Онъ стоялъ въ углу, скрестивъ руки и блѣдный. Онъ видѣлъ, какъ вышли баронъ и баронесса де-Вилльморанъ.

— Развѣ и вы тоже больны? спросила Адель.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Филиппъ.

— Не объ этомъ идетъ дѣло, милый мой; вы знаете, что я нѣсколько опытна въ людяхъ. Ну, или я ничего не понимаю, или Полина готова васъ полюбить; это я вамъ говорю.

— Ахъ! это меня пугаетъ за нее, сказалъ Филиппъ, качая головою и вовсе не удивляясь этому странному предсказанію, которое могло показаться, по-крайней-мѣрѣ, преждевременно.

Полина легла спать въ горячкѣ. У ней былъ ночью бредъ. Должно ли этому удивляться, когда подумаешь о разговорѣ съ Филиппомъ, объ этомъ смѣломъ вызовѣ, брошенномъ человѣкомъ, въ которомъ она признавала какое-то вліяніе надъ нею, объ этомъ великомъ волненіи, смѣнившемъ волненія, осаждавшія ее передъ этимъ, объ этихъ ежедневныхъ переходахъ отъ надежды къ разочарованію?

Пока она чувствовала себя сильной своей любовью, она улыбалась своей горести, но въ этотъ вечеръ единственное сомнѣніе, котораго она еще не испытывала такъ сильно—сомнѣніе въ себѣ самой вошло въ ея сердце и не выходило оттуда. Она могла иногда, въ часы великой горечи, включать и себя въ то презрѣніе, которое она чувствовала ко всему человѣческому

роду. Но эта иронія не очень ее оскорбляла; это были шпоры, а не шпага. Ироническія слова Филиппа вдругъ раскрыли передъ нею бездну. Если Гекторъ не любилъ ее, а она не любила Гектора, тогда она погибла; жизнь ея не удалась, вся гордость ея исчезла, она должна умереть, предаться отчаянію.

Когда горячка оставляла ей промежутки разсудка, она звала Гектора, который былъ возлѣ нея, который не оставлялъ ее, и спрашивала его съ тоскою, любитъ ли онъ ее попрежнему.

Гекторъ успокоивалъ ее, но самъ былъ растревоженъ и огорченъ и началъ смотрѣть на свою привязанность къ Полинѣ, какъ на грустную нѣжность, которую питаютъ къ больнымъ, осужденнымъ на смерть. Онъ присутствовалъ при агоніи своего счастья и видѣлъ, что, по странному феномену, двѣ честныя души, искренно соединенныя, мучились, разъединялись, хотя никакое внѣшнее обстоятельство не имѣло настолько силы, чтобы породить этотъ безпорядокъ, начинавшійся самъ отъ себя. Они хотѣли любить другъ друга, и чѣмъ болѣе усиливались разгорячать въ своихъ сердцахъ и на своихъ губахъ эту любовь, зависѣвшую столько же отъ воли, сколько отъ сочувствія, тѣмъ болѣе она трепетала въ судорожныхъ конвульсіяхъ, какъбудто собираясь умереть.

XXIV.

Къ утру Полина заснула. Когда она проснулась, кризисъ прошолъ, но горячка осталась и глубокое уныніе смѣнило вчерашній бредъ.

Позвали доктора; онъ не видалъ ничего серьёзнаго и объяснялъ все нервами и нѣкоторыми изъ тѣхъ удивительныхъ причинъ, которыя доктора и часовщики заимствуютъ другъ отъ друга, чтобы объяснить неизвѣстный феноменъ въ человѣческомъ механизмѣ или часахъ. Гекторъ выслушалъ предписанія, принялъ рецептъ, не забылъ заплатить за него, и, когда докторъ уѣхалъ, скомкалъ бумагу, предписывавшую успокоительное лекарство, и приказалъ взять мѣста на отъѣздъ.

— Ты правъ, сказала Полина:—я не хочу здѣсь умереть.

— Дѣло идетъ не о смерти, но о скукѣ; докторъ увѣряетъ, что утомленіе путешествія будетъ для тебя полезно. Мы напрасно, Полина, совѣтовались съ случайностью. Напрасно не велѣлъ я поворотить лошадей; если хочешь, впередъ я буду распоряжаться нашимъ путемъ. Я уважилъ всѣ твои фантазіи, я не раскаяваюсь и не упрекаю тебя. У тебя слишкомъ-живой и слишкомъ-справедливый умъ, чтобы не понять причинъ моего поведенія; ты не будешь на меня сердиться, если, по окончаніи твоихъ опытовъ, я буду также дѣлать опыты немножко въ свою очередь и постараюсь научиться управлять нашей жизнью. Эти безполезныя и опасныя встрѣчи, сдѣланныя нами здѣсь, эти сожалѣнія и эта ревность, которую ты привезла съ завода—все это жестокая игра; ты проиграла, предоставь мнѣ въ мою очередь съиграть партію: это мой долгъ; еслибы я ранѣе предъявилъ на него право, ты бы сочла себя подъ опекой, ты протестовала бы; теперь ты предоставляешь его мнѣ, неправда-ли?

— Дѣлай что̀ хочешь; я твоя жена, управляй мною.

— Потому именно, что ты жена добровольно выбранная, которую я полюбилъ за ея мужество и прямоту, я хочу спасти тебя, продолжалъ Гекторъ.—У насъ нѣтъ дѣтей, которыхъ мы могли бы воспитывать, но у насъ есть наши души, которыя мы должны поддерживать и просвѣщать. Будь тверда, и пустимся въ путь. Не будемъ предоставлять завистникамъ радости присутствовать при нашемъ пораженіи. Какъ! два сердца, честныхъ, свято соединенныхъ, не могутъ быть счастливыми, потому-что на свѣтѣ есть такіе дураки, какъ Депрэ, такія сумасшедшія, какъ лэди Фиц-Питерсъ, такія твари, какъ мадамъ де-Сент-Овидъ, люди съ такимъ испорченнымъ умомъ, какъ Филиппъ Лоаньонъ! Полно, это противно здравому смыслу!

— Ты забываешь еще одно имя между всѣми этими именами, кротко перебила Полина:—Мари!

— Она не имѣетъ вреднаго вліянія, возразилъ Гекторъ.

— Однако именно она, сказала баронесса де-Вилльморанъ:—болѣе всего тяготитъ надъ моей судьбой. Я не ревную къ Аде-

ли, Депрэ не пугаетъ меня, но эта Мари, столь величественная и столь чистая, эта страдалица, столь счастливая въ своей горести—вотъ образецъ, внушающій мнѣ зависть и приводящій меня въ отчаяніе; притомъ я боюсь, чтобы ты не сравнивалъ ее со мною, и страдаю.

— Ты забываешь мосьё Филиппа, возразилъ Гекторъ.—Этотъ господинъ рѣшительно принимаетъ права, которыя ему слѣдовало бы ограничить нѣсколько. Онъ хочетъ управлять нами въ нашей домашней жизни.

— Еслибъ ты слышалъ, какіе совѣты давалъ онъ мнѣ сегодня, ты, можетъ-быть, одобрилъ бы ихъ.

— Я не сожалѣю, что не слышалъ ихъ, и не хочу знать. Мосьё Лоаньонъ имѣетъ очень-развязный, забавный, живой умъ; я считаю его даже неспособнымъ къ такому вѣроломству, какое нашъ кузенъ Депрэ пробовалъ на заводѣ; но берегись: онъ льститъ твоей наклонности къ ироніи. Слова его—пронзительная музыка, проникающая и раздражающая; мнѣ очень-пріятно было бы слышать его въ концертѣ, но соло его мнѣ не нравится.

— Ты правъ, всегда правъ! сказала Полина, съ безропотной кротостью качая головой:—невозможно быть благоразумнѣе, осторожнѣе; но что до этого нашему счастью? Я тѣмъ не менѣе буду несчастна, потому-что она происходитъ не отъ тебя, не отъ другихъ, она во мнѣ самой.

— Я хочу помочь тебѣ выйти изъ себя самой, сказалъ Гекторъ, взявъ ее за обѣ руки и помогая ей приподняться.

— Даже твоя кротость, мой бѣдный другъ, сказала Полина:—вмѣсто того, чтобы успокоить меня, увеличиваетъ мое мученіе. Я говорю себѣ, что вы всѣ имѣете мужество, а у меня одной его нѣтъ; я говорю себѣ, что вы слишкомъ жалѣете обо мнѣ, и что, стало-быть, когда такъ, вы отчаяваетесь во мнѣ. Ты заставляешь меня страдать, стараясь спасти меня.

Гекторъ не хотѣлъ отвѣчать, онъ только ей улыбнулся.

Оставшись одна, Полина долго сидѣла потупивъ глаза. Она была тронута этой заботливостью, этой неисчерпаемой добротой; но она спрашивала себя, любовь ли было это состраданіе,

и сама она принимала ли эти попеченія съ столь страстной признательностью, какую чувствовала прежде. Роковыя и рѣшительныя слова Филиппа приходили ей на память. Она находила даже въ новой дѣятельности своего мужа причину къ сомнѣнію.

«Онъ волнуется, чтобы увѣрить самого себя, будто онъ любитъ меня еще; отчего же меня возмущаетъ его предложеніе? О, зачѣмъ я увидѣла этого человѣка!»

Думая о Филиппѣ, она спрашивала себя, что̀ онъ скажетъ объ ея внезапномъ отъѣздѣ.

«Онъ подумаетъ, что я боюсь его. Можетъ-быть, онъ подумаетъ, что я люблю его и что мой мужъ ревнуетъ. Мнѣ хотѣлось бы предупредить его. Если онъ будетъ стараться увидѣть меня, слѣдовать за нами! Но, нѣтъ! онъ, безъ-сомнѣнія, будетъ ждать.»

Полина не смѣла признаться себѣ самой, что сама она желала его видѣть. Какая-то роковая симпатія привлекала ее къ этому человѣку съ скептическимъ умомъ. Она думала такъ же, какъ и онъ; онъ сомнѣвался такъ же, какъ и она! Они оба имѣли такой побѣдоносный способъ казнить низости и смѣшныя стороны! Но, какъ честная женщина и обманутая влеченіемъ, которое она принимала за отвращеніе, она долго сопротивлялась мысли писать ему. Увы! она сопротивлялась слишкомъ-долго, потому что наконецъ она сказала себѣ, что ея нерѣшимость была малодушіемъ, что не нужно было приписывать важности такой простой предосторожности, и, подбѣжавъ къ столу, написала:

«Прощайте! я ѣду. Любовь моего мужа заставила меня стыдиться вашихъ парадоксовъ. Я не буду болѣе имѣть здѣсь терпѣнія слушать васъ и желанія понять васъ.

«Когда вы воротитесь въ Парижъ, если пріятность маленькой супружеской пустыни можетъ васъ прельстить, мосьё де-Вилльморанъ будетъ очень радъ принять васъ у себя.»

Едва была отправлена эта записка, какъ Полиною овладѣли угрызеніе и гнѣвъ.

— Кчему мнѣ было писать? и не смѣшно ли это письмо? Я увѣдомляю его, что я ѣду, для того, чтобы не слушать его, и

приглашаю его видѣться со мною. Гекторъ правъ: я не умѣю вести себя, я становлюсь слѣпой и безумной.

Раздражившись противъ себя самой, преувеличивъ неблагоразуміе своей записки, она говорила себѣ:

«Имѣла ли я право такъ гордиться моей любовью? Вотъ, послѣ пятилѣтней честной супружеской жизни, послѣ цѣлой молодости, проведенной въ борьбѣ и терпѣніи, я унижаюсь до пошлаго кокетства, представляю ревнивцемъ благороднѣйшаго и честнѣйшаго мужа и такъ малодушна, что не запираю дверь передъ этимъ человѣкомъ, который предъявляетъ права на мою душу и хочетъ управлять ею.»

Не надо удивляться энергіи этого раскаянія и неосторожности, предшествовавшей ему. Полина привезла съ собою воспоминаніе о Филиппѣ въ Баденъ и, сама не отдавая себѣ отчета, хранила его, какъ какое-то болѣзненное очарованіе, въ глубинѣ своего сердца. Для нея было достаточно нѣсколькихъ словъ, чтобы разорвать въ своихъ собственныхъ глазахъ ложь, которою она прикрывала свои тайныя чувства, и, увидѣвъ рядомъ Гектора и журналиста, она испугалась, что не любитъ уже попрежнему Гектора и не столько ненавидитъ, какъ прежде, Лоаньона.

Эти внезапные перевороты случаются гораздо-чаще, нежели предполагаютъ, и они совершенно-согласны съ логикой—я долженъ бы сказать съ отсутствіемъ логики въ человѣческой душѣ. Иногда въ нашихъ чувствахъ образуются глубокія впадины, которыя наполняются и закрываются кучей софизмовъ, ложныхъ разсужденій, мелочнаго лицемѣрства до того дня, когда какая-нибудь искра подожжетъ все это, взорветъ мину и раскроетъ бездну подъ землей, которую считали очень-твердой. Съ Полиною происходило нѣчто подобное. Она поклялась бы въ своей неизмѣнной любви, она ревновала страстно. Она умерла бы, еслибъ узнала, что мужъ ей невѣренъ; но между-тѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ она повторяла ему, что любитъ его, ею овладѣвалъ страхъ, что она уже его не любитъ, и она находила глубокую бездну, тогда какъ думала, что находитъ только самое незначительное разстояніе между сердцами.

Однако это открытіе не перешло еще за границы подозрѣнія и безпокойства. Полина не хотѣла ясно прочесть въ своей душѣ. Когда очевидность давила ее, она старалась закружить себѣ голову, и съ-тѣхъ-поръ какъ она чувствовала тайный страхъ, что не любитъ Гектора попрежнему, она повторяла двадцать разъ съ горячностью, сложивъ руки:

— Какъ его я люблю! какъ онъ добръ! какъ онъ великодушенъ!

Съ своей стороны, Гекторъ, котораго мы до-сихъ-поръ безъ намѣренія оставили нѣсколько въ тѣни, чувствовалъ въ своемъ сердцѣ подобную же недовѣрчивость и такія же угрызенія; онъ также не хотѣлъ вѣрить, чтобы любовь его могла кончиться; онъ также, все уважая свою жену, думалъ, что любитъ ее попрежнему, и дѣятельная твердость, обнаруженная имъ, рѣшимость, вдругъ принятая имъ, предоставлять соображенію Полины управлять ихъ домомъ, были ничто иное, какъ честныя и искреннія усилія, чтобы закрыть бездну, которую онъ чувствовалъ подъ своими ногами.

Баронъ и баронесса де-Вилльморанъ уѣхали изъ Бадена на другой день ихъ пріѣзда. Лэди-Фиц-Питерсъ вздохнула. Терпѣніе, съ какимъ Гекторъ слушалъ надгробную рѣчь попугаю, заставило сантиментальную Антонію втайнѣ надѣяться, что, можетъ-быть, онъ раскаявается въ своей прошлой слабости и осмѣлится просить у нея нѣжныхъ и въ-особенности цѣломудренныхъ утѣшеній.

Адель выразила Филиппу свое мнѣніе. Этотъ отъѣздъ заставилъ его упорствовать въ немъ. Лоапьонъ же былъ серьёзно взволнованъ и приведенъ въ замѣшательство. Въ эти пять лѣтъ онъ сдѣлался деликатенъ. Онъ не былъ обольстителемъ и слишкомъ любилъ Полину, въ-особенности угадывалъ ее слишкомъ-хорошо для того, чтобъ глупо тщеславиться своимъ успѣхомъ у нея.

Когда онъ получилъ неловкую записку, которую она имѣла смѣлость написать ему, онъ долго размышлялъ.

«Не-уже-ли она дошла до того, что и умъ потеряла?» говорилъ онъ самъ себѣ.

Онъ испугался отвѣтственности, которую любовь его должна

была принять. Послѣ зрѣлаго размышленія, какъ ему надо поступать, онъ рѣшился ждать, остаться въ Баденѣ, воротиться въ Парижъ зимой; и, чувствуя себя выше обыкновенной тактики, онъ думалъ:

«Я явлюсь къ ней только для того, чтобы свести ее съ мужемъ или похитить ее у него. Она должна быть счастлива, во что бы то ни стало, или съ де-Вилльмораномъ, или со мной. Разорвать ея бракъ значитъ любить ее, но скрѣпить его значило бы, можетъ-быть, любить ее еще болѣе.

И этотъ пресыщенный герой, не тщеславившійся даже передъ самимъ собой своимъ героизмомъ: до того онъ былъ равнодушенъ ко всему, даже къ своему счастью, остался въ Баденѣ въ обществѣ Адели и каждый вечеръ рисковалъ какой-нибудь мелочью въ рулетку, какъ человѣкъ праздный, безъ цѣли и безъ сердца.

Де-Вилльморанъ продолжалъ дорогой принятую на себя роль; онъ обращался съ Полиной съ кротко-родительской властью, и она не думала протестовать. На другой день возвращенія въ Парижъ, онъ пришелъ въ комнату Полины, сѣлъ возлѣ нея, взялъ ее за руку и сказалъ съ кротостью:

— Дитя мое, одиночество чуть не сдѣлалось для насъ пагубнымъ, внушивъ намъ наклонность къ путешествіямъ, которыя намъ не удались. Впередъ мы будемъ жить не одни. У меня будетъ назначенный день для гостей. Я былъ скупецъ, сохраняя для себя одного цвѣты и плоды такого ума, какъ твой. Я растворяю эдемъ для мародеровъ. Это средство не бояться ихъ болѣе. Я считалъ себя нечестолюбивымъ; я чувствую, что я становлюсь имъ. Я былъ воспитанъ въ политическихъ идеяхъ, которыя послѣ преобразовались посредствомъ размышленія. Мнѣ не хотѣлось бы участвовать въ политикѣ: у меня есть свои правила. Но для человѣка, который не считаетъ себя рѣшительно-безполезнымъ, есть идеи практическія, которыя онъ можетъ распространять, есть вопросы спеціальные, которые онъ можетъ разъяснить. Я хочу написать книгу; ты будешь давать мнѣ совѣты; я не смѣю сказать, что ты будешь моимъ секретаремъ, мнѣ хотѣлось бы сказать—моей сотрудницей. Ты оживишь сво-

имъ сочувствіемъ, разогрѣешь своимъ дыханіемъ мои холодныя теоріи, ты вложишь пламя въ статистику и поэзію въ вопросы о бюджетѣ. Если нѣкоторыя изъ этихъ идей представятъ возможное осуществленіе, мы постараемся ихъ осуществить. Ты поможешь мнѣ въ-особенности тогда; хочешь взять на себя половину моего честолюбія?

— Я согласна! съ живостью вскричала Полина, удивляясь, что Гекторъ подаетъ ей почти такой же совѣтъ, какой она уже получила отъ Филиппа.

— Если мы увидимъ, что мы ошиблись, мы постараемся садить капусту, а не распространять идеи. Ты хотѣла сдѣлаться молочницей, я сдѣлаюсь фермеромъ.

— О, я уже забыла мои деревенскія наклонности! сказала Полина, улыбаясь.

— Нѣтъ, ты просто забыла о Баденѣ и о заводѣ Депрэ.

Полина взглянула на мужа съ искреннимъ восторгомъ.

«Это невозможно, чтобъ я не любила его всею моею душою» думала она, бросаясь къ нему на шею.

Гекторъ не обманывалъ себя уже никакой мечтой. Сказать по правдѣ, онъ даже никогда не имѣлъ надеждъ, которыхъ разрушили бы событія послѣ его брака. Онъ любилъ Полину съ восторгомъ цѣломудренной души къ зрѣлищу нищеты, честно претерпѣваемой, терпѣливой добродѣтели, стѣсненнаго ума. Въ этомъ домѣ, гдѣ угасала его молодость, онъ встрѣтилъ эту бѣдную мужественную дѣвушку, и сказалъ себѣ, что освободить ее, перенести въ высшій свѣтъ, осуществить всѣ ея мечты было благородно. Онъ, заглушившій голосъ свой молодости въ безмолвіи и наукѣ, понималъ мученія этой смиренной компаньонки; онъ предвидѣлъ восторгъ признательности, упоеніе счастья въ любви, которое приготовлялось для нея.

Но эта страсть, долго-сдерживаемая, начало которой онъ видѣлъ, обязывала не только любовь его, но и честь, и еслибы онъ долженъ былъ загладить горькими сожалѣніями свое сочувствіе, ему неслѣдовало отступать послѣ того, какъ онъ придалъ дѣйствительность мечтамъ, возродившимся въ сердцѣ Полины.

Побѣгъ ея, ея разсчитанное убѣжище, а болѣе всего ея пребываніе у госпожи де-Сент-Овидъ показали де-Вилльморану всю обширность избраннаго имъ ума.

Не сомнѣваясь ни одной минуты въ благородной волѣ своей невѣсты, ни даже въ ея нѣжности, онъ угадывалъ въ ней такую потребность возмездія и презрѣнія свѣта, такую неукротимую гордость, такое неумолимое желаніе найти въ бракѣ торжество и мщеніе, что онъ считалъ свое счастье погибшимъ и впередъ; онъ принялъ намѣреніе принести себя въ жертву, не дожидаясь утѣшенія.

Онъ думалъ, что кротость, покорность безъ малодушія, удовлетвореніе всѣхъ инстинктовъ, изящество, совершенное спокойствіе духа, можетъ-быть, успокоятъ или укротятъ, по-крайней-мѣрѣ, эту колкую, но честную зависть. Онъ поклялся себѣ взять на свою долю всѣ разочарованія и избавить жену отъ всѣхъ неудачъ и обманутыхъ ожиданій.

Но было трудно, если не невозможно, не допустить Полину ушибаться на каждомъ шагу и страдать отъ спокойствія, какъ она долго страдала отъ борьбы. Она влагала въ свой долгъ страсть, которую нельзя было ни ограничить, ни умѣрить. Когда госпожа де-Ментенонъ, эта начальница честолюбивыхъ дамъ, спекулировала на добродѣтель, она по-крайней-мѣрѣ леденила свое сердце, охлаждала свою подавленную молодость. Полина спекулировала, сама того не зная. Въ ней не было лицемѣрія и, со всею искренностью своей увѣренности, она поклялась достигнуть уваженія и любви; но она разсчитывала на бракъ какъ на награду за свои прежнія жертвы, а не какъ на перспективу новыхъ жертвъ. Она хотѣла жить ежедневными волненіями и, гордясь своею добродѣтелью, воображала, что сознаніе долга, въ соединеніи съ наслажденіями любви, доставитъ ей безконечные восторги. Однако, она героически соглашалась страдать еще, но страдать надѣясь или домогаясь, страдать новымъ желаніемъ, смѣнившимъ желаніе удовлетворенное.

Когда она вышла замужъ, она удивлялась, что ей нечего болѣе ненавидѣть, нечего болѣе домогаться. Спокойствіе внуши-

ло ей скуку, и пріятность ея жизни раздувало только пламя, остававшееся въ ней.

Она хотѣла безропотно покориться, хотѣла погрузиться совершенно въ безмолвное обожаніе своего мужа. Но Гекторъ не представлялъ достаточныхъ причинъ для обожанія и, по самому совершенству своихъ практическихъ добродѣтелей, онъ не подходилъ подъ это обожаніе. Онъ всегда былъ одинаковъ. Его неизмѣнная доброта нравилась, потомъ утомляла. Дѣти спасли бы Полину; но этотъ пустой и безмолвный домъ не могъ всегда ограничивать пылъ души, которая раздражалась и воспламенялась. Мы видѣли, какъ ревность Полины къ Мари и какъ потомъ сардоническія и дерзкія слова Филиппа ускорили взрывъ пагубнаго зародыша страсти. Баронесса де-Вилльморанъ могла спрашивать себя, любитъ ли она попрежнему и любима ли—вопросъ роковой, которому отвѣта не нужно и который возвращается безпрестанно, когда разъ уже наступилъ.

Гекторъ, съ своей стороны, послѣ четырехлѣтнихъ наблюденій, послѣ четырехлѣтняго терпѣнія, началъ бояться, что уступилъ скорѣе софизму, нежели разсудку, и напрасно пытался акклиматизировать въ спокойномъ климатѣ натуру независимую и пылкую, которая была создана для того, чтобы взбираться на высокія вершины и перескакивать пропасти. Онъ женился по угрызенію, что возбудилъ любовь; теперь онъ чувствовалъ угрызеніе, что кротко не искоренилъ этой любви. Онъ чувствовалъ, что въ сердцѣ Полины у него былъ соперникъ, соперникъ страшный—не Филиппъ, а самъ онъ, его собственный идеалъ, вызванный когда-то Полиною Фуко, который унижалъ и разочаровывалъ теперь дѣйствительность для баронессы де-Вилльморанъ. Этотъ-то лучезарный образъ и хотѣлось ему вырвать. Но усилія его были безплодны, и онъ предвидѣлъ несчастья, въ которыхъ деликатность его заранѣе налагала на него отвѣтственность.

Онъ рѣшился бороться неустрашимо съ этимъ призракомъ пресыщенія, который становился между женою его и имъ, и мы видѣли первыя усилія этой воли, которыя какъ бы подстреку-

ли мужество Полины. Она была поражена сходствомъ убѣжденій мужа съ убѣжденіями Филиппа. Она думала, что воспоминаніе о словахъ Филиппа не будетъ болѣе опасно для нея теперь, когда слова ея мужа согласовались съ его словами. Она думала, что останется вѣрною Гектору, слѣдуя совѣтамъ Лоаньона, предложеннымъ Гекторомъ. Это было заблужденіе честной души, которая могла уступить страсти, но не измѣняя добровольно долгу и стараясь до конца сохранить любовь и честь.

XXV.

Гекторъ де-Вилльморанъ могъ показаться читателю ниже своей жены; а напротивъ, онъ возвышался надъ нею всею силою того превосходства, которое именно было одною изъ причинъ мучившей ихъ тревоги.

Полина скоро освободилась бы отъ глупаго и ничтожнаго мужа, и что̀ сдѣлала бы она тогда—мы не знаемъ и не будемъ даже догадываться. Но истинная сила, которую она чувствовала подъ этой наружной слабостью, это сопротивленіе, которое никогда ее не стѣсняло, этотъ разсудокъ, который всегда ей улыбался, эта преданность, которая никогда не раздражалась, это холодное и нѣжное обращеніе часто обвиняли ее и въ то же время внушали ей глубокое уваженіе, которое должно было помѣшать ей возненавидѣть того, кого, можетъ-быть, она не вѣчно могла любить.

Въ-самомъ-дѣлѣ, уваженіе было одною изъ причинъ раздраженія между этими супругами. Гекторъ, еслибы не спасъ свою жену, по-крайней-мѣрѣ упростилъ бы ея чувства, сдѣлавшись виновнымъ; но онъ не довелъ героизмъ до того, чтобы пасть въ своихъ собственныхъ глазахъ, и вина его состояла въ томъ, что онъ оставался безупреченъ.

Ревность Полины происходила не столько отъ любви, которая защищалась, сколько отъ тайной гордости, которая говорила ей, что она свободнѣе управляла бы своею судьбой, еслибы могла вооружиться дѣйствительной и серьёзной обидой

противъ этого непогрѣшимаго властелина, спокойствіе котораго угнетало ее.

Эти чувства волновались, однако, въ глубинѣ совѣсти Полины, но она ихъ неясно сознавала. Она также слишкомъ дорожила своимъ собственнымъ уваженіемъ, чтобы охотно слушаться дурныхъ совѣтовъ своей гордости. Но намъ необходимо войти въ этотъ анализъ, чтобы дать понять поведеніе, которое сохраняло подъ наружнымъ колебаніемъ неизмѣнную логику, и чтобы объяснилось несчастье двухъ жизней, соединившихся по искреннему желанію и раздѣленныхъ причинами сильнѣе воли.

Гекторъ терпѣливо ждалъ времени, когда онъ можетъ заговорить нѣсколько-самовластно. Что онъ могъ дѣлать до-тѣхъ-поръ? Еслибы онъ боролся съ мечтами, съ энтузіазмомъ, съ горестями Полины, онъ оскорблялъ бы ее и огорчалъ безъ пользы для ея счастья. Но когда онъ увидалъ ея слабость, когда счелъ ее полупобѣжденной, когда примѣтилъ, что она сгибается подъ своей ношей и дрожитъ, что должна выбирать между грубымъ искушеніемъ, предложеннымъ ей Филиппомъ, и какимъ-нибудь ненадежнымъ утѣшеніемъ, какъ напримѣръ тщеславіемъ сдѣлаться писательницей, онъ подумалъ, что минута настала, и кротко, твердо потребовалъ свое право.

Мы сказали, что Полина начала уже чувствовать нравственное головокруженіе. Она не боролась, она покорно приняла руку, протянутую ей мужемъ. Она имѣла послѣдній приливъ надежды, помѣшавшій ей утонуть.

«Я знала» думала она: «что у него душа не дюжинная, что онъ съумѣетъ меня спасти, что въ немъ скрывается герой, котораго предугадывали мои инстинкты.»

Тогда, желая думать только объ одномъ, она начала стремиться только къ одной цѣли: она хотѣла перенести въ чистыя области ума свою тревожную и болѣзненную любовь, которой чувства угрожали смертью.

Ея образованіе, самый этотъ педантизмъ, который воспитаніе вложило въ нее, подтверждали ея мнѣніе.

«Гекторъ правъ» думала она съ гордостью: «есть вершины,

гдѣ пошлости этого міра не могутъ достигнуть до насъ. Такъ-какъ мы не можемъ любить другъ друга одною любовью, мы будемъ любить другъ друга умомъ. Я не буду уже его женою, я буду половиною его ума, его разума, и пусть-ка Мари попробуетъ соперничествовать со мною въ этомъ!»

Она думала, что избавится отъ своей ревности, отъ недовольства самой собою, устремившись къ этимъ высотамъ; она могла бросить все человѣчество и жить въ отвлеченныхъ Елисейскихъ Поляхъ, куда не могли бы проникать болѣе пошлыя искушенія и грубая недовѣрчивость, которыя преслѣдовали ее неотступно и унижали. Но она съ такимъ нетерпѣніемъ желала излечиться, что преувеличивала силу и быстроту лекарствъ; черезъ нѣсколько дней послѣ этого послѣдняго разговора, о которомъ мы говорили, Гекторъ признавался самъ себѣ, что выздоровленіе еще не найдено и что болѣзнь, можетъ-быть, утихнетъ, но впослѣдствіи пробудится еще сильнѣе, еще неумолимѣе.

Въ-самомъ-дѣлѣ, на нѣсколько минутъ какъ будто послѣдовала отсрочка. Полина истрачивала на нравственное кокетство всѣ силы своей души. Она интересовалась занятіями своего мужа, любила садиться возлѣ него, читать ту же страницу, ждать его въ концѣ строчки, которую она уже пробѣжала въ одинъ мигъ.

Постарались созвать въ маленькую гостиную Курсельской улицы нѣсколько ученыхъ, нѣсколько литераторовъ. Баронесса де-Вилльморанъ предсѣдательствовала за академическими обѣдами. Умъ ея окончательно изощрился и просвѣтился въ этихъ разговорахъ, достойныхъ ея. Смѣлая въ своихъ стремленіяхъ, отважная въ своихъ изъисканіяхъ, она любила радикальныя теоріи; ей хотѣлось бы, чтобы ей помогли перемѣнить свѣтъ, передѣлать его къ лучшему. Притомъ, она нашла въ своихъ идеяхъ ту любовь, которую не могла уже найти въ своей жизни, и неистово пристрастилась къ утопіи, которую принимали за гнѣвъ, а которая была только безпорядочное изліяніе ея нѣжности.

Гекторъ не слѣдовалъ за нею такъ высоко, или, скорѣе, не хотѣлъ отваживаться на эти опасныя тропинки. Онъ кротко вы-

водилъ ее на прямой путь и отвѣчалъ ей, отвѣчая другимъ; но Полина шла наперекоръ его благоразумію, презирала его опытность и приходила въ нетерпѣніе, что сталкивается съ хладнокровіемъ своего мужа даже на глубокой синевѣ неба, куда бросалъ ее энтузіазмъ.

Гекторъ приготовилъ матеріалы для книги, но Полина, согласная съ нимъ въ сущности, находила его робкимъ, колеблющимся въ подробностяхъ; онъ просилъ ее оживить статистику— она жгла ее. Она вкладывала во всѣ свои занятія ту страсть и ту горечь, которыя сдѣлали ее столь несчастною. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, это развлеченіе, которое они выбрали себѣ, сдѣлалось предлогомъ къ нескончаемымъ спорамъ. Гекторъ не отступался отъ своихъ идей, Полина придерживалась своихъ идей, и такъ-какъ вопросъ объ ихъ любви, о ихъ счастьи не являлся въ замѣтной формѣ этихъ споровъ, такъ-какъ они какъ-будто сердились только на свои взаимныя ошибки, они спорили между собою дружелюбнымъ образомъ, давая полную свободу своимъ антипатіямъ, которыя какъ-будто сталкивались только съ мнѣніями и предразсудками.

«Какъ жаль, что такое доброе и великое сердце» думала Полина: «имѣетъ такія странныя слабости!»

— Какъ жаль, говорилъ Гекторъ:—что въ этой душѣ есть все кромѣ логики!

И, въ своихъ мужественныхъ усиліяхъ, чтобы наполнить свою жизнь, они рыли между собою неизмѣримую бездну, воображая, будто наваливаютъ гору.

Свѣтъ, играющій въ душевныхъ драмахъ роль древняго хора, но хора, который не видитъ и поетъ фальшиво, свѣтъ восхищался умомъ баронессы де-Вилльморанъ. Гостиная ея славилась. Къ ней рвались, чтобы слышать философовъ въ шутливой бесѣдѣ, людей политическихъ въ фамильярномъ разговорѣ.

Зимою 1846 и во все лѣто 1847 года Полина Фуко царствовала вполнѣ и получила весь успѣхъ, какого только могло ожидать ея тщеславіе. Богатая, знатная, уважаемая, прославляемая, она торжествовала, но чувствовала тревогу въ сердцѣ и какъ-будто стремилась по какому-то гибельному скату.

У ней были часы проницательности, гдѣ весь этотъ шумъ, вся эта наука, вся эта гостинная слава, вся эта будоарная философія, всѣ эти вѣерныя теоріи казались ей безсмысленны. Когда она примѣчала, что передъ нею, среди восхищенной гостиной, стоялъ единственный человѣкъ, который противорѣчилъ ей и котораго она не побѣдила, когда она встрѣчала кроткій и снисходительный взоръ Гектора, видѣвшаго ея торжество надъ другими, когда онъ протестовалъ своимъ молчаніемъ ея личнымъ убѣжденіямъ, она чувствовала себя униженной и побѣжденной въ свою очередь. Иногда она имѣла порывы, проблески покорности. Она бросалась на шею Гектору и говорила ему:

— Спаси меня и не будемъ болѣе думать о томъ, какъ спасать человѣчество!

Потомъ она плакала, клялась думать такъ, какъ онъ, старалась покоряться его волѣ, или закрывала свою гостиную на нѣсколько дней, принудивъ Гектора оставлять свои книги и занятія, и требовала у восторговъ любви обманчивыхъ мечтаній, которыя проходили скоро и опять возвращали ее къ скукѣ.

Филиппъ Лоаньонъ не являлся. Полина опасалась его присутствія, а журналистъ, по разсчету или по благородству, не хотѣлъ толкаться въ толпѣ, наполнявшей гостиную барона де-Вилльморана. Филиппъ былъ главнымъ редакторомъ въ одномъ большомъ журналѣ и весь былъ занятъ борьбою съ министерствомъ, которому нечего было предложить ему.

Въ одинъ вечеръ при Полинѣ говорили объ одной статьѣ въ этомъ журналѣ, отъ которой заколебались цѣны на биржѣ. Полина узнала съ первой строчки, съ первой остроты ѣдкій талантъ Филиппа. Сарказмы его были безжалостны, шутки наносили кровавыя раны политическимъ людямъ, возвѣщали бури, предсказывали перевороты; въ этихъ строкахъ, исполненныхъ негодованія, были огонь, порохъ и громъ.

Баронесса де-Вилльморанъ принуждена была останавливаться нѣсколько разъ: до того сердце ея билось при чтеніи этой страницы, въ которой не чувствовалось никакого другаго убѣжденія, кромѣ презрѣнія. Она читала то, что написала бы сама;

вся ѣдкость ея ироніи мелькала передъ ея глазами, пылая въ этихъ строчкахъ. Свирѣпая радость заставляла ее улыбаться.

— Я была права, говорила она:—онъ думаетъ такъ, какъ я, и свѣтъ пугается его предсказаній, которыя заранѣе громятъ своею справедливостью. Такимъ образомъ поражала бы и я.

Ей захотѣлось написать Филиппу, поблагодарить его за этотъ ѣдкій напитокъ, поощрить его; но ее остановили ея природная простота и угрызеніе первой неосторожности. Она думала остаться вѣрною данной клятвѣ, ограничиваясь тѣмъ, что прилежно читала этотъ журналъ и тайно жила волненіями, которыя онъ доставлялъ ей, оставаясь, такимъ-образомъ невѣдомо отъ всѣхъ въ сообщеніи съ мыслями Филиппа. Она воображала, что это диктовала она, и сіяла радостью, когда, развертывая листокъ, еще влажный, находила тамъ свои мнѣнія, свою иронію, свои сомнѣнія и даже свои горести.

Она хотѣла прочесть эти статьи Гектору. Въ своей честности, она думала, что еслибы эти два человѣка могли понять одинъ другаго, она не измѣнила бы ни одному изъ нихъ, сдѣлавшись ихъ сообщницей. Но Гекторъ терпѣть не могъ шумныхъ манифестацій и ненавидѣлъ чернильныя баррикады еще болѣе баррикадъ на мостовыхъ. Онъ слишкомъ-твердо вѣрилъ прогресу для того, чтобы желать его компрометировать ѣдкими колкостями, и, готовый умереть за правое дѣло, онъ не желалъ убивать никого.

Онъ приготовлялся къ великому движенію, отказываясь участвовать въ интригахъ, и скрывалъ въ глубинѣ сердца презрѣніе и дурныя страсти, вызывая на поверхность только великодушныя чувства и пылъ преданности.

Онъ читалъ статьи Филиппа съ улыбкою нѣсколько-печальной. Можетъ-быть, онъ узнавалъ автора и пугался странной привлекательности, которую эти страницы имѣли для Полины. Онъ опровергнулъ эти задорливыя теоріи въ нѣсколькихъ словахъ и заключилъ такимъ образомъ:

— Большая часть журналистовъ, милая Полина, занимается политикой, какъ наши журналисты пишутъ романы; иногда даже одно и то же перо служитъ для двухъ предметовъ; они пре-

увеличиваютъ добродѣтель своихъ любимыхъ дѣйствующихъ лицъ и видятъ рѣшительныхъ чудовищъ въ ихъ врагахъ. Для нихъ нѣтъ оттѣнковъ, нѣтъ перспективъ. Надо быть идеальнымъ типомъ или разбойникомъ. Преувеличивая такимъ-образомъ свою точку зрѣнія, они дѣлаютъ невозможнымъ обращеніе и превращаютъ побѣды партій въ мщеніе. Политическія убѣжденія должны быть надеждою, а не злопамятностью. Самое вѣрное средство побѣдить своихъ противниковъ состоитъ не въ томъ, чтобы ненавидѣть ихъ, потому-что этимъ мы можемъ укрѣпить ихъ, а сожалѣть о нихъ, доказывая имъ въ-особенности, что они достойны сожалѣнія.

— Ты обращаешься съ политикой какъ съ любовью и супружеской жизнью, возразила Полина съ нетерпѣніемъ.

— Политика—всеобщая супружеская жизнь.

— Но надъ ссорами партій, перебила баронесса де-Виллыморанъ:—такъ же, какъ и надъ ссорами домашними, нѣтъ ли также горизонта, гдѣ душа отдыхаетъ, укрѣпляется, бѣжитъ отъ земной пошлости, почерпаетъ свои силы и свое вдохновеніе? У тебя есть необходимое электричество; а ты ищешь въ немъ только пошлую лазурь. Я чувствую молнію, грозу, которая имѣетъ свою цѣль такъ же, какъ и причину; жизнь заключается скорѣе въ борьбѣ, чѣмъ въ спокойствіи, а любовь, неимѣющая ненависти, не есть любовь.

— Любовь, которая проводитъ свое время въ томъ, чтобы ненавидѣть, кажется мнѣ злоупотребленіемъ, сказалъ Гекторъ, улыбаясь.

Полина не возражала; спокойствіе мужа заставляло кипѣть ея кровь и она все боялась, чтобы досада и иронія не вызвали на губы ея горькія слова, въ которыхъ она упрекала бы себя.

По противорѣчію, которое странно было только по наружности, она опасалась оскорбить человѣка, котораго уже не понимала. Это уваженіе къ Гектору было послѣдней обманчивой мечтой, послѣднимъ предлогомъ, который могъ бы удержать ее. Она чувствовала бы себя погибшей, еслибы отдѣлилась отъ него.

Но всѣ попытки къ союзу были химерою; хотя о любви, искусствѣ, политикѣ, обыкновенной жизни, они не могли уже понять другъ друга. Гостиная баронессы де-Вилльморанъ и вопросы, обсуживавшіеся тамъ, не облегчали горестей этого супружества, а напротивъ, становились случаемъ къ новымъ и глубокимъ огорченіямъ.

Полина, которую волновали декламаціи Филиппа и которая, можетъ-быть, мечтала, что можетъ играть роль въ часъ кризиса, жалѣла въ глубинѣ души, что не можетъ найти союзника въ своемъ мужѣ, и чувствовала непреодолимое влеченіе считать Филиппа роковымъ и предназначеннымъ судьбою сообщникомъ.

Но, по-крайней-мѣрѣ, эта горесть, это разочарованіе, заставляя ее страдать, заставляли и жить. Источники жизни не подвергались уже опасности, и эта горячка избавляла ее отъ отравы скукою.

Это ненормальное и спазмодическое положеніе могло ли долго продолжаться? Это отсутствіе счастья могло ли длиться безъ того, чтобы Полина не рѣшилась на какое-нибудь пагубное возмущеніе? Этого мы не можемъ предположить, потому-что одно обстоятельство ускорило развязку этой драмы.

Всѣ характеры носятъ въ себѣ развязку своей судьбы. Начиная исторію Полины, этой женщины, которая обладала всею образованностью, всѣми добрыми мыслями, всѣмъ мужествомъ, но также и всѣмъ несовершенствомъ, всѣми предразсудками, всѣми сомнѣніями, всѣмъ гнѣвомъ, всей развращенностью женщинъ девятнадцатаго столѣтія, мы предвидѣли исходъ этой измученной жизни и не ждемъ, чтобы случай или катастрофа сняли съ насъ тяжесть этого этюда и освободили читателя отъ пресыщенія этимъ анализомъ.

Полина, угадывавшая по своему страданію горесть Гектора, удивлялась его безропотности. Она находила, что характеръ ея мужа недостаточно объяснялъ его мужество и его спокойствіе.

«Если онъ меня любитъ или любилъ» думала она: «онъ долженъ оплакивать такъ же, какъ и я, мученія нашихъ двухъ сердецъ. Откуда происходитъ, что на его безстрастномъ лицѣ никогда не виднѣются слѣды счастливой безсонницы или проли-

той слезы? Дошолъ ли онъ до того, что уже только жалѣетъ обо мнѣ и не раздѣляетъ моей тоски? Наука и занятія могутъ ли служить утѣшеніями? И принявъ передъ Богомъ обязанность предохранять меня или спасать, не-уже-ли онъ снялъ съ себя заботу о моемъ счастьи и предоставилъ меня себѣ самой?»

Безпокойство, волновавшее ее, дѣлало ее ревнивой къ наружному спокойствію ея мужа. Она наблюдала за нимъ со вниманіемъ. Но Гекторъ не имѣлъ ни утомленія въ добротѣ своей, ни горечи въ словахъ своихъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ выразилъ желаніе управлять домашней жизнью, онъ исполнялъ свою обязанность съ кротостью неутомимою, и прочность его умной заботливости ставила въ-тупикъ Полину.

Она думала, что онъ скрываетъ свои страданія; она употребила всѣ силы, чтобы застать его врасплохъ, войти къ нему вдругъ и стараться прочесть въ его глазахъ. Иногда, когда его не было, она украдкой входила въ его комнату, отъискивала его мёбель, книги и спрашивала у нихъ отвѣта, свѣдѣній, указаній. Она разсматривала пристально страницу, которую Гекторъ прочелъ или написалъ.

Но мёбель была безмолвна, страницы нѣмы; все показывало спокойствіе и силу; методическая аккуратность книгъ и бумагъ была новой ироніей, которая еще болѣе налагала тяжесть на сердце Полины. Ее приводили въ досаду и унижали даже вещи матеріальныя и все въ ея домѣ какъ-будто вооружалось противъ нея.

Въ одно утро она облокотилась на окно своей комнаты и меланхолически смотрѣла въ садикъ отеля, какъ-будто отъискивая на пескѣ аллей слѣды своихъ прежнихъ прогулокъ съ Гекторомъ; она припоминала свои тайные разговоры съ нимъ въ часы ночи, свои опасенія, чтобы ихъ не застали, свой испугъ и свой стыдъ, когда въ одинъ вечеръ она очутилась лицомъ-къ-лицу съ Мари де-Сулень.

«Я была счастлива тогда» думала она, припоминая то печальное и несчастное время. «Я надѣялась; а теперь!...»

Когда она была погружена въ эти размышленія, у калитки сада позвонили. Это факторъ принесъ письма и журналы. По-

лина разсѣянно смотрѣла, какъ привратникъ принималъ бумаги и отправился къ дому отдать ихъ слугамъ.

Письмо—это часто бездѣлица, песчинка, а иногда вселенная; это иногда булавка, а иногда шпага Александра! Никогда неизвѣстно, смерть или жизнь заключаются въ этой маленькой бумажкѣ. Это—иногда комическое происшествіе, иногда развязка драмы. Полина вдругъ почувствовала необузданное желаніе получить письмо и спросила, нѣтъ ли письма къ ней.

— Нѣтъ, отвѣчали ей изъ сада: — всѣ письма къ барину.

— Тѣмъ хуже, сказала Полина со вздохомъ, сама не зная о чемъ она сожалѣетъ.

Потомъ завистливое размышленіе пробѣжало въ ея головѣ.

— Кто занимается Гекторомъ, и зачѣмъ не пишутъ мнѣ?

Она отошла отъ окна и отправилась въ переднюю взять письма.

— Хорошо, сказала она: — я отдамъ все это сама.

И она съ жадностью взяла все, что̀ принесъ факторъ, какъ будто тайный инстинктъ говорилъ ей, что приходъ почтальйона не могъ быть равнодушенъ для нея.

Она читала подписи на различныхъ конвертахъ, когда вдругъ вскрикнула.

Она держала въ рукѣ письмо, толстое письмо, адресованное къ Гектору де-Вилльморану Мари.

— А! вотъ что̀ его утѣшаетъ! подумала Полина съ ревнивымъ бѣшенствомъ.

Она побѣжала въ свою комнату, заперлась и бросилась на кресло. Въ ту минуту, когда гнѣвъ заставилъ ее сорвать печать съ этого письма, она испугалась, ей сдѣлалось стыдно своей ревности.

— Это было бы низостью, сказала она.

Но гнѣвъ не далъ ей возможности побѣдить эту первую совѣстливость.

— Развѣ онъ менѣе низокъ, что обманываетъ меня? продолжала она, залившись слезами. — Вотъ ихъ тайна! вотъ что̀ они обѣщали одинъ другому! Она утѣшаетъ его за меня, онъ

утѣшаетъ ее за Денрэ. Сколько времени переписываются они и о чемъ?

Она опять взяла письмо, комкала его, подносила къ глазамъ, ощупывала, какъ-будто буквы были выпуклыя, какъ-будто слова могли пробиться сквозь бумагу.

«Развѣ я не жена его?» думала она. «Не имѣю ли я права защищать мое счастье посредствомъ нескромности? Мое счастье! стоитъ ли оно того, чтобы защищать его, и не лучше ли мнѣ предоставить Гектору утѣшаться и забыть меня? Но невозможно, чтобы Мари, столь благородная, столь вѣрная своему долгу, измѣнила мнѣ! Откуда происходитъ, однако, что она не пишетъ мнѣ? Если это письмо пошло и равнодушно, зачѣмъ оно не адресовано ко мнѣ? Я спрошу Гектора... Но онъ не будетъ отвѣчать или солжетъ. Зачѣмъ предразсудокъ считаетъ неприличнымъ распечатать это письмо? Даже въ глаза моего мужа, человѣка, имя котораго я ношу, я была бы виновна, еслибы распечатала это письмо, потому-что до-сихъ-поръ я предоставляла ему свободную волю. Но предразсудокъ ли это и не буду ли я обезславлена въ своихъ собственныхъ глазахъ, если сама узнаю тайну, которой не хочетъ сказать мнѣ мой мужъ? Когда я думаю, однако, что въ этомъ листкѣ заключается мой приговоръ, когда я подумаю, что печальная загадка моей жизни можетъ получить развязку при чтеніи этого письма! Ничто не защищаетъ этой бумаги: я могу ее прочесть, разорвать, сжечь и заставить потомъ подумать, что ничего не случилось, что на почтѣ пропало письмо!»

Но Полина не долго колебалась, когда дѣло шло о мужествѣ. Гордость ея всегда была права и совѣтовала ей въ настоящемъ случаѣ быть довѣрчивой даже съ вѣроломными, сохранять надъ Гекторомъ превосходство этого побѣжденнаго искушенія.

«Это лишняя пытка» думала она: «вотъ и все; но онъ, по-крайней-мѣрѣ, не будетъ имѣть права презирать меня».

И, вставъ безъ слабости, она отнесла письма и журналы слугѣ, чтобы онъ отдалъ ихъ прямо барону де-Вилльморану.

За завтракомъ она наблюдала за Гекторомъ. Онъ улыбался, былъ спокоенъ по обыкновенію и ни слова не сказалъ

объ утренней почтѣ. Полина хотѣла отважиться на испытаніе. Она долго колебалась, сдѣлала усиліе надъ собою, чтобы голосъ ея не измѣнялъ какой-нибудь нескромной вибраціей, и сказала сухо, смотря Гектору въ лицо съ наименѣе-подозрительной улыбкой:

— Давно уже не получали мы извѣстій отъ Мари.

Гекторъ поднялъ голову, не могъ не покраснѣть и отвѣчалъ просто:

— Въ-самомъ-дѣлѣ давно; тебѣ бы надо написать ей.

Испытаніе было рѣшительно. Гекторъ, непогрѣшимый Гекторъ, этотъ благородный человѣкъ, неспособный ко лжи, солгалъ!

Полина встала изъ-за стола и поспѣшила воротиться въ свою комнату.

— Онъ измѣнилъ! онъ измѣнилъ мнѣ! сказала она, куса свой носовой платокъ, чтобы заглушить свои крики, и прохаживаясь съ волненіемъ:—къ чему мнѣ оставаться въ этомъ домѣ? Я чужая для моего мужа. Онъ предоставляетъ меня моимъ страданіямъ, онъ утѣшается и не хочетъ, чтобы утѣшалась я! Ну, эту свободу, которою онъ завладѣлъ, буду также имѣть и я. У него есть повѣренная, у меня будетъ повѣренный; онъ пишетъ къ Мари, я буду писать къ Филиппу.

Она побѣжала къ столу; но въ самыхъ запальчивыхъ вспышкахъ Полину всегда удерживало понятіе о чести, вызывавшее ее къ героизму. Послѣдній остатокъ честности заставилъ ее колебаться, взяться ли ей за перо.

— Это письмо, можетъ-быть, одна случайность. Гекторъ, можетъ-быть, не захочетъ отвѣчать на него; я буду ждать, какъ онъ станетъ дѣйствовать, чтобы дѣйствовать въ свою очередь. Если онъ будетъ писать, напишу и я.

XXVI.

Во весь день Полина выказывала веселость и поставила ее себѣ предлогомъ, чтобы не оставлять своего мужа или, по-край-

ней-мѣрѣ, заставать его врасплохъ ежеминутно. Когда онъ оставался одинъ съ полчаса, она воображала, что онъ писалъ къ Мари Депрэ, и являлась неожиданно; но онъ ни разу не вздрогнулъ.

Къ вечеру она утомилась этой тягостной игрой.

«Я съ ума сошла!» думала она. «Я хочу знать, будетъ ли онъ писать, и мѣшаю ему».

Тогда она сдѣлала видъ, будто поѣхала съ визитомъ, воротилась минутъ черезъ пять, заперлась въ своей комнатѣ и, помѣстившись за занавѣской у окна, начала подстерегать съ невыразимой тоскою, въ убѣжденіи, что узнаетъ этотъ отвѣтъ, это проницательное письмо, если увидитъ его въ рукахъ Гектора или слуги. Настала ночь Гекторъ, не отвѣчалъ.

Полина вышла изъ своей комнаты вся растревоженная, не зная, благопріятнымъ ли предвѣщаніемъ, или предосторожностью будетъ это замедленіе. За обѣдомъ баронъ де-Вилльморанъ заговорилъ о прогулкѣ въ Булонскомъ Лѣсу. Полина согласилась.

«Можетъ-быть, я найду случай заставить его признаться» думала она.

Но когда она сѣла въ карету возлѣ своего мужа, она дрожала, думая, заговорить ли ей, боялась взяться за это неискуснымъ образомъ, показаться глупо-ревнивою, сдѣлаться ниже его. Она подумала, что Гекторъ нисколько не надзираетъ за ея поведеніемъ, за ея перепиской, что она могла бы писать двадцать разъ Филиппу Лоаньону, и Гекторъ навѣрно не потребовалъ бы, чтобы она показала ему письмо или отвѣтъ. Она старалась усыпить его ревность. Она убѣдила себя, что его уваженіе къ ней было такъ велико, что онъ не могъ не довѣрять ей. Она была ласкова и кротка, не боролась съ своей грустью и томно предалась, какъ въ первое время послѣ брака, совѣтамъ, успокоенію, которые внушала эта чудная лѣтняя ночь.

Эти два супруга, которыхъ одно слово, одинъ жестъ могли разлучить навсегда, но которые дошли до того, что боялись говорить о своей любви, изъ опасенія, чтобы это слово не превратилось въ насмѣшку на ихъ губахъ, казались въ этотъ вечеръ двумя любовниками во всемъ пылу медоваго мѣсяца. По-

лина прижималась къ мужу. Но, кладя голову на грудь его, она чувствовала легкій скрипъ бумаги, заставлявшій ее трепетать. Письмо было тутъ, незначительное или ужасное, и Полина съ живостью отсторонялась. Гекторъ, не подозрѣвая предметъ озабоченности Полины, слишкомъ-хорошо зналъ ее, чтобы не угадать, что этотъ спокойный день и этотъ восхитительный вечеръ были усиліемъ съ ея стороны. Онъ спрашивалъ себя, къ какой новой горести приготовляетъ его эта нѣжная короткость, какая гроза накопляется въ глубинѣ сердца его жены. Наблюдая другъ за другомъ, они удвоивали нѣжную фамильярность, скрывая слишкомъ свою тайну, потому-что они измѣняли себѣ, стараясь скрыть ее.

Видя ихъ другъ возлѣ друга, всѣ позавидовали бы имъ, а между-тѣмъ всѣ, увы! должны были сожалѣть о нихъ. Между гуляющими въ лѣсу не было никого, кто не имѣлъ бы болѣе надежды на счастье. Самыя равнодушныя четы, супруги соединенные разсчетомъ, любовники соединенные тщеславіемъ, лицемѣрство въ бракѣ, вѣроломство въ свободной любви — все было лучше этой ужасной элегіи, которая скрывала безпощадное отчаяніе. Всѣ подмѣшанные напитки жизни были выше этой послѣдней капли, очаровательной и горькой, которую засохнувшія отъ жажды губы этихъ двухъ супруговъ безмолвно оспаривали другъ у друга.

Прогулка длилась довольно-долго. Воротившись въ отель, Гекторъ и Полина взглянули другъ на друга съ улыбкою, которая скрывала двойное безпокойство; они какъ-будто колебались, точно будто желали многое сказать одинъ другому—и разошлись.

Полина не могла заснуть. Горячая мысль, постоянная идея нагнали на нее безсонницу. Она слушала и воображала, будто слышитъ въ тишинѣ ночной сквозь стѣны скрипъ пера по бумагѣ.

— Онъ пишетъ! говорила она себѣ.

Ночью баронесса де-Виллъморанъ вдругъ приняла мужественную рѣшимость. Она встала и надѣла пеньоаръ.

— Это сомнѣніе свыше моихъ силъ, прошептала она: — я хочу знать, чего я могу бояться или надѣяться, слезами или смѣхомъ я одержу побѣду надъ Гекторомъ.

И, подойдя къ зеркалу, она приподняла свои волосы и долго глядѣла на себя съ пристальнымъ вниманіемъ.

— Зачѣмъ ему любить меня? сказала она, вздыхая: — я нехороша. Ахъ, еслибы у меня была красота, еслибы я могла имѣть на челѣ своемъ ту лучезарность, которая дѣлаетъ Мари столь величественной! Еслибъ у меня была хоть пошлая привлекательность мадамъ де-Сент-Овидъ, я боролась бы, я съумѣла бы заставить простить мнѣ недостатки, требовательность, капризы моего ума! Увы! во мнѣ остался только одинъ умъ, а на наружность жалко смотрѣть!

Она прошлась по комнатѣ, потомъ воротилась опять къ камину.

— Еслибы я осмѣлилась! Но нѣтъ, я сошла съ ума! Какое несчастье чувствовать въ себѣ любящую душу и сомнѣваться въ любви, имѣть въ головѣ своей и сердцѣ достаточную силу для того, чтобы управлять свѣтомъ, и чувствовать себя побѣжденною, или опасаться этого, потому-что не имѣешь хитрости кокетки, граціи провинціалки! Эта ужасная Адель была права: нехорошо въ супружествѣ не имѣть красоты. Моя честь, моя добродѣтель, моя гордость—всѣ достоинства, которыми я хотѣла подавить ее когда-то, менѣе приносятъ мнѣ пользы теперь, чѣмъ принесла бы нынѣ ея красота.

Мы не будемъ слѣдовать за Полиной въ лабиринтѣ ея размышленій. Намечтавшись передъ зеркаломъ, она подняла къ небу взоръ горѣвшій мольбою.

— Это мой долгъ! сказала она: — я защищаю мое счастье и его честь!

Потомъ, взявъ свѣчу, она вышла изъ своей комнаты и пошла къ Гектору. Де-Вилльморанъ спалъ. Полина закрыла рукою свѣчу и смотрѣла на него съ улыбкою.

— Странная я Психея, прошептала она: — и странный это Амуръ! Спи, чистая совѣсть, холодный умъ! Это не твоя вина, не-правда-ли, если я страдаю! Право, было бы жаль нарушить его дѣтскій сонъ; его грёзы придаютъ ему болѣе обманчивыхъ мечтаній, чѣмъ дѣйствительность. Возвратись къ себѣ, бѣдная жена, твой мужъ не ждетъ тебя!

Но Полина не давала себѣ слова не глядѣть вокругъ себя, когда она входила въ комнату Гектора.

Она замѣтила на столѣ почти сгорѣвшую свѣчу, бумагу и сургучъ, брошенные возлѣ пера. Гекторъ писалъ: отвѣтъ его былъ готовъ, онъ былъ тутъ, онъ привлекалъ Полину, онъ смѣялся сквозь конвертъ, онъ подзадоривалъ бѣдную женщину, онъ насмѣхался надъ ея кокетствомъ, онъ вызывалъ ее подойти и прочесть.

Полина страшно поблѣднѣла и приложила сжатую руку къ губамъ, чтобы удержаться отъ крика; острая боль уколола ее въ сердце.

«Мнѣ бы хотѣлось умереть здѣсь» подумала она.

Въ головѣ ея промелькнуло быстрое искушеніе схватить письмо; но она побѣдила себя, и воспоминаніе о первой побѣдѣ принесло ей счастье. Она отступила до двери медленно, какъ статуя, какъ лэди Макбетъ, все пристально смотря на это письмо и на Гектора, который спалъ сномъ честнаго человѣка.

Когда она вошла въ свою комнату, съ губъ ея, сжатыхъ энергическимъ усиліемъ, сорвались судорожные крики. Она упала на коверъ, гдѣ горничная нашла ее черезъ нѣсколько часовъ; она лежала и плакала.

— Ничего не говорите барону де-Вилльморану, поспѣшила она прошептать, опомнившись.

Горничная обѣщала, и сдержала слово; если она разсказала всѣмъ людямъ въ домѣ, какимъ страннымъ образомъ барыня проводила ночи, справедливость требуетъ сказать, что баринъ ничего не узналъ.

На другой день Полина рѣшилась, и сдержала свою клятву. Она написала Филиппу Лоаньону. Письмо ея было разсчитанно, осторожно. Она спрашивала совѣтовъ, которыхъ не смѣла просить у мужа; она шутила даже объ этомъ своемъ поступкѣ; она сдѣлала видъ, будто журналистъ вызывалъ ее, и если она обращалась къ нему, то затѣмъ, чтобы доказать, что она помнитъ только дружбу и не опасается слушать его. Она шутила на четырехъ страницахъ и примѣшивала политику, статьи Филиппа

къ своимъ признаніямъ. Она хотѣла показать, что она пишетъ совершенно спокойно, она предоставила себѣ тщеславное удовольствіе сдѣлать нѣсколько предположеній о политикѣ; объ электоральной реформѣ было болѣе рѣчи, нежели объ ея собственномъ сердцѣ, въ этомъ первомъ письмѣ. Однако, женскій инстинктъ принудилъ ее выказать наконецъ нѣкоторую чувствительность и не преувеличивать педантизмъ. Не подавая надеждъ, которыхъ не одобряла ея совѣсть, она хотѣла попасть мѣтко въ сердце Филиппа и показать этому тайному корреспонденту, что его уважали на столько, чтобы считать его способнымъ къ чему-нибудь другому, кромѣ его оппозиціонныхъ насмѣшекъ.

«Если борьба оставляетъ вамъ часъ отдыха» писала Полина въ-заключеніе: «не забудьте, что я имѣю права на этотъ праздный часъ. Я читаю всѣ ваши статьи, я раздѣляю все ваше негодованіе, я трепещу отъ вашего гнѣва; но, изъ состраданія къ самому этому политическому согласію, расширьте нѣсколько кругъ *нашихъ* мыслей, вызовите какія-нибудь дружескія изліянія на эти губы, которыя сохнутъ и жгутся отъ песка арены. Сохранимъ себя для великихъ битвъ и укрѣпимся сочувствіемъ.

«Я не стараюсь возмущаться противъ скромной благосклонности, которой вы дали мнѣ уже столько доказательствъ. Что̀ я ни говорю и что̀ я ни дѣлаю, вы все-таки мой другъ! Пусть эта дружба утѣшаетъ насъ. Я одна на свѣтѣ и хочу остаться одна; но было бы пріятно имѣть издали отголосокъ, невидимый оракулъ, который я буду допрашивать, который будетъ мнѣ отвѣчать, совѣтовать мнѣ и, оставшись неосязаемымъ, не будетъ угрожать, что станетъ между моей семейной жизнью и мною.

«Люди, непережившіе того, что̀ пережили мы, не умѣютъ понять и вылечивать насъ. Не будемъ испрашивать у нихъ того тяжелаго блаженства, которое даетъ спокойствіе, отнимая жизнь. Мнѣ недоставало до-сихъ-поръ свободы; я думаю, что бракъ—открытая дверь, а это, напротивъ, входъ въ лабиринтъ, гдѣ аллеи узки: нельзя ни бѣжать, ни останавливаться на отдаленныхъ перспективахъ. Приличія, формулы—пошлости! Я не хочу выдти изъ этого лабиринта, потому-что я вошла въ него добровольно; но я вижу надъ нимъ небо, и хочу устремиться туда.

«Помиритесь съ этимъ поэтическимъ сравненіемъ. Этотъ маленькій уголокъ горизонта возлѣ васъ. Если у васъ есть крылья, у васъ есть также и когти; вы не ангелъ, а ястребъ. Избавьте меня отъ вашихъ когтей, я поднимусь вмѣстѣ съ вами, и отдохну на вашей скалѣ. Въ путь, и не будемъ щадить никого! Но пожалѣемъ самихъ себя и оставимъ для насъ обоихъ послѣднія искры нашихъ душъ.

«Пишите мнѣ какъ можно длиннѣе, и въ-особенности не такъ, какъ говорили бы со мной. Не употребляйте сарказмовъ, когда дѣло идетъ о насъ. Я знаю ихъ всѣхъ. Знайте, что въ этой рукѣ, которую я протягиваю вамъ издали, лежитъ сердце раскрытое и обливающееся кровью.

«Вы скоро получите опять письмо. А встрѣчаться въ моей гостиной или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы уже сходились два раза—объ этомъ не надо и думать. Это было бы опаснымъ испытаніемъ; наша дружба принимаетъ издали обманчивыя мечты, пріятный видъ, который исчезнетъ при взглядѣ на наши истерзанныя лица. Не затѣмъ, чтобы избѣгнуть вашихъ обольщеній, не хочу я васъ видѣть, а напротивъ для того, чтобы вполнѣ предаться имъ.

«Потомъ, наконецъ, есть приличія, которыя васъ терзаютъ, но которыя надо уважать. Я обхожу, пиша къ вамъ; но, принимая васъ, я оскорбила бы ихъ. Вы нарушили бы также симметрію моей гостиной, какъ я нарушила когда-то спокойствіе этого дома, который отмстилъ за это. Итакъ, разъ навсегда, пишите; но, прошу васъ, не приходите ко мнѣ.»

Филиппъ Лоаньонъ прочелъ это письмо съ глубокимъ вниманіемъ. Онъ взвѣшивалъ каждую строчку, изучалъ даже почеркъ.

— Это письмо еще неискренно, сказалъ онъ, закуривая сигару, послѣ внимательнаго обзора: — въ немъ слогъ натянутъ. Эта женщина родилась знатной дамой; она понимаетъ кокетство, она будетъ помнить его до самой своей смерти; но я принужу ее къ откровенности!

Вмѣсто отвѣта, Филиппъ написалъ Полинѣ только эту простую записку:

«Милостивая государыня,

«Вы разставляете мнѣ сѣти; я хочу попасть въ нихъ. Но мы оба понимаемъ, что паденіе мое будетъ добровольнымъ, чтобы лучше доказать это; будьте такъ добры, скажите мнѣ, въ какой винѣ баронъ де-Вилльморанъ сдѣлался виновенъ противъ васъ. Вѣрно, вамъ есть въ чемъ упрекать его, если вы такъ мало дѣлаете ему упрековъ въ вашемъ письмѣ, и вѣрно вы писали подъ вліяніемъ очень-сильнаго гнѣва, если обнаруживаете его такъ мало, если пишите съ столь старательно-припужденной и столь прекрасно-разыгранной свободою ума.

«Скажите, баронесса, Полинѣ Фукò, чтобы она написала ко мнѣ. Этой только сестрѣ могу я отвѣчать, не сдѣлавшись смѣшнымъ и безъ всякихъ ложныхъ хитростей.»

Полина испугалась этого вызова. Она жалѣла, зачѣмъ высказалась. Именно по причинѣ сочувствія, привлекавшаго ее къ Филиппу, ей хотѣлось бы изъ гордости подвигаться потихоньку, предоставивъ себѣ свободу воротиться назадъ. Она два дня не отвѣчала на эту записку.

— Если Гекторъ скажетъ мнѣ о письмѣ Маріи, я не буду отвѣчать Филиппу, говорила она себѣ.

Она знала, что де-Вилльморанъ не скажетъ безъ особенныхъ причинъ о перепискѣ, которую онъ имѣлъ причину скрывать. Одно ея слово, одна простая просьба, можетъ-быть, заставили бы Гектора сдѣлать признаніе, котораго она ждала.

Но Полина упрекала бы себя, какъ въ слабости, за малѣйшую попытку. Она не разспрашивала, она ждала, и на третій день написала Филиппу Лоаньону длинное письмо, безъ кокетства, безъ шутокъ, исповѣдь, исполненную криковъ и слезъ, которая дала журналисту роль, какую онъ ждалъ давно съ такимъ страннымъ и героическимъ терпѣніемъ. Дѣятельная переписка началась между ними. Софизмы журналиста нравились Полинѣ и волновали въ ней всѣ инстинкты, которые она такъ старательно сдерживала до-сихъ-поръ. Филиппъ, не говоря много о баронѣ де-Вилльморанѣ, такъ подсмѣивался надъ его пуританскими теоріями, что сначала Полина оскорбилась, а потомъ начала улыбаться.

Этотъ пресыщенный журналистъ, принимавшій участіе въ буряхъ, какъ Калибанъ, и слѣдовавшій за всѣми знаменами, не принимая никакого, этотъ человѣкъ безъ вѣры, который удовлетворялъ своей досадѣ, давая подкупать себя убѣжденіямъ другихъ, не выказывалъ однако всей ужасной безплодности своего ума той, которую онъ любилъ по сочувствію въ общей ненависти ко всѣмъ. Полина имѣла и, въ-особенности, хотѣла еще имѣть обманчивыя мечты; она дошла еще до колкости, она имѣла слишкомъ-много достоинства, чтобы дойти когда-нибудь до цинизма.

Филиппъ осторожно давалъ ей ядъ. Онъ истинно сожалѣлъ о ней и, еслибъ осмѣлился, еслибъ могъ послѣдовать за нею, онъ охотно своротилъ бы ее съ пути, по которому увлекалъ ее.

Онъ осторожно велъ Полину къ разочарованію, подвигалъ ее медленными шагами по этой аллеѣ, наполненной обломками, въ концѣ которой онъ ждалъ ее, чтобы принять въ свои объятія. Она шла по слѣдамъ его и подвигалась впередъ; каждый день болѣе колкая, болѣе презирающая свѣтъ, Полина, не отдавая себѣ отчета въ смутномъ чувствѣ, которое она имѣла къ своему мужу, не спрашивая себя, ревнивая ли эта любовь, или злопамятность, становилась насмѣшлива, задорлива, несговорчива. Въ ея гостиной приходили въ восторгъ отъ ея остроумія. Одинъ Гекторъ пугался.

«Она ускользаетъ отъ меня!» думалъ онъ.

И онъ сожалѣлъ о ней, подозрѣвая, что когда она одна въ своей комнатѣ, наединѣ сама съ собою, то отпирается отъ всего своего мужества и плачетъ, свободно предаваясь своему отчаянію.

Перейти отъ барона де-Вилльморана къ Филиппу Лоаньону значило для Полины спуститься съ свѣтлой вершины, до которой она надѣялась достигнуть, какъ до вершины своей славы. Она имѣла сознаніе въ неоспоримомъ нравственномъ упадкѣ, когда не хотѣла болѣе слушать этого мудраго, разсудительнаго властелина, который всегда былъ одинаковъ, котораго она горячо любила, чтобы прислушиваться ушами и сердцемъ къ адской ироніи этого развратника, который пугалъ ее и привлекалъ.

Еслибы Полина распечатала письмо Мари или отвѣтъ Гектора, зло, дѣлавшееся хуже каждый день, излечилось ли бы? Мы не смѣемъ этого утверждать. Въ судьбѣ барона и баронессы де-Виллъморанъ было какое-то зловѣщее недоразумѣніе, которое могло кончиться только несчастьемъ; но, по-крайней-мѣрѣ, покатость къ безднѣ была бы менѣе крута, паденіе было бы менѣе-убійственно.

Мы, не имѣя тѣхъ причинъ къ деликатности, какія имѣла Полина, сорвемъ печать съ письма Гектора и прочтемъ, что онъ писалъ Мари Депрэ.

«Кузина, письмо ваше старается внушить мнѣ бодрость, въ которой не нуждается моя нѣжность къ Полинѣ, но не старайтесь также внушить мнѣ надежду. У меня нѣтъ ея болѣе и я не хочу даже ее имѣть.

«Когда вы взяли съ меня обѣщаніе писать къ вамъ, когда вы сказали мнѣ, вечеромъ, наканунѣ нашего отъѣзда, эти слова, которыя я буду помнить всегда: «Соединимся для того, чтобы излечить ее и спасти. Женщины, по тому самому, что онѣ имѣютъ менѣе учености и скептицизма, нежели, мужчины, гораздо-проницательнѣе ихъ по инстинкту. Мы оба преодолѣемъ ея упрямство»—когда вы мнѣ сказали это, я согласился, и сдержалъ слово. Каждую недѣлю я увѣдомлялъ васъ о моихъ попыткахъ, о моихъ предположеніяхъ, о моихъ обманутыхъ ожиданіяхъ.

«Какого результата, Мари, достигли мы? Эти развлеченія, которыя я ввелъ въ наше уединеніе, эти чуждыя идеи, которыя я вызвалъ, удалили ее нѣсколько-болѣе отъ меня, но—я боюсь—не приблизили ее къ выздоровленію. Это дѣло нужно возобновлять каждый день, дѣло, которое не кончится никогда.

«Къ-чему мнѣ послужило взять на себя власть, предъявлять право на эту власть, которой я вовсе не домогался? Я не могу предписать ей равновѣсіе и разсудокъ.

«Бѣдная женщина! Она, однако, получила отъ неба душу, вѣру, умъ—все, что внушаетъ любовь, все, что сдѣлало бы ее достойной любви. Но точно-будто эти добрые инстинкты не на

своемъ мѣстѣ въ ея головѣ, какъ-будто каждая изъ ея способностей поставлена верхъ дномъ.

«Я не знаю, что придумать; силы мнѣ измѣнили, и я спрашиваю себя, былъ ли бы другой счастливѣе, и, можетъ-быть, во мнѣ недостало искусства и мужества. Что могъ я сдѣлать? Я такъ обезпечилъ ее нравственно, какъ только могла она пожелать. Не-уже-ли у меня душа слишкомъ-холодная, умъ слишкомъ-положительный для этой пылкой души, для этого ума, неподчиняющагося никакому порядку?

«Однако, всю любовь, какая только могла войти въ сердце мужчины, я чувствовалъ къ ней. Вы знаете, Мари, до какой жертвы любилъ я ее. Но я не могъ сдѣлать изъ этой честной любви сумасбродную, необузданную страсть, которая никогда не кончилась бы, потому-что никогда, можетъ-быть, не началась бы. Виноватъ ли я, если ужасаюсь лжи пошлой поэзіи, если я нахожу дѣйствительность прекраснѣе, когда она чиста, чѣмъ эти судорожныя кривлянья, эти мелодраматическія или оперныя гримасы? Виноватъ ли я, если волненіе остается и кипитъ въ глубинѣ моей совѣсти и если я не имѣю тѣхъ лихорадочныхъ ухватокъ, тѣхъ эксцентричностей, которыми Полина, можетъ-быть, разсѣялась бы и занялась? Я однообразенъ какъ истина, я не умѣю плакать и скрежетать зубами. Для этой любви потребенъ былъ ревъ между-тѣмъ, какъ для меня было достаточно однаго цѣломудреннаго и пріятнаго гимна.

«Полина честная женщина, но воспитанная такъ, чтобы не быть честной; она имѣетъ удивительное упрямство въ чести, которое предохраняетъ ее и заставляетъ страдать, но ея инстинкты побуждали ее къ возмущенію. Это геній мятежа, заключенный въ цитадели. Однако, я оставилъ ключь въ дверяхъ, я не свирѣпый тюремщикъ! Но потому, что я не льщу ея тайному гнѣву, она обвиняетъ меня, что я не понимаю ее, и считаетъ меня недостойнымъ ея.

«Еслибъ вы знали, кузина, какую муку серьёзность налагаетъ на насъ, мужчинъ! Есть минуты, когда слезы душатъ меня, когда я, какъ ребенокъ, повалился бы въ болѣзненныхъ судорогахъ!

Но чувство долга, но потребность къ достоинству удерживаютъ меня и заставляютъ улыбаться, когда я боюсь зарыдать.

«Полина очень страдаетъ. Я не знаю, что ей сказать. Говорить ей безпрестанно о нашей любви—это значитъ заставлять ее измѣрять эту любовь, которая уменьшается, какъ *шагреневая кожа*, при каждомъ нашемъ желаніи. Да, въ этомъ-то и состоитъ весь ужасъ нашего положенія, потому-что безъ причины, безъ разсудка, единственно потому, что мы живемъ капиталомъ и доходомъ этой любви, мы почти разорились и скоро не будемъ имѣть возможности найти въ нашихъ обоихъ сердцахъ даже вздоха! Если Полинѣ захочется оставить меня, она свободна. Но куда отправится она и что будетъ со мною?

«У меня есть планъ, который я вамъ ввѣряю: я имѣю намѣреніе отправиться въ далекое и опасное путешествіе. Я хочу отправиться одинъ въ Индію или на Шпицбергенъ. Когда Полина узнаетъ, что я подвергаюсь настоящимъ опасностямъ, серьёзнымъ и кровавымъ катастрофамъ, она заинтересуется жизнью; я доставлю ей сильныя ощущенія по перепискѣ. Нѣтъ, я шучу! Если я отправлюсь къ опасностямъ, она захочетъ послѣдовать за мной.

«Вы мнѣ говорите въ вашемъ письмѣ о честолюбіи Депрэ, которому хочется попасть въ депутаты и который хочетъ явиться къ избирателямъ въ департаментъ***. Я не сомнѣваюсь, что мосьё Депрэ попадетъ въ депутаты. Поздравьте его отъ меня, такъ-какъ онъ знаетъ, что мы ведемъ эту переписку. Позвольте мнѣ сказать вамъ, кузина, что мы, можетъ-быть, неправы и неблагоразумны, что рѣшились имѣть между нами эту маленькую тайну. Я боюсь, чтобы Полина не открыла ее. Сегодня она удивлялась, что давно уже не имѣла отъ васъ извѣстій. Напишите ей, чтобы отнять у нея всякое подозрѣніе.

«Прощайте, Мари; поцалуйте нашего крестника. Когда онъ начнетъ складывать свои маленькія ручки и разожметъ губки, заставьте его молиться за свою крестную мать.»

Мы можемъ запечатать опять это письмо, которое Полина распечатать не смѣла. Почему знать? еслибы она прочла его, можетъ-быть, оно принесло бы ей пользу.

XXVII.

Гекторъ, въ свою очередь, такъ же подозрѣвалъ Полину, какъ и она его. Онъ скоро угадывалъ скрытный совѣтъ тайнаго совѣтника. Живость насмѣшекъ, блескъ парадоксовъ, возмущеніе, все болѣе-и-болѣе явное, обнаруживали этого сообщника. Де-Вилльморанъ узналъ не колеблясь вліяніе Филиппа Лоаньона.

Это открытіе было послѣднимъ ударомъ. Это сближеніе было нарушеніемъ всѣхъ правилъ, всей цѣломудренности его семейной жизни. Честь Полины оставалась неприкосновенною въ глазахъ свѣта, даже въ глазахъ той грубой нравственности, которая осуждаетъ только поступки. Но для деликатности цѣломудренной души эта переписка даже была первымъ проступкомъ. Можно поправить вину, сдѣланную по страсти, по упоенію сердца и чувствъ, но нельзя загладить паденіе, разбивающее всѣ крылья души, уничтожающее всѣ желанія. Дружбу Филиппа Гекторъ считалъ самоубійствомъ для своей жены.

Онъ не чувствовалъ пошлой ревности. Онъ зналъ, что никакая любовь невозможна между этими двумя существами; притомъ гордость Полины успокоивала его. Печальное увѣреніе, оставлявшее ему обманчивыя права и отнимавшее то, что̀ ему хотѣлось бы сохранить—сердце, чувство, умъ его жены!

— Какъ она осмѣлилась увидѣться съ нимъ, или, по-крайней-мѣрѣ, писать къ нему? спрашивалъ онъ себя печально.

Онъ принялъ всѣ предосторожности для того, чтобы Филиппъ не былъ опасенъ. Но это открытіе (потому-что онъ ни минуты не сомнѣвался въ дѣйствительности своихъ опасеній) заставляло торжествовать какой-то фатализмъ, который пугалъ его мужество. Не подозрѣвая рѣшительнаго вліянія, которое онъ имѣлъ на это сближеніе, онъ съ огорченіемъ думалъ, что между-тѣмъ какъ онъ повѣрялъ свои горести и борьбы Мари де-Сулень, Полина, по увлеченію, спрашивала совѣта и отдохновенія у единственнаго характера, который могъ соединиться съ ея характеромъ.

Не-уже-ли существуютъ законы непреодолимой симпатіи? А уваженіе, разсудокъ, воля, всѣ права, пріобрѣтенныя человѣкомъ надъ судьбой, не-уже-ли будутъ подвержены безъ надежды этимъ случайностямъ, этому таинственному электричеству?

«Нѣтъ!» думалъ Гекторъ съ мужествомъ: «я восторжествую надъ этимъ соперничествомъ! Для нея самой хочу я оспаривать ее у этого человѣка, а не для себя. Когда я далъ ей мое имя, я принялъ обязательство защищать ее отъ всякихъ оскорбленій; сострадапіе Лоаньона — оскорбленіе, отъ котораго я съумѣю освободить ее.»

Размысливъ, какъ благоразумнѣе будетъ поступать, де-Виллъморанъ отправился въ контору журнала, гдѣ надѣялся встрѣтить Лоаньона.

Филиппъ былъ удивленъ, когда мальчикъ, которому поручалось дожидаться вдохновенія господъ редакторовъ, подалъ ему карточку Гектора, который ждалъ въ передней. Журналистъ съ живостью бросилъ трубку, которую раскуривалъ каждое утро, воспламеняя свой мозгъ, провелъ рукою по волосамъ и почесалъ лобъ съ двусмысленной улыбкой.

— Приглашеніе ли это къ обѣду, или вызовъ принесъ онъ мнѣ? спросилъ онъ самъ себя.—Принимаетъ ли онъ дѣло въ серьёзномъ или комическомъ видѣ, какъ любовникъ или какъ мужъ? Пойдемъ посмотрѣть!

Размышляя о странности этого визита, Филиппъ пошелъ принять Гектора. Онъ ввелъ де-Виллъморана въ свой кабинетъ, предложилъ ему кресло, самъ сѣлъ на другое и ждалъ. У Гектора была его обыкновенная физіономія. Онъ поклонился Лоаньону чрезвычайно-вѣжливо; если онъ не протянулъ ему руку, то это, безъ-сомнѣнія, потому, что обѣими руками держалъ свою шляпу. Послѣ обыкновенныхъ формулъ вѣжливости, онъ приступилъ къ предмету, или, лучше сказать, къ предлогу своего визита.

— Милостивый государь, сказалъ онъ:—я пришолъ просить подпоры вашего журнала для одного изъ моихъ родственниковъ, богатаго и уважаемаго промышленника, который является кандидатомъ на выборы въ департаментѣ***.

Несмотря на весь свой умъ, Филиппъ поднялъ голову, раскрылъ ротъ и оставался нѣсколько секундъ неподвиженъ, не зная, что долженъ онъ сказать и очень-сконфуженный этимъ началомъ, столь далекимъ отъ всѣхъ его предположенiй. Но онъ былъ слишкомъ-хитеръ, чтобы не угадать, что баронъ де-Вилльморанъ не былъ просто выборнымъ коммиссiонеромъ своего родственника. Онъ понялъ, что этотъ мужъ хотѣлъ сохранить всѣ свои выгоды и не торопился начать разговоръ, изъ котораго онъ долженъ былъ выдти, не показавшись смѣшнымъ и не получивъ оскорбленiя. Онъ былъ очарованъ силою, которую обнаруживала эта тактика, и ловкость Гектора подстрекнула его. Онъ возгордился предосторожностями, которыя принимали для того, чтобы побѣдить его, и противникомъ, который умѣлъ такимъ образомъ вызывать его на бой.

— Милостивый государь, отвѣчалъ онъ:—располагайте мною; я постараюсь заставить выбрать всѣхъ вашихъ родныхъ, если вы желаете, и я надѣялся въ-особенности, что мнѣ придется способствовать, чтобы выбрали васъ.

— Я нечестолюбивъ, возразилъ Гекторъ, который почувствовалъ, по тону отвѣта Филиппа, что тотъ готовъ сражаться съ нимъ.—Къ-несчастью, я имѣю мнѣнiя еще неопредѣлившiяся; пожалуй, я прослыву за легитимиста въ глазахъ демократовъ и за республиканца въ глазахъ роялистовъ.

— Вы были бы для всѣхъ человѣкомъ съ сердцемъ и высокимъ умомъ.

Гекторъ вѣжливо поклонился.

— Итакъ, я могу надѣяться, что вы выставите всѣ права мосьё Депрэ? Мнѣ пишутъ, что департаментскiе журналы ждутъ только сигнала отъ парижскихъ журналовъ; я прошу этого сигнала отъ вашего доброжелательства.

— Ваше желанiе будетъ исполнено сегодня же.

Гекторъ поклонился и всталъ. Филиппъ угадалъ, что предлогъ кончился, и храбро началъ атаку.

— Это единственная ли услуга, какую я могу вамъ оказать? спросилъ онъ съ смѣлой откровенностью, запечатлѣнной истиннымъ достоинствомъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гекторъ, который воспользовался этимъ началомъ нападенія:—я также пришолъ васъ просить отдать мнѣ письма, которыя вы получили отъ моей жены.

Филиппъ былъ храбръ, притомъ онъ ожидалъ этого натиска, и не пошевелился.

— Это тоже по коммиссіи? спросилъ онъ съ ироніей.

— Это поступокъ прямо отъ меня и неизвѣстенъ моей женѣ.

— Если такъ, мнѣ очень хочется отказать вамъ.

Наступило молчаніе.

— Благодарю васъ, возразилъ Гекторъ серьёзно: — что вы уважаете меня настолько, что не отвѣчаете ложью, позволительной въ подобномъ случаѣ. Вы поняли, что меня привела къ вамъ не ревность обманутаго мужа, а безпокойство друга и, я долженъ также сказать, врача; но вы перестанете уважать меня, если откажетесь отдать мнѣ эти письма.

— Именно потому, что я уважаю васъ, возразилъ Филиппъ:— я и прошу васъ сохранить тайну, ввѣренную моей преданности, а не моему тщеславію. Вы говорили о врачѣ: эти письма составляютъ часть консультаціи.

— Если такъ, собратъ мой, перебилъ де-Вилльморанъ съ кроткой и печальной улыбкой:—для пользы нашей больной надо сообщить намъ наши взаимныя предположенія. Я долженъ предупредить васъ, однако, что я рѣшился дѣйствовать одинъ; я буду считать себя виновнымъ въ вашемъ ошибочномъ леченіи. Сдѣлайте же мнѣ честь прекратить ваши попеченія; я беру на себя всѣ послѣдствія.

— Однако, возразилъ Филиппъ съ твердостью:—если совѣтовались со мною...

— То, стало-быть, не имѣютъ болѣе довѣрія ко мнѣ, не-правда-ли? сказалъ Гекторъ, качая головой. — Съ такимъ характеромъ, какъ у нашей больной, этотъ поступокъ не служитъ доказательствомъ. До-тѣхъ-поръ, пока очевидность сниметъ съ меня всѣ обманчивыя мечты и запретитъ мнѣ пользоваться моими правами, я буду выполнять мой долгъ; во всякомъ случаѣ, я не раздѣлю его никогда ни съ кѣмъ.

— Не думайте также, что я замышлялъ соперничество, ска-

залъ журналистъ.—Я уважалъ горестную опытность, испытанную вами. Я думалъ, что она кончена для васъ и для баронессы де-Вилльморанъ. Свѣтъ, общество даютъ вамъ власть, передъ которой я преклоняюсь. Желаю, чтобы вы употребили эту власть для счастья той, которую мы оба хотимъ спасти.

— Я имѣю власть, говорите вы? печально возразилъ Гекторъ.—Странный властелинъ тотъ, кого обманываютъ такимъ образомъ и кто не смѣетъ жаловаться на это громко! Еслибъ я имѣлъ власть, я не обратился бы къ вашему благородству. Жена моя свободна. Я уничтожу передъ нею, когда ей вздумается оставить мой домъ, всѣ преграды—всѣ, слышите ли вы? Я не вооружусь ни закономъ, ни силою, чтобы удержать ее, но она не должна оставлять меня иначе, какъ съ полной увѣренностью, что мнѣ уже не остается хорошаго совѣта подать ей, ни одной добродѣтели, которую я могъ бы заставить ее любить, ни одной обязанности, которую я могъ бы заставить ее исполнить. Она должна ненавидѣть меня или презирать; всѣ корни нашего счастья должны завянуть или быть вырваны. На мнѣ лежитъ отвѣтственность за нее передъ ней самой, не только за ея честь, за которую я не боюсь, но за ея внутреннее достоинство, за ея совѣсть. Если, оставивъ меня, она почувствуетъ угрызеніе, оно не оправдаетъ, а напротивъ, обвинитъ меня. Вотъ почему я желаю истратить до конца всѣ мои силы, вотъ почему я прошу у васъ эти письма.

— Что вы хотите съ ними сдѣлать? спросилъ Филиппъ, оробѣвъ отъ этого ненапыщеннаго величія.

— О, я не хочу читать ихъ, а еще менѣе оставлять ихъ у себя! Я хочу возвратить ихъ баронессѣ де-Вилльморанъ подъ той самой печатью, какою вамъ будетъ угодно запечатать ихъ.

— Но если я получу еще другія? пролепеталъ Филиппъ, очевидно-побѣжденный въ этомъ новомъ поединкѣ.

— Вы не получите другихъ, сказалъ Гекторъ торжественно.—Послѣ разговора, который, я буду имѣть съ моей женой, она не станетъ болѣе писать, а будетъ дѣйствовать.

Журналистъ взглянулъ на этого благороднаго мужа, увидалъ на глазахъ его туманъ, налагаемый слезами, и былъ тронутъ

этимъ искуснымъ и простымъ героизмомъ, который кротко обезоруживалъ его и не оставлялъ ему никакой надежды сохранить умъ и достоинство иначе, какъ въ покорности. Онъ сказалъ себѣ тихо, что подобный человѣкъ гораздо-выше его, что онъ охотно перемѣнилъ бы всю свою тонкость, всю свою хитрость, всѣ рессурсы своего ума и злости противъ этого благороднаго и твердаго чувства, противъ этой любви къ долгу, противъ этого способа снимать съ страстей ихъ маску. Имъ овладѣло честное побужденіе, имъ овладѣло честолюбіе бороться съ величіемъ и великодушіемъ.

— Милостивый государь, сказалъ онъ Гектору: — я долженъ вамъ отдать письма, которыя вы спрашиваете у меня. Они здѣсь. Я боялся бы осквернить ихъ, оставивъ у себя; я находилъ, что въ этой конторѣ, непринадлежащей никому, имъ лучше сохраняться. Но возвратить вамъ эти письма я долженъ; мнѣ хотѣлось бы только прибавить къ нимъ еще что-нибудь. Мою дружбу? но вы ею не дорожите. О, не разувѣряйте меня! вы меня унизите. Къ моему уваженію вы равнодушны. Но выслушайте меня. Я имѣлъ припадокъ добродѣтели одинъ разъ въ моей жизни. Я любилъ. Я сжалился надъ мужествомъ женщины, которая казалась мнѣ подверженною испытаніямъ, уже перенесеннымъ мною. Я хотѣлъ, по своему способу, несогласующемуся съ вашимъ, спасти, предохранить эту погибавшую душу. Можетъ-быть, я не побѣжденъ, но я хочу быть побѣжденнымъ. Эта преданность была единственной радостью, единственнымъ и послѣднимъ цѣломудріемъ человѣка, который все перенесъ, надъ всѣмъ насмѣхался. У меня осталось сердце только для этой обязанности. Обѣщаю вамъ заглушить мое сердце, если вы не хотите воспользоваться имъ. Воротитесь къ баронессѣ де-Вилльморанъ, любите ее горячо, а я вамъ скажу, какъ можно удержать ее не отъ любви къ такимъ людямъ, какъ я, но отъ любопытства познакомиться короче съ ихъ умомъ. Я считалъ бы себя самымъ низкимъ человѣкомъ на свѣтѣ, еслибы, послѣ нашего свиданія, у меня осталась — не надежда (у меня никогда не было ее), но даже честолюбіе показать свою преданность. Дѣйствуйте, приносите себя въ жертву; я буду радо-

ваться вашему успѣху; но если вамъ неудастся, ахъ! по-крайней-мѣрѣ, вы не будете обвинять меня, что я помѣшалъ вашему счастью!

И Филиппъ, обыкновенная блѣдность котораго еще увеличилась, а глаза сверкали въ своихъ глубокихъ впадинахъ, Филиппъ хотѣлъ уйти. Гекторъ удержалъ его.

— Если мнѣ неудастся, сказалъ онъ:—что̀ вы сдѣлаете тогда?

Филиппъ сжалъ губы съ горькой улыбкою.

— Я попрошу у васъ совѣта.

Пока журналистъ ходилъ за письмами, Гекторъ наклонилъ голову и вздохнулъ.

— Меня ли, его ли должна она слушать? Если этотъ человѣкъ, умный и пресыщенный, знающій жизнь лучше меня, имѣетъ болѣе возможности руководить ею, болѣе средствъ спасти ее? Но руководить ею къ какой цѣли? Гордость ли это, если я предпочитаю мой домъ этой конторѣ? Спасти ее отъ чего? Отъ тяжести честной жизни? Нѣтъ, нѣтъ! Разсудокъ и справедливость на моей сторонѣ; этого, можетъ-быть, достаточно, потому-что любви у меня уже нѣтъ!

Филиппъ воротился; онъ держалъ письма въ рукѣ.

— Вотъ тутъ они всѣ до одного.

— Вы ихъ не запечатали? спросилъ Гекторъ.

— Не васъ однихъ оскорбилъ бы я, спрятавъ ихъ въ конвертъ, возразилъ Филиппъ: — но и меня; а я имѣю право заставить уважать себя.

— Прощайте, сказалъ де-Вилльморанъ, протягивая руку своему сопернику: — когда вы будете дурно говорить о себѣ, знайте, что я буду васъ защищать.

— О, я умѣю защищаться одинъ! сказалъ журналистъ, взявъ предложенную ему руку. — Но все-таки я принимаю ваше предложеніе.

Когда Гекторъ выходилъ изъ кабинета, Лоаньонъ, возвративъ все свое самообладаніе, остановилъ его на минуту и сказалъ съ улыбкой, въ которой заключалось все его мщеніе:

— Вы все еще желаете, чтобы мосьё Депрэ былъ выбранъ въ депутаты?

— Конечно, отвѣчалъ Гекторъ: — вѣдь я пріѣхалъ къ вамъ для этого.

Когда дверь затворилась за барономъ де-Виллъморанωмъ, Филиппъ приподнялъ голову.

— Какъ жаль, что такой человѣкъ не довольно-хитеръ! сказалъ онъ: — какой дипломатъ вышелъ бы изъ него! Какъ мы, имѣющіе одинъ только умъ, глупы въ-сравненіи съ этими добрыми людьми, которые имѣютъ умъ и сердце!

Результатъ этого визита нагналъ на журналиста досаду, продолжавшуюся цѣлый день, которой онъ воспользовался, чтобы напасть съ новой ѣдкостью на министерство. Гизо поплатился за борьбу, въ которой Филиппъ былъ побѣжденъ.

Въ это время Гекторъ возвращался въ улицу Курсель. Онъ не торжествовалъ своей побѣдой; напротивъ, она тревожила его. Не подозрѣвая Филиппа, онъ былъ несовсѣмъ спокоенъ послѣ его торжественнаго обѣщанія. Онъ думалъ справедливо, что въ часъ любви эти холодныя условія дѣлаются ничтожными, еслибы ему неудалось вылечить Полину или, по-крайней-мѣрѣ, пріучить ее къ горести; онъ не зналъ, какъ не допустить ее возвратиться къ этому странному очарованію. Онъ съ ужасомъ признавалъ родство, истинную связь между этими погибшими созданіями вѣка, и теперь, когда не было свидѣтелей, когда онъ могъ пугаться не измѣняя себѣ, онъ чувствовалъ серьёзную тоску при мысли о взятой на себя обязанности.

Когда онъ воротился, онъ прямо пошолъ въ комнату Полины. Прежде чѣмъ отворить дверь, онъ приложилъ руку къ сердцу.

— Боже мой, вдохнови ее или меня!

Полина ясно увидала озабоченность въ глазахъ мужа.

— Откуда ты? спросила она.

— Я доставилъ мѣсто Депрэ.

— Это правда: мнѣ пишетъ мадамъ Депрэ, что онъ явился кандидатомъ. Экій честолюбецъ! никогда не сомнѣвается въ себѣ! отвѣчала Полина съ презрительной улыбкой. — Мари очень-счастлива. Ея мужъ будетъ въ числѣ побѣдителей.

— Я не думаю, чтобы Мари поставила свое счастье въ ус-

пехѣ разсчетовъ Депрэ, возразилъ Гекторъ: — она предоставляетъ ему дѣйствовать — вотъ и все.

— А кто обѣщалъ доставить торжество этому новому кандидату?

— Нашъ пріятель Филиппъ Лоаньонъ.

Полина поблѣднѣла и приподнялась. Она находила страннымъ и опаснымъ, можетъ-быть, даже ей было стыдно, что мужъ ея просилъ одолженія у Филиппа.

— А! сказала она медленно и со вниманіемъ глядя на Гектора: — ты рекомендовалъ Депрэ; что-же отвѣчали тебѣ?

— Что мнѣ нельзя отказать.

— Обѣщаніямъ журналистовъ вѣрить нельзя.

— Почему же? Я вѣрю обѣщанію Филиппа. Притомъ, я имѣю доказательство, что онъ искрепъ и желаетъ мнѣ добра.

Иронія была замѣтна, хотя произнесена съ кротостью, уменьшавшей ея силу. Полина приготовилась.

— Какое же это доказательство? спросила она.

— Вотъ оно, сказалъ Гекторъ, показывая ей письма. — Онъ отдалъ мнѣ залогъ, который считалъ не безопаснымъ въ своихъ рукахъ.

— Мои письма! вскричала Полина.—Ты ихъ читалъ? прибавила она, видя, что они развернуты и не запечатаны.

На лицѣ ея виднѣлось свирѣпое выраженіе гнѣва и вызова.

— Ахъ, Лоаньонъ не сомнѣвался въ моей скромности, возразилъ Гекторъ тономъ упрека: — а ты подозрѣваешь меня!

— Кàкъ ты получилъ мои письма? зачѣмъ онъ отдалъ тебѣ ихъ? Всѣ мнѣ измѣняютъ!

И взволнованная Полина перебирала письма.

— Я потребовалъ эти письма потому, что не хочу, сказалъ Гекторъ съ кроткой твердостью: — чтобы честь баронессы де-Вилльморанъ зависѣла отъ посторонняго человѣка. Лоаньонъ отдалъ мнѣ эти письма потому, что онъ понялъ простоту и честность моего поступка. Ты хорошо сдѣлаешь, другъ мой, если возвратишь ему его письма.

— Но это тиранство, это несправедливость! Развѣ я спрашивала у тебя письма Мари, которыя ты получаешь тайкомъ и которыя могли испугать меня?

Пришла очередь де-Вилльморапа поблѣднѣть и вскричать:

— Какъ! ты знала?...

— Да, мнѣ открылъ все случай, и когда я увидала, что ты спрашиваешь утѣшеній у Мари, я спросила совѣтовъ у Филиппа. У насъ у каждаго есть свое сердце, не можетъ ли каждый изъ насъ имѣть свою тайну?

— Тебѣ надо было спросить у меня эти письма, я прочелъ бы тебѣ ихъ.

— Я также скромна и не хочу ихъ видѣть.

— Ну, ты ихъ услышишь, если не хочешь читать сама, возразилъ Гекторъ. — Какъ! это причина твоего неблагоразумія? Ты сомнѣвалась во мнѣ, когда напротивъ... Ахъ, ты очень раскаешься!

И Гекторъ поспѣшно ушолъ за всѣми письмами Мари Депрэ, и, воротившись, бросилъ ихъ на колѣна Полины.

— Какое мнѣ дѣло? сказала она съ движеніемъ отказа.

— Но мнѣ есть дѣло, возразилъ Гекторъ. — Есть дѣло также самой доброй и самой преданной душѣ на свѣтѣ. Ты спрашивала меня однажды, какую тайну имѣемъ мы, какая связь соединяетъ меня съ Мари. Вотъ эта тайна. Читай и ты узнаешь все. Какъ! я занимаю въ твоемъ сердцѣ такъ мало мѣста, что при малѣйшемъ подозрѣніи ты меня обвиняешь и осуждаешь! Да, у насъ была тайна! да, у насъ былъ заговоръ! Вотъ всѣ подробности и всѣ выраженія: Мари взяла съ меня обѣщаніе дать и ей долю въ устройствѣ твоего счастья; она хотѣла спасти тебя и избавить отъ признательности, и, растревоженная, испуганная, писала мнѣ совѣты, внушала вдохновеніе. Изъ уваженія къ ней прочти эти письма, заклинаю тебя!

— Полина сидѣла взволнованная, униженная; письма ея сожигали ей руки, она не смѣла дотронуться до нихъ. Письма же Мари, хотя ей очень хотѣлось взять ихъ и прочесть, она оставляла на колѣняхъ, узнавъ по голосу Гектора, что самая чистая истина сіяла въ нихъ и покрывала ее стыдомъ. На край какой бездны привела ее ревность! Что̀ бы она не предприняла! Какъ всѣ ея поступки были неблагоразумны и ложны! какъ она должна была краснѣть за всѣ свои попытки къ сво-

бодѣ и независимости! Какъ! эта соперница была самымъ пламеннымъ ея другомъ! Составили заговоръ, чтобы пощадить ея гордость, а она сумасбродно, отважно компрометировала свое достоинство! Она плакала, не думая скрывать своихъ слезъ.

— Прости, другъ мой, сказала она, наконецъ, Гектору: — я не заслуживаю ни твоей доброты, ни твоихъ усилій. Я недостойна тебя. Какъ загладить мой проступокъ, мое заблужденіе?

— Мы загладимъ его оба, возразилъ Гекторъ: — потому-что вина наполовину моя. Мнѣ не слѣдовало имѣть тайны; я долженъ былъ все сказать тебѣ.

— О, возьми эти письма, оставь ихъ у себя; я не хочу читать ихъ; или, лучше, отмсти мнѣ: прочти мои!

— Мы сдѣлаемъ изъ всего этого ауто-да-фе, сказалъ Гекторъ ласково: — если этотъ огонь можетъ сжечь злаго духа, преслѣдующаго насъ; но я не считаю себя побѣжденнымъ твоей покорностью. Оставь у себя письма Мари; ты прочтешь ихъ. Это мое условіе, это наказаніе, которое я налагаю на тебя.

Гекторъ, боясь, чтобы его присутствіе не продолжило замѣшательства, всегда опаснаго съ такими энергическими характерами, какой былъ у Полины, ушолъ и оставилъ ее одну.

Баронесса де-Вилльморанъ была уничтожена. Потерявъ предлогъ, причину своей ревности, она теряла оружіе, пружину своего ума. Съ другой стороны, любовь Филиппа ужасала ее сътѣхъ-поръ, какъ она видѣла, какъ легко вмѣшательство ея мужа могло укротить Филиппа и принудить его къ самой смиренной покорности. Такимъ-образомъ, ни любви, ни ревности не оставалось ей. Всѣ превосходства были противъ нея. Ей оставалась только горечь безполезнаго мщенія.

Но если къ причинамъ ея досады примѣшивалось нѣчто дурное, въ натурѣ ея было возвыситься скоро до жертвы и восхищаться потомъ ударами, которыми сначала она чувствовала себя пораженной. Она развернула письма Мари; она хотѣла прочесть только одно, и пробѣжала ихъ всѣ: всѣ были выраженіемъ сочувствія, которое заимствовало у материнской любви свою тонкую проницательность, свою чистую горячность. Во всѣхъ

она видѣла трепетъ цѣломудренной души, которая пугалась только за нее Когда она думала, что Мари любила прежде, а можетъ-быть еще и теперь барона де-Виллъморана, и когда Полина видѣла, что ни одна фраза, ни одно слово въ этихъ письмахъ не могли заставить подозрѣвать эту любовь, она остолбенѣла отъ восторга.

Именно въ этотъ часъ мстила Мари, именно теперь она торжествовала.

Но Полина была слишкомъ-великодушна для того, чтобы долго считать себя уязвленной. Прекрасное было единственной причиной, заставлявшей ее всегда склоняться. Когда она чувствовала божественную молнію въ поступкѣ, въ мысли, всѣ софизмы, вся ложная гордость исчезали, какъ грубый туманъ, глубина души ея обнажалась, запрятанный тамъ алмазъ сіялъ безсмертнымъ блескомъ. Полина возвышалась тогда до высотъ небесныхъ и парила надъ этимъ пошлымъ и плоскимъ міромъ, которому она прощала всѣ его горести и всю нечистоту.

Она не хотѣла предоставить мужу радость сжечь письма, которыя она писала Филиппу Лоаньону. Она сама сожгла ихъ съ лихорадочной радостью, и когда Гекторъ воротился къ ней, она указала ему на пепелъ въ каминѣ.

— Это еще не все, сказала она. — Я хочу писать къ Мари. Я должна просить у ней прощенія и сообщить ей пріятное извѣстіе.

— Ты ей скажешь также, что она будетъ скоро женою депутата.

— Бѣдная Мари! что̀ она сдѣлала бы съ такимъ мужемъ, какъ ты, когда находитъ средство сдѣлать изъ своего мужа что-нибудь!

— О, она не сдѣлала бы изъ меня депутата, клянусь тебѣ! сказалъ Гекторъ, стараясь шутить: — но ея вліяніе можно будетъ благословлять, если она помогла мнѣ вылечить тебя.

Полина написала къ Мари Депрэ безподобное письмо, горячность и деликатность котораго мы осквернили бы, напечатавъ его. Она сочла себя навсегда спасенною. Въ это самое утро, допрашивая себя съ ироніей, она думала, что не чувствуетъ уже люб-

ви къ своему мужу; теперь же она задыхалась отъ восторга, наполнявшаго ея сердце; никогда жизнь такъ не радовала ее.

Гекторъ остерегался нарушать это упоеніе, пробужденія котораго онъ ждалъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Эта больная, никогда не выздоравливавшая и рѣзко переходившая отъ горести къ надеждѣ, по его мнѣнію, никогда не должна была достигать до совершеннаго здоровья. Но въ этотъ день онъ исполнилъ свой долгъ и далъ Полинѣ возможность исполнить ея долгъ и загладить нѣкоторыя вины; это было все, чего онъ могъ желать. Совѣсть его была спокойна, а сердца онъ уже давно не думалъ удовлетворять.

XXVIII.

Гекторъ былъ правъ. Совершенное уничтоженіе всѣхъ силъ, всякой воли смѣнило великодушные порывы баронессы де-Виллъморанъ. У ней осталось только чувство ея пораженія. Благоуханіе признательности быстро испарилось изъ ея сердца и съ губъ. Она не противодѣйствовала движенію, заставившему ее написать увлекательное письмо къ Мари Депрэ, но она воздержалась и не возобновляла болѣе доказательствъ покорности, которая свидѣтельствовала объ ея неудачахъ.

Она впала въ томность, почувствовала отвращеніе къ свѣту, къ самой себѣ и къ другимъ, что внушило новый испугъ Гектору. Она закрыла свои книги, закрыла свою гостиную, не хотѣла видѣть никого, не хотѣла ничего читать, не хотѣла даже думать. Оне лежала цѣлый день на креслѣ, неопредѣленно смотря впередъ, не скучая, но за-то страдая отъ малѣйшаго шума, выводившаго ее изъ оцѣпенѣнія. Когда Гекторъ кротко разспрашивалъ ее, она думала, что успокоиваетъ его, говоря:

— Я привыкаю къ спокойствію. Мнѣ лучше, гораздо-лучше. Подожди еще немножко, я скоро вылечусь.

Она опасалась малѣйшаго усилія; она боялась, что къ ней возвратятся ея мученія, и отчаявалась во всемъ и въ себѣ самой.

— Конечно, говорила она себѣ тихо: — я никого не люблю, никого не ненавижу; я живу, или, лучше сказать, я умерла.

Какъ старые друзья баронессы де-Вилльморанъ, де-Сен-Пааръ и аббатъ Легро, нѣсколько затерянные и забытые въ толпѣ, наполнявшей прежде гостиную Полины, теперь не рѣшались возвратиться, боясь сдѣлаться слишкомъ-очевидными въ этомъ уединеніи; но она сама пригласила ихъ и съ какимъ-то удовольствіемъ сидѣла съ ними по цѣлымъ часамъ.

Добрый де-Сен-Пааръ совершенно привыкъ къ этой роли. Онъ входилъ, цаловалъ руку Полины, садился со всевозможными предосторожностями, какъ-будто былъ фарфоровый, непремѣнно вынималъ изъ кармана часы, чтобы свѣрить ихъ съ стѣнными, складывалъ руки и начиналъ дремать, то бормоча, то вздыхая безъ причины и безъ цѣли.

Аббатъ Легро также былъ вѣренъ. Его аккуратные визиты не измѣнялись. Но онъ не могъ безропотно покориться роли, которую ему назначала Полина въ углу гостиной. Викарій забралъ себѣ въ голову обратить на путь истины баронессу де-Вилльморанъ. Пока Полина спорила съ нимъ, она нагоняла на него робость, и онъ не отваживался говорить съ нею смѣло, боясь довести ее до атеизма.

— Она способна на все, чтобы взбѣсить меня, говорилъ онъ съ наивной гордостью.

Но томность баронессы де-Вилльморанъ показалась ему благопріятною для его попытокъ. Онъ хотѣлъ напасть на Полину врасплохъ, опутать ее и связать такъ, чтобы она не примѣтила; онъ разсчитывалъ на ея разсѣянность скорѣе, нежели на ея покорность.

Полина иногда слабо улыбалась на его попытки и говорила ему:

— Проповѣдуйте, мой добрый аббатъ, я васъ слушаю.

И Полина, сдерживая зѣвоту, раскидывалась на своемъ креслѣ такъ, чтобы ничего не слышать. Но викарій обыкновенно бралъ тогда свою шляпу и, уходя, извинялся.

— Надо быть Боссюэтомъ, или, по-крайней-мѣрѣ, Лакордеромъ, чтобы добиваться славы обратить васъ, баронесса. Вы слишкомъ-учены для такого бѣднаго невѣжды, какъ я.

— Какъ же вы хотите обратить меня, если не поучаете?

— Не просвѣщеніе нужно вамъ, довольно-хитро отвѣчалъ аббатъ: — а любовь. Полюбите церковь сначала, а потомъ я объясню вамъ ее.

Полина качала головой съ улыбкой.

— Всѣ говорятъ о любви, даже аббаты!

Аббатъ Легро вздыхалъ, перемѣнялъ разговоръ или уходилъ. Онъ былъ не глупъ. Это былъ честный и добрый служитель церкви, который не отличался геніальнымъ краснорѣчіемъ, когда входилъ на каѳедру, но исполнялъ свою обязанность съ благоразуміемъ и тактомъ. Разсудительный, вѣжливый, нѣсколько-холодный, онъ чувствовалъ очень-хорошо, какою болѣзнью страдала Полина; но онъ понималъ, что для того, чтобъ вылечить ее, нужно было имѣть геніальность.

Гекторъ предвидѣлъ истощеніе Полины, но ничего не дѣлалъ, чтобы побѣдить его. Не оставляя Полину въ совершенномъ одиночествѣ, онъ, однако, не любилъ долго оставаться съ нею. Какое-то замѣшательство, какой-то туманъ поднимались между ними и раздѣляли ихъ. Они не смѣли говорить другъ съ другомъ. Что могли они сказать? Слова любви были бы ложью, почти святотатствомъ. Полина не думала сердиться на мужа за его вмѣшательство, но ей было тяжело, что мужъ судитъ ее и прощаетъ—это казалось ей наказаніемъ.

Гекторъ простился съ своими мечтами и съ своей любовью. Романъ его кончился, послѣдняя страница была вырвана. Но не одно отчаяніе наполняло его сердце, лишившееся надежды. Онъ начиналъ опять жизнь своей молодости. Онъ произнесъ обѣтъ въ пользу своей матери, онъ возобновилъ его для жены, онъ снова посвящалъ себя долгу.

Самымъ бо́льшимъ, почти единственнымъ безпокойствомъ его была забота о Полинѣ. Ка́къ оберегать ее? ка́къ предохранить? Если она утомилась, то это не причина, чтобы она пробовала подняться къ вершинамъ, съ которыхъ спустилась. Ка́къ удержать ее, не принуждая, не оскорбляя? ка́къ помѣшать возвращенію этихъ ложныхъ проблесковъ поэзіи и славы, которыя ослѣпили ее и увлекли? ка́къ заставить ее жить, оставивъ ей

то же сознаніе въ ея цѣнности и перемѣнивъ сущность этой нравственной цѣнности? Задача была трудна, можетъ-быть, даже неразрѣшима; но даже самой слабой возможностью не слѣдовало пренебрегать.

Черезъ двѣ недѣли послѣ послѣднихъ происшествій, разсказанныхъ нами, де-Виллъморанъ пришелъ въ комнату своей жены, сѣлъ возлѣ нея, взялъ ее за руку, нѣжно пожалъ ее и сказалъ:

— Полина, мы уѣдемъ изъ Парижа; я пришолъ тебя спросить, не хочешь ли ты отложить отъѣздъ до будущей весны?

— Если ты такъ рѣшилъ, отвѣчала Полина: — зачѣмъ ты спрашиваешь меня? Я не хочу разстроивать твои планы. Неуже-ли мы ѣдемъ путешествовать опять? Берегись! Путешествія для насъ пагубны.

— Мы не будемъ путешествовать, а отдыхать; я купилъ хорошенькій домикъ въ долинѣ Монморанси. Я хотѣлъ осуществить желаніе, высказанное тобою когда-то при мнѣ; только я не приготовилъ для тебя сельскую мызу, но въ углу сада, который тамошніе жители называютъ паркомъ, я могу выстроить для тебя мызу.

— Когда мы поѣдемъ?

— Черезъ нѣсколько дней. Но если ты опасаешься осени или зимы, скажи откровенно... Я имѣю намѣреніе провести зиму не въ Парижѣ. Холодъ насъ не пугаетъ, свѣтъ насъ не привлекаетъ. Мы будемъ наблюдать за постройками, осуществлять разные проэкты...

— Проведемъ тамъ зиму, круглый годъ, сказала Полина съ слабой улыбкой: — мнѣ тамъ будетъ такъ же хорошо, какъ и здѣсь.

— Тебѣ будетъ лучше, возразилъ съ мнимой наивностью де-Виллъморанъ, который не хотѣлъ обратить вниманіе на иронію этого отвѣта и сдѣлалъ видъ, будто не такъ понялъ:—я обѣщаю тебѣ осень наполненную цвѣтами.

— Ты хочешь набальзамировать меня? сказала Полина.

— Я хочу тебя вылечить, возразилъ Гекторъ.

— Я не вѣрю уже этому слову, другъ мой. Сколько разъ

дѣлали мнѣ изъ него обѣщаніе, какъ приманку! Другимъ всегда кажется, что я имѣю нужду въ излеченіи. Какъ жаль, что я совсѣмъ здорова! какъ дѣйствительная болѣзнь была бы пріятна всѣмъ! Вы всѣ были бы правы, что ухаживаете за мной, а я менѣе совѣстилась бы признаваться больною... не считая того, что больная могла бы, можетъ-быть, совсѣмъ развязать руки докторамъ.

— Полина, Полина! ты невеликодушна къ тѣмъ, кто тебя любитъ!

— Это потому, что я бѣдна, другъ мой; мнѣ ничего не остается дать моимъ друзьямъ, кромѣ свободы... Мы возьмемъ съ собою де-Сен-Паара, не-правда-ли? Я буду безъ него скучать; притомъ молочная пища будетъ для него полезна. Аббатъ же освободится отъ своей кліентки... если не поѣдетъ съ нами.

— Итакъ, сказалъ Гекторъ: — ты не будешь упрекать меня въ томъ, что я увезъ тебя изъ Парижа?

— Чтобы я стала упрекать тебя въ чемъ-нибудь! съ какой стати? по какому праву? Вѣдь ты всегда правъ. И даже мысль увезти меня въ деревню не спасительное ли вдохновеніе? Да, поѣдемъ, бросимъ Парижъ; продай этотъ отель; я испортила здѣсь воспоминанія, оставленныя твоимъ дѣтствомъ. Обѣщаю тебѣ наблюдать за собою, чтобы не помрачить дома, который ты выбралъ мнѣ тамъ. Притомъ, сельскій воздухъ очищаетъ, а воздухъ парижскій развращаетъ. Ахъ! поѣдемъ сейчасъ; мнѣ кажется уже, что я вдыхаю запахъ сѣна!

Полина встала съ своего мѣста и начала ходить по комнатѣ. Потомъ она воротилась къ Гектору, оперлась объ его руку и сказала ему, смотря на него и качая головой:

— Ты знаешь, отчего у насъ не было дѣтей: это потому, что ты одинъ имѣлъ сердце и добродѣтели матери. Ты обращаешься со мною съ упорной добротой, которую не утомляетъ даже неблагодарность. Ты далъ мнѣ все, что я хотѣла. Не твоя вина, если я не умѣла воспользоваться твоими благодѣяніями. Это удаленіе въ деревню опять новая мечта твоего состраданія; я постараюсь сдѣлаться ея достойной; ты поможешь мнѣ, другъ мой. Въ-особенности не нужно книгъ, не нужно журналовъ! Я

хочу все забыть; когда я сдѣлаюсь совершенною невѣждой, я пойду учиться въ деревенскую школу.

— Но мы будемъ не одни, сказалъ Гекторъ. — Я жду гостя.

— Гостя?

И Полина приподняла голову съ безпокойствомъ.

— Да, гостя церемоннаго. Денрэ пишетъ мнѣ, что нашъ крестникъ чрезвычайно желаетъ познакомиться съ нами. Его пришлютъ къ намъ.

— Я не хочу его видѣть! вскричала Полина, задрожавъ.

Потомъ что-то какъ-будто растаяло въ ея сердцѣ, и слезы выступили у ней на глазахъ.

— Ты думаешь обо всемъ, прошептала она, сложивъ руки: — ты разставляешь мнѣ всѣ сѣти! Да, я хочу, чтобы онъ пріѣхалъ; я хочу отнять его, я хочу его усыновить! Видишь ли, я не зла! Ты нашолъ то, чего недостаетъ мнѣ. Увы! зачѣмъ намъ надо все искать!

Мысль о близкомъ отъѣздѣ, о движеніи въ ея жизни, предпринятомъ не по ея желанію, внушило нѣкоторое довѣріе баронессѣ де-Виллльморанъ; она какъ-будто стряхнула оцѣпенѣніе, тяготѣвшее надъ нею. Она согласилась со всѣми планами, со всѣми распоряженіями Гектора. Де-Сен-Паара легко уговорили позволить перевезти себя съ другою мёбелью гостиной. Аббатъ Легро былъ скученъ цѣлый день, но на другой день сказалъ:

— Путь къ вамъ будетъ нѣсколько-длиннѣе, но я буду имѣть время прочитать въ дорогѣ мой служебникъ.

— Не забудьте, сказала Полина: — что мнѣ начали нравиться ваши проповѣди. Только, знаете, въ деревнѣ голова дѣлается какъ-то тупѣе...

— Но за-то сердце становится проще, возразилъ викарій.

Когда Полина спросила Гектора, куда они ѣдутъ, онъ назвалъ ей Монтиньонъ.

— Это почти пастушеское имя, сказала она: — это, вѣрно, Флоріановскій пейзажъ...

— О, нѣтъ! это долина, наполненная разсадниками молодыхъ деревьевъ, возразилъ Гекторъ.

— Ты хорошо дѣлаешь, что поправляешь всѣ мои сумас-

бродства. Что за нужда до имени, что за нужда до страны! Тамъ есть небо, есть зеленая трава, земля... Какъ разсадники молодыхъ деревъ убираютъ свое кладбище?

— Полина, возразилъ Гекторъ: — не надо играть нашими горестями.

— Клянусь тебѣ, другъ мой, я считаю ихъ серьёзными.

Въ концѣ сентября баронъ и баронесса де-Вилльморанъ уѣхали изъ Парижа въ свой деревенскій домъ. Гекторъ хотѣлъ отдать въ-наймы свой отель въ улицѣ Курсель, но Полина, подававшая когда-то совѣтъ продать его и охотно желавшая бы срыть его до основанія, воспротивилась всѣми силами тому, что она считала профанаціей.

— Ты довольно-богатъ, другъ мой, сказала она барону де-Вилльморану:—чтобы сохранить неприкосновеннымъ этотъ домъ, въ который ты, можетъ-быть, воротишься когда-нибудь. Что же касается до меня, если поля меня вылечатъ, я хочу свободно размышлять въ моей маленькой комнаткѣ, гдѣ я задумала сдѣлаться твоей женой, и молиться въ этомъ саду, гдѣ ты мнѣ сказалъ, что меня любишь. Не позволимъ осквернить всѣ эти притаившіяся воспоминанія; будемъ беречь ихъ. Мать твоя надѣялась, что мы никогда не оставимъ этого дома, который она выстроила сама. Если ты согласенъ оставить его для меня, я требую, чтобы ты оставилъ въ немъ самую лучшую долю своей судьбы. Удастся ли тебѣ, или нѣтъ, въ той обязанности, которую налагаетъ на тебя твоя преданность, приведи меня сюда съ торжествомъ, или пріѣзжай плакать сюда одинъ въ этомъ кроткомъ убѣжищѣ. Я сорвала нѣсколько цвѣтовъ въ саду, и этого для меня довольно, но камни служатъ для тебя свидѣтелями, которыхъ не надо оскорблять.

Гекторъ былъ тронутъ этой просьбой.

— Благодарю, сказалъ онъ: — я оставлю домъ; мы скоро возвратимся сюда.

Когда Полина должна была выѣхать изъ отеля, она примѣтила, что ея заступничество не было притворнымъ умиленіемъ, принужденной вѣжливостью для услажденія жертвы, которую Гекторъ приносилъ ей; она чувствовала истинную горесть, настоя-

щее угрызеніе; она спрашивала себя, не по ея ли винѣ домъ становится пустъ; она припомнила, съ какимъ упорствомъ преслѣдовала свою горделивую химеру, свою любовь, еще болѣе, нежели честолюбіе сдѣлаться богатой и знатной женщиной. Она вспомнила спокойствіе тѣхъ прекрасныхъ зимнихъ вечеровъ, когда баронесса разговаривала у камина съ добрымъ де-Сен-Пааромъ, который тогда былъ не такъ молчаливъ, какъ теперь, когда Гекторъ работалъ, когда всѣ занимались своимъ дѣломъ, когда и на ней лежала обязанность.

Она обняла однимъ быстрымъ взоромъ эту мирную картину и сравнила ее съ пустотой, которую замѣнила ея тревожная горячность.

Тогда у ней полились снова слезы.

— Еслибы, по-крайней-мѣрѣ, говорила она себѣ: — эта горесть могла мнѣ внушить охоту загладить мою вину! Но, нѣтъ: я умѣю только приносить несчастье, я врежу другимъ, я не умѣю дать часъ отдохновенія тѣмъ, чью жизнь я отняла.

Когда она садилась въ карету, она услышала позади себя глубокій вздохъ; это на добраго де-Сен-Паара нашла также меланхолія.

— Увы! прошепталъ бѣдный человѣкъ: — я уже не возвращусь сюда!... Прощайте, баронесса!

Не дому онъ кланялся, а призраку своего стараго друга, съ которымъ каждый день держалъ бесѣду мысленно.

Аббатъ Легро присутствовалъ при отъѣздѣ; онъ пожималъ руку Гектору, обѣщалъ скоро навѣстить баронессу де-Вилльморанъ, и, когда они сѣли въ карету, медленно прошолъ Курсельскую улицу и отслужилъ обѣдню за здравіе своихъ друзей, какъ-будто они должны были подвергаться опасностямъ, переѣзжая изъ Парижа въ долину Монморанси.

XXIX.

Домъ де-Вилльморана былъ раскинутъ въ зелени, у подножія холма. Темный лѣсъ закрывалъ горизонтъ съ одной стороны;

голубое небо придавало мураве более яркій, зеленый цвѣтъ; а передъ окнами гостиной долина разстилалась до Ангіена, озеро котораго свѣтилось въ глубинѣ картины, какъ зеркало. Когда погода была ясная, вдали виднѣлся въ туманѣ Парижъ.

Домъ былъ красивъ и удобенъ. И у домовъ есть также характеръ, любезный или непріятный нравъ. Есть стѣны, которыхъ никогда нельзя заставить улыбаться; есть другія, изъ которыхъ испаряется веселость. Де-Виллъморанъ выбралъ домъ изящный и пріятный. Цвѣтовъ вездѣ было много; гостиная и столовая были въ нижнемъ жильѣ; комната Полины возвышалась надъ долиной, небольшой ручеекъ составлялъ нѣчто въ-родѣ микроскопическаго озера, живой заборъ смѣшивался съ наружной зеленью, такъ-что весь пейзажъ какъ бы продолжалъ паркъ. Налѣво разстилалась деревня Монтиньонъ съ своею колокольней, своими опрятными домами и съ тѣмъ праздничнымъ видомъ, который всегда сохраняетъ деревня въ окрестностяхъ Парижа, какъ насмѣшка цивилизаціи посреди природы.

Таково было очаровательное убѣжище, которое де-Виллъморанъ выбралъ съ тактомъ артиста и предосторожностью любовника. Его доброта, его преданность замѣняли ему мѣсто любви.

Полина оцѣнила деликатность этого уединенія; она поняла весь преданный разумъ, участвовавшій въ этой покупкѣ.

— Если я могу еще ожидать чего-нибудь на этомъ свѣтѣ, то должна ждать этого здѣсь.

Въ первые дни баронесса де-Виллъморанъ осматривала садъ, паркъ, домъ, окрестности безъ поспѣшности и небреженія, съ любопытствомъ пробуждающей и сберегающей себя души. Она уступала привлекательности природы, инстинктивно опасаясь предаваться ей.

Осень болѣе шла къ расположенію духа Полины. Яркое лѣто, нѣжная весна испугали бы ее, но этотъ полутрауръ природы какъ-то располагалъ ее къ кротости. Луга были скошены, лѣсъ прорубленъ, все нашептывало меланхолическую элегію безропотности. Еще мѣсяцъ—и ноябрь уничтожилъ бы послѣднія мечты, заблудившіяся въ долинѣ, развѣялъ бы послѣдніе

листья, наложилъ бы первые сѣдые волосы на эту безсмертную старость, которая ничто иное, какъ молодость, прерываемая для того, чтобы возродиться.

По странному феномену, признательность и пріятныя ощущенія не располагали Полину къ любви къ мужу. Она благословляла его, но что-то возмущалось въ ней, когда она хотѣла сдѣлать усиліе, чтобы передать ему это благословеніе дружескимъ словомъ. Она была ему благодарна за это всеобщее баловство. Когда она срывала цвѣтокъ или плодъ, благоуханіе и пріятный вкусъ казались ей благодѣяніемъ Гектора. Но любовь, любовь горячая и безумная, которую она чувствовала въ себѣ когда-то, уже не пробуждалась; такъ-какъ эта любовь не могла находить болѣе ѣдкости, горечи, которою она питалась, она оставалась въ глубинѣ самой себя, безсильна, уныла и почти мертва.

Крестникъ, маленькій Гекторъ, былъ присланъ съ кормилицей, по обѣщанію. Денрэ былъ назначенъ депутатомъ. Онъ скоро переселялся въ Парижъ. Ему хотѣлось участвовать въ послѣдней борьбѣ. Мари, присылая ребенка, писала, что скоро будетъ сама.

Полина захотѣла играть роль матери съ маленькимъ Гекторомъ. Она цаловала его, находила въ немъ всѣ тѣ прелести, которыя предсказывала ему. Но, поносивъ его съ часъ, она устала. Она сожалѣла, что этотъ восхитительный малютка не умѣлъ отвѣчать на ея ласки и пролепетать внятнаго слова.

«Я очень буду любить его, когда онъ станетъ говорить» думала она, лаская его.

Она думала, что изъ ея сердца брызнетъ источникъ. Она охотно перенесла бы всѣ мученія, только бы сдѣлаться матерью; она оплакивала отсутствіе дѣтей, но воображала, что материнская любовь можетъ возродиться вдругъ къ чужому ребенку. Но, несмотря на всѣ ея усилія, онъ не былъ связанъ съ ея сердцемъ тѣми энергическими узами, которыя не разрываются никогда. Притомъ это былъ ребенокъ Мари, не соперницы, потому-что бѣдная Полина уже не имѣла даже ревности, но женщины, которая умѣла приспособляться къ обыкновенной жизни

и которой счастье, пріобрѣтенное усиліемъ воли, давало Полинѣ урокъ, который она чувствовала, не желая его принять.

Мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ усиливалось вліяніе деревни, къ баронессѣ де-Вилльморанъ возвращались силы, но также и безпокойство. Энергія этой неукротимой натуры оживлялась, не измѣняясь. Когда вѣтеръ сдѣлался сильнѣе въ долинѣ, Полина становилась раздражительнѣе; она просила Гектора купить ей лошадь; и если ей надоѣдало вертѣться около своей муравы и своихъ рощей, побѣлѣвшихъ отъ инея, она ѣздила по окрестностямъ галопомъ или шагомъ; часто, несмотря на холодъ и вѣтеръ, она оставалась цѣлый часъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, глядѣла въ ту сторону, гдѣ былъ Парижъ, ожидала, ничего не надѣясь, хлопая по воздуху хлыстомъ, бросая на вѣтеръ вздохи и прерывистыя слова.

Ей не хотѣлось ни книгъ, ни журналовъ, и, вѣрная своему слову, она не спрашивала ихъ у Гектора; но иногда, въ своихъ длинныхъ, одинокихъ прогулкахъ, она останавливалась въ какой-нибудь гостинницѣ, и пока ея лошадь ѣла овесъ, она брала журналъ, запачканный посѣтителями гостинницы, и жадно читала пренія въ палатѣ, новости, разныя статьи. Она называла, улыбаясь, это чтеніе украдкой, невѣрностями.

Зимою Гекторъ боялся, что поступилъ отважно или жестоко, попробовавъ отправиться въ это изгнаніе. Явилась скука, не та, которая происходитъ отъ усталости, отъ истощенія, но скука плѣна, скука, раздирающая сердце горячими стремленіями.

Аббатъ Легро, сдержавшій всѣ свои обѣщанія и регулярно пріѣзжавшій изъ Парижа, когда его священныя обязанности позволяли ему это, аббатъ Легро привозилъ новости. Полина разспрашивала его съ жадностью, которую она скрывала. Что говорили, что дѣлали въ Парижѣ?

Кончивъ отвѣты, аббатъ дружески разспрашивалъ въ свою очередь; онъ возвращался къ своей проповѣди, обѣщалъ, что она будетъ коротка. Полина слушала его пять минутъ, давала ему говорить четверть часа и, наконецъ, прерывала какимъ-нибудь вопросомъ, до того неотносившимся къ предмету рѣчи

добраго викарія, что тотъ качалъ головою и признавалъ себя побѣжденнымъ.

Когда аббатъ Легро оставлялъ свою упрямую больную и отправлялся погулять съ де-Сен-Пааромъ, старый графъ считалъ себя помолодѣвшимъ; а это просто свѣжій воздухъ долины укрѣпилъ его желудокъ. Онъ восхищался горизонтомъ, котораго не видѣлъ, приходилъ въ восторгъ отъ яркаго огня, разводимаго въ его комнатѣ, и каждый вечеръ участвовалъ въ вистѣ, который Гекторъ нашолъ средства устроить.

Въ концѣ ноября Мари Депрэ написала, что пріѣдетъ за своимъ сыномъ. Гекторъ взглянулъ на Полину съ глубокимъ вниманіемъ, когда сообщалъ ей объ этомъ посѣщеніи. Но баронесса де-Вилльморанъ казалась въ восхищеніи: это было развлеченіе, цѣлый пріятный день, часы котораго она не будетъ распредѣлять одна.

Мари Депрэ пріѣхала еще прелестнѣе и веселѣе прежняго. Холодъ въ дорогѣ прибавилъ къ красотѣ ея новый блескъ.

— Вы вѣрно хотите, чтобъ я умерла отъ ревности, сказала Полина, крѣпко поцаловавъ ее и подведя къ зеркалу.

— Не будемъ говорить объ этомъ, отвѣчала Мари.

— О! это шутка, возразила Полина: — я уже не ревную.

Мари почти захотѣлось посовѣтовать ей ревновать: ревность все-таки лучше, чѣмъ равнодушіе. Мари Депрэ восхищалась удобствомъ и изяществомъ дома.

— Все это прекрасно, сказала она баронессѣ де-Вилльморанъ.—Надо быть очень-упорной, чтобы страдать здѣсь. Въ этой долинѣ даже зима точно-будто дразнитъ весну.

— Да, это и пріятный и полезный для здоровья домъ, отвѣчала Полина:—но такіе здоровые люди, какъ вы, не имѣютъ въ немъ нужды: они могутъ жить въ Парижѣ.

— Вы сожалѣете о Парижѣ, милая Полина?

— Я ни о чемъ не сожалѣю; это почти все-равно, что надѣяться. Но я не настолько знаю садоводство, не настолько имѣю поэзіи, чтобы жить плантаціями или созерцаніями. Моя деревня—Парижъ; мнѣ бы слѣдовало дорожить имъ, но я не дорожу.

День прошолъ пріятно для всѣхъ. Мари Депрэ обѣщала пріѣхать со всѣмъ своимъ семействомъ весной.

— Я привезу моего мужа, сказала она Полинѣ съ улыбкою, намекавшей на прошлое: — если его законодательныя занятія позволятъ ему предаваться легкомысленнымъ радостямъ дружескихъ и семейныхъ узъ.

— Такъ онъ рѣшительно весь преданъ честолюбію?

— Ахъ, моя милая! онъ намѣренъ достигнуть до всего. Вы читали его рѣчь?

— Я не читаю журналовъ.

— Вы много потеряли; онъ имѣлъ большой успѣхъ.

— Я не думаю, что мосьё Депрэ краснорѣчивъ, сказала баронесса де-Вилльморанъ съ ироніей, но безъ злости.

— Кокетка! Депутаты не такъ разборчивы, какъ вы! храбро отвѣчала Мари, которая со всей чистотою души имѣла также и большое мужество.

— А вы что думаете объ этомъ краснорѣчіи? спросила Полина съ насмѣшкой.

— Я не знаю въ этомъ толка; я только радуюсь нашимъ успѣхамъ—этого для меня довольно.

— Ну, привезите намъ лавры весной.

Когда Мари Депрэ уѣхала, Полина не могла удержаться, чтобы не сказать своему мужу:

— Еслибы ты захотѣлъ, Гекторъ, ты былъ бы теперь депутатомъ поважнѣе Депрэ.

— Почему ты знаешь? У меня нѣтъ даже его краснорѣчія.

— Тебѣ недостаетъ не политическихъ убѣжденій, не опытности и мужества, а любви, внушающей честолюбіе. Я не имѣла никогда вліянія на твой умъ, а теперь не имѣю вліянія и на твое сердце.

Гекторъ могъ бы отвѣчать:—Кто въ этомъ виноватъ?

Онъ удержался и отвѣчалъ:

— Я не имѣю презрѣнія къ политическому честолюбію. Принимать участіе въ великихъ борьбахъ всегда обязанность великая; я могъ бы попытаться вступить на эту карьеру для

того, чтобы удовлетворить твое желаніе славы, но не успѣлъ бы сдѣлать тебя довольной. Ты это знаешь. Мы не одинаковымъ образомъ понимаемъ людей и вещи нынѣшняго времени.

Это было первымъ намёкомъ на прежніе раздражительные споры и на сочувствіе Полины къ Филиппу Лоаньону.

Полина покраснѣла и промолчала. Она уже не думала о Филиппѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, ей такъ казалось; она находила невеликодушнымъ и неблагоразумнымъ со стороны мужа вызывать это воспоминаніе.

Несмотря на уединеніе, въ которомъ они жили, отдаленные политическіе слухи достигали до Монтиньона. Полина съ жадностью ловила эти слухи, эти коментаріи. Она сама удивлялась, что интересуется этими безплодными преніями.

— Какое мнѣ дѣло до этого? говорила она часто.

Она не смѣла признаться, что подъ ея безпокойствомъ скрывается желаніе узнать, что̀ дѣлаетъ, что̀ думаетъ этотъ странный человѣкъ, этотъ журналистъ, умъ котораго, столкнувшись съ ея умомъ, оставилъ въ ней отпечатокъ, неизгладимый слѣдъ. Она волновалась въ своемъ уединеніи, не смѣя домогаться свободы и не находя вокругъ себя ничего, что̀ заняло бы ее, что̀ внушило бы ей удовольствіе или хоть даже сильную горесть.

— Сто̀ило будить меня! говорила она иногда, припоминая отупленіе, которое Гекторъ хотѣлъ преодолѣть.

Однажды она нашла на своемъ столѣ журналъ, адресованный ей. Съ страннымъ волненіемъ развертывала она этотъ листокъ. Она побѣжала къ мужу.

— Вотъ контрабанда! сказала она.

— Это сдѣлалъ я, отвѣчалъ Гекторъ, улыбаясь.—Я угадалъ, что ты не смѣла просить меня абонироваться, и принудилъ тебя нарушить твое воздержаніе.

— Ты убьешь меня своею добротой, возразила Полина, крѣпко пожимая руку мужа.—Ты не оставляешь мнѣ ничего желать; я, наконецъ, стану стыдиться твоихъ жертвъ, которыя не знаютъ ни отдыха, ни мѣры, и буду просить небо, чтобы оно послало мнѣ смерть въ награду тебѣ.

— Можетъ-быть, я нехорошо выбралъ? сказалъ Гекторъ,

взявъ журналъ, который былъ не тотъ, гдѣ Филиппъ былъ главнымъ редакторомъ.

Полина взглянула на мужа съ горестнымъ восторгомъ. Она такъ ясно читала въ немъ, что видѣла его готовымъ на всевозможную преданность для того, чтобы она считала себя счастливою. Онъ самъ охотно прочелъ бы ей статьи Лоаньона, еслибы не боялся гораздо-болѣе для самой Полины, нежели для своего домашняго счастья, вліянія этихъ сильныхъ софизмовъ.

Съ-этихъ-поръ баронесса де-Виллъморанъ могла участвовать воображеніемъ въ парламентскихъ сценахъ, въ движеніи умовъ.

Цѣлую зиму она ожидала прибытія журнала и запиралась читать его, какъ пансіонерка, которая унесла потихоньку первую книгу съ стихотвореніями, попавшуюся ей подъ-руку. Когда журналъ этотъ отвѣчалъ, нападая или одобряя, на статью Филиппа Лоаньона, она краснѣла, какъ-будто дѣло шло о ней самой, и чувствовала, по біенію своего сердца, что она все еще интересуется этимъ борцомъ, исполненнымъ гнѣва и презрѣнія.

— Что будетъ онъ возражать? спрашивала она себя.

Тогда въ головѣ своей она придумывала это возраженіе, неумолимое и свирѣпое; и если ей случалось узнать, что именно въ этомъ смыслѣ Филиппъ отвѣчалъ, она волновалась до глубины души; радость и страхъ, что она такъ хорошо понимаетъ его, нагоняли на нее лихорадку.

Въ концѣ зимы, въ одну ночь, когда она не спала (а съ нѣкотораго времени она часто страдала безсонницей), ей послышался въ долинѣ шумъ, прерывавшійся какъ эхо. Она вдругъ вскочила и стала прислушиваться, потомъ подбѣжала къ окну, растворила его и, несмотря на холодъ, высунулась на воздухъ.

— Это стрѣляютъ изъ ружей, изъ пушекъ! сказала она: — въ Парижѣ дерутся!

Возлѣ нея растворилось окно. Гекторъ также слушалъ. Полина наскоро накинула шаль и постучалась въ дверь мужа.

— Ты слышалъ? сказала она съ волненіемъ:—на парижскихъ улицахъ дерутся!

— Слышалъ, печально возразилъ Гекторъ.

— Это начинается политическій переворотъ, вскричала Полина.—Что будетъ? Какъ жаль, что я женщина!

Гекторъ взглянулъ на нее и удивился, несмотря на то, что онъ зналъ характеръ Полины, дикому блеску въ ея глазахъ, волненію, отъ котораго она дрожала. Весь гнѣвъ, все презрѣніе, вся злопамятность, всѣ обманутыя ожиданія, разлетѣвшіяся мечты возмутились, искали выхода. Болѣе прежняго Гекторъ убѣдился, что общее счастье ихъ погибло навсегда.

— Мы поѣдемъ завтра въ Парижъ, сказалъ онъ, не дѣлая Полинѣ никакихъ упрековъ.

Полина сдѣлала усиліе, чтобы успокоиться.

— Я съ ума сошла, не-правда-ли, другъ мой? сказала она.— Но что же дѣлать? битва—это мое призваніе. Я сражаюсь такъ давно сама съ собой, что рада всякой диверсіи.

— Рада, повторилъ Гекторъ:—этой битвѣ, которая громитъ и убиваетъ!

— Ты обращаешь вниманіе на слова, ты не снисходителенъ въ идеѣ, возразила Полина.—Я радуюсь не этой кровавой ночи, но тому разсвѣту, который наступитъ послѣ нея.

— Разсвѣтъ не продолжается долго и не всегда приводитъ съ собою солнце, котораго ждутъ, продолжалъ де-Вилльморанъ.

Тишина смѣнила шумъ.

— Кончено! прошептала Полина.—Что это было? Мнѣ такъ хочется поскорѣе узнать! Аббатъ Легро долженъ пріѣхать.

— Но если тамъ дерутся, аббатъ не пріѣдетъ.

— Развѣ онъ отправится на баррикады?

— Нѣтъ, сказалъ Гекторъ:—но онъ долженъ будетъ помогать раненымъ и молиться. Не всѣ ищутъ въ междоусобной войнѣ развлеченія для своей печали.

Полина опять подошла къ окну, и, не слыша болѣе ничего, хотѣла выдти.

— Мнѣ бы хотѣлось знать, какую роль будетъ играть Депрэ, если это политическій переворотъ? сказала она.

Гекторъ молча улыбнулся; можетъ-быть, онъ подумалъ, что жена его упомянула о Депрэ только для того, чтобы прикрыть

другое имя и другое воспоминаніе. Такъ-какъ онъ ничего не отвѣчалъ, Полина разсудила, что ей лучше уйти.

— Прощай, сказала она.

— Прощай, повторилъ Гекторъ.

Когда баронесса де-Вилльморанъ воротилась въ свою комнату, она прислушивалась еще цѣлый часъ. Но все было тихо со стороны Парижа. Вѣтеръ стоналъ въ деревьяхъ—этотъ великій вѣтеръ февраля 1848 года, который былъ символомъ—онъ стоналъ какъ жалоба и заставлялъ трещать вѣтви.

— Противъ кого бушуетъ этотъ вѣтеръ? говорила Полина, смотря въ окно на долину.—Противъ тѣхъ, кто нападаетъ, или противъ тѣхъ, кто защищается? Ахъ, зачѣмъ я здѣсь, зачѣмъ я оставила Парижъ? Но что могла я дѣлать тамъ? то же, что и здѣсь: ждать, вздыхать, шептать молитвы... Молиться! Да, я буду молиться, потому-что я боюсь. Боже! сказала она, бросившись на колѣна:—Ты видишь глубину души и отличаешь мысль чистую отъ нечистой; Ты видишь мое волненіе, мои угрызенія; успокой меня, направь меня, или пощади! Я—существо предназначенное къ страданію. Я хотѣла почестей, я мечтала о любви, и, не отступая отъ прямаго пути, который велъ меня на эти двѣ вершины, я наконецъ дошла до того, что не чувствовала уже въ себѣ силы ни къ чему, кромѣ какъ къ ненависти, низко радовалась несчастью, которое удовлетворяло моей враждѣ, краснѣла передъ мужемъ, потому-что испытываю внутренно тоску и страхъ за другаго. Гекторъ угадалъ это; Гекторъ меня судитъ и презираетъ; онъ знаетъ, что я страдаю здѣсь, что я умираю, потому-что сражаюсь съ голосомъ, который зоветъ меня въ этотъ вихрь... Между этими сражающимися есть человѣкъ, котораго я не уважаю, но къ которому меня влечетъ какой-то роковой инстинктъ. Дай мнѣ силы, Боже, не поддаться этому роковому голосу! Я хочу умереть, но хочу умереть такъ же честно, какъ и жила; я не хочу, чтобы меня обвинили въ томъ, что я не заслужила носить имя честнаго человѣка. Помоги мнѣ, Боже мой! заглуши въ моемъ сердцѣ, въ головѣ моей, въ моихъ жилахъ этотъ голосъ, который я слышу даже на порогѣ дома моего мужа, даже при немъ! Не

допусти, чтобы я обезславила этотъ благочестивый домъ, этого благороднаго мужа... Боже, дай мнѣ умереть!

Полина долго молилась такимъ образомъ, изливая вполголоса свою переполненную душу. Потомъ она встала и улыбнулась.

— Я хотѣла молиться за тѣхъ, кто подвергается междоусобной войнѣ, сказала она:—и молилась только за себя. Я неумолимая эгоистка.

Она не хотѣла признаться самой себѣ, что она боялась за Филиппа, что ея долгъ боролся съ силою ея страсти, что по мѣрѣ того, какъ она изучала себя и какъ внѣшнія событія освобождали ея идеи отъ хаоса, происходившаго въ ея умѣ, она начала ясно различать ужасную бездну, притягивавшую ее и нагонявшую на нее головокруженіе. Или насильственно оторваться преступленіемъ отъ искушенія, бросить жизнь, предписываемую ей долгомъ, для сильныхъ ощущеній, ждавшихъ ее съ Филиппомъ, или закрыть глаза и позволить вихрю унести ее на дно бездны—вотъ перспектива, пугавшая ее и заставившая броситься на колѣна съ мольбою.

Но мы сказали, и повторяемъ опять, для того, чтобы читатели поняли героизмъ этой натуры, что Полина ужасалась паденія; у ней было сердце мужественное, она выстрадала все, только бы достигнуть до брака, она хотѣла все выстрадать скорѣе, нежели унизиться.

Шумъ, разбудившій ее, заставилъ ее задрожать, какъ сигналъ. Прошла пора томиться и вздыхать. Надо было бороться, побѣдить себя—или погибнуть. Полина принимала эту дилемму и соглашалась отвѣчать на нее.

Утромъ, на разсвѣтѣ, она велѣла осѣдлать свою лошадь и поскакала во весь опоръ. Гекторъ слышалъ и провожалъ ее глазами. И онъ также не спалъ. Онъ былъ блѣденъ, долго размышлялъ, и безпокойство примѣшалось ко всѣмъ другимъ его семейнымъ огорченіямъ. Онъ послалъ слугу въ Парижъ съ запиской къ Депрэ: онъ хотѣлъ успокоиться на-счетъ своего кузена; въ этомъ желаніи, разумѣется, заключалось и безпокойство объ участи кузины.

Въ полдень Полина еще не воротилась. Со стороны Парижа раздавались опять ружейные и пушечные выстрѣлы. Гекторъ также сѣлъ на лошадь и поскакалъ по долинѣ, не находя слѣдовъ своей жены.

XXX.

Гекторъ воротился вечеромъ, проведя цѣлый день въ безполезныхъ поискахъ. Никто не могъ сказать ему, куда поѣхала баронесса де-Вилльморанъ. Даже тѣ, которые должны были бы видѣть ее и, по близости своихъ жилищъ, неизбѣжно находились на ея дорогѣ, не могли дать ему удовлетворительнаго отвѣта.

Правда, что вся деревня была въ тревогѣ. Цѣлый день слышались ружейные выстрѣлы; толпы волонтеровъ, то-есть любопытныхъ, отправились съ разныхъ концовъ долины въ Парижъ, сами не зная, чью сторону будутъ они держать. Нѣкоторые, однако, высказали свое намѣреніе присоединиться къ первому знамени, которое попадется имъ на дорогѣ. Это увѣреніе не успокоивало женъ, которыя должны были желать, чтобы волонтеромъ встрѣтились только знамена побѣдоносныя.

Гекторъ, разбитый усталостью, а еще болѣе безпокойствомъ, предоставилъ себя на волю своей лошади. Онъ боялся и торопился воротиться; ему хотѣлось разузнать все, а между-тѣмъ онъ опасался дѣлать вопросы. Въ мысляхъ его являлись зловѣщіе призраки. Первый разъ этотъ серьёзный и положительный человѣкъ видѣлъ себя побѣжденнымъ и дрожалъ, какъ ребенокъ.

Когда Гекторъ выѣхалъ на дорогу, которая вела къ дому, онъ съ испугомъ устремилъ глаза на окно Полины. Тамъ не было огня.

— Она не воротилась, сказалъ онъ.

Тогда имъ овладѣло искушеніе также не возвращаться. Но куда отправиться? что̀ дѣлать въ эту ночь?

— Это ты, Гекторъ? сказалъ взволнованный голосъ, заставившій задрожать де-Вилльморана.

Полина стояла посреди дороги. Гекторъ вскрикнулъ, соскочилъ съ лошади и, по искреннему движенію быстрѣе мысли, подбѣжалъ къ женѣ, крѣпко обнялъ ее и поцаловалъ такъ горячо, какъ въ дни ихъ первой любви.

Полина не казалась удивлена; она также чувствовала необыкновеное волненіе. Цѣлую минуту любовь, или состраданіе, походившее на нее, наложило на губы ихъ пламя, спустившееся даже до ихъ сердца; руки ихъ крѣпко сжались.

— Откуда ты такъ поздно? спросила Полина съ кротостью.

— Изъ долины. Я искалъ тебя вездѣ. Не знаю, право, какая глупая и зловѣщая мысль пробѣжала у меня въ головѣ. Я боялся, видя, что ты не возвращаешься, не случилось ли чего-нибудь съ тобою.

— Какого-нибудь добровольнаго несчастья? Стало-быть, ты готовъ на все, мой добрый другъ, и ничто не удивитъ тебя?

— Меня удивило бы только что-нибудь неблагородное, возразилъ Гекторъ.

Они шли нѣсколько минутъ молча. Слуги выбѣжали со свѣчами. Полина съ живостью отдернула свою руку и отодвинулась отъ мужа. Она стыдилась своей фамильярности. Гекторъ примѣтилъ только теперь, какой безпорядокъ произошолъ въ туалетѣ баронессы де-Вилльморанъ; но онъ ждалъ, не хотѣлъ разспрашивать и самъ отвелъ свою лошадь въ копюшню.

Лошадь Полины лежала уже тамъ; ноги ея побѣлѣли отъ пыли и грязи; бѣдная лошадь такъ устала, что не имѣла силы дотронуться до пищи. Когда Гекторъ остался одинъ съ женой, онъ спросилъ ее кротко:

— Ты была въ Парижѣ, не-такъ-ли?

Полина оставила въ темнотѣ ночи свою любезность и свою дружескую улыбку. Удивленіе, припадокъ любви, бросившіе ее въ объятія мужа, прошли; свѣтъ возвратилъ ихъ обоихъ къ дѣйствительности.

— Да, я была въ Парижѣ, сказала гордо и смѣло баронесса де-Вилльморанъ.

— Какое неблагоразуміе! вскричалъ Гекторъ.

— Почему же? Все было кончено, когда я пріѣхала...

— Что же тамъ было?

— Посмотри!

Полина вынула изъ кармана бумагу, грубо напечатанную.

— Вотъ что раздавали, когда я тамъ была.

Гекторъ прочолъ съ глубокимъ удивленіемъ.

— Временное правительство! прошепталъ онъ.

Опустивъ голову на объ руки, Гекторъ размышлялъ. Полина, съ сверкающимъ взоромъ, съ дрожащими руками, смотрѣла на него и ждала.

— Если этотъ переворотъ будетъ къ лучшему, сказалъ баронъ де Виллморанъ, приподнимая голову:—я буду радоваться ему. Въ этомъ спискѣ есть имя, которое служитъ залогомъ успѣха. Геній можетъ ручаться за многое.

— О, вотъ какимъ я тебя представляла въ своихъ мечтахъ! сказала Полина съ энтузіазмомъ, приближаясь и положивъ руку на плечо мужа. — Я буду твоей достойной женою, и Богъ благословитъ тебя!...

Полина, блѣдная, взволнованная, сложила руки и наклонилась къ Гектору, какъ бы желая перелить въ него весь огонь, горѣвшій въ ея груди. Гекторъ печально на нее глядѣлъ. Эта живость волненій, эта пылкость чувствъ пугали его.

— Чего ты хочешь отъ меня? спросилъ онъ жену. — Чтобы я поступилъ недобросовѣстно, измѣнилъ моему характеру? Даже цѣною нашего общаго счастья ты не добьешься отъ меня лжи; мое мнѣніе должно разъясниться; прежде, чѣмъ я стану дѣйствовать, я долженъ ждать.

— Итакъ, мы остаемся здѣсь?

— Пока, конечно, холодно, отвѣчалъ Гекторъ.

— Но развѣ ты не видишь, что я умираю, что я задыхаюсь, что я убью себя, если ты меня удержишь?

— Я тебя не удерживаю, сказалъ де-Виллморанъ:—я тебя предупреждаю и совѣтую тебѣ.

— А если я воспользуюсь этой презрительной свободой?

— Ты можешь ѣхать, но ты воротишься.

— Какъ ты въ себѣ увѣренъ!

— Скажи лучше, Полина, что я увѣренъ въ твоемъ мужествѣ, въ твоей гордости; умъ сбиваетъ тебя съ толку, а сердце возвращаетъ на путь истинный.

— Ты никогда не собьешься съ пути! вскричала Полина, топнувъ ногою и съ гнѣвомъ скрестивъ руки на груди.

— Ты ошибаешься, съ кротостью возразилъ Гекторъ:—я сегодня сбился, отъискивая тебя, и вотъ почему не видалъ, какъ ты проѣхала домой.

— Ну, впередъ не трудись отъискивать меня; я умѣю возвращаться сама... если захочу возвратиться...

— Полина, не принимай этого свирѣпаго вида. Наши двѣ души поняли другъ друга, когда не наблюдали одна за другою. Наше несчастье происходитъ именно отъ этого взаимнаго наблюденія. Сегодня же вечеромъ, когда мы нечаянно увидались, мы побѣдили придирчивость нашихъ характеровъ; не порти мнѣ радость, которую я почувствовалъ. Поставь выше твоихъ мнѣній и твоего честолюбія наше общее уваженіе. Политическій переворотъ можетъ обойтись безъ насъ — обойдемся и мы безъ него. Не говори, что я эгоистъ. Семейная обязанность, добросовѣстно исполняемая каждымъ, помогаетъ общественному долгу. Я былъ бы дурнымъ гражданиномъ, еслибъ старался развлечься отъ семейныхъ тревогъ тревогою общественной; ты не была бы такою женщиной, какою ты хочешь быть, то-есть умной и твердой, еслибъ старалась волненіемъ толпы заглушить свое тайное волненіе. Какъ! ты хочешь, чтобы мы трудились для общаго счастья только для того, что мы не нашли счастья семейнаго? Посредствомъ зависти ничего нельзя создать. Постараемся быть счастливыми, чтобы имѣть право сдѣлаться честолюбивыми.

Полина ничего не отвѣчала. Она взглянула на Гектора отуманеннымъ взоромъ.

— Постараемся быть счастливыми! сказала она послѣ нѣкотораго молчанія и со вздохомъ.—Но мы стараемся уже очень-давно, а намъ все неудается!

Разговоръ окончился между супругами этими словами. Гекторъ не хотѣлъ въ этотъ вечеръ продолжать борьбу: онъ чув-

ствовалъ, что она должна возродиться на другой и на слѣдующіе дни, и сберегалъ свои аргументы и свои силы.

Въ-самомъ-дѣлѣ, скрытная, безмолвная и упорная борьба началась между Гекторомъ и Полиной. Никогда не произносилось ни одного слова, за которое можно было бы упрекать себя; никогда иронія не переходила за границы самыхъ вѣжливыхъ намёковъ. Посторонніе могли бы даже подумать, что произошло нѣкоторое примиреніе между супругами; но только опасеніе полнаго разрыва смягчало ихъ отношенія.

Де-Вилльморанъ принялъ политическій переворотъ того времени со всею искренностью своего убѣжденія. Если онъ не одобрялъ новой фазы, которую этотъ переворотъ придавалъ прогресу, онъ былъ слишкомъ-добросовѣстенъ, чтобы оспаривать очевидность и права власти, которая была порождена необходимостью и не была запятнана никакой интригой.

Полину не могло удовольствовать спокойное и разсудительное согласіе мужа. Она получала теперь всѣ журналы, она принимала участіе во всѣхъ опасностяхъ, во всѣхъ тревогахъ.

Одно имя разъ двадцать въ день приходило ей на умъ. Что̀ дѣлалъ Филиппъ? Онъ пережилъ свое торжество, или, лучше сказать, торжество обогнало ихъ. Въ первыхъ восторгахъ, слѣдующихъ за побѣдой, есть какое-то восторженное чистосердечіе, въ которомъ не могутъ участвовать интриганы.

Лоаньонъ ждалъ, чтобы туманъ покрылъ восходящее солнце для того, чтобы пустить въ ходъ свои рессурсы.

Полина, которая не могла угадать его причинъ и, восхищаясь его насмѣшливостью, считала ее искренней, Полина сердилась за него и каждый день мысленно назначала ему вакантныя мѣста. Она была бы такъ рада, еслибъ онъ игралъ какую-нибудь роль! Это вознаградило бы ее за скромность Гектора, за его непреодолимую совѣстливость. Но она не имѣла даже и этой радости. Гордость ея была обманута во всемъ.

— Что̀ такое я для нихъ обоихъ? спрашивала она себя съ горечью. — Стало-быть, они оба лгали, и Гекторъ первый, когда такъ часто говорилъ мнѣ о своей любви, когда онъ хотѣлъ заставить меня гордиться имъ, когда клялся, что будетъ

гордиться мной? А тотъ, другой, который зажегъ пожаръ въ головѣ моей и въ сердцѣ и который боится борьбы, когда я могу поощрять его! Чего остается имъ ожидать на этомъ свѣтѣ? Ни счастья, ни славы!

Полина не имѣла уже ни часа спокойствія: днемъ она рыскала верхомъ по окрестностямъ, прислушивалась, разспрашивала, вдыхала воздухъ, отъискивая въ немъ благоуханія или яда; ночью читала журналы и мечтала.

Природа пробуждалась; показывалась весна; но теплый вѣтерокъ, проносившійся по долинѣ, распускавшіяся сирени, почки, появлявшіяся на розахъ—всѣ эти предвѣстники жизни огорчали и раздражали баронессу де-Вилльморанъ. Зима была для нея другомъ. Какое ей было дѣло до весны?

Она пугалась зловѣщихъ искушеній, пробѣгавшихъ въ ея мысляхъ. Никто не могъ вылечить ее и утѣшить. Однажды она подумала о Мари и тотчасъ ей написала:

«Пріѣзжайте ко мнѣ. Я изнемогаю. У меня кружится голова; мнѣ нужна рука, которая могла бы поддержать меня.»

На другой день Мари Депрэ пріѣхала. Она все жила въ Парижѣ.

Полина не смѣла сказать ей, чтобы она уѣхала назадъ; но она чувствовала стѣсненіе передъ этимъ неутомимымъ другомъ, который, безъ-сомнѣнія, заговорилъ бы съ нею о смиреніи и долгѣ. Полина хотѣла смѣяться надъ своимъ письмомъ. Но Мари не была обманута ложнымъ мужествомъ, съ которымъ приняли ее.

— Не старайтесь прогонять меня, сказала она съ очаровательной веселостью бѣдной Полинѣ. — Меня привела сюда моя дружба, а выгонитъ отсюда только ваша ненависть; но попробуйте-ка ненавидѣть меня!

— А вы попробуйте-ка спасти меня!

— Всѣ больные такъ говорятъ, моя милая Полина.

Мари Депрэ скоро увидала раны этой уязвленной души; она испугалась того, что увидала, но придумала способъ излеченія. Она пошла къ своему кузену.

— Гекторъ, сказала она ему:—вы должны принести себя въ жерт-

ву. Я сдѣлалась республиканкой съ тѣхъ-поръ, какъ Депрэ любитъ республику. Подражайте мнѣ: любите честолюбіе изъ угожденія Полинѣ. Вы не имѣете права заставлять ее страдать. Она виновата въ томъ, что вѣрила вамъ. Она выбрала васъ, какъ героя волшебныхъ сказокъ, чтобы разить гигантовъ; гигантовъ теперь нѣтъ, но старайтесь думать, что они еще остаются. Словомъ, займите ея вниманіе, заинтересуйте ее.

— Вы знаете, Мари, пугаетъ ли меня преданность; но то, о чемъ вы меня просите, будетъ безполезной игрой. Полина станетъ презирать меня за это усиліе, а не уважать.

— Итакъ, вы мнѣ отказываете?

— Я не отказываюсь ни отъ какого опыта, но не вѣрю этому.

Черезъ два часа послѣ этого разговора, Гекторъ сказалъ своей женѣ, что ему обѣщали довольно-важный дипломатическій постъ.

— Это будетъ для насъ, прибавилъ онъ, улыбаясь: — и политикой и путешествіемъ.

Полина съ проблескомъ признательности протянула руку мужу.

— Я тебя понимаю, сказала она меланхолически: — и благодарю.

Она поспѣшила перемѣнить разговоръ.

— Примѣръ Депрэ внушилъ зависть Гектору, сказала она потомъ Мари. — Честолюбіе заразительно. Теперь, когда борьба кончена, когда осталось одно торжество, и Депрэ и де-Вилльморанъ будутъ наслаждаться плодами побѣды; но что же достанется тѣмъ, кто страдалъ? Завтрашній побѣдитель не-уже-ли долженъ одерживать верхъ надъ вчерашнимъ борцомъ? Какъ! стало-быть, безполезно учиться, приготовляться исторіей, безпрерывными стремленіями, усиліями и ежедневной борьбою къ исполненію какой-нибудь идеи, если послѣдній обращенный будетъ стоять наравнѣ съ мученикомъ?

— Но, милая моя, такова жизнь; несправедливость иногда необходима на этомъ свѣтѣ, замѣтила Мари Депрэ.

— Поэтому-то я и не хочу жить, не хочу видѣть этого свѣта. Что же остается энтузіазму, вѣрѣ, любви, если разсчетъ,

воля и торжество замѣняютъ ихъ? То, что вы называете долгомъ, то-есть то мелочное самолюбіе, которое приспособляетъ страсти къ семейной ариѳметикѣ, этотъ долгъ, который подавляетъ ваше сердце и развиваетъ разсудокъ — я проклинаю его и отказываюсь достигнуть до него. Пусть Депрэ сдѣлается законодателемъ, а де-Виллльморанъ дипломатомъ — я не хочу признавать законовъ, постановленныхъ законодателями съ такими убѣжденіями, какъ вашъ мужъ, не хочу трактатовъ, которые будетъ подписывать тотъ мраморный человѣкъ, чье имя я ношу. Я не хочу принадлежать къ этому свѣту; я имѣю право ненавидѣть его.

— Вы не имѣете права ненавидѣть никого и ничего, возразила Мари Депрэ съ кротостью, смѣшанной съ строгостью. — Кто не умѣетъ любить, тотъ не долженъ ненавидѣть.

— Я не умѣю любить? вскричала баронесса де-Вилльморанъ.

И, бросившись къ Мари, она схватила ее за руку, взглянула на нее пристально своими впалыми и пылающими глазами, раскрыла ротъ, чтобы протестовать, потомъ вдругъ уступила какой-то унылой и презрительной мысли.

— Вы правы, сказала она:—я не умѣю любить.

И, быстро оставивъ Мари Депрэ, она бросилась въ аллею парка.

XXXI.

Когда Гекторъ узналъ объ этомъ разговорѣ, онъ сказалъ Мари:

— Вы видите, кузина, до какой степени дошла болѣзнь; только одно чудо можетъ спасти ее.

— Чудо, можетъ-быть, не совсѣмъ невозможно, возразила Мари Депрэ съ упорствомъ сочувствія, котораго ничто не могло ослабить.—У насъ въ ея сердцѣ есть сообщникъ: ея гордость, чувство чести. Не все еще погибло; будемъ бороться, но пригласимъ къ себѣ сообщниковъ. Вашъ домъ пустъ — наполнимъ его. Я хочу закружить ей голову болтовней моихъ

дѣтей. Я привезу ихъ всѣхъ троихъ сюда. Она убѣжитъ отъ нихъ въ первый день, она придетъ въ раздраженіе, выйдетъ изъ терпѣнія сначала, потомъ привыкнетъ, и, кто знаетъ? можетъ-быть, эти малютки прочтутъ ей какое-нибудь нравоученіе, какого мы не съумѣли бы выдумать. Пригласимъ также и аббата Легро. Это также врачъ, котораго она не станетъ подозрѣвать.

— Какая у васъ великая душа, Мари!

— Нѣтъ, я просто вѣрна моему слову; я поклялась любить, спасти эту бѣдную, заблудшуюся душу; я помню, что тётушка называла меня дочерью. Я хочу заслужить это имя моею преданностью.

Черезъ два дня послѣ этого разговора, трое дѣтей Мари Депрэ рѣзвились на лугу передъ домомъ, и Полина не смѣла закрыть своего окна, когда они смѣялись. Сначала она испугалась этой суматохи, потомъ не обращала на нее вниманія, потомъ заинтересовалась этими ребятишками. Она чувствовала себя столь несчастной, столь близкой къ отчаянію, что не опасалась развлеченія, которое не могло уже имѣть вліянія на ея судьбу.

Аббатъ Легро нашолъ предлогъ, чтобы поселиться на нѣкоторое время въ Монтиньонѣ. Это было въ апрѣлѣ. Все принимало праздничный видъ. Промышленность жителей Монтиньона способствовала украшенію долины; деревья были зеленѣе и многочисленнѣе, нежели во всѣхъ другихъ мѣстахъ.

Дѣлали продолжительныя прогулки по лѣсу, по окрестнымъ пригоркамъ. Полина не мѣшала никакимъ планамъ, она участвовала во всѣхъ прогулкахъ, во всѣхъ полдникахъ на травѣ, но все молчала и какъ-будто не видѣла ничего. Когда солнце слишкомъ-ярко сіяло, когда благоуханіе, испаряющееся изъ земли въ первые весенніе дни, было слишкомъ-сильно, она жаловалась на разстройство нервъ, возвращалась домой, запиралась въ своей комнатѣ и проводила день въ какомъ-то наружномъ отупленіи, подъ которымъ свирѣпо бушевала дѣятельность ея ума.

Горесть придала ей красоту, какой она никогда прежде не имѣла. Вся ея душа была въ ея глазахъ, всѣ горести—на гу-

бахъ, вся горячность—на щекахъ. Она боролась не для того, чтобы вылечиться или утѣшиться, но чтобы сохранить тайну своихъ страданій; она чувствовала, что всѣ сговорились противодѣйствовать ея отчаянію, что у каждаго была своя роль, начиная отъ этого добраго аббата, который смотрѣлъ на нее съ своею кроткою улыбкой, до этихъ бѣлокурыхъ и румяныхъ малютокъ, которыхъ научили хвататься за ея платье, какъ бы затѣмъ, чтобы удержать ея жизнь.

На нее находили часы умиленія. Тогда болѣе всего спѣшила она запираться. Она не хотѣла, чтобы ее застали въ этихъ припадкахъ искренности, которые она считала слабостью. Наплакавшись вдоволь, она мыла глаза холодною водой, вызывала улыбку и отправлялась къ своимъ гостямъ, въ гостиную или въ садъ, съ притворной веселостью, которая не обманывала никого.

Сколько она страдала — нельзя ни измѣрить, ни опредѣлить. Это было вмѣстѣ и утомленіе, и нетерпѣніе, и отчаяніе, и желаніе страдать еще. Она презирала бы себя, еслибъ успокоилась, она наслаждалась своими мученіями. Кроткая съ Мари, ласковая съ Гекторомъ, она избѣгала споровъ, длинныхъ разговоровъ; она все боялась, чтобы не вздумали обвинить ее, и говорила себѣ, что въ тотъ день, когда она должна будетъ признать себя побѣжденною, она не будетъ болѣе имѣть права жить.

Мысль о Филиппѣ горѣла въ глубинѣ ея души. Она, можетъ-быть, поддалась бы очарованію иной ласковой дружбы, которую предлагала ей Мари; она, можетъ-быть, принаровилась бы къ той жизни, которую устроивалъ для нея де-Виллъморанъ; но у ней въ ушахъ все раздавался пронзительный и насмѣшливый голосъ этого злаго человѣка, который растравилъ рану ея сердца.

— Онъ меня любитъ; ко мнѣ одной чувствовалъ онъ привязанность, говорила она сама себѣ съ гордостью.

Но когда, вызвавъ воспоминаніе о журналистѣ, она испытывала сильное и ѣдкое желаніе увидѣть его, гордость ея возмущалась.

— Нѣтъ, я не буду одною изъ тѣхъ малодушныхъ женщинъ, которыя не умѣютъ умереть на своемъ посту, говорила она себѣ:—нѣтъ, я не оправдаю разсчетовъ этого скептика. Ничто не снимаетъ съ меня клятвы, которую я дала добровольно.

И Полина бросалась тогда къ мужу, придумывая предлогъ, чтобы онъ подалъ ей руку. Когда твердая и холодная рука Гектора сжимала ея пальцы, пылавшіе горячкой, она получала свою награду и была довольна сама собой.

Имѣла ли она еще подъ своими софизмами, подъ заблужденіями, порожденными ея неутомимымъ честолюбіемъ, что-то похожее на любовь къ мужу? Было ли это сомнѣніе, борьба между двумя страстями, убивавшая ее медленно—этого мы не можемъ сказать. Такъ же было бы трудно утверждать, что она любила де-Вилльморана теперь, какъ было бы трудно увѣрять, что она его любила когда-нибудь; этотъ вопросъ часто представлялся ея мыслямъ—вопросъ неразрѣшимый, какъ всѣ, которые она задавала себѣ. Неоспоримы были только ея страданія, несчастье души, неустрашимо переносимыя, смѣсь свирѣпаго и мелочнаго тщеславія съ героизмомъ, контрастъ между добродѣтелью, поддерживавшейся посреди душевныхъ мученій, и отсутствіемъ всякихъ нравственныхъ узъ, злость ума и чистота души, отвращеніе къ проступку и презрѣніе къ долгу.

Гекторъ и Мари удивлялись ей и сожалѣли о ней. Но привязанность ихъ каждый день понемногу ослабѣвала.

Однажды Полина много плакала въ своей комнатѣ и вышла изъ дома съ притворной веселостью, ея обыкновеннымъ рессурсомъ. Она видѣла, какъ дѣти Мари Депрэ догоняли другъ друга на лугу; она сѣла и смотрѣла на ихъ игру. Она призвала своего крестника, который споткнулся и упалъ на ея платье, взяла его и осыпала ласками.

— Бѣдный малютка! сказала она:—что̀ изъ тебя выйдетъ? Будешь ли ты имѣть наивное самодовольствіе твоего роднаго отца, или высокій и спокойный разсудокъ отца крестнаго, преданную душу матери или мое сердце? Но ты будешь мужчиной, ты будешь свободенъ. Обязанность будетъ для тебя легка. Ког-

да ты испугаешься, что уже не любишь у себя дома, ты переступишь за порогъ свой и полюбишь первое встрѣтившееся тебѣ видѣніе. Какъ ты счастливъ, что ты не дѣвочка! Твоя крестная мать не могла навлечь на тебя несчастье.

Она поцаловала его. Ребенокъ, можетъ-быть, для того, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ этихъ ласокъ, которыя мѣшали ему играть, а можетъ-быть и по доброму инстинктивному движенію, обвился обѣими ручками вокругъ шеи Полины и приложился своими розовыми губками къ ея щекѣ. Она была взволнована и съ живостью оттолкнула своего крестника.

— Какъ! сказала она, прослезившись и посадивъ ребенка на мураву:—ты также въ заговорѣ? Тебѣ также неудастся, какъ и другимъ!

Полина бросила завистливый взглядъ на группу дѣтей, валявшихся на травѣ.

— Еслибъ они были мои! прошептала она.

Она пошла въ боскетъ, усаженный сиренями, и, мечтая, начала ходить съ медленностью больной, которая влачитъ уже за собою саванъ. Когда она хотѣла воротиться домой, чтобы не наслаждаться болѣе великолѣпіемъ весенняго дня, казавшагося ей жестокимъ и ироническимъ упрекомъ природы, она услыхала голосà Гектора и Мари. Ея имя заставило ее прислушаться. Нѣсколько словъ, услышанныхъ ею, вдругъ внушили ей желаніе, жгучее любопытство услышать еще болѣе. Она удержала свое дыханіе, старалась сдѣлать неслышными шаги свои на пескѣ и, ставъ за кустъ, начала прислушиваться.

— Нѣтъ, кузина, говорилъ Гекторъ взволнованнымъ голосомъ, который даже не старался сдѣлать твердымъ:—ваши обѣщанія ничего не измѣнятъ въ жестокой очевидности, которая подавляетъ меня. Она погибла; мы ничего не можемъ сдѣлать ни для нея, ни противъ нея. Ея упорство будетъ сильнѣе нашей преданности, сильнѣе нашей любви.

«Онъ также осуждаетъ меня» подумала Полина: «стало-быть, я отчаяваюсь по справедливости.»

— Нашей любви! повторилъ болѣе громкимъ голосомъ де-Вилльморанъ, бросивъ взоръ на небо:—я привыкъ къ этому слову

и оно всегда срывается съ моихъ губъ; но это послѣдняя и очень-слабая, обманчивая мечта. Я боюсь, что не люблю ее, боюсь, что я никогда ее не любилъ. Это увлеченіе, эта преданная нѣжность, которыя заставили меня протянуть ей руку, не были могучей любовью, противъ которой ничто не можетъ устоять. Еслибы я точно любилъ ее, не былъ ли бы я властелиномъ ея судьбы? И она не любила меня. Мы солгали другъ другу. Чувство чести соединило насъ; но никогда я не находилъ возлѣ нея той полной радости, которая служитъ наградою за союзъ, благословенный Богомъ. Въ первый день я осудилъ ее, и эта самая строгость служитъ доказательствомъ. Ахъ! я не знаю, какой мужчина былъ бы способенъ управлять сю и покорить ее; но я знаю, что я не былъ способенъ на это. Напрасно повѣрилъ я своей силѣ; напрасно повѣрилъ я силѣ ея. Мать моя была права. У меня было въ рукахъ счастье и я отказался отъ него!

— Гекторъ, вы клевещете на себя и на нее, возразила Мари Депрэ трепещущимъ голосомъ: — если вы не могли сдѣлать ее счастливою, это никому неудалось бы на вашемъ мѣстѣ. Ваше же счастье было невозможно.

— Невозможно!... да, когда я думалъ, что моя совѣсть связана; но еслибы я прежде просилъ васъ сдѣлаться моей женой, согласились ли бы вы?

— Молчите! молчите! съ живостью сказала Мари Депрэ, вставая: — не будемъ примѣшивать къ вашей горести безумнаго сожалѣнія, котораго я не могу слышать. Прощайте, кузенъ; пойдемте къ моимъ дѣтямъ.

— Останьтесь, Мари, заклинаю васъ. То, что я говорю, не можетъ служить оскорбленіемъ для васъ. Въ моихъ словахъ нѣтъ волокитства. Мы оба имѣемъ тайное огорченіе; свое вы можете перенести. У васъ есть трое дѣтей, которыя служатъ вамъ утѣшеніемъ; моя горесть подавляетъ меня; но мы слишкомъ уважаемъ другъ друга для того, чтобы мстить мечтами, отъ которыхъ пострадалъ бы нашъ долгъ. Я одинъ; мнѣ некому повѣрять горесть, гнетущую меня, мнѣ не передъ кѣмъ плакать. Вы не будете презирать меня за мою слабость; позвольте же мнѣ поговорить съ вами, какъ съ моею совѣстью.

— Берегитесь, кузенъ! отвѣчала Мари, снова садясь на каменную скамейку, съ которой она встала: — иногда можно оскорбить свою совѣсть, говоря съ нею слишкомъ-откровенно. Вы человѣкъ честный; я надѣюсь, что всегда буду въ-состояніи обнимать дѣтей моихъ не краснѣя; но намъ обоимъ негодится вспоминать о прошломъ; будемъ думать о настоящемъ и постараемся, если можно, устроить будущее.

— Будущее! настоящее! эти слова меня пугаютъ.

— Ну, воротимся къ прошлому! сказала Мари съ свѣтлой улыбкой. — Вспомните, съ какимъ благородствомъ Полина надѣялась на васъ! Нѣтъ, она не солгала; она высказала вамъ всю глубину своего сердца; она не скрывала отъ васъ ни своего гнѣва, ни своего энтузіазма. Вы знали хорошо то, что̀ она выстрадала. Вы чувствовали все, что̀ она должна была страдать еще. Вы добровольно поклялись защищать ее и поддерживать; вы добровольно дали мнѣ уѣхать. Я васъ любила, и говорю вамъ, что Господь не можетъ оскорбиться подобнымъ признаніемъ: я васъ люблю еще. Но какимъ образомъ эти чувства могутъ перемѣнить нашъ долгъ? Я пошла по своей дорогѣ съ молитвой, я безпощадно заглушила надежды, которыя неосторожно и невинно поощряли; я была для Депрэ покорной женой, чего онъ могъ ожидать отъ женщины съ моимъ именемъ и съ моимъ характеромъ. Я сосредоточила на своихъ дѣтяхъ всю нѣжность, которую не приняли другіе. Теперь я могу говорить обо всемъ этомъ какъ старуха говоритъ о своей молодости. Эти три свѣтлорусыя головки ставятъ три столѣтія между нами. Поступайте ка̀къ я, кузенъ: идите все впередъ, и знайте только, что кто-то помогаетъ вамъ и одобряетъ васъ!

— Вы праведница, кузина! возразилъ Гекторъ. — Да, васъ любилъ бы я…

— Если вы опять заговорите мнѣ о любви, которой я не вѣрю, сказала Мари съ достоинствомъ и безъ ложнаго жеманства: — я не буду говорить вамъ о моей любви, изъ которой я хотѣла бы сдѣлать для васъ урокъ и совѣтъ.

— Вы не можете передѣлать моей неудавшейся, погибшей жизни, не можете сдѣлать, чтобы я не былъ мужемъ бѣдной жен-

щины, которая служитъ для меня мукою и для которой я служу, можетъ-быть, наказаніемъ. Вы не можете помѣшать мнѣ сравнивать спокойныя радости, какія я нашелъ бы возлѣ васъ, съ бурнымъ счастьемъ и съ безплодными годами, которые я истратилъ въ лихорадкѣ и въ борьбѣ.

— Нѣтъ, кузенъ, но я могу вамъ напомнить, что эта страдающая женщина не заслужила вашего пренебреженія. Она осталась вамъ вѣрною, она обливалась кровью отъ союза, соединявшаго васъ, но не свергнула его. Душа у ней великая, и если вы уже не можете любить ее, вы должны ее уважать, даже передо мной.

— Мари, не считайте меня лучше, нежели каковъ я на-самомъ-дѣлѣ. Мы, мужчины, не умѣемъ уединяться, какъ вы, на вершинахъ, неприступныхъ для дурныхъ страстей. Я признаюсь вамъ въ ужасной мысли. Есть дни, когда, вмѣсто того, чтобы благодарить Полину за эту честь, которая связываетъ ее со мною, мнѣ хотѣлось бы, чтобы она слушалась только своихъ страстей, неистовства своего ума и освободилась бы, возвративъ мнѣ свободу.

— Это, въ-самомъ-дѣлѣ, дурная мысль, сказала печально Мари Депрэ: — ее старательно надо скрывать отъ Полины. Она не воспользуется ею, но, узнавъ объ ней, лишится единственнаго утѣшенія, которое остается у нея — чувства, что ея страданія цѣнятся.

— Что же дѣлать? возразилъ Гекторъ. — Понятіе о долгѣ, наконецъ, ослабѣваетъ въ этой скрытной и безнадежной борьбѣ; но, вы правы: эта мысль—низость. Я не узнаю себя. Я не знаю на что мнѣ рѣшиться. Я предоставляю ей свободу. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда она уѣхала въ одно утро, одна, верхомъ, въ Парижъ, я искалъ ее цѣлый день въ долинѣ; однако я не смѣлъ отправиться за нею въ Парижъ. Я бы радъ былъ видѣть ея возвращеніе и перенесъ бы ея измѣну.

— Еще разъ, кузенъ, добродѣтель ваша ослабѣваетъ, мужайтесь! Ваша обязанность не кончилась.

— Что еще долженъ я предпринять? Она упрекала меня за мое неучастіе въ политикѣ—я искалъ должности и принялъ ее;

она насмѣхается надо мною за это. Что же я долженъ дѣлать? спрашиваю я васъ.

— Любить ее, несмотря ни на что, не сомнѣваться ни одной минуты ни въ вашей чести, ни въ ея, улыбаться ей, удерживать ее въ этомъ свѣтѣ всѣми тонкостями состраданія.

— Вы мнѣ велите любить ее!... Ахъ, Мари! не будемъ лгать, потому-что истина не имѣетъ для насъ ни упоеній, ни опасностей. Сердце мое пусто, вы это знаете, потому-что я не могу помѣстить въ немъ вашъ образъ.

— Сердце никогда не бываетъ пусто; это только въ романахъ такъ говорится. Но въ дѣйствительной жизни, когда у насъ есть обязанности, есть что и любить. Не двадцатилѣтнее сумасбродство нужно вспоминать: вамъ нужна серьёзная нѣжность отца семейства. Сдѣлайтесь старикомъ, чтобы лучше любить эту блудную дочь, и знайте, другъ мой, что отчаяніе есть искушеніе нашей жалкой натуры, которому люди религіозные должны и могутъ сопротивляться. Дайте мнѣ вашу руку, Гекторъ, и обѣщайте мнѣ не начинать болѣе этого разговора, который безполезно волнуетъ насъ и уменьшаетъ наши заслуги, поощряя насъ восхищаться ими. Я хочу быть скромной и не стану болѣе слушать васъ.

Мари встала; на лицѣ ея выражалась трогательная ясность, которая дѣлала ее слишкомъ-прекрасной для земнаго обожанія. Гекторъ взглянулъ на нее съ цѣломудренною страстью и пожалъ ей руку.

Оставшись одинъ, онъ думалъ нѣсколько минутъ, потомъ со вздохомъ, похожимъ на рыданіе, прошепталъ:

— Да, ее я любилъ, люблю и теперь!

Онъ всталъ и продолжалъ свою прогулку.

Полина все слышала—все, даже послѣднее восклицаніе де-Вилльморана, и каждое слово, какъ огненная стрѣла, вонзалось въ ея грудь. Она чуть-было не бросилась, чуть-было не закричала имъ: — пощадите! но она нашла силы выслушать до конца. Когда она хотѣла сойти съ своего мѣста, она почувствовала, что ноги ея холодны и тяжелы какъ мраморъ. Хотя голова ея горѣла, но лицо было покрыто смертельною блѣд-

ностью. Какое-то бѣшеное отупленіе не давало ей думать; она улыбалась даже той болѣзненною улыбкою помѣшанныхъ, которой завидуютъ какъ радости и которая ничто иное, какъ гримаса горести.

Черезъ нѣсколько шаговъ, она тяжело упала на несокъ аллеи и лишилась чувствъ.

Но точно будто какой-то тайный демонъ внутренно терзалъ ее и напоминалъ ей ея страданія. Черезъ нѣсколько минутъ она опомнилась, съ трудомъ приподнялась и дотащилась до конца крытой аллеи, придерживаясь за кусты.

Когда она дошла до лужка, разстилавшагося передъ домомъ, когда увидала Мари, игравшую съ дѣтьми, между-тѣмъ какъ Гекторъ, стоя на крыльцѣ съ журналомъ въ рукѣ, дѣлалъ видъ, будто читаетъ, и смотрѣлъ украдкою—Богу извѣстно съ какою мыслью! — на эту картину невинности и материнской любви, Полина нашла силы, удивившія ее. Она хотѣла скрыть свою агонію, приподняла голову, сдѣлала обходъ, чтобы не столкнуться съ Мари или Гекторомъ, вошла въ домъ другою дверью и заперлась въ своей комнатѣ, гдѣ ясное, неумолимое воспоминаніе обо всемъ, что̀ она слышала, возвратилось къ ней.

Полину поразило въ самую глубину сердца не признаніе Мари, даже не любовь, тайну которой Гекторъ не умѣлъ сохранить—она не имѣла уже обыкновенной ревности—но ее уничтожала мысль, что ея побѣгъ не былъ невозможностью, что ея мужъ предвидѣлъ и желалъ его, и что сопротивленіе ея было тщетно. Она забывала отвѣтъ Мари, возраженіе Гектора, она думала только:

«Мой побѣгъ, мое паденіе были бы, можетъ-быть, освобожденіемъ для Гектора; принести себя въ жертву его спокойствію было бы героизмомъ съ моей стороны!»

Напрасно размышленіе и вся ея прошедшая жизнь увѣщевали ее остаться съ мужемъ: она все повторяла:

— Я не хочу ихъ жертвы, я не хочу ихъ преданности! Я—ихъ долгъ, ихъ обязанность, ихъ мука, ихъ состраданіе! Пусть они будутъ свободны. Гекторъ сжалился надъ моей нищетой; я сжалилась надъ его молодостью; это недоразумѣніе заставило

насъ говорить о любви—пусть она прекратится! Я считала себя его женой; я воображала, будто я баронесса де-Вилльморанъ! Сумасшедшая и гордая, я была болѣе ничего, какъ компаньйонка; я все та самая Полина Фукò, на которую старая баронесса смотрѣла въ лорнетъ, которую лэди Фиц-Питерсъ и мадамъ Беллами могли прогнать! Только теперь меня прогнать нельзя; меня боятся, я сама ухожу!

Для того, чтобы поскорѣе поставить бездну между собою и де-Вилльмораномъ, Полина подошла къ своему письменному столу и твердою рукою написала Филиппу Лоаньону:

«Вы мнѣ сказали однажды, что если черезъ полгода я не буду спасена, я должна оставить моего мужа.

«Скоро два года, какъ я получила этотъ совѣтъ, и въ эти два года я боролась.

«Если я прошу у васъ теперь утѣшенія, которое вы предлагали мнѣ тогда, если я приношу вамъ сердце, обливающееся кровью, по которому нужно будетъ проводить раскаленнымъ желѣзомъ вашей ироніи для того, чтобы залечить раны, вы мнѣ отдадите справедливость, что я не поддалась первой горести, и заслуживаю, чтобы вы избавили меня отъ оскорбительной ироніи вашего торжества.

«Мнѣ остается только выбирать между самоубійствомъ и вашимъ гостепріимствомъ. Гордитесь! я предпочитаю васъ смерти, которая излечила бы меня.

«Пишите мнѣ, должна ли я прямо отправиться въ Парижъ, или вы пріѣдете въ Ангіенъ; но не отказывайтесь принять меня, потому-что, клянусь вамъ, вы будете отвѣчать передъ Богомъ за героическій поступокъ, который свѣтъ считаетъ преступленіемъ.»

Написавъ эту записку, Полина прочла ее вполголоса.

«Какое странное любовное письмо!» подумала она съ насмѣшкой.

Она запечатала конвертъ, спрятала его на груди и почувствовала себя легче и свободнѣе послѣ этого рѣшительнаго поступка, который сдѣлалъ эпоху въ ея жизни. Она не хотѣла

поручать свое письмо никому и велѣла осѣдлать свою лошадь.

Когда она собиралась ѣхать, Гекторъ подошолъ къ ней.

— Куда ты ѣдешь? спросилъ онъ ее.

— Успокойся, не въ Парижъ! отвѣчала она.

Гектору показался особенный тонъ въ этомъ отвѣтѣ; онъ прямо взглянулъ въ лицо своей жены. Она перенесла этотъ взглядъ безъ волненія и даже не поблѣднѣла.

— Ты мнѣ ничего не сказала, что собираешься гулять.

— Развѣ я должна сообщать тебѣ всѣ прихоти, какія приходятъ мнѣ въ голову? Воздухъ свѣжъ, день прекрасный. Мнѣ не нравится все топтать этотъ дернъ. Ты подарилъ мнѣ лошадь, я пользуюсь ею.

Гекторъ посторонился, чтобы пропустить Полину; она хлестнула свою лошадь, и ускакала. Де-Вилльморанъ задумчиво слѣдовалъ за нею глазами. Когда она исчезла изъ вида, онъ сталъ прислушиваться. Самъ не зная почему, онъ тревожился. Въ глазахъ, въ лицѣ, во всей наружности Полины виднѣлось преобразованіе, дурно скрываемое, воли, свергнувшей съ себя всѣ узы. Гекторъ угадалъ, что эта поѣздка была не обыкновенной прогулкой.

Онъ поспѣшно пошолъ въ конюшню, самъ осѣдлалъ свою лошадь и поскакалъ по слѣдамъ Полины. Выѣхавъ изъ деревни, онъ увидалъ, что Полина возвращается: она сама отправила письмо за полмили отъ своего дома. Теперь, когда участь ея была рѣшена, она думала, что ей остается только ждать, и надѣялась, что послѣ этой принятой рѣшимости она будетъ спокойна.

XXXII.

— Ты, рѣшительно, боишься, чтобы я не пропала! сказала Полина, встрѣтившись съ мужемъ.

— Я думалъ, что въ Парижѣ опять дерутся, отвѣчалъ Гекторъ.

Полина улыбнулась, но она взглянула на де-Виллъморана и нѣсколько смутилась при видѣ печали, выражавшейся на его лицѣ.

«Если я ему скажу, что я оставляю его, можетъ-быть, онъ будетъ доволенъ» думала она.

Но вдругъ ей стало стыдно, что она такъ легкомысленно думаетъ о своемъ поступкѣ.

«Это моя послѣдняя прогулка; я хочу оставить въ немъ сожалѣніе» думала она съ нѣсколько-меланхолическимъ кокетствомъ.

И, обернувшись къ Гектору, она предложила ему полемъ возвратиться домой.

— Помѣшкаемъ немножко; Мари не будетъ насъ бранить.

— Какъ жаль, что мы не можемъ отослать лошадей! возразилъ Гекторъ: — мы пѣшкомъ воротились бы черезъ виноградники, какъ...

— Какъ влюбленные? перебила его Полина.

— Нѣтъ, сказалъ Гекторъ: — какъ друзья; для насъ это гораздо-лучше.

Полина, предложившая эту прогулку по какой-то прихотливой ироніи, отъ которой она не могла излечиться, и искавшая какое-то невѣдомое мщеніе въ этомъ послѣднемъ часѣ короткости, передъ блистательнымъ побѣгомъ, замышляемымъ ею, Полина почувствовала, какъ сердце ея забилось.

— Друзья! повторила она, потупивъ голову.

Черезъ нѣсколько минутъ она тряхнула головою, не хотѣла болѣе думать и поскакала. Гекторъ послѣдовалъ за нею. Они доѣхали до дороги, перерѣзанной рытвинами. Де-Вилльморанъ предложилъ сойти съ лошадей; Полина согласилась. Они шли нѣсколько времени другъ возлѣ друга, не говоря ни слова; Полина хлестала по травѣ своимъ бичомъ, Гекторъ велъ за узду обѣихъ лошадей.

Вдругъ баронесса де-Вилльморанъ вскрикнула: нога ея поскользнулась; Гекторъ бросился и схватилъ ее за руку.

— Это ничего, сказала Полина, поблѣднѣвъ: — неловкость! Предзнаменованіе! прибавила она тише съ улыбкой.

Но она хромала и должна была опереться на руку мужа. Давно уже не опиралась она такимъ образомъ, давно рука ея не прижималась къ груди Гектора. Съ ней сдѣлалось головокруженіе. Прогулка продолжалась тихо. Полина не смѣла сказать, что хочетъ сѣсть на лошадь; Гекторъ не смѣлъ ей предложить этого. Она предпочла лучше страдать, чѣмъ подать видъ, будто боится опереться на его руку; онъ же находилъ какое-то странное очарованіе въ этой подаваемой имъ помощи. Молчаніе скоро сдѣлалось неловкимъ. Гекторъ первый его прервалъ. Онъ спросилъ, не болитъ ли нога Полины, хвалилъ красоту горизонта. Полина жаловалась, что еще страдаетъ, хотя могла бы идти одна.

Дошли до нѣсколько-возвышенной мѣстности; оттуда къ долинѣ велъ довольно-крутой спускъ. Де-Вилльморанъ предложилъ отдохнуть; сѣли на траву, лошадей привязали къ древу.

Положеніе было довольно-затруднительно для супруговъ. Гекторъ, увлекаемый кротостью Полины, тишиною этого весенняго дня, можетъ-быть, также побуждаемый къ долгу послѣднимъ отголоскомъ словъ Мари, раздававшихся въ ушахъ его, Гекторъ спрашивалъ себя, не должна ли имѣть рѣшительное вліяніе эта прогулка глазъ-на-глазъ. Все помогало ему, и тайное угрызеніе отчаянія, овладѣвшаго имъ утромъ, побуждало его опять приняться за свой долгъ.

Но онъ не зналъ, что сказать: всѣ выраженія истощились, всѣ предосторожности были не новы.

Для Полины же началась страшная мука. Гордость упрекала ее за лживость этой прогулки; она находила себя вдвое виновнѣе, что приготовляла такимъ образомъ свой побѣгъ.

«Я уже не жена его; я не имѣю права сидѣть возлѣ него» думала она.

Она спрашивала себя, не лучше ли признаться во всемъ, не благороднѣе ли сбросить маску, упомянуть о разговорѣ, слышанномъ въ саду, чтобы оправдать сдѣланный ею поступокъ; но она боялась, что не убѣдитъ Гектора, и инстинктивно опасалась, что онъ убѣдитъ ее.

Но Гекторъ не казался расположенъ къ какому бы то ни было признанію. Съ кротостью и съ улыбкой, онъ дѣлалъ видъ,

будто думаетъ только объ удовольствіи вдыхать свѣжій воздухъ, любоваться долиною. Онъ думалъ, что въ жизни есть положенія, изъ которыхъ можно выдти быстрымъ порывомъ и, не стараясь устранить препятствія, уменьшить глубину. Въ нѣкоторыхъ безднахъ всѣ нити Аріадны путаются и рвутся, тамъ потребны крылья—вотъ и все, и Гекторъ отъискивалъ крылья.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ старался навести разговоръ на неопредѣленные предметы, примѣшивая къ своимъ словамъ поэтическіе восторги, вызывая эту мелодію природы, которая одерживаетъ верхъ надъ всѣми сопротивленіями, проникая во всѣ искреннія души, Полина трепетала и чувствовала, что ее душитъ тоска, которая увеличивалась и грозила убить ее.

Вдругъ она залилась слезами, закрывъ лицо обѣими руками.

Гекторъ наклонился надъ нею и хотѣлъ раздвинуть ея пальцы; но какъ только она почувствовала на лбу дыханіе мужа, касавшагося губами до щеки ея, чтобы напечатлѣть на ней поцалуй, который былъ вмѣстѣ и мольбой и прощеніемъ, Полина выпрямилась и встала.

— Нѣтъ, нѣтъ! прошептала она: — не будемъ оставаться здѣсь; я слишкомъ страдаю; пойдемъ.

— Напротивъ, останемся здѣсь, сказалъ ей Гекторъ, удерживая ее за руку: — чего ты боишься? Развѣ ты не съ твоимъ лучшимъ другомъ, съ единственнымъ существомъ, которое можетъ тебя понимать?

— Оставь меня! отвѣчала Полина глухимъ голосомъ: — зачѣмъ ты послѣдовалъ за мною? Вѣрно для того, чтобы наслаждаться моими слезами, не-правда-ли? У тебя очень-жестокая доброта. Оставь меня! Ты мнѣ другъ? Но развѣ ты не видишь, что ты мой палачъ? Ты говоришь мнѣ о небѣ, о веснѣ, но развѣ ты не видишь, что у меня въ сердцѣ зима, что меня ужасаетъ эта веселость? Уйди! У меня лихорадка, я сошла съ ума!

Она пошла къ своей лошади, отвязала ее, стала на груду каменьевъ, сѣла на сѣдло и поскакала какъ вихрь, нагибая

голову, чтобы не наткнуться на вѣтви яблонныхъ и вишневыхъ деревьевъ, обрамливавшихъ дорогу.

Гекторъ ѣхалъ за нею.

«Въ ней происходитъ что-то неизвѣстное мнѣ» думалъ онъ. «Она хочетъ убѣжать отъ меня. Что̀ дѣлать? Ка̀къ угадать ее и ка̀къ вылечить?»

Онъ увидѣлъ издали, что она остановилась передъ какимъ-то заборомъ, и поспѣшилъ догнать ее.

— Это кладбище, не-правда-ли? спросила она.—Отчего я никогда его не видала? Точно-будто оно только сегодня явилось въ этомъ пейзажѣ. Я знала, что здѣшніе жители прекрасно умѣютъ сажать деревья. Посмотри, даже завидно!

Направо, надъ зеленымъ занавѣсомъ, на пригоркѣ виднѣлся домъ, веселый, кокетливый, какъ-будто приглашавшій воротиться.

— Мнѣ лучше нравится этотъ видъ, сказалъ де-Виллъморанъ твердымъ и вмѣстѣ ласковымъ голосомъ.

Полина быстро обернулась и узнала домъ.

— Это также кладбище, сказала она съ насмѣшкой: — но въ немъ мертвецы не покоятся: тамъ живутъ выходцы съ того свѣта.

— Живые, кажется, тамъ не скучаютъ, возразилъ Гекторъ: — мнѣ кажется, что я слышу отсюда смѣхъ и пѣсни.

Въ-самомъ-дѣлѣ свѣжіе голоса и громкій хохотъ доносились до того мѣста, гдѣ остановились Гекторъ и его жена.

— Видно, что насъ тамъ нѣтъ, сказала Полина:—пользуются нашимъ отсутствіемъ. Поѣдемъ заставить ихъ замолчать.

И она продолжала свой путь. Солнце опускалось къ горизонту; вечеръ обѣщалъ быть тихимъ и яснымъ.

— Откуда вы? спросила Мари Депрэ, которую удивило это отсутствіе и которая ждала хозяевъ на порогѣ ихъ дома.

— Мы сами не знаемъ, отвѣчалъ Гекторъ, вздыхая.

— Я не пущу васъ однихъ впередъ! ворчала Мари.

— Стало-быть, вы будете гулять съ однимъ Гекторомъ, возразила Полина: — а я такъ ушибла себѣ ногу, что должна сидѣть дома.

Полина прошла въ свою комнату. Мари взглянула на Гектора.

— Надо остерегаться, сказалъ онъ, понизивъ голосъ и высказавъ все безпокойство, мучившее его. — Въ ней происходитъ что-то; не будемъ терять ее изъ вида. Ахъ, Мари! мы дошли до кризиса, который пугаетъ меня.

— Не теряйте мужества, кузенъ, Богъ хранитъ всѣхъ насъ!

За обѣдомъ Гекторъ и Мари наблюдали за Полиной; аббатъ Легро, угадавъ общее замѣшательство, захотѣлъ служить посредникомъ и улыбался всѣмъ. Де-Сен-Пааръ одинъ былъ погруженъ въ свое обыкновенное блаженство. Разговоръ, безпрерывно возобновляемый, прерывался каждую минуту. Полина не могла ничего ѣсть; она жаловалась на боль въ ногѣ, и вдругъ лицо ея судорожно искривилось. Гекторъ и Мари вскочили въ одно время.

— Это ничего, успокойтесь! прошептала Полина.—Боже мой, какъ вы испугались!

Она налила воды въ свой стаканъ, но когда хотѣла выпить, всѣ примѣтили, что она дрожала. Слышно было, какъ хрусталь колотился объ ея зубы.

— Вы больны, милая Полина, сказала Мари.

— Напротивъ, я никогда не была такъ здорова. Вы увидите, я вылечиваюсь.

Когда вышли изъ-за стола, Мари подошла къ Гектору.

— Вы правы, кузенъ, въ ней происходитъ что-то.

Она хотѣла проводить Полину въ ея комнату, но та, забывъ боль въ ногѣ, поспѣшно взбѣжала на лѣстницу и заперлась въ своей комнатѣ на ключъ.

Баронесса де-Виллъморанъ хотѣла быть одна; она хотѣла поскорѣе разстаться съ мужемъ, она чувствовала, что не имѣетъ болѣе права участвовать въ жизни этого дома. Но прогулка, не измѣнивъ ея рѣшимости, внушила ей сомнѣнія.

— Должна ли я оставаться? должна ли я ѣхать? спрашивала она себя, сидя въ своей комнатѣ передъ открытымъ окномъ. — Остаться, чтобы слышать опять эти признанія, чтобы присутствовать при этихъ чудесахъ состраданія! Остаться послѣ этого написаннаго письма, послѣ этого признанія! Но уѣхать, оставить свою честь, своего мужа, безукоризненную репутацію, до-

бродѣтель, которая составляла мою гордость и мою силу, уѣхать къ этому человѣку, который обѣщаетъ мнѣ только ненависть, иронію, гнѣвъ!... Это правда: природа прекрасна, можно бы жить и умереть здѣсь. Вотъ церковь, гдѣ добрый аббатъ Легро со слезами будетъ кропить святой водой. Вотъ дорога, по которой меня повезутъ на то кладбище, которое я видѣла сейчасъ. Что̀ будетъ у меня въ Парижѣ? какая-нибудь отвратительная и бѣдная комната, можетъ-быть, въ больницѣ! Ахъ, еслибы жизнь была менѣе тяжела, какъ было бы пріятно жить здѣсь!

Она облокотилась на окно и увидала чорную тѣнь въ саду.

— Это аббатъ Легро; не пойти ли мнѣ къ нему признаться ему въ моихъ сомнѣніяхъ, въ моей тоскѣ? спасетъ ли онъ меня? Я знаю его лекарства. Нѣтъ, сохраню мою тайну; свѣтъ меня обманулъ, люди фальшивы.

Она опустила сторы и хотѣла лечь спать, но ей было страшно. Она начала ходить по комнатѣ и прислушиваться къ звукамъ въ домѣ.

— Гекторъ возвращается къ себѣ. Что̀ онъ дѣлаетъ? Онъ растревоженъ. Но черезъ нѣсколько дней онъ изгонитъ меня навсегда изъ своего воспоминанія, онъ меня забудетъ... Если онъ будетъ презирать меня? что̀ мнѣ за дѣло! Ахъ, какъ онъ прежде довѣрялъ мнѣ, какое глубокое уваженіе показалъ мнѣ, когда пріѣхалъ за мною къ мадамъ де-Сент-Овидъ! какъ онъ былъ кротокъ, сострадателенъ и твердъ! Но я не хочу его состраданія, его кротости; мужество его было маской, онъ признался въ своей слабости, онъ не можетъ болѣе обманывать меня: я узнала его тайну. Если Филиппъ будетъ отвѣчать мнѣ отказомъ? Онъ легко уступилъ первой просьбѣ де-Вилльморана, онъ будетъ насмѣхаться надо мной; онъ устроилъ свою нищенскую жизнь, къ-чему ему навязывать себѣ хлопотъ съ женщиной... и съ какой женщиной! Вотъ плачутъ дѣти; ихъ укладываютъ спать; они просятъ, чтобы имъ разсказали еще сказочку. Можетъ-быть, маленькій Гекторъ жалуется, что не поцаловалъ свою крестную мать. Какъ счастлива эта Мари: она умѣетъ принаровиться ко всему, даже къ своему горю! Съ какимъ кокетствомъ тщеславилась она своей любовью, сдерживаемой долгомъ!

Они будутъ, можетъ-быть, спрашивать, зачѣмъ я долѣе не носила своей ноши; они не поймутъ, что сами довели меня до освобожденія, до погибели!

Она воротилась къ окну, раскрыла стору: всходила луна и обливала своимъ сіяніемъ всю долину.

— Какая чудная ночь для влюбленныхъ! Гулять по дорогѣ, которую мы пробѣжали сейчасъ, опираться на руку любимаго, нашептывать тѣ чудныя и глупыя слова, которыя могутъ назваться краснорѣчіемъ любви—какая мечта! Ахъ, у меня также были эти экстазы, и какъ быстро они прошли! Я также подносила къ губамъ очарованный кубокъ; но зачѣмъ онъ сдѣлался такъ горекъ? зачѣмъ осушился онъ такъ скоро? Моя ли это вина, или Гектора? Какъ! кончено! пропала надежда, пропали мечты, нѣчего болѣе обманываться!

Вдругъ она подумала о Филиппѣ, и засмѣялась болѣзненнымъ смѣхомъ, раздиравшимъ ей грудь.

— Онъ будетъ любить меня, я буду любить его! Какая любовь, Боже мой! Ждать его отвѣта! Зачѣмъ я ему написала? Не лучше ли было поѣхать прямо къ нему, застать его нечаянно и протянуть ему руку? Какое мѣсто заняла бы я у него?

Она не хотѣла болѣе думать о Филиппѣ; она боялась порыва своей совѣсти, который походилъ бы на отвращеніе. Она старалась погрузиться въ свои размышленія; но о чемъ было ей думать, какъ наполнить эту длинную ночь? Гекторъ, Мари, дѣти, аббатъ Легро, даже бѣдный графъ де-Сен-Паръ—всѣ эти друзья, эти свидѣтели, эти поклонники ея мужества, ея честной жизни, входили къ ней, какъ призраки, садились возлѣ нея и глядѣли на нее. Она боялась всѣхъ ихъ; соединеніе ихъ презрѣнія раздражало ея гордость.

Часы этой ночи проходили очень-медленно. Мы не будемъ считать ихъ, не будемъ прислушиваться ко всѣмъ біеніямъ сердца Полины. Она хотѣла писать къ своему мужу, разсказать ему свою послѣднюю борьбу, свое послѣднее пораженіе, извиниться. Она начала письмо, потомъ разорвала его, потому-что нашла его слишкомъ-холоднымъ и считала святотатствомъ, оставляя мужа, показать, что пренебрегаетъ имъ. Она начала другое

письмо, но не осталась довольна и имъ, она не кончила его, потому-что слезы смочили бумагу, а Полина не хотѣла, чтобы сожалѣли о ней.

Мало-по-малу, извѣдывая самую глубину своего сердца, она пробудила угрызеніе; но угрызеніе душъ, неумѣющихъ преклоняться, тотъ холодный и страшный гнѣвъ противъ себя самой, который никогда не искупаетъ проступка и который доходитъ даже до преступленія для того, чтобы наказать за слабость.

Когда первый свѣтъ, проникнувшій сквозь сторы, увѣдомилъ ее, что новый день начался, она была блѣдна, холодна, страшна, она постарѣла десятью годами.

— Я не могу ждать еще ни одного дня, ни одного часа, прошептала она, стараясь приподняться.—Получилъ ли онъ мое письмо, или получитъ только сегодня утромъ? Зачѣмъ я къ нему написала? Если онъ отвѣтитъ мнѣ, я отошлю къ нему назадъ его отвѣтъ, или отдамъ его моему мужу. Я не хочу оставлять этотъ домъ.

Проходя мимо зеркала, она испугалась, увидѣвъ свое зловѣщее лицо; потомъ, по странному воспоминанію, она вспомнила, что когда-то хвалилась своею блѣдностью передъ госпожею де-Сент-Овидъ.

— Мнѣ хорошо бы было подрумяниться немножко, какъ она, сказала Полина, стараясь улыбнуться.

Она сошла въ садъ, когда никто еще не выходилъ изъ своей комнаты; но утро было холодно, и она зябла; она прошла въ ту аллею, гдѣ приняла свое намѣреніе. Она увидала ту скамейку, на которой сидѣли Гекторъ и Мари. Она сама сѣла тутъ.

— Еслибъ Гекторъ былъ здѣсь, я стала бы передъ нимъ на колѣна, я попросила бы у него прощенія, я призналась бы ему въ моемъ любопытствѣ и въ наказаніи, которое послѣдовало за нимъ. Да, въ наказаніи... Этотъ побѣгъ служитъ искупленіемъ моихъ грѣховъ.

Не отдавая себѣ отчета въ томъ времени, которое было необходимо для того, чтобы получить отвѣтъ изъ Парижа, Полина боялась, чтобы отвѣтъ Филиппа не попался въ руки ея мужа. Если она

останется, она хотѣла признаться во всемъ Гектору, она хотѣла, по-крайней-мѣрѣ, имѣть заслугу признанія. Она вспомнила нескромность, искусившую ее когда-то; Гекторъ могъ имѣть такое же искушеніе. О побѣгѣ своемъ она думала уже съ ужасомъ.

Но что̀ дѣлать? ка̀къ сойти съ того пути, который обезславилъ ее? Филиппъ получилъ ея письмо; это былъ залогъ, оружіе...

Она волновалась въ саду, боясь, что ее увидятъ, спрашивая совѣта, вдохновенія, которое не приходило. Она бѣгала по саду цѣлый часъ, разбитая усталостью, мыслями, безсонницей, страшной горестью; она остановилась, опустила голову на обѣ руки и заплакала.

— Боже мой! сказала она: — я не съумѣю управлять своими поступками. Каждый разъ, какъ я хотѣла распоряжаться моею жизнью, я заблуждалась; я совѣтуюсь уже не съ собою, но съ тѣмъ, что̀ меня окружаетъ.

Она воротилась къ дому.

«Я поговорю съ аббатомъ Легро» думала она: «его добродушіе, можетъ-быть, послужитъ для меня открытіемъ; притомъ онъ говоритъ иногда очень-трогательно.»

Она спросила слугу, гдѣ аббатъ; ей отвѣчали, что онъ пошолъ въ церковь. Онъ каждый день служилъ обѣдню.

— Не пойти ли мнѣ помолиться вмѣстѣ съ нимъ? онъ вѣрно молится за меня, прошептала Полина.

Но она не смѣла идти одна: ей было какъ-то страшно.

— Мадамъ Депрэ дома? спросила она.

— Мадамъ Депрэ у обѣдни.

— А!

И Полинѣ, которая хотѣла просить Мари отвести ее въ церковь, сдѣлалось досадно, что Мари опередила ее и ждала. На лѣстницѣ она встрѣтила дѣтей.

— Куда вы ихъ ведете? спросила она няню, которая вела за руку самаго младшаго.

Няня улыбнулась этому вопросу и отвѣчала, что дѣти идутъ играть на лужокъ.

— Это правда! Какъ это не пришло мнѣ въ голову? Имъ пора идти туда играть.

Она хотѣла пройти мимо, но почувствовала, что ее дергаютъ за платье; она остановилась, сѣла на ступеньку, поцаловала каждаго изъ дѣтей Мари и шептала:

— Прощайте! прощайте! прощайте!

Старшая дѣвочка удивилась.

— Надо сказать «здравствуйте», а не «прощайте», сказала она съ восхитительно-правоучительной гримаской.

Полина посмотрѣла на нее пылающими глазами и съ горестной улыбкой.

— Ты будешь походить на твою мать; у тебя будетъ положительный и ясный разсудокъ.

И, снова перецаловавъ всѣхъ троихъ еще крѣпче, Полина воротилась въ свою комнату.

— Ни аббата, ни Мари нѣтъ дома, прошептала она: — мнѣ не съ кѣмъ посовѣтоваться.

Она не хотѣла видѣть Гектора. Однако, черезъ минуту она приложила руку къ груди.

— Надо собраться съ мужествомъ, сказала она: — говорить съ своимъ мужемъ не слишкомъ-страшно.

Съ трудомъ могла она спуститься съ лѣстницы. Ноги ея подгибались, она едва переводила духъ. Какая-то таинственная тоска, то, чтò называется предчувствіемъ, терзало ей сердце. На послѣдней ступенькѣ она задрожала. Она вошла въ гостиную. Гектора тамъ не было, но онъ вѣрно недавно вышелъ: его журналы лежали тамъ. Полина вздохнула съ облегченіемъ; это была минута отдыха. Она позвонила.

— Гдѣ мосьё де-Вилльморанъ? спросила она слугу.

— Въ кабинетѣ съ лѣсничимъ.

— Зачѣмъ пришолъ сюда лѣсничій?

— Затѣмъ, чтобы предложить барину...

— Хорошо, это до меня не касается, прервала Полина довольно-рѣзко.

Она сѣла, но тотчасъ встала, вышла на крыльцо, обвела окрестности лихорадочнымъ и туманнымъ взоромъ; раздался звукъ колокола: обѣдня кончилась.

— Они молились за меня! прошептала она.

Поднявъ глаза къ небу, она спустилась съ крыльца и машинально пошла впередъ. Дѣти играли въ нѣсколькихъ шагахъ; она подошла къ нимъ. Когда она прислонилась къ пьедесталу вазы, стоявшей у входа на лужокъ, она задѣла за что-то ногою: это было ружье.

Полина отступила, какъ-будто наступила на эхидну. Зубы ея застучали.

— Кто положилъ тутъ это ружье?

Она забыла о лѣсничемъ, который имѣлъ совѣщаніе съ де-Вилльмораномъ. У ней закружилась голова, рука приблизилась къ оружію.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказала она.

Она хотѣла бѣжать. Дѣти пѣли возлѣ нея. Полина хотѣла ихъ прогнать, но у ней недоставало голоса. Горло ея тщетно сжималось, чтобы издать какой-нибудь звукъ. Она оперлась о пьедесталъ, прислонилась головою къ вазѣ и оставалась нѣсколько секундъ, не думая, слушая, такъ-сказать, какъ кровь приливала къ ея лбу.

Она услыхала шопотъ и раскрыла глаза: это няня дѣлала знакъ дѣтямъ не шумѣть и отойти, чтобы не мѣшать крестной матери. Ее такъ называли!

На лицѣ Полины появилась ужасная улыбка.

— Все искушаетъ меня!

Она взглянула на ружье, подняла его. Это грубое оружіе показалось ей тяжело.

«Если я должна остаться жива» подумала она: «это ружье не будетъ заряжено!»

Она приложила дуло къ своей груди, но не спускала курокъ.

— Не я сама убиваю себя, сказала она.

Вдругъ нога ея поскользнулась; раздался выстрѣлъ—Полина упала...

XXXIII.

При звукѣ выстрѣла, Гекторъ бросился въ садъ. Онъ все понялъ. Онъ упалъ на землю, приподнялъ Полину съ безмолвнымъ отчаяніемъ, приложился губами къ ея посинѣлымъ губамъ, облитымъ кровавой пѣной, какъ-будто хотѣлъ безумнымъ усиліемъ удержать улетавшую душу, угасавшую жизнь.

Двойной крикъ раздался у калитки: аббатъ Легро и Мари, возвращавшіеся изъ церкви, печально разговаривали о Полинѣ и о своей безполезной заботливости о ней; они вздрогнули при звукѣ выстрѣла, побѣжали къ зловѣщей группѣ, блѣдные, испуганные, рыдающіе, и стали на колѣна. Слуги суетились и не смѣли предложить своихъ услугъ.

Вдругъ Гекторъ поднялъ голову.

— Доктора! доктора! закричалъ онъ. — Бѣгите! Она жива!

И, взявъ жену на руки, шатаясь подъ своею ношей отъ горести, онъ понесъ ее домой. На крыльцѣ онъ чуть не упалъ.

— Поддержите меня, сказалъ онъ аббату и Мари.

Полину положили на постель. Она въ-самомъ-дѣлѣ не умерла. Неровное, прерывистое дыханіе выходило изъ ея груди; она не раскрывала глазъ, но рука ея трепетала. Гекторъ разорвалъ ея платье, остановилъ кровь, которая текла изъ раны, и отдавалъ приказанія кротко и отрывисто, но съ ясностью и вразумительностью, которыя показывали всю силу и всю геніальность его преданости.

Когда докторъ прибѣжалъ черезъ четверть часа, онъ со слезами восторга взглянулъ на Гектора.

— Вы подумали обо всемъ, сказалъ онъ.

Гекторъ покачалъ головою и бросилъ на доктора вопросительный взглядъ.

— Рана опасна, отвѣчалъ докторъ: — дробь прошла сквозь легкія. Этотъ случай, можетъ-быть, не смертельный, но ручаться ни за что нельзя. На свѣтѣ одинъ великій врачъ — Богъ.

Аббатъ подошолъ къ этому исцѣлителю, который такъ уповалъ на Бога, и пожалъ ему руку.

Послѣ первой перевязки докторъ ушолъ.

— Мнѣ нечего предписывать, сказалъ онъ: — кромѣ осторожности, спокойствія и тишины.

Какое мужество имѣли всѣ эти друзья, окружавшіе больную! Не слышалось ни одного громкаго рыданія, ни одного изъ тѣхъ восклицаній, которыя служатъ знакомъ обыкновеннаго отчаянія. Гекторъ, Мари и аббатъ сосредоточили свою энергію на одной мысли — спасти Полину. Послѣ будетъ время оплакивать ее; прежде всего не надо было ослабѣвать и поддаваться искушеніямъ горести; эти великіе друзья походили на эгоистовъ — до того они были спокойны, до того распоряженія ихъ отличались ясностью.

Черезъ нѣсколько часовъ примѣтили, что Полина опомнилась.

— Останьтесь здѣсь, господинъ аббатъ, сказалъ Гекторъ, приглашая кузину выйти вмѣстѣ съ нимъ. — Вамъ надо остаться съ нею одному. Когда вы приготовите ее принять насъ, мы придемъ; мы будемъ здѣсь возлѣ.

Аббатъ сѣлъ около постели, взялъ холодную руку Полины и молча ждалъ.

Полина вздохнула, раскрыла глаза и, не дѣлая ни малѣйшаго движенія, осмотрѣлась вокругъ.

— Я помню, прошептала она съ уныніемъ, хотѣла отдернуть руку, и узнала аббата. — Еслибъ вы были тутъ, прошептала она: — этого не случилось бы.

Викарій взглянулъ на нее съ ободряющимъ состраданіемъ.

— Какой несчастный случай! продолжала больная:—я боялась за дѣтей, игравшихъ возлѣ ружья, хотѣла унести его, и ранила себя по нечаянности.

— О, не лгите передо мной! сказалъ аббатъ.

Что-то похожее на улыбку сжало губы Полины.

— Дайте мнѣ солгать, прошептала она: — это одно можетъ внушить мнѣ надежду; притомъ я не хочу внушать угрызеній никому, потому-что, говорю вамъ по истинѣ, не я одна поразила себя.

— Мы поговоримъ объ этомъ когда-нибудь послѣ, сказалъ аббатъ: — у насъ будетъ время.

— Передъ нами цѣлая вѣчность, возразила Полина: — что́ же касается до земли, то не надо полагаться на часы, оставляемые ею. Гдѣ Гекторъ, гдѣ Мари?

— Они боялись, что волненіе...

— Они испугались, не-правда-ли? Я хотѣла бы ихъ видѣть. Но вы правы: послѣ, послѣ...

По мѣрѣ того, какъ память возвращалась къ Полинѣ, чувство ея душевныхъ страданій проходило, и раскаяніе ея послѣдней неосторожности вонзалось ей въ сердце. Мысль о Филиппѣ Лоаньонѣ огненной стрѣлой промелькнула въ ея головѣ.

— Ахъ, зачѣмъ я не умерла! прошептала она.

Вдругъ у ней захватило духъ, такъ-что аббатъ испугался. Она лишилась чувствъ. Легро позвалъ на помощь; вошли Гекторъ и Мари.

— Ее убило не ружье, сказалъ де-Вилльморанъ.

Послали тотчасъ за докторомъ; онъ остался недоволенъ: лихорадка усилилась. Онъ взглянулъ на викарія, какъ бы увѣдомляя его, что его обязанность скоро начнется.

Вечеромъ начался бредъ. Полина раскрывала испуганные глаза и какъ-будто видѣла передъ собою какое-то чудовищное видѣніе.

— Не жди меня! не жди! я не хочу уѣхать! Гекторъ, защити меня! шептала больная.

И руки ея судорожно сжимались. Де-Вилльморанъ слушалъ ее съ жадностью. Онъ хотѣлъ уловить, угадать тайну, которую еще смутно подозрѣвалъ.

Настала ночь; никто не думалъ выходить изъ комнаты. Слуга растворилъ дверь и подалъ Гектору карточку, говоря, что этотъ господинъ ждетъ.

— Онъ! сказалъ вполголоса де-Вилльморанъ. — Наконецъ я узнаю правду!

Онъ вышелъ въ гостиную. Филиппъ, съ растрепанными волосами, съ смертельною блѣдностью на лицѣ, сидѣлъ въ креслѣ.

Онъ всталъ съ энергическимъ усиліемъ и хотѣлъ подойти къ Гектору.

Эти два человѣка, которые хотѣли спасти эту бѣдную жертву, послѣдній часъ которой приближался, и, затѣявъ борьбу, вызвали страшный кризисъ, въ которомъ изнемогала Полина, эти два соперника взглянули другъ на друга, какъ два сообщника.

— Что̀ вамъ угодно? спросилъ Гекторъ.

— Я пришолъ предупредить васъ и просить у васъ совѣта, который вы обѣщали мнѣ, отвѣчалъ Филиппъ, проводя рукой по лбу.—Баронесса писала ко мнѣ, но... я получилъ ея письмо только сейчасъ, довольно-поздно. Меня не было дома... Когда я узналъ почеркъ, я вспомнилъ мое слово; читая эти строчки, начертанныя скорѣе гнѣвомъ, чѣмъ силою другаго чувства, я сказалъ себѣ, что могу безъ стыда вмѣшаться въ драму, разъигрывающуюся здѣсь; я поспѣшилъ сказать вамъ все и помочь вамъ спасти несчастную душу, которую погубили мы оба. Но, кажется, я не могу уже домогаться сдѣлать хорошій поступокъ. Роковая судьба опредѣлила, чтобы я пріѣхалъ слишкомъ-поздно. Она умираетъ, не-правда-ли?... Мое присутствіе возмутитъ святость, достоинство вашей горести. Я не имѣю права плакать у ея изголовья... Я ухожу. Только я хотѣлъ доказать вамъ, что я вѣренъ моему слову. Я сто̀ю еще уваженія честнаго человѣка. Прощайте... Если наступитъ спокойствіе... промежутокъ разсудка... снимите съ нея угрызеніе этого письма. Пусть она думаетъ, что я не получилъ его. Я останусь въ деревнѣ дня два. Я хочу быть возлѣ. Прощайте... Возьмите это письмо.

Гекторъ протянулъ Филиппу руку, но это было все усиліе его мужества: онъ не могъ найти ни одного слова. Онъ поклонился и проводилъ гостя до дверей, серьёзный, блѣдный, холодный, какъ статуя коммандора.

Воротившись въ гостиную, онъ прочелъ письмо своей жены.

— Зачѣмъ написала она ему это? спросилъ онъ себя.

Тогда онъ вспомнилъ свой разговоръ въ саду съ Мари Депрэ, слова, произнесенныя имъ. Сердце его заныло.

— Она все слышала! это я погубилъ ее! сказалъ онъ, падая на стулъ.—Стоило труда наблюдать за собою шесть лѣтъ, примѣнить всю мою волю къ кротости, быть осторожнымъ столько времени для того, чтобы въ одинъ день измѣнить волѣ, кротости и осторожности!

Гекторъ пролилъ первыя слезы въ этотъ день. Отчаяніе придало ему силы. Угрызеніе побѣдило его.

Однако, онъ не хотѣлъ заставить Мари раздѣлить ужасныя сожалѣнія, которыя онъ чувствовалъ самъ. Онъ преодолѣлъ себя, спряталъ въ карманъ письмо Полины, рѣшился показать его аббату, чтобы добрый викарій могъ воспользоваться имъ при случаѣ, и воротился въ комнату больной.

Никто не хотѣлъ ложиться спать. Тревога была чрезвычайная. Дыханіе больной становилось труднѣе каждый часъ. Нѣсколько разъ боялись, что наступаетъ кончина; но къ утру больной сдѣлалось лучше: бредъ прекратился, сонъ на нѣсколько минутъ сомкнулъ вѣки баронессы де-Вилльморанъ.

— Оставьте меня съ нею, сказалъ аббатъ: — настала моя очередь.

Полина проснулась спокойнѣе.

— Это опять вы, сказала она викарію, котораго тотчасъ узнала.—Стало-быть, я осуждена на смерть?

Аббатъ сталъ разувѣрять ее.

— О, не старайтесь меня успокоить! Не смерть пугаетъ меня, а жизнь. Я старалась не измѣнять моему долгу; но на минуту мною овладѣло малодушіе, не только когда я дотронулась до ружья, но когда я написала это роковое письмо...

— Я знаю, сказалъ Легро съ ласковой улыбкой:—это письмо у меня; оно не дошло по адресу.

— Какъ, мое письмо! гдѣ оно? спросила Полина съ живостью и стараясь приподняться.

— Вотъ оно, отвѣчалъ викарій, развертывая письмо.

— Но какъ же это?... спросила больная.

— О! не старайтесь понять; теперь это было бы трудно. Вамъ объяснятъ... послѣ.

— Итакъ, онъ меня не ждалъ! сказала больная со вздохомъ облегченія.

Аббатъ наклонилъ голову, чтобы не встрѣтить вопросительнаго взгляда Полины; ему не хотѣлось лгать; но, однако, онъ не хотѣлъ сказать ей всю правду.

Даже на краю могилы гордость Полины находила предлогъ въ убѣжденіи, что ея честь не подвергалась всѣмъ опасностямъ, какихъ она опасалась. Улыбка пробѣжала по ея побѣлѣвшимъ губамъ, сжатымъ прерывистымъ дыханіемъ, которое уже не оставляло ее.

— Ахъ, теперь, я могу васъ слушать, господинъ аббатъ! я могу увидѣть ихъ всѣхъ; не бойтесь ничего, я могу умереть: я излечилась.

Что произошло тогда, осталось тайною между викаріемъ и Богомъ. Раскрывая свою душу другу, выслушала ли Полина исповѣдника—этого никто не узналъ никогда.

Разговоръ былъ продолжителенъ между аббатомъ и баронессою де-Вилльморанъ. Когда викарій растворилъ дверь и пошолъ за Гекторомъ и Мари, онъ былъ растроганъ. Онъ плакалъ, а у Полины въ глазахъ сіяли надежда и довѣріе.

Полина протянула руку Гектору.

— Прости меня, сказала она.—Мари, не позволяйте никогда вашимъ дѣтямъ играть около огнестрѣльнаго оружія. Вы видите, чего это стоитъ!

Мари Депрэ поцаловала у ней руку.

— Ахъ, друзья мои! продолжала Полина:—какъ я васъ мучила, какъ я васъ огорчала! Но не сердитесь на меня... Гекторъ, ты добръ; думай обо мнѣ безъ горечи! Я уношу съ собою благоуханіе добрыхъ совѣтовъ, которые ты мнѣ подавалъ, чистыхъ радостей, которыя ты заставлялъ меня вкушать. Все мое тщеславіе, развращавшее и портившее мой характеръ, исчезло, разсѣялось. Я чувствую въ себѣ только одно— любовь, которая привела меня къ тебѣ, любовь, которую я нашла въ тебѣ... Ахъ, еслибы можно было начинать жизнь смертью, какъ каждый лучше видѣлъ бы свой путь! Но я буду ждать тебя тамъ. Мари, не воспользуйтесь тѣмъ, что я не буду болѣе

ревновать, и не отнимите его у меня. Я хочу, чтобы онъ думалъ обо мнѣ, я хочу, чтобы онъ любилъ меня... На этомъ маленькомъ кладбищѣ, которое мы видѣли вмѣстѣ, тѣло мое будетъ покоиться, но душа остается здѣсь, въ этомъ домѣ, возлѣ васъ. Вы будете чувствовать ее, Мари, на губахъ вашихъ дѣтей, моего крестника... Какъ мнѣ хотѣлось бы обнять вашихъ дѣтей... Но, нѣтъ! они испугались бы, увидѣвъ меня такой блѣдной и слабой. Надо беречь ихъ воображеніе и чувствительность. Не призывайте ихъ, но благословите и любите ихъ за меня... Ахъ, еслибы у меня были дѣти!... Но къ-чему думат обо всемъ этомъ? Бѣдная Мари! какое мужество, какая дружба, какая любовь! Да, не отпирайтесь, мой ангелъ! Депрэ нѣтъ здѣсь. Но не бойтесь ничего: завтра, сегодня вечеромъ я не буду уже въ состояніи быть нескромной!

У ней захватило духъ, и она принуждена была замолчать: кровь прилила къ ея губамъ.

— Не говорите, Полина! съ живостью сказала Мари, которая рыдала.

— Злая! продолжала съ усиліемъ бѣдная Полина:—вы хотите заставить меня замолчать, чтобы отнять у меня послѣднія радости, какія я могу вкусить; но я хочу говорить... я хочу все сказать Гектору, моему мужу... моему любовнику. Я воображала, что я не люблю тебя, что одно честолюбіе заставило меня желать твоей руки. Но я люблю тебя... люблю болѣе, чѣмъ въ первый день... но это не причина, чтобы оплакивать меня... я была бы несчастна на землѣ... я не умѣла принаровиться ни къ чему. Я была такъ дурно воспитана! Теперь, напротивъ, все къ лучшему. Душа моя, отдѣлившись отъ тѣла, которое старѣлось такъ скоро, будетъ любить тебя безусловно, безъ колкости, безъ подозрѣній... Да, да! я буду тебя любить!

Она съ трудомъ выговаривала слова. Гекторъ чувствовалъ, что она крѣпко жметъ его руку; онъ наклонился къ ней, оттолкнулъ Мари, чтобы избавить ее отъ горестнаго зрѣлища агоніи, и напечатлѣлъ на влажномъ лбу умирающей поцалуй, который, казалось, проникнулъ ее благоговѣйной радостью. Точно-будто что-то таинственное, невѣдомое, сверхъестественное

носилось надъ этимъ ложемъ, точно-будто спускались облака, точно-будто ореолъ засіялъ надъ головой Полины.

Викарій стоялъ на колѣнахъ у постели и молился. Полина услыхала его.

— Уже! сказала она тихимъ голосомъ и, взявъ руку Гектора, приложила ее къ своимъ губамъ.—Я тебя люблю! я тебя люблю! сказала она нѣсколько разъ.—Я люблю только тебя!

Это были ея послѣднія внятныя слова; началось хрипѣнье. Скоро настала отчаянная борьба смерти, прогонявшей жизнь. Душа блуждала по комнатѣ, тѣло еще жило, волновалось, трепетало. Скоро прекратился и трепетъ.

Горесть Гектора была глубока. Мари лишилась чувствъ. Ее принуждены были унести въ комнату ея дѣтей. Когда она пришла въ себя, она освѣдомилась о де-Вилльморанѣ. Ей сказали, что онъ не хотѣлъ оставлять тѣла своей жены и оставался съ аббатомъ возлѣ погребальнаго ложа.

Гекторъ допрашивалъ свою совѣсть, не оставила ли эта смерть еще другой тяжести для него, кромѣ траура, и не можетъ ли онъ упрекнуть себя въ недостаткѣ любви или благоразумія, въ томъ, что онъ не употребилъ всѣхъ своихъ силъ для направленія этой героической души, которую затрудняла дѣйствительность и которая явилась ему во всемъ своемъ блескѣ въ ту минуту, когда оставляла землю.

— Не довольно того, что она простила мнѣ, думалъ Гекторъ:—могу ли я простить себѣ?

Совѣсть его, не успокоившись вполнѣ, вышла изъ испытанія съ той безропотной покорностью, съ той ясностью, которыя очищаютъ горесть и дѣлаютъ изъ нихъ нетлѣнныя чувства.

Черезъ три дня Полину отнесли на то кладбище, которому она завидовала. За гробомъ, избѣгая взоровъ де-Вилльморана, шолъ Филиппъ. Его горесть почти улыбалась; этотъ трауръ прибавлялъ лишній сарказмъ къ его ужасной опытности. Онъ не дошолъ до могилы: этому скептику было страшно взглянуть на могилу; но онъ наклонился, сорвалъ горсть травы съ кладбища, спряталъ ее на груди и воротился пѣшкомъ въ Парижъ.

Вечеромъ Мари Депрэ, отправившая своихъ дѣтей къ себѣ домой, сказала Гектору:

— Вы не изъ тѣхъ, кого можно утѣшить; мое присутствіе не заставитъ васъ забыть. Одиночество для васъ гораздо-лучше, оно предоставляетъ вамъ всю свободу вашего мужества. Что могу я вамъ сказать? о чемъ я могу просить за васъ и съ вами Бога? Мы не имѣемъ болѣе права плакать вмѣстѣ!

— Я понимаю васъ, кузина, отвѣчалъ де-Виллъморанъ.—Ваша обязанность кончилась; уѣзжайте, оставьте меня.

Аббатъ Легро прожилъ еще нѣсколько дней въ Монтиньонѣ, но скоро ему стало совѣстно.

— Я здѣсь ненуженъ, говорилъ онъ: — этотъ человѣкъ безропотно покорился своей участи.

Онъ уѣхалъ, обнявъ Гектора со всѣмъ изліяніемъ, со всей нѣжностью дружбы.

Гекторъ остался одинъ въ своемъ домѣ съ де-Сен-Пааромъ, который менѣе всѣхъ былъ разстроенъ этимъ трагическимъ происшествіемъ. Отдадимъ, однако, ему справедливость: онъ много думалъ о старой баронессѣ въ эти печальные дни. Ему хотѣлось знать, какъ она перенесла бы всѣ эти происшествія и что сказала бы? Самъ же онъ, признавая въ Полинѣ умъ, держался своего перваго мнѣнія: де-Виллъморану не такая жена была нужна; онъ былъ наказанъ за свой неравный бракъ.

Мнѣніе ли де-Сен-Паара будетъ нравоученіемъ этого разсказа? Этотъ вопросъ мы не хотимъ разрѣшать. Всѣ пошлости правы въ присутствіи катастрофъ, возбужденныхъ эксцентричностью характеровъ, и люди съ такимъ умомъ, какъ де-Сен-Пааръ, могутъ домогаться нѣкоторой непогрѣшимости. Тѣ люди, которые ходятъ пѣшкомъ, никогда не рискуютъ лишиться своихъ крыльевъ, какъ Икаръ.

Гекторъ не утѣшился; но, испытавъ любовь и супружескую жизнь, оставшись въ сорокъ лѣтъ одинъ, безъ любви и безъ семейства, онъ гордо и съ достоинствомъ оставался въ этой пустынѣ. Ученыя занятія запрещали ему мечтать; его совѣсть, которую онъ успокоилъ размышленіемъ, запрещала ему плакать. Онъ не принялъ должности, которую просилъ. Не убѣгая

свѣта, онъ жилъ довольно-далеко отъ него для того, чтобы свѣтъ не надоѣдалъ ему, и довольно-близко для того, чтобы принимать участіе въ общественныхъ обязанностяхъ, достававшихся ему на долю. Онъ не сдѣлался ни мизантропомъ, ни пустынникомъ, во всей силѣ, во всей святости этого слова.

Можетъ-быть, читатели захотятъ узнать, чтó сдѣлалось съ другими дѣйствующими лицами этой драмы?

Де-Сен-Пааръ умеръ отъ старости; но такъ-какъ смерть—притворщица, которой нужны предлоги, то она воспользовалась небольшимъ разстройствомъ его желудка.

Мари—прелестная и уважаемая жена важнаго человѣка; она выдаетъ замужъ одну изъ своихъ дочерей, которая кажется ея сестрою. Депрэ—лицо могущественное въ промышленномъ мірѣ. Одно дѣло, доставившее ему нѣсколько мильйоновъ, отвлекло его отъ политики. Онъ ѣздитъ на биржу. Счастлива ли Мари? Такъ-какъ, послѣ смерти Полины, она не имѣла случая обнаружить свою тайну, можно только упомянуть о неизмѣнномъ величіи ея наружности, прелести ея улыбки. Она посвятила себя воспитанію своихъ дочерей, съ которыми она не разставалась, умъ и сердце которыхъ просвѣтила она сама. Она рѣдко видится съ Гекторомъ; она никогда къ нему не пишетъ; но она читаетъ переписку де-Вилльморана съ его крестникомъ, который страстно любитъ своего крестнаго отца и считаетъ его образцомъ чести и разума. Мари Депрэ не противорѣчитъ своему сыну, котораго она обожаетъ и въ мнѣніяхъ котораго находитъ много основательности.

Аббатъ Легро идетъ своей дорогой. Чтó касается до Филиппа, то мы можемъ сказать, что его любовь отняла послѣднее доброе чувство, остававшееся у него. У него осталась только ненависть; но въ немъ признаютъ еще таланты. Политическія измѣненія заставили его любить прочное. Его видятъ на биржѣ; онъ игралъ довольно-счастливо капиталомъ, неблагоразумно ввѣреннымъ ему госпожею де-Сент-Овидъ; у него есть нѣкоторыя цѣнныя бумажки.

Госпожа де-Сент-Овидъ опять носитъ это первое имя. Баварія ей неудалась; она попробовало-было отправиться въ Рос-

сію, но восточная война принудила ее остаться во Франціи: въ этой странѣ все какъ-то болѣе выгодныхъ шансовъ. Бѣдную Адель приводитъ въ отчаяніе ея полнота; она скоро сдѣлается неприступно-величественна. Къ-счастью, она богата.

Она увѣряетъ, что Филиппъ Лоаньонъ хотѣлъ на ней жениться и что она съ пренебреженіемъ отказала ему. Но Филиппъ пожимаетъ плечами и насмѣхается надъ этой клеветой, которая нисколько не вредитъ его кредиту. Носятся другіе слухи, не лишенные вѣроятія.

Говорятъ, что лэди Фиц-Питерсъ, наконецъ, утѣшилась въ смерти адмирала и думаетъ окончательно поселиться во Франціи; съ нѣкотораго времени она принимаетъ Филиппа Лоаньона съ особеннымъ уваженіемъ и вниманіемъ, изъ которыхъ бывшій журналистъ извлекаетъ для себя пользу.

Возможенъ ли бракъ между этими двумя особами? Этотъ вопросъ Антонія предлагаетъ себѣ, а Лоаньонъ рѣшилъ его давно. Серебро адмиральши имѣетъ для него большую привлекательность. Лэди Фиц-Питерсъ колеблется, она носится по бурному морю, не знаетъ бросить ли ей якорь—якорь, адмиральскій!—въ гавани, предлагаемой ей Филиппомъ.

Онъ напѣваетъ баркаролу и разсчитываетъ еще на двѣ или на три недѣли. Онъ знаетъ, что кое-какія бури будутъ цѣною его смѣлости; но лэди Фиц-Питерсъ угрожаетъ апоплексическій ударъ; стало-быть, ему можно попасть подъ грозу лэди Фиц-Питерсъ.

